Престон Дуглас, Чайлд Линкольн

Реликварий

Мы видим то, что не дано узреть, и слышим то, что не дано услышать.

Какузо Окакура, *Книга Чая*.

РЕЛИКВАРИЙ (reliquary) – сосуд или место, где хранятся священные реликвии, как правило, части тела, кости или предметы, принадлежавшие божеству, святому или иному объекту поклонения.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СТАРЫЕ КОСТИ

1

П роверив регулятор и воздушные клапаны, Сноу провел ладонями по гладкому неопрену гидрокостюма. Все в полном порядке, как и минуту назад, во время предыдущей проверки. Катер замедлил ход.

– Еще пять минут, – сообщил сержант, командир отряда аквалангистов.

– Классно! – донесся сквозь грохот дизеля язвительный голос Фернандеса. – Лучше не придумаешь.

Остальные молчали. Сноу уже успел заметить, что на подходе к месту погружения все разговоры стихают. Он посмотрел назад: за кормой разбегался пенный клин. Гарлем-ривер здесь была особенно широкой и лениво несла свои бурые воды в серой дымке августовского утра. Сноу перевел взгляд на берег и слегка поморщился: резиновый капюшон натянул кожу.

Высокие, некогда жилые здания с разбитыми окнами. Призрачные оболочки бывших складов и мастерских. Заброшенная игровая площадка. Нет, не совсем заброшенная. Какой-то малыш раскачивается на проржавевших качелях.

– Эй, водолаз-инструктор! – крикнул Фернандес. – Ты свои тренировочные памперсы натянуть не забыл?

Сноу поправил пальцы резиновых перчаток, продолжая разглядывать берег. Фернандес не унимался:

– Когда мы в прошлый раз выудили какую-то дохлую целку, он обдристал свой костюм. Ну и дерьма же было! Ему весь обратный путь пришлось на транце просидеть. А это было рядом с Либерти-Айленд, которому до Клоаки ой как далеко!

– Заткнись, Фернандес, – лениво сказал сержант.

Сноу молча смотрел за корму. Перекантовавшись из обычной нью-йоркской полиции в отряд аквалангистов, он совершил непростительную ошибку, когда сказал, что в свое время обучал любителей-ныряльщиков. Лишь позже он узнал, что многие из его отряда раньше укладывали подводные кабели, ремонтировали трубопроводы или вкалывали на подводной добыче нефти, и для них такие вот водолазы-инструкторы всегда были сосунками, недоучками, привыкшими к прозрачной водице и чистому песочку. И Фернандес не уставал ему об этом напоминать.

Катер, повернув к берегу, тяжело накренился на правый борт и начал замедлять ход. На набережной среди серой монотонности бетонных строений чернело жерло кирпичного тоннеля. Катер нырнул во тьму, двигаясь к тусклому пятну света на дальнем конце. В ноздри ударила неописуемая вонь, глаза тут же начали слезиться. Сноу с трудом подавил кашель. Фернандес ухмыльнулся. Его гидрокостюм был расстегнут, открывая начертанный на футболке неофициальный слоган полицейских-аквалангистов:

МЫ НЫРЯЕМ В ДЕРЬМО,

ИЗВЛЕКАЕМ ЖМУРИКОВ.

Правда, на сей раз они собирались извлечь не жмурика, а большой брикет героина, выброшенный бандитами этой ночью с железнодорожного моста во время перестрелки с полицией.

По сторонам канала тянулись бетонные набережные, впереди в тени моста покачивался на воде полицейский катер. На катере Сноу заметил двоих: рулевого и плотного мужчину в скверно сидящем костюме. Мужчина был слегка лысоват, изо рта у него свисла обслюнявленная сигара. Он подтянул брюки, плюнул в воду и приветственно махнул рукой.

– Посмотрите-ка, кто здесь! – сержант кивнул в сторону катера.

– Лейтенант д’Агоста, – констатировал расположившийся на носу водолаз. – Хреновое дело.

– Когда ранят копа, дело всегда хреновое, – глубокомысленно заметил сержант и подвел свой катер к полицейскому – борт в борт – и заглушил двигатель. Д’Агоста шагнул вперед, катер качнулся, а когда он снова встал на ровный киль, Сноу заметил на борту зеленоватую маслянистую полосу.

– Доброе утро, – бросил д’Агоста. В тени моста он походил на какое-то бледное пещерное создание, по ошибке извлеченное на свет.

– Обращайтесь ко мне, сэр, – сказал сержант, прикрепляя к запястью глубиномер. – Что случилось?

– Захват прошел отвратно. Мальчишка оказался всего лишь курьером. Сбросил груз с моста. – Лейтенант кивнул, указывая на нависающее над ними сооружение. – А потом выстрелил в копа, после чего навеки распрощался со своей задницей. Если найдем брикет, это вонючее дело можно будет закрыть.

– И зачем было вызывать нас? – вздохнул сержант. – Парня-то все равно кокнули.

– А вы что, хотите оставить там кирпич героина, который тянет на шестьсот тысяч? – вопросом на вопрос ответил д'Агоста.

Сноу посмотрел наверх. Сквозь черную решетку моста виднелись обгорелые фасады домов. Скверно, что курьер бросил груз в Протоку Гумбольдта. Ее еще называют «Клоакой Максима» – в честь грандиозной канализационной системы древнего Рима. Сотни лет она собирала все дерьмо, токсичные отходы, дохлых кошек и собак и неопознанные трупы. Над головами, сотрясая мост, прогрохотал поезд подземки. Палуба задрожала, маслянистая темная вода слегка колыхнулась, как начинающий застывать желатин.

– О'кей, мужики, – кивнул сержант. – Пора в воду.

Сноу занялся своим гидрокостюмом. Сам-то он знал, что он первоклассный ныряльщик. Сноу вырос в Портсмуте, все свободное время проводя на реке Пискатакуа. Еще тогда ему удалось спасти пару человек. Позже, работая на море Кортеса, он охотился на акул, а однажды даже совершил техническое погружение на двести футов. Но сейчас, несмотря на все прошлые подвиги, лезть в воду ему категорически не хотелось.

Он еще ни разу не был в Клоаке, но достаточно наслушался о ней на базе. Самое мерзкое из всех мерзких мест для погружения в Нью-Йорк-Сити. Хуже, чем Пролив Артура, Адские Врата и даже чем канал Говейнас. Говорили, что когда-то канал был довольно приличным притоком Гудзона, но столетия промышленного строительства, слива всевозможного дерьма и общего небрежения превратили его в неподвижную ленту грязи, напичканную всеми мыслимыми и немыслимыми отбросами.

Дождавшись своей очереди, Сноу снял со стойки кислородные баллоны, закрепил их за спиной и двинулся к корме. Он до сих пор еще не привык к тугому, плотно обтягивающему тело сухому гидрокостюму. Краем глаза Сноу заметил приближающегося сержанта.

– Все готово? – негромко спросил сержант.

– Кажется, все, сэр, – ответил Сноу. – Только вот как насчет головных фонарей?

Сержант в недоумении уставился на Сноу.

– Эти постройки закрывают солнечный свет. Если мы хотим что-то найти, нам нужны фонари, разве нет?

– Фонари не помогут, – ухмыльнулся сержант. – Глубина Клоаки примерно двенадцать футов. Ниже – слой илистой взвеси толщиной футов в десять, а может, и в пятнадцать. Как только твои ласты коснутся ила, он взорвется не хуже пылевой бомбы. Ты перестанешь вообще что-либо видеть. За слоем ила – тридцать футов грязи. Брикет погрузился в эту грязь. Так что там, внизу, ты можешь смотреть лишь руками.

Чуть помявшись, он вопросительно глянул на Сноу:

– Послушай. Это совсем не то, что наши тренировочные погружения в Гудзон. Я взял тебя только потому, что Куни и Шульц до сих пор валяются в госпитале.

Сноу понимающе кивнул. Куни и Шульц, извлекая на прошлой неделе изрешеченное пулями тело из лимузина со дна реки, подхватили «бласто», или, по-научному, бластомикоз – грибковое заболевание, поражающее внутренние органы. Несмотря на все необходимые меры предосторожности, многие аквалангисты становились жертвами странных и весьма неприятных заболеваний.

– Если хочешь пересидеть сегодня, никаких проблем, – продолжал сержант. – Останешься на палубе и будешь помогать мне с гайдропами.

Сноу посмотрел на ныряльщиков, которые затягивали на себе пояса-грузила, застегивали молнии гидрокостюмов и закрепляли лини. Первая заповедь команды аквалангистов: «В воду уходят все». Фернандес, по-быстрому закрепив линь, глянул на них с понимающей ухмылкой.

– Я иду, сэр, – сказал Сноу.

Сержант задумчиво посмотрел на подчиненного:

– Помни, чему тебя учили. Выбери нужный темп. Когда в первый раз оказываешься в такой грязи, всегда хочется задержать дыхание. Ни в коем случае этого не делай! Это самый верный способ получить эмболию. Не переполняй воздухом гидрокостюм и – самое главное – во имя всего святого, не отпускай троса. Находясь в грязи, ты забудешь, где верх и где низ. Если потеряешь веревку, нам придется искать еще одно тело. – Он указал на ближайший к корме гайдроп: – Это твой.

Сноу натянул маску, закрепил линь, в последний раз проверил экипировку и шагнул за борт.

Несмотря на то что тело надежно защищал гидрокостюм, вода показалась Сноу весьма необычной и недружелюбной. Похожая на густой сироп, она не вихрилась между пальцами и не шумела веселыми пузырьками в ушах, и двигаться в ней было тяжело, как в отработанном машинном масле.

Крепко держась за гайдроп, Сноу опустился на несколько футов. Киль катера уже не был виден – он растаял в мириадах мельчайших частиц, насыщающих жидкость. Сноу вгляделся в зеленоватый полумрак и прямо перед собой увидел собственную руку в перчатке, мертвой хваткой вцепившуюся в гайдроп. В отдалении лениво двигалась другая рука. Все пространство между руками было заполнено бесконечным количеством мелкой взвеси. Под ногами была сплошная чернота. Но он знал: двадцатью футами ниже находится крыша иного мира – мира грязи.

Впервые в жизни Сноу так остро осознал, насколько ощущение безопасности зависит от солнечного света. В море Кортеса он чувствовал себя увереннее даже на глубине пятидесяти метров. Свет фонаря в прозрачной воде создавал иллюзию открытого пространства.

Он опустился еще на несколько футов. Внизу показалась еле различимая колышущаяся поверхность со светлыми прожилками: слой ила. Сноу медленно спускался, чувствуя, как где-то под ложечкой нарастает напряжение. Сержант как-то раз сказал, что в мутной воде ныряльщикам часто мерещатся странные вещи. Никогда не знаешь, какие из видений подлинные, а какие лишь плод воображения.

Его нога коснулась лениво дышащей поверхности, прошла сквозь нее, и в тот же миг ил выбросил из себя густое темное облако. Клубы тьмы окутали Сноу, и он перестал вообще что-либо видеть. На мгновение Сноу охватила паника, и он невольно начал карабкаться вверх по гайдропу. Однако, представив себе ухмыляющуюся рожу Фернандеса, взял себя в руки и возобновил спуск. Малейшее движение порождало новый смерч черной жижи. Заметив, что при каждой вспышке темного урагана он задерживает дыхание, Сноу усилием воли заставил себя дышать медленно и ровно. «Вот дерьмо, – подумал он. – Первое настоящее погружение, а я веду себя как немощный дохляк». Он ненадолго остановился, справился с дыханием и снова продолжил спуск.

Он спускался медленно: три фута – перерыв, три фута – перерыв, стараясь в промежутках расслабиться. Вскоре Сноу с удивлением обнаружил, что уже не имеет значения то, как он двигается – с открытыми глазами или нет. Мыслями он постоянно возвращался к

ожидавшему в самом низу толстому слою грязи. В этой грязи могли таиться весьма странные вещи…

В какой-то момент Сноу показалось, что ноги коснулись дна. Но это дно было какое-то не такое. Оно проминалось, расступалось под его тяжестью. Дно поглотило ступни, ноги, тело по самую грудь. Вот так вот, наверное, и гибнут люди в зыбучих песках. Мгновение – и грязь сомкнулась над его головой, а он все еще погружался и погружался, кожей ощущая, как невидимая мерзость трется о ткань гидрокостюма. Сноу слышал, как пробивают себе путь наверх пузырьки воздуха. Это был не привычный веселый взлет, а неторопливое, натужное восхождение. Тем временем грязь становилась все более тягучей, все более вязкой. Интересно, сколько ему еще предстоит ползти в этом дерьме?

Сноу медленно повел свободной рукой и тут же наткнулся на что-то твердое. В толстых перчатках невозможно было определить на ощупь, что это – кусок деревяшки, коленвал, моток проволоки или еще какая-нибудь гадость.

«Спущусь футов на десять, и можно будет начать подъем, – решил Сноу. – Даже этот выродок Фернандес теперь не посмеет ухмыляться».

Рука встретила еще одно препятствие. Сноу схватил неизвестный предмет и медленно потянул на себя. Судя по всему, это нечто было весьма увесистое. Сноу намотал гайдроп на согнутую руку и тщательно ощупал трофей. Нет, явно не брикет героина. Сноу брезгливо отпихнул свою находку.

Однако неизвестный предмет, ударившись о ласты, взмыл вверх, зацепился за его маску и чуть не вырвал изо рта загубник. Приведя в порядок экипировку, Сноу попытался избавиться от предмета. Он протянул руку – и угодил в сплетение древесных ветвей. Странно… В некоторых местах ветви были необъяснимо мягкими. Сноу еще раз ощупал предмет и обнаружил округлые выпуклости, гладкие участки и гибкие отростки. И тут его осенило: это кость! И не одна, а несколько! Кости, соединенные сухожилиями. Видимо, чей-то скелет. Лошадь? Сноу продолжил свои изыскания. Нет, сомнений быть не могло. Это *человеческий* скелет.

Он в очередной раз попытался заставить себя дышать глубоко и медленно. Здравый смысл и долг говорили, что останки необходимо поднять на поверхность.

Сноу протянул гайдроп через тазобедренный сустав скелета и обвязал кости со всей возможной тщательностью. Ему никогда еще не приходилось завязывать узлы на ощупь в толстенных перчатках под

многофутовым слоем грязи. Сержант забыл включить подобные премудрости в программу обучения.

Ну что ж, героина он не нашел. Но все-таки ему повезло. Он наткнулся на нечто важное. Возможно, на нераскрытое убийство. Да Фернандес просто обмочится от зависти!

Но как ни странно, особого восторга Сноу не испытывал. Единственное, что ему хотелось, это поскорее выбраться из мерзкой вонючей грязи.

Дыхание опять сбилось, но Сноу уже не пытался его выровнять. Гидрокостюм стал совсем холодным – ерунда, некогда сейчас наполнять его воздухом.

Веревка сорвалась. Сноу предпринял очередную попытку закрепить ее, прижав к себе скелет, чтобы тот не ускользнул. Мысли снова и снова возвращались к ярдам грязи над головой, к водоворотам ила и к густому слою непрозрачной воды, которую и водой-то не назовешь.

Наконец веревка затянулась. В последний раз проверив узлы, Сноу трижды дернул за линь (сигнал о том, что он что-то нашел) и начал проворно карабкаться по гайдропу, чтобы как можно скорее выбраться из этого черного ужаса на твердую землю. Он мечтал о том, как простоит под душем часа полтора, а потом напьется хорошенько и подумает, не стоит ли вернуться на прежнюю работу. До начала сезона у аквалангистов-любителей оставалось меньше месяца. Сноу опять проверил трос и в очередной раз убедился, что скелет прикручен надежно. Все же, нащупав ребра и грудину, Сноу протравил еще немного веревки и завязал еще один узел. Теперь-то уж скелет точно не развалится, когда его вытянут на поверхность. Пальцы водолаза поползли вдоль спинного хребта и наткнулись на пустоту...

Головы не было! Сноу инстинктивно отдернул руку и с ужасом обнаружил, что в панике потерял гайдроп. Он беспорядочно замахал руками и тут же наткнулся на что-то. Скелет! Сноу вцепился в него мертвой хваткой, но... веревки на костях не оказалось.

Неужели соскользнула? Нет, невозможно! Он попытался развернуть костяк, чтобы нащупать гайдроп, и тут воздушный шланг за что-то зацепился. Сноу дернулся, окончательно потерял ориентацию в пространстве и почувствовал, что маска на лице теряет герметичность. Он снова дернулся – маска съехала набок, и теплая густая грязь хлынула в глаза, полезла в нос, в левое ухо. И Сноу в ужасе понял, что оказался в смертельных объятиях второго скелета.

Лейтенант д'Агоста со спокойным интересом взирал с палубы полицейского катера на то, как извлекают из воды

новичка-аквалангиста. Парень отчаянно отплевывался и бился в конвульсиях. Из гидрокостюма изливалась мерзкая охристая жижа, растекаясь живописными пятнами на бурой воде. Ему еще очень повезло, что он сумел выбраться на поверхность.

Д'Агоста терпеливо ждал, пока водолаза освобождали от гидрокостюма и обмывали из шланга, и наблюдал за тем, как парень блюет за борт. «За борт, а не на палубу», – с одобрением подумал полицейский. Водолаз нашел скелет. И не один, а целых два. Посылали его, конечно, не за этим, но для первого погружения неплохо. Надо будет походатайствовать, чтобы ему вынесли благодарность. Главное, чтобы он не наглотался того дерьма, которое поначалу текло у него изо рта и из носа. Если же наглотался... Впрочем, антибиотики нынче творят чудеса...

Первый скелет был весь покрыт грязью. Один из аквалангистов приволок его к полицейскому катеру, подвел сеть, влез на палубу и вытянул находку. Теперь безголовый скелет лежал в сети на брезенте у самых ног д'Агосты, похожий на улов какого-то дьявольского рыбака.

– Господи, неужели его нельзя было чуть-чуть сполоснуть! – д'Агоста скривился от аммиачного духа.

– Вы позволите мне его окатить из шланга, сэр? – подошел к водяной помпе ныряльщик.

– Окати вначале себя.

Водолаз выглядел потрясающе: к голове прилип развернутый во всю длину презерватив, с ног стекала вонючая жижа. Еще два водолаза поднялись на борт и принялись осторожно тянуть за веревку. Вскоре на поверхности возник и третий, свободной рукой придерживая второй скелет. Когда второй скелет тоже оказался на палубе и все увидели, что и у него нет головы, воцарилась гробовая тишина. Д'Агоста посмотрел на найденный и уже помещенный в целлофановый мешок брикет героина – и неожиданно для самого себя понял, что потерял к этому брикету всякий интерес.

Лейтенант задумчиво затянулся дымом и неторопливо осмотрел Клоаку. Его взгляд задержался на устье обводного отвода Вестсайдского коллектора. Этот обводной, пожалуй, был самым крупным водостоком города, собирая сточные воды со всего Верхнего Вест-Сайда. Каждый раз, когда на Манхэттене был ливень, очистные сооружения канализационной станции Нижнего Гудзона, не справляясь с нагрузкой, сбрасывали тысячи галлонов неочищенных стоков через Вестсайдский обводной. Прямиком в Клоаку.

Д’Агоста выкинул окурок за борт:

– Вот что, мужики. Придется вам помокнуть еще раз. Мне нужны черепа.

2

Л уис Падельски, младший судмедэксперт города Нью-Йорка бросил взгляд на часы, прислушиваясь к урчанию в желудке. Он буквально умирал от голода. Три долгих дня он питался одним только коктейлем «Береги фигуру», и вот наконец близился долгожданный миг, когда он сможет насладиться жареным цыпленком. Падельски погладил свое обширное брюшко, ткнул в него пальцем, ущипнул – кажется, уменьшилось. Да, похоже, что так.

Отхлебнув кофе из бумажного стаканчика – пятого за день, – он взглянул в рабочий листок. Ага! Наконец что-то интересное. Ему страшно надоели огнестрельные и колотые раны, так же как, впрочем, и скоропостижные кончины.

В дальнем конце прозекторской раздался стук двери из нержавеющей стали, и медсестра Шейла Рокко, вкатив в помещение труп, переложила его на хирургический стол. Падельски посмотрел на тело, отвернулся и тут же посмотрел еще раз. «Слово „тело“ тут не совсем уместно», – решил он. То, что лежало на столе, было скелетом, покрытым остатками плоти. Падельски сморщил нос.

Рокко перекатила стол под лампу и начала готовить дренажную трубку.

– Не трудись, – бросил Падельски. Единственный предмет, который здесь следовало осушить, был стаканчик с кофе. Он прикончил кофе одним глотком и, швырнув стаканчик в мусорную корзину, сверил бирку на трупе с рабочим листом, поставил свою подпись и принялся натягивать зеленые латексные перчатки.

– Кого ты приволокла мне на сей раз, Шейла? Пещерного человека? – Рокко нахмурила брови и поправила лампу над столом. – Его закопали лет двести назад. И закопали, судя по вони, в дерьме. Фараон Дерьмохамон собственной персоной.

Рокко поджала губки. Когда Падельски наконец отсмеялся, она молча передала ему сопроводиловку.

Медэксперт пробежал глазами запись. Неожиданно он выпрямился:

– Извлечено из Протоки Гумбольдта. Боже всемогущий! – Он покосился на ящик с хирургическими перчатками, размышляя, не стоит ли натянуть еще пару, но все же решил этого не делать. – Хм-м-м. Обезглавлен… Голова пока не обнаружена… Никакой одежды, однако там, где когда-то была талия, имеется металлический пояс…

Он осмотрел останки и глянул на бирку, которая теперь свешивалась со стола.

– Что же, посмотрим. – Он взял пакет.

В пакете оказался золотой пояс с украшенной топазом пряжкой в стиле Уфицци. Падельски знал, что пояс уже прошел через лабораторию, но трогать его без дела все же не рекомендовалось. На внутренней стороне пряжки патологоанатом увидел номер.

– Дорогая штучка, – сказал он, кивая в сторону пояса. – Скорее всего это пещерная женщина. Или пещерный трансвестит. – И судмедэксперт опять громогласно загоготал.

– Нам следует проявлять больше почтения к усопшим, доктор Падельски, – сурово произнесла Рокко.

– Конечно-конечно. – Он отложил сопроводиловку и, поправив расположенный над столом микрофон, сказал: – Шейла, дорогая, тебя не затруднит включить магнитофон?

Как только щелкнул выключатель, голос медика неожиданно стал сухим и профессиональным.

– Говорит доктор Луис Падельски. Сегодня второе августа. Время двенадцать ноль пять. В работе мне ассистирует Шейла Рокко, и мы приступаем к исследованию… – он посмотрел на бирку: – …номера А-1430. Мы имеем обезглавленное тело, практически полностью скелетизировавшееся… Шейла, не могла бы ты его выпрямить? …длиной примерно четыре фута восемь дюймов. Если добавить утраченный череп, то мы получим что-то около пяти футов и шести-семи дюймов. Переходим к определению пола. Таз широкий. Итак, мы имеем дело с женщиной. Поясничные позвонки в норме, следовательно, ей менее сорока лет. Трудно определить, сколько времени она находилась в погруженном состоянии. Присутствует ярко выраженный запах… м-м-м… канализации. Кости имеют оранжево-бурый окрас, как будто их длительное время выдерживали в грязи. В то же время сохранилось достаточное количество соединительной ткани, удерживающей костяк. Имеются обрывки мышечной ткани вокруг суставов бедренных костей, а также на крестце и седалищных костях. Материала для анализа крови и ДНК более чем достаточно… Ножницы, пожалуйста. – Отрезав кусочек мышечной ткани и положив его в пакет, медик продолжил: – Шейла, не могла бы ты перевернуть таз набок? Теперь смотрим дальше… скелет сохранился практически полностью, если не считать отсутствия черепа. Похоже, не хватает и второго шейного позвонка… остальные шесть позвонков шейного раздела на месте… утрачены два ребра и вся левая ступня.

Закончив описание скелета, Падельски отодвинулся от микрофона.

Он неспешно подобрал нужный инструмент, отделил плечевую кость от предплечья, склонился над позвоночником и взял с него несколько образцов ткани.

– Пилу! – коротко бросил врач, надевая одноразовые защитные очки.

Шейла передала ему небольшой прибор, приводимый в действие сжатым азотом. Падельски включил пилу и подождал, пока двигатель наберет обороты. Когда алмазное лезвие прикоснулось к кости, раздался пронзительный писк: казалось, будто в прозекторскую влетел огромный разъяренный комар. Звук принес с собой вонь костной пыли, сточной ямы и разложившегося спинного мозга.

В помещении запахло смертью.

Взяв несколько образцов, доктор передал их Шейле.

– Мне потребуются микросрезы и их стереофотографии в большом увеличении. – Он отошел от стола и выключил магнитофон.

Рокко записала это требование на пакетах с образцами.

Раздался стук в дверь. Медсестра вышла из комнаты. Вскоре она заглянула в дверь:

– Произведено предварительное опознание. По поясу. Это – Памела Вишер.

– Памела Вишер из светской тусовки? – переспросил Падельски, стягивая защитные очки. – Боже…

– Кроме того, есть еще один скелет. Из того же места.

Падельски уже направился к раковине, чтобы снять перчатки и вымыть руки.

– Еще один? – раздраженно спросил он. – Какого дьявола они не притащили его сразу? Я мог бы положить их бок о бок и обработать одновременно.

Он бросил взгляд на часы. Пятнадцать минут второго. Проклятие! Жареный цыпленок откладывается как минимум до трех. Еще минута – и он упадет в голодный обморок.

Двери распахнулись. В прозекторскую вкатили второй скелет. Падельски включил микрофон и отправился за очередным стаканчиком кофе.

– И этот без головы, – сказала Рокко.

– Ты что, шутишь? – Падельски подошел к скелету, посмотрел на него и так и застыл, не донеся кофе до рта.

– Что за?.. – он опустил стакан и молча уставился на скелет. Потом, быстро отставив кофе в сторону, он подскочил к столу, согнулся над скелетом и пробежал кончиками пальцев по одному из ребер.

– Доктор Падельски…

Доктор резко выпрямился, подошел к магнитофону и решительно вырубил его.

– Прикрой останки и вызови доктора Брамбелла. И никому ни слова. Никому!

Шейла замерла, с изумлением глядя на скелет, и широко раскрыла глаза.

– Шейла, дорогая, я прошу все сделать *немедленно*.

3

Т елефонный звонок ворвался в тишину крошечного музейного кабинета. Марго Грин, сидя за экраном компьютера, с виноватым видом откинулась на спинку стула. Короткая прядь каштановых волос упала ей на глаза.

Телефон зазвонил снова. Она чуть было не подняла трубку, но вовремя одумалась. Наверняка кто-нибудь из отдела обработки информации. Сейчас опять будут ныть, что ее программа занимает слишком много времени центрального процессора. Марго устроилась поудобнее и стала ждать, когда наконец умолкнет телефон. Мышцы ног и спины приятно побаливали после вчерашних занятий в оздоровительном центре. Взяв со стола ручной эспандер, она принялась сжимать его привычным, уже почти инстинктивным движением. Еще пять минут – и программа будет выполнена. После этого могут жаловаться сколько угодно.

Она знала о проекте снижения расходов, согласно которому обработка больших программных пакетов требовала предварительного разрешения. Но это означало, что программу удастся запустить только после бесконечной переписки по электронной почте. А результат требовался немедленно.

По крайней мере Колумбийский университет, в котором она преподавала, прежде чем согласилась занять пост помощника смотрителя в Нью-Йоркском музее естественной истории, не бился в перманентной судороге бюджетных сокращений. И чем хуже было финансовое положение музея, тем больше он увлекался не существом дела, а показухой. Марго успела заметить, что уже началась подготовка к сенсационной выставке будущего года – «Бедствия XXI столетия».

Бросив взгляд на экран, чтобы проверить, как обстоят дела с программой, она отложила эспандер, потянулась за сумкой и извлекла оттуда свежий номер «Нью-Йорк пост». «Пост» и кружка черного кофе «Килиманджаро» стали для нее ежедневным утренним ритуалом. В агрессивной, напористой журналистике была какая-то свежесть. Кроме того, Марго знала, что ее старый приятель Билл Смитбек поднимет страшный хай, если она пропустит хоть один опус об очередном страшном убийстве в Нью-Йорке.

Марго развернула газету и фыркнула, увидев заголовок. Типично для «Пост». Три четверти первой полосы занимали огромные буквы:

ТЕЛО ИЗ КАНАЛИЗАЦИИ ОПОЗНАНО!

НАЙДЕНА ИСЧЕЗНУВШАЯ КРОШКА ИЗ СВЕТСКОЙ ТУСОВКИ!

Марго пробежала глазами первый абзац. Так и есть, работа Смитбека. Вторая статья на первой полосе за этот месяц. Теперь Смитбек прямо-таки задымится от гордости и станет еще более самодовольным и невыносимым.

Она быстро прочла статью. Сенсационная и жуткая. С мерзкими тошнотворными подробностями. В первом абзаце Билл кратко излагал факты, уже известные большинству ньюйоркцев. Богатая красотка Памела Вишер, известная своими марафонскими ночными попойками, исчезла два месяца назад из подвального клуба на Южной улице Центрального парка. С тех пор ее «улыбающееся личико с потрясающими зубками, пустыми голубыми глазками и весьма дорогостоящей прической» взирало на прохожих с каждого угла между Пятьдесят седьмой и Девяносто шестой улицами. Марго постоянно видела цветные фотографии Вишер, когда трусцой бежала в музей из своей квартиры на Вест-Энд-авеню.

Итак, останки, обнаруженные вчера в «фекальных водах» Протоки Гумбольдта «в объятиях второго скелета», принадлежали Памеле Вишер. Второй скелет остался неопознанным. На подверстанном к статье фото был изображен дружок Памелы, молодой виконт Эдер. Он сидел на краю тротуара, закрыв лицо руками. Всего несколько минут назад ему сообщили о страшной гибели его возлюбленной. Полиция, как водится, «предпринимала самые активные действия». В конце статьи Смитбек, естественно, приводил интервью с простыми людьми с улицы. Все высказывания сводились к одному: «Сукина сына, который такое сотворил, надо посадить на электрический стул».

Марго закрыла газету, припоминая лицо Памелы Вишер, смотревшее на нее с многочисленных плакатов. Да, пожалуй, она заслуживала участи лучшей, чем превращение в летнюю сенсацию нью-йоркской прессы.

Резкий вопль телефона снова прервал ее размышления. Марго глянула на терминал. Обработка программы закончилась. Что же, теперь можно и ответить.

– Марго Грин слушает.

– Доктор Грин? Ну наконец!

Это характерное для нью-йоркского района Квинс произношение показалось ей знакомым, как полузабытый сон. Марго порылась в памяти, стараясь увидеть лицо на том конце провода.

«…Пока мы можем сказать лишь то, что в помещении было обнаружено тело при обстоятельствах, которые мы в настоящее время расследуем…»

Она ошарашенно откинулась на спинку стула.

– Лейтенант д’Агоста?

– Вы нам нужны в лаборатории судебной антропологии, – сказал д’Агоста, – и побыстрее, пожалуйста.

– Можно спросить?

– Нельзя. Прошу прощения. Чтобы вы ни делали, бросайте немедленно и спускайтесь вниз. – В трубке раздались частые гудки.

Марго некоторое время молча смотрела на телефонный аппарат, словно ожидая дальнейших объяснений. Не дождавшись, она открыла сумку, убрала «Пост», тщательно прикрыв газетой маленький полуавтоматический пистолет, и, резко оттолкнув стул от компьютера, встала и вышла из кабинета.

4

Б илл Смитбек с независимым видом прошествовал мимо кичливого фасада дома номер девять по Южной улице Центрального парка – величественного здания, известного под названием «Макким, Мид и Уайт билдинг». Под нависающей над тротуаром золоченой маркизой стояли два швейцара. В роскошном вестибюле можно было разглядеть еще нескольких человек обслуги. Да, дело будет нелегким. Очень нелегким.

Билл свернул за угол на Шестую авеню и остановился, продумывая дальнейшие действия. Он сунул руку в карман твидового пиджака и нащупал кнопку микрокассетника. Затем внимательно изучил свое отражение в витрине обувного магазина. Все в порядке. Внешность типичного выпускника привилегированного университета – насколько позволял гардероб. Глубоко вздохнув, он вышел из-за угла и уверенным шагом направился к входу. Швейцар стоял с непроницаемым видом, возложив руку на огромную, бронзовую ручку двери.

– Я пришел, чтобы увидеться с миссис Вишер, – сказал Смитбек.

– Назовите себя, пожалуйста, – монотонно произнес швейцар.

– Я – друг Памелы.

– Прошу прощения, но миссис Вишер никого не принимает.

«Швейцар сначала спросил имя, – лихорадочно думал Смитбек. – Значит, миссис Вишер кого-то ждет».

– Если вам действительно это надо знать, мой визит связан с намеченной на утро встречей. Произошли кое-какие изменения. Не могли бы вы ей позвонить?

После недолгого колебания швейцар открыл дверь и зашагал впереди Смитбека по сверкающему мраморному полу. Журналист огляделся по сторонам. Консьерж, древний и сухой словно мумия, стоял за мраморным сооружением с бронзовым верхом, скорее напоминающим крепость, нежели конторку. В глубине вестибюля, за столиком в стиле Людовика XVI сидел охранник. Рядом с ним, слегка расставив ноги и скрестив руки на груди, возвышался лифтер.

– Джентльмен к миссис Вишер, – объявил швейцар, обращаясь к консьержу.

Консьерж посмотрел на Билла сверху вниз из своей мраморной бонбоньерки.

– Да?

Смитбек глубоко вздохнул. Во всяком случае, в вестибюль прорваться удалось.

– Это связано с визитом, о котором имеется договоренность. Произошли изменения.

Консьерж ничего не сказал. Его глаза с набрякшими веками обратились на ботинки посетителя, затем на его твидовый пиджак, а затем на прическу. Смитбек молча ждал результатов экзамена. Он надеялся, что ему все же удалось слепить образ добропорядочного молодого человека из богатой семьи.

– Могу ли я спросить, кто желает ее видеть?

– Друг семьи.

Консьерж выжидательно молчал.

– Билл Смитбек, – поспешил добавить журналист. Он был уверен в том, что миссис Вишер «Нью-Йорк пост» не читает.

Консьерж опустил глаза на что-то лежавшее перед ним на конторке.

– А как насчет ее встречи в одиннадцать утра?

– Ради этого меня и прислали, – ответил Смитбек, возрадовавшись, что часы показывают лишь десять тридцать две.

Консьерж повернулся и скрылся в небольшом кабинете. Вернувшись примерно через минуту, он сказал:

– Позвоните, пожалуйста, по внутреннему телефону. Аппарат – на столе сзади вас.

Смитбек прижал трубку к уху.

– Что случилось? Неужели Джордж отменил встречу? – произнес жесткий, требовательный голос.

– Миссис Вишер, вы позволите мне подняться к вам, чтобы поговорить о Памеле?

– Кто говорит? – спросил голос после непродолжительной паузы.

– Билл Смитбек.

Последовала еще одна пауза, на сей раз более длительная.

– Я располагаю весьма важной информацией о вашей дочери. Полиция, я уверен, не сочла необходимым поделиться с вами этими сведениями. Убежден, что вам хотелось бы узнать…

– Да-да. Не сомневаюсь, что убеждены, – произнес голос с неожиданным надрывом.

– Подождите…

Трубка молчала.

– Миссис Вишер!

Послышался щелчок.

«Что же, – подумал Смитбек, – я сделал все, что в моих силах». Может, стоит подождать на скамье на той стороне улицы в надежде, что она сама выйдет из дома? Да нет, скорее всего в обозримом будущем миссис Вишер свою элегантную крепость не покинет.

У локтя консьержа зазвонил телефон. Это, конечно же, миссис Вишер. Желая избежать шумного столкновения, Смитбек повернулся и быстро зашагал через вестибюль.

– Мистер Смитбек! – окликнул консьерж.

Смитбек оглянулся. Начинался тот акт пьесы, который журналист ненавидел больше всего.

Консьерж равнодушно смотрел на него, прижав трубку к уху:

– Лифт вон там.

– Лифт?

– Да, – кивнул консьерж. – Восемнадцатый этаж.

* * *

Лифтер, отодвинув бронзовую решетку и открыв тяжелую дубовую дверь, выгрузил Смитбека в кремового цвета прихожей, чуть ли не до потолка забитой цветами. Маленький стол был весь завален конвертами. В дальнем конце наполненной тишиной комнаты виднелись двери во французском стиле, обе распахнуты. Смитбек медленно шагнул к дверям.

В просторной гостиной на пушистом ковре стояли величественные диваны и столь же величественные уютные кресла. На дальней стене виднелся ряд высоких окон. Смитбек знал, что из них открывается роскошный вид на Центральный парк. Но сейчас окна были плотно закрыты, а жалюзи опущены, что придавало комнате торжественно-мрачный вид.

Краем глаза Смитбек заметил какое-то движение. Он обернулся. На краешке дивана у стены сидела хрупкая, изящная дама с прекрасно уложенными каштановыми волосами и в очень простом темном платье. Ни слова не говоря, она жестом пригласила его сесть. Смитбек выбрал глубокое кресло напротив хозяйки дома. Между ними на крошечном столике стоял чайный сервиз; на тарелках и в вазочках были уложены разнообразные булочки и джемы, а розетки полнились свежим медом и взбитыми сливками. Однако хозяйка ничего не предложила ему: столик с яствами ожидал другого гостя. Смитбек задергался, вспомнив о том, что Джордж – тот, кого ждали к одиннадцати, – может явиться в любой момент.

– Миссис Вишер, – откашлявшись, приступил к делу Смитбек. – Во-первых, я хотел бы выразить свои соболезнования в связи с кончиной вашей дочери.

Он вдруг понял, что действительно испытывает сожаление. Увидев элегантную комнату и осознав, сколь ничтожно все это богатство на фоне трагедии, Смитбек с потрясающей ясностью почувствовал, как страдает эта женщина.

Миссис Вишер все так же молча смотрела на него, сложив руки на коленях. Возможно, она и кивнула, но в полумраке Смитбек этого не заметил. «Пора». Он небрежно сунул руку в карман и тихонько нажал на кнопку.

– Выключите магнитофон, – негромко сказала миссис Вишер.

– Прошу прощения! – Смитбек быстро вынул руку из кармана.

– Достаньте, пожалуйста, магнитофон и положите так, чтобы я могла видеть, что он выключен.

– Да-да, разумеется, – пробормотал Смитбек.

– Неужели вам абсолютно чуждо понятие порядочности? – прошептала женщина.

Смитбек, краснея, положил кассетник на стол.

– Вы выражаете соболезнования в связи со смертью моей дочери, – продолжала она негромко, – и тут же включаете этот грязный аппарат. И это после того, как я пригласила вас в свой дом?

Смитбек заерзал в кресле, всячески избегая смотреть ей в глаза.

– Да-да… Прошу прощения… Извините… Я всего лишь… Это моя работа. – Все слова казались ему сейчас нелепыми и неуклюжими.

– Понимаю. Мистер Смитбек, я только что потеряла своего ребенка, последнее близкое мне существо. Скажите, чьи чувства должны мы щадить в первую очередь?

Смитбек замолчал, пытаясь заставить себя взглянуть в глаза собеседнице. Она смотрела на него, сидя все так же недвижно, сложив руки на коленях. И тут со Смитбеком начали происходить странные вещи. Вещи, настолько противные его натуре, что он даже не сразу смог распознать свои чувства. Он испытывал смущение… Нет, не то… Вот оно! Ему стало стыдно! Возможно, он чувствовал бы себя по-иному, если бы сам наткнулся на сенсацию, сам бы откопал новость. Но притащиться сюда только для того, чтобы понаблюдать за горем женщины… Вся радость, связанная с подготовкой большой статьи, растворилась в этом новом для него чувстве.

Миссис Вишер подняла руку и указала на стоящий рядом с ней журнальный столик:

– Как я полагаю, мистер Смитбек, вы пишете для этой газеты?

Смитбек в ужасе увидел свежий номер «Пост».

– Да, – ответил он.

Миссис Вишер вновь сложила руки на коленях и продолжила:

– Мне хотелось увериться в этом. Итак, какой важной информацией в связи со смертью моей дочери вы пожелали со мной поделиться? Впрочем, не надо. Не говорите. Ведь это был всего лишь профессиональный трюк. Не так ли?

Вновь наступило молчание. Смитбек поймал себя на том, что почти с нетерпением ждет явления одиннадцатичасового визитера. Он был готов на все, лишь бы побыстрее уйти отсюда.

– Как вы это делаете? – спросила она.

– Что?

– Где вы берете все эти помои? Вам недостаточно того, что мою дочь жестоко убили. Вам и подобным вам людям хочется очернить ее память. Почему?

– Миссис Вишер, – сглотнул слюну Смитбек, – я всего лишь...

– Прочитав всю эту мерзость, можно подумать, что Памела была всего-навсего сумасбродной, эгоистичной девчонкой из высшего общества, которая вполне заслуживала то, что получила. Вы заставляете читателя радоваться тому, что моя дочь убита. Поэтому мой вопрос очень прост: как вы это делаете?

– Миссис Вишер, жители этого города не желают ничего видеть, если не сунуть факты им прямо в рожи, – начал он, но тут же умолк. Миссис Вишер верила в его оправдания не больше, чем он сам.

Слегка подавшись вперед, она сказала:

– Ведь вы же совсем ничего не знаете о Памеле, мистер Смитбек. Вы замечаете лишь то, что лежит на поверхности. Ничто другое вас не интересует.

– Все совсем не так! – неожиданно для самого себя взорвался Смитбек. – То есть меня интересует не только это. Я хочу знать, какой была настоящая Памела Вишер.

Миссис Вишер долго молча смотрела на него. Затем она встала, вышла из комнаты и, вернувшись с аккуратно вставленной в рамку фотографией, протянула ее Смитбеку. На качелях, привязанных к толстой ветке дуба, раскачивалась девчушка лет шести и что-то радостно кричала в камеру. У малышки не хватало двух передних зубов, а ее фартучек и смешные косички развевались на ветру.

– Вот та Памела, мистер Смитбек, которую я запомнила навсегда, – ровным голосом сказала миссис Вишер. – Если вас действительно

интересует моя дочь, напечатайте этот снимок, а не тот, который вы продолжаете печатать, и где она изображена безмозглой светской девицей. – Она села на диван и разгладила платье на коленях. – А ведь Памела только-только начала улыбаться после смерти отца. И ей хотелось немного отвлечься, прежде чем приступить осенью к работе. Разве это преступление?

– К работе? – спросил Смитбек.

Снова наступило молчание. В этой похоронной тишине полутемной комнаты Смитбек чувствовал на себе взгляд миссис Вишер.

– Да, к работе, – наконец сказала она. – Девочка приступала к работе в хосписе для умирающих от СПИДа. Вы без труда могли бы об этом узнать, если б провели хотя бы минимальное расследование.

Смитбек снова сглотнул слюну.

– И в этом – истинная Памела. – Голос миссис Вишер внезапно дрогнул. – Добрая, щедрая, полная жизни. Я хочу, чтобы вы написали о ней.

– Я сделаю все, что в моих силах, – пробормотал Смитбек.

Миг слабости прошел, и миссис Вишер снова стала очень холодной и очень далекой. Когда она опустила голову и слегка шевельнула рукой, Смитбек понял, что его отпускают. Он пробормотал слова благодарности, взял магнитофон и направился к лифту с максимально возможной в подобных обстоятельствах скоростью.

– И еще, – вдруг сказала миссис Вишер неожиданно жестким тоном. Смитбек замер в дверях. – Они не могут мне сказать, когда она умерла, где она умерла и даже как она умерла. Но Памела умерла не напрасно. Это я вам обещаю.

Миссис Вишер говорила с таким напором, что Смитбек повернулся и внимательно посмотрел ей в лицо.

– Вы сказали нечто очень важное, – продолжала она. – Вы сказали, что жители этого города не желают ничего видеть, пока факт не сунут им в рожу. Именно это я и намерена сделать.

– Каким образом? – спросил Смитбек.

Но миссис Вишер откинулась на спинку дивана, и ее лицо оказалось в глубокой тени. Чувствуя себя совершенно опустошенным, Смитбек прошел через прихожую и нажал кнопку лифта. Лишь оказавшись на улице, он, щурясь от яркого летнего солнца, еще раз взглянул на детскую фотографию Памелы. Только сейчас до него дошло, какая она неординарная личность, эта миссис Вишер.

5

Н а стальной двери в конце серого коридора была аккуратная маленькая табличка

СУДЕБНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ.

Здесь находились самые совершенные приборы для анализа человеческих останков. Марго попыталась повернуть ручку и с удивлением обнаружила, что дверь заперта. Странно. Она бывала здесь бессчетное количество раз, помогая в исследовании всего, что только можно, начиная с мумий, доставленных из Перу, и кончая обитателями пещерных городов, но дверь не запиралась никогда. Марго уже хотела постучать, и тут дверь перед ней распахнулась.

Войдя внутрь, она замерла. Обычно залитая ярким светом и кишевшая студентами лаборатория была непривычно темна и пуста.

Массивные электронные микроскопы, приборы для просмотра рентгенограмм и аппараты электрофореза, выключенные, стояли вдоль стен. Окно, из которого открывался роскошный вид на Центральный парк, было плотно зашторено. По краям единственного пятна света посреди комнаты стояли в тени несколько мужчин.

Под лампой белел большой стол для образцов. На столе лежало нечто коричневое и узловатое, а рядом с этим коричневым и узловатым виднелся накрытый синим пластиком удлиненный невысокий предмет. Всмотревшись повнимательнее, Марго поняла, что на столе находится человеческий скелет, декорированный бахромой из рассеченных сухожилий и мышечной ткани. В лаборатории витал хотя и слабый, но вполне различимый запах тления.

Дверь за ней закрылась, замок защелкнулся. Из полутьмы к собравшимся шагнул лейтенант д’Агоста. На нем, похоже, был все тот же костюм, который он носил полтора года назад, расследуя дело о Музейном звере. Проходя мимо Марго, лейтенант коротко кивнул, и ей показалось, что за это время д’Агоста сбросил несколько фунтов. Марго машинально отметила, что цвет его костюма прекрасно гармонирует с грязно-коричневым колером скелета.

Когда глаза адаптировались к полумраку, Марго обежала взглядом стоящие у стола фигуры. Слева от д’Агосты был какой-то нервный тип в лабораторном халате со стаканчиком черного кофе в пухлой руке. Рядом с ним – высокая худощавая Оливия Мирриам – новый директор музея. Еще один человек стоял совсем в тени, и Марго видела только неясный силуэт.

Директриса одарила ее невыразительной улыбкой.

– Благодарю вас, доктор Грин, за то, что вы нашли возможность прийти. Эти джентльмены, – она едва заметно повела рукой в сторону д'Агосты, – обратились к нам за помощью.

В комнате повисло молчание. Первым его нарушил д'Агоста:

– Больше ждать мы не можем. Он живет у черта на рогах в Мендхэме. А когда я ему вчера вечером позвонил, он не выразил никакого восторга по поводу приглашения. – Лейтенант обвел взглядом собравшихся: – Все видели утренний выпуск «Пост»?

– Нет, – ответила директриса, глядя на него с нескрываемым отвращением.

– В таком случае позвольте мне кратко пояснить. – Он небрежно махнул рукой, указывая на скелет: – Разрешите представить вам мисс Памелу Вишер. Дочь Аннетт и Гораса Вишер, ныне покойного. Не сомневаюсь, что ее фотографию вы видели в городе. Она исчезла двадцать третьего мая примерно в три часа пополуночи. Мисс Вишер провела вечер в «Винном погребке», ночном полуподвальном клубе на Южной улице Центрального парка. Пошла позвонить по телефону и не вернулась. С тех пор ее никто не видел. До вчерашнего дня, когда мы обнаружили ее скелет – за вычетом черепа – в Протоке Гумбольдта. По всей видимости, его вынесло из Вестсайдского обводного коллектора во время последнего ливня.

Марго еще раз посмотрела на лежащие на столе останки. Она видела сотни скелетов, но ни один из них не принадлежал ее знакомому или хотя бы человеку, о котором она что-то слышала. Трудно поверить, что это отвратительная груда костей когда-то была той самой хорошенькой блондинкой, о которой Марго читала каких-то пятнадцать минут назад.

– Вместе с останками Памелы Вишер мы обнаружили *это*. – Д'Агоста кивком указал на предмет, накрытый синим пластиком. – Прессе, благодарение Богу, пока известно только, что найден еще один скелет. – Д'Агоста посмотрел на стоящего в тени человека: – Теперь я передаю слово доктору Саймону Брамбеллу, главному судмед–эксперту города Нью-Йорка.

Темная фигура выступила в свет, и Марго увидела стройного мужчину лет шестидесяти пяти. Обтянутая блестящей кожей голова напоминала обнаженный череп, а глубоко запавшие черные глаза, поблескивающие за старомодной роговой оправой, лишь усиливали впечатление. Подвижности в его удлиненном лице было столько же, сколько волос на голове.

Приложив палец к губам, он произнес:

– Если вы сделаете несколько шагов вперед, то сами сможете все увидеть. – Это было сказано с легким дублинским акцентом.

Когда все неохотно подошли к столу, доктор Брамбелл взялся за край синего пластика, замер и ловким движением фокусника сдернул его. Лицо его по-прежнему не выражало никаких эмоций.

Под покрывалом оказались останки еще одного обезглавленного трупа, такие же бурые и в той же стадии разложения, что и первые. Марго едва не задохнулась от волнения, увидев безобразно утолщенные кости ног и непривычное строение некоторых крупных суставов. В этом скелете все было не так.

«Что за чертовщина?» – подумала она.

Раздался глухой удар в дверь.

– Господи! – д’Агоста бросился открывать. – Наконец-то!

Дверь распахнулась, и перед собравшимися предстал Уитни Кадваладер Фрок, знаменитый теоретик в области биологической эволюции. Заскрипела инвалидная коляска: доктор подъехал к столу для образцов. Ни на кого не обращая внимания, он воззрился на кости. Взгляд его задержался на втором скелете. По прошествии некоторого времени доктор Фрок, откинув упавшую на лоб седую прядь, кивнул директору музея и д’Агосте. Когда же он увидел Марго, лицо его выразило изумление, которое тут же сменилось радостной улыбкой.

Марго, в свою очередь, улыбнулась и кивнула. Она не видела Фрока со дня прощальной вечеринки, хотя до того, в бытность ее аспиранткой в музее, доктор был ее научным руководителем. Доктор Фрок оставил музей, чтобы посвятить все время написанию книги. Однако пока никаких признаков того, что обещанный им следующий том эпохального труда «Фрактальная эволюция» скоро увидит свет, не было.

Главный судмедэксперт города Нью-Йорка, едва удостоив взглядом прибывшего, продолжил:

– Теперь я предлагаю вам взглянуть на гребни, образовавшиеся на бедренных костях, а также на костные выросты и остеофиты на позвоночнике и суставах. Обратите внимание, что ребра имеют трапециевидное сечение, а не нормальное призматическое. И наконец, я хотел бы указать на необычайную толщину бедренной кости. Подводя итоги, должен сказать, что мы имеем дело с весьма странным случаем. Конечно, наблюдаются и другие ярко выраженные отклонения от нормы. Но их вы способны заметить и сами.

– Несомненно, – согласился д’Агоста.

– Что касается меня, – откашлялся доктор Фрок, – то я не имел возможности провести тщательное исследование. Однако посмею задать вопрос: не допускаете ли вы в данном случае возможности ДИСГа?

Патологоанатом, на сей раз более внимательно взглянув на Фрока, кивнул:

– Очень тонкое замечание, но, к сожалению, ошибочное. – Обращаясь к аудитории, он пояснил: – Уважаемый доктор Фрок имеет в виду диффузный идиопатический скелетный гиперостоз – разновидность тяжелого дегенеративного артрита. – Он покачал головой: – Это и не остеомаляция, хотя, живи мы не в двадцатом веке, я мог бы предположить, что мы имеем дело с чудовищным случаем деформации костей. Я прошелся по медицинским базам данных, но не нашел ничего, что могло бы объяснить подобное состояние скелета.

Брамбелл нежно, почти любовно провел пальцами по бурому позвоночнику и продолжил лекцию:

– У обоих скелетов имеется еще одна общая любопытная аномалия, которую мы заметили только вчера вечером. Доктор Падельски, не могли бы вы оказать нам любезность и принести микроскоп?

Тучный мужчина в лабораторном халате исчез во тьме и тут же появился, катя перед собой большой бинокулярный микроскоп со снятым предметным столиком. Он остановил микроскоп над шейными позвонками изуродованного скелета, заглянул в окуляры, настроил фокусировку и отступил назад.

Брамбелл поднял ладонь:

– Прошу вас, доктор Фрок.

Фрок подъехал к столу и, прильнув к окулярам, застыл в неподвижности. Время шло. Наконец он распрямился и, ни слова не говоря, откатил свое кресло назад.

– Теперь вы, доктор Грин, – повернулся к ней патологоанатом. Марго подошла к микроскопу и склонилась над окулярами, зная, что находится в центре внимания.

Вначале она не могла понять, что это. Затем сообразила – бинокуляр сфокусирован на шейном позвонке. На одном из его краев виднелось несколько неглубоких, ровных бороздок.

Она медленно распрямилась, чувствуя, как возвращаются прошлые страхи и отказываясь верить в то, о чем кричали эти борозды на кости.

– Ваше мнение, доктор Грин? – вскинул брови главный судмедэксперт Нью-Йорка.

Марго глубоко вздохнула и, собравшись с силами, произнесла:

– Если делать догадки, то я предположила бы, что вижу следы зубов.

Она встретилась взглядом с доктором Фроком.

Теперь Марго знала – точнее, оба они теперь знали, – почему Фрока пригласили на эту встречу.

Брамбелл спокойно ждал, пока все посмотрят в микроскоп. Потом, ни слова не говоря, прокатил бинокуляр над скелетом Памелы Вишер и настроил фокусировку, но теперь уже над костями таза. И снова первым к микроскопу подкатил Фрок, а за ним – Марго. Сомнений не оставалось. Марго ясно увидела, что в некоторых местах костная поверхность прокушена, и зубы проникли в губчатую ткань.

– Лейтенант д'Агоста сообщил мне, что скелеты доставлены из Вестсайдского обводного коллектора, – щурясь от яркого света, сказал Фрок.

– Точно, – подтвердил д'Агоста.

– Вынесло во время последнего ливня?

– Теоретически да.

– Не исключено, что нашу парочку попробовали на зуб бродячие псы, пока тела находились в канализации.

– Это – одна из возможностей, – согласился Брамбелл. – Судя по глубине следов, я определил бы давление зубов примерно в 1 200 фунтов на квадратный дюйм. Пожалуй, для собаки многовато. Как, по-вашему?

– Нет. Если кусал родезийский риджбек.

– А может, собака Баскервилей, профессор? – Брамбелл склонил голову набок.

– Я не убежден, что давление зубов столь велико, как вы утверждаете, – уловив сарказм, сердито бросил Фрок.

– Аллигатор, – высказал предположение д'Агоста.

Все разом повернулись к нему.

– Аллигатор, – повторил он чуть ли не воинственно. – Да вы и сами знаете. Их спускают, совсем маленьких, в унитазы, и они вырастают большими в канализации. Я об этом где-то читал.

Брамбелл издал сухой, как песок в пустыне, смешок и назидательно произнес:

– У аллигаторов, лейтенант, как и у всех рептилий, зубы имеют коническую форму. Эти же следы оставлены небольшими треугольными зубами млекопитающего, скорее всего из семейства псовых.

– Из семейства. Но необязательно самой собаки. Давайте не станем забывать основополагающего принципа: самое простое объяснение, как правило, самое верное.

Брамбелл, набычившись, уставился на Фрока:

– Я знаю, что это основополагающий принцип ученых. В нашем же деле мы придерживаемся принципа Шерлока Холмса: «Когда вы устраните невозможное, то все, что осталось – каким бы невероятным оно ни выглядело, – должно оказаться истиной».

– Ну и какие же ответы остаются, доктор Брамбелл? – поинтересовался Фрок.

– В настоящий момент у меня нет убедительных объяснений.

Фрок откинулся на спинку инвалидного кресла.

– Второй скелет представляет определенный интерес. Возможно даже, что он стоил путешествия из Мендхэма. Но вы забыли, что я удалился на покой.

Марго задумчиво смотрела на Фрока. Профессор, насколько она его знала, должен был бы заинтересоваться этой головоломкой. Неужели останки напомнили Фроку – так же как и ей – события полуторагодовой давности? Если так, его отношение понятно. Старик сопротивляется. Такие воспоминания не способствуют спокойному отдыху.

В беседу вступила Оливия Мирриам:

– Доктор Фрок, мы надеялись, что вы окажете помощь в изучении скелетов. Ввиду необычности ситуации музей согласился предоставить в распоряжение полиции свою лабораторию. Мы были бы счастливы выделить вам на необходимый срок кабинет на пятом этаже и предоставить помощь секретаря.

Фрок удивленно вскинул брови:

– Но я убежден, что городской морг располагает самым совершенным оборудованием. Я уже не говорю о ярком медицинском даровании доктора Брамбелла, осчастливившего нас сегодня своим присутствием.

– Что касается моего яркого медицинского дарования, доктор Фрок, тут вы абсолютно правы, – ответил Брамбелл. – Но вот относительно самого совершенного оборудования вы, к сожалению, заблуждаетесь. Бюджетные ограничения последних лет привели к тому, что мы

существенно отстали от времени. Кроме того, морг не место для такого рода исследований. Его невозможно закрыть для публики. В настоящее время он подвергся нападению репортеров и телевизионщиков. И, к несчастью, – он выдержал паузу, – мы в городском морге лишены возможности услышать ваше просвещенное мнение.

– Благодарю вас, – кивнул Фрок и, указывая на второй скелет, продолжил: – Не понимаю, неужели трудно идентифицировать человека, который при жизни выглядел как…хм-м-м… как недостающее звено.

– Смею вас заверить, мы пытались, – сказал д'Агоста. – За последние двадцать четыре часа мы проверили каждого исчезнувшего Тома, Дика и Гарри в трех штатах. Ничего. И насколько нам известно, урод, подобный этому, вообще не существовал, а уж тем более не пропадал и не позволял себя сжевать, пребывая в нью-йоркском дерьме.

Фрок, казалось, не слышал ответа. Его голова медленно опустилась на грудь, и он на несколько минут застыл в неподвижности. В лаборатории воцарилась тишина, нарушаемая лишь нетерпеливым причмокиванием доктора Брамбелла. Наконец Фрок очнулся. Он глубоко вздохнул и, кивнув с таким видом, словно изнемог сопротивляясь, ответил:

– Ну хорошо. Я смогу уделить вам неделю. У меня есть и другие заботы в городе. Полагаю, присутствующая здесь мисс Грин будет мне помогать?

Только сейчас до Марго дошло, почему ее пригласили на это секретное сборище. Теперь же ей все стало ясно. Фрок полностью доверял ей. Вместе они раскрыли тайну Музейного зверя. «Эти люди, видимо, решили, – догадалась она, – что Фрок согласится работать только со мной и больше ни с кем».

– Подождите! – вырвалось у нее. – Я не могу этим заниматься!

Все взоры обратились на Марго, и она запоздало поняла, что высказалась более резко, чем хотела.

– Я хочу сказать, что сейчас у меня просто нет времени, – пояснила она уже более спокойным тоном.

Фрок сочувственно посмотрел на нее. Он-то прекрасно знал, какие ужасные воспоминания связаны с этой работой.

Узкое лицо директрисы сделалось суровым.

– Я поговорю с доктором Хоторном, – сказала она. – Он предоставит вам времени столько, сколько потребуется, чтобы оказать помощь полиции.

Марго уже было открыла рот, чтобы возразить, но передумала. Жаль, что она так недавно стала смотрителем музея и поэтому не имеет возможности отказаться.

– Вот и хорошо. – На иссушенном лице Брамбелла мелькнуло подобие улыбки. – Разумеется, я буду работать с вами. Но прежде чем мы разойдемся, я хотел бы еще раз подчеркнуть, что расследование требует абсолютной секретности. Достаточно уже того, что появилось сообщение об обезглавленных останках Памелы Вишер. Если кто-то узнает, что светскую красавицу перед смертью… а может быть, и после смерти… погрызли… – Конец фразы повис в воздухе, а доктор провел ладонью по лысому черепу.

– Вы полагаете, следы зубов могут оказаться не посмертными? – бросил на него быстрый взгляд Фрок.

– Разница, доктор Фрок, буквально в каком-то часе. Во всяком случае, для одного из укусов. Одним словом, мэр и шеф полиции с нетерпением ждут результатов.

Фрок ничего не ответил. Было ясно, что совещание закончилось. Все, кроме Фрока и Марго, направились к выходу, стараясь как можно быстрее оказаться подальше от лежащих на столе коричневых останков.

Проходя мимо Марго, директриса музея сказала:

– Если вам потребуется помощь, обращайтесь непосредственно ко мне.

Доктор Брамбелл, бросив последний взгляд на Фрока и Марго, проследовал за директрисой.

Последним уходил лейтенант д’Агоста. На мгновение он задержался в дверях.

– Если вам будет невтерпеж с кем-нибудь потолковать, говорите со мной. – Он хотел сказать что-то еще, но передумал, кивнул, резко повернулся и вышел. Когда дверь за ним закрылась, Марго осталась в обществе профессора Фрока, того, что когда-то было Памелой Вишер, и безобразно деформированного безголового скелета.

– Марго, запри, пожалуйста, дверь, – попросил Фрок, выпрямляясь в своем кресле. – И зажги свет. – Подкатившись к столу, он добавил: – А теперь вымой как следует руки, да не забудь про щетку.

Марго посмотрела на скелеты и перевела взгляд на старого профессора.

– Доктор Фрок, – начала она, – вы не считаете, что это может быть работа…

– Нет! – яростно прошептал он. – Не считаю, пока мы не убедимся в обратном.

Некоторое время Марго смотрела ему прямо в глаза. Затем молча кивнула и направилась к выключателю. То, что сейчас не было сказано, беспокоило ее гораздо больше, чем эта пара мерзких скелетов.

6

С митбек втиснулся в узкую телефонную будку, расположенную в прокуренном зале бара «Кошачья лапа». Не выпуская из рук стакана, он, с трудом отыскав в полумраке нужные кнопки, набрал номер своего рабочего кабинета. Его интересовало, сколько человек уже позвонили.

Смитбек никогда не сомневался в том, что он принадлежит к числу величайших журналистов города Нью-Йорка. Возможно даже, что он – самый великий. Полтора года назад он поведал миру о Музейном звере. И поведал не в той вялой, отстраненной манере, в которой обычно дается подобный материал. Нет, вместе с д'Агостой и другими он боролся за жизнь во тьме той апрельской ночи. После публикации написанной по следам событий книги его положение ведущего криминального репортера «Нью-Йорк пост» стало еще более прочным. И вот теперь – дело Вишер. Сенсационные материалы появляются гораздо реже, чем он когда-то думал. Кроме того, всегда готовы подставить ножку конкуренты вроде этого ничтожества Брайса Гарримана – криминального репортера из «Нью-Йорк таймс». Но он, Смитбек, разыграл карту Вишер правильно. Из нее получится такой же крутой материал, как и из Мбвуна. Если не круче.

«Великий журналист, – размышлял Смитбек, – приспосабливается к открывающимся возможностям». Взять, к примеру, дело Вишер. Он оказался совершенно не готов к встрече с матерью. Миссис Вишер произвела на него сильнейшее впечатление, Смитбек был смущен и тронут. Под влиянием новых для него эмоций Смитбек написал статью, в которой изобразил Памелу Вишер ангелом с Южной улицы Центрального парка и описал ее смерть в трагических тонах. Но подлинным озарением гения была идея предложить награду в 100 000 долларов за информацию, которая поможет выявить убийцу. Озарение пришло как раз, когда он писал статью. С недописанной статьей и идеей о награде он направился прямиком в кабинет Арнольда Мюррея – нового редактора «Пост». Мюррею идея пришлась по душе, и он ее тут же одобрил, даже не посоветовавшись с издателем.

Джинни, секретарша, подняла трубку. Она была взволнована. Двадцать звонков – и все как один ложные.

– Неужели? – обескураженно спросил Смитбек.

– К тебе тут еще посетитель приходил. Жуткий тип, нет, правда, – затараторила секретарша – тощая коротышка, обитавшая где-то в Ронконкоме и млеющая при виде Смитбека.

– Вот как?

– Точно! Весь такой оборванный, в лохмотьях и жутко вонючий. Господи, я прямо чуть не задохнулась. Еще и датый к тому же!

«Может быть, это как раз то, что надо?» – возбужденно подумал Смитбек, а вслух спросил:

– Что он хотел?

– Сказал, что у него есть сведения об убийстве Вишер. Предложил тебе встретиться с ним в мужском туалете Пенсильванского вокзала…

Смитбек едва не уронил стакан.

– В мужском туалете? Ты, наверное, шутишь?

– Так он сказал. Как ты думаешь, он извращенец? – спросила Джинни с нескрываемым интересом.

– В каком туалете?

На другом конце провода зашуршала бумага.

– Я все записала… Вот. Северный конец, нижний уровень, слева от эскалатора на двенадцатый путь. В восемь вечера. Сегодня.

– Какие у него сведения?

– Он больше ничего не сказал.

– Спасибо.

Смитбек повесил трубку и посмотрел на часы. Семь сорок пять. Вокзальный туалет? Нужно быть безумцем или вконец отчаявшимся человеком, чтобы отправиться за информацией в сортир.

Смитбеку никогда еще не доводилось бывать в мужских туалетах Пенсильванского вокзала. Едва открыв двери в просторное жаркое помещение и чуть было не задохнувшись от ударивших в нос запахов, он твердо решил, что лучше помочится в штаны, чем воспользуется услугами этого сортира.

Смитбек опоздал на пять минут. «А может, этот тип уже ушел? – с надеждой подумал журналист. – Если, конечно, допустить, что он здесь вообще появлялся». Он уже был готов выскочить из туалета, как вдруг услышал мрачный голос:

– Уильям Смитбек?

– Что? – Смитбек недоуменно оглядывал абсолютно пустое помещение. Наконец он заметил в щели под дверцей самой дальней кабины чьи-то ноги. Дверца открылась. Из кабинки вышел низенький костлявый мужчина и нетвердой походкой направился к журналисту. Одежда обитателя сортира состояла из грязных лохмотьев, волосы свалялись в комья самой разнообразной, но весьма непривлекательной формы. Неописуемого цвета борода раздваивалась на животе над самым пупком, видневшимся сквозь дыру в рубашке.

– Уильям Смитбек? – повторил он, глядя на журналиста слезящимися глазами.

– Кто же еще?

Ни слова не говоря, мужчина направился в дальний конец туалета. Он вошел в открытую кабинку и обернулся, поджидая Смитбека.

– У вас есть для меня информация? – спросил журналист.

– Топайте за мной. – Мужчина показал на кабинку.

– Еще чего! – возмутился Смитбек. – Если хотите со мной говорить, говорите здесь, но туда, приятель, я за вами не пойду.

– Так ведь это же единственный путь! – И оборванный тип гостеприимно махнул рукой.

– Путь – куда?

– Вниз.

Смитбек осторожно приблизился к кабинке. Тип уже вошел внутрь и, примостившись за унитазом, отодвигал в сторону крашеный металлический лист, который, как выяснилось при ближайшем рассмотрении, прикрывал пробитое в грязной стене большое отверстие с неровными краями.

– Туда? – спросил Смитбек.

Оборванный тип утвердительно кивнул.

– Куда ведет эта дыра?

– Вниз, – повторил тип.

– И не думайте! – И Смитбек решительно направился к выходу из туалета.

– Я должен привести вас к Мефисто! – крикнул ему вслед оборванец. – А уж он сам потолкует с вами об убийстве той девочки. Он знает кое-что очень важное.

– Ну уж увольте!

– Вы можете мне доверять, – просто сказал оборванец, глядя прямо в глаза журналисту.

Несмотря на лохмотья, вонь и взгляд наркомана, Смитбек ему почему-то поверил.

– Что – важное? – спросил он.

– А это вам скажет уже сам Мефисто.

– Кто такой Мефисто?

– Наш вождь, – ответил мужчина, пожав плечами с таким видом, словно сказанного было вполне достаточно.

– Наш?

– Да. Лидер сообщества «Шестьсот шестьдесят шестая дорога».

Неуверенность еще оставалась, но Смитбека уже охватил охотничий азарт. Организованное подземное сообщество? Да уже из одного этого выйдет отличный материал. А если этот Мефисто действительно что-то знает об убийстве Памелы Вишер…

– А где оно, это сообщество «Шестьсот шестьдесят шестая дорога»? – спросил он.

– Этого я сказать вам не могу. Но дорогу покажу. Они называют меня Стрелком-Радистом! – В глазах оборванца промелькнул огонек гордости.

– Послушайте, – сказал Смитбек. – Я не могу лезть в эту дыру. Там на меня могут напасть… ограбить.

– Ни за что! – Оборванец яростно замотал головой. – Со мной вы будете в полной безопасности! Всем известно, что я главный гонец самого Мефисто.

Смитбек внимательно посмотрел на оборванца: слезящиеся глаза, мокрый нос, грязная борода чародея. И этот человек проделал путь до редакции «Пост». Непростое дело при такой-то внешности.

Затем он представил себе наглую рожу Брайса Гарримана и явственно увидел, как редактор «Таймс» вызывает Брайса, чтобы спросить, как

получилось, что Смитбек вновь первым опубликовал сенсационный материал.

Картина ему понравилась.

Когда Смитбек лез в дыру, человек, именуемый Стрелком-Радистом, придерживал жестяной лист, и как только они оказались рядом, путем довольно сложных манипуляций вернул щит на место, укрепив его несколькими кирпичами.

Смитбек огляделся. Он стоял в длинном узком тоннеле. Над головой тянулись похожие на серые вены водопроводные и паровые трубы. Потолок был низким, но не настолько, чтобы человек его роста не мог стоять выпрямившись. Вечерний свет пробивался через решетки в потолке, расположенные одна от другой на расстоянии ста ярдов.

Журналист следовал за сутулой, невысокой фигурой, слабо различимой в тусклом освещении. Время от времени сырое, промозглое пространство заполнял грохот про–носившихся поблизости поездов. Смитбек улавливал этот звук скорее костями, нежели ушами.

Они шли в северном направлении по казавшемуся бесконечным тоннелю. Минут через пятнадцать Смитбека охватило щемящее беспокойство.

– Простите, – сказал он, – насколько долгая прогулка нам предстоит?

– Короткую дорогу к нашему сообществу Мефисто держит в тайне.

Смитбек понимающе кивнул, старательно обходя здорово распухшую дохлую собаку. Неудивительно, что обитатели тоннеля страдали паранойей, но происходящее выходило за всякие рамки. Судя по времени, они сейчас где-то под Центральным парком.

Вскоре тоннель начал слегка изгибаться к западу. В массивной бетонной стене Смитбек заметил несколько стальных дверей. Над головой шла большая труба, с изоляции стекали на пол крупные капли воды. На изоляции было начертано:

ОПАСНО:

СОДЕРЖИТ АСБЕСТОВОЕ ВОЛОКНО.

ИЗБЕГАЙТЕ ОБРАЗОВАНИЯ ПЫЛИ.

УГРОЗА РАКА И ЛЕГОЧНЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ.

Остановившись и порывшись в карманах лохмотьев, Стрелок-Радист извлек оттуда ключ и вставил его в замочную скважину на ближайшей двери.

– Как вы раздобыли этот ключ? – поинтересовался Смитбек.

– В нашем сообществе много специалистов самого разного профиля. – Открыв дверь, оборванец вежливо помог Смитбеку перейти через порог.

Дверь за спиной закрылась, и на них обрушилась непроглядная тьма. Смитбек только теперь понял, насколько успокаивающе действовал на него серый свет из решеток.

– У вас есть фонарь? – спросил он, заикаясь от страха.

Послышался шорох. Вспыхнула спичка. В дрожащем свете Смитбек увидел ведущие вниз бетонные ступени, терявшиеся во тьме.

Стрелок потряс рукой, и спичка погасла.

– Достаточно? – спросил он.

– Нет, – ответил Смитбек, – зажгите еще одну.

– Потом. Когда будет необходимость.

Смитбек осторожно ощупывал ногой каждую ступень, ладони упирались в скользкие влажные стены. Прошла целая вечность, когда зажглась наконец следующая спичка, и его взору открылся огромный железнодорожный тоннель. На убегающих вдаль рельсах играли тусклые оранжевые отблески.

– И где мы теперь? – поинтересовался Смитбек.

– На сотом пути. Двумя уровнями ниже.

– Мы еще не на месте?

Спичка погасла, и на них снова навалилась непроглядная тьма.

– Идите за мной, – раздался голос. – Когда я скажу «стоять», останавливайтесь немедленно.

Теперь они шагали по путям. Споткнувшись о рельс, Смитбек чуть было снова не ударился в панику.

– Стоять!

Смитбек замер. Вспыхнула спичка.

– Видите вот это? – Стрелок-Радист указал на блестящий медный рельс, вдоль которого на полу шла ярко-желтая полоса. – Третий рельс. Он под напряжением. Не вздумайте на него наступить.

Спичка погасла. Смитбек услышал, как его спутник сделал в плотной влажной тьме несколько шагов.

– Зажгите еще одну!

Снова вспыхнула спичка. Смитбек переступил через третий рельс.

– И много здесь таких? – спросил он, указывая на медный прут.

– Да, – ответил проводник, – я вам их покажу.

– О Боже! А что будет, если на него наступить?

– Удар тока. Вас прошьет боль, потом оторвет руки, ноги и голову, – донесся из темноты бестелесный голос. – Поэтому лучше на него не наступать.

Снова загорелась спичка, осветив еще одну желтую полосу и бегущий вдоль нее медный рельс. Опасливо переступив через рельс, Смитбек увидел в противоположной стене тоннеля небольшой лаз. В два фута высотой и шириной в четыре, лаз был проделан внизу старинной арки, давным-давно заложенной шлакоблоками.

– Нам туда, – указал на лаз Стрелок. – Вниз.

Из дыры тянуло теплым ветерком, сдобренным таким запахом, что желудок так и норовил вывернуться наизнанку. В эту ужасную вонь вплетался запашок древесного дыма.

– Вниз? – не веря своим ушам, переспросил Смитбек. – Опять? Вы что, хотите, чтобы я скользил на брюхе?

Но Стрелок-Радист уже скрылся в проломе.

– Ни за что! – крикнул журналист, присев рядом с лазом. – Эй, послушайте! Я вниз не полезу! Если этому вашему Мефисто действительно есть что сказать, пусть сам приходит сюда.

После довольно продолжительной паузы из-за шлакоблоков глухо прогудел голос Стрелка-Радиста:

– Мефисто никогда не поднимается выше третьего уровня.

– Ну, значит, сейчас ему придется изменить своим привычкам. – Смитбек отчаянно пытался казаться уверенным. Однако было совершенно очевидно, что, полностью полагаясь на своего странного проводника, он попросту загнал себя в угол. Вокруг царила глухая непроглядная тьма, и как отсюда выбраться, было непонятно.

Не дождавшись никакой реакции, Смитбек спросил:

– Вы еще здесь?

– Ждите, – донесся голос.

– Если вы уходите, оставьте мне немного спичек! – Что-то ткнулось в его колено, и Смитбек от неожиданности вскрикнул. Нет, ничего страшного, всего-навсего рука. Стрелок-Радист протянул из дыры какой-то предмет.

– И это все? – спросил Смитбек, насчитав на ощупь три спички.

– Все, что я могу дать. – Голос звучал слабо, явно удаляясь. Стрелок сказал что-то еще, но Смитбек уже не смог разобрать слов. А потом на него обрушилась тишина.

Смитбек опустился на корточки, привалившись спиной к стене и сжимая в кулаке спички. Он сидел в темноте и запоздало проклинал свою глупость. Никакая статья не стоит такого. И как он теперь, интересно, выберется на свет, имея всего лишь три спички? Смитбек закрыл глаза и сосредоточился, пытаясь вспомнить пройденный путь, каждый его поворот. Вскоре он оставил это занятие – трех спичек все равно не хватит, чтобы благополучно миновать злосчастные рельсы.

Сидеть было неудобно, колени уже начали дрожать. Смитбек поднялся и прислушался, пристально вглядываясь в густую непроглядную тьму. Постепенно ему начали чудиться какие-то странные тени и движение. Он стоял неподвижно, стараясь дышать глубоко и размеренно. Казалось, он торчит здесь уже целую вечность. Безумие какое-то! Если бы он…

– Эй, Скриблерус! – раздался из пролома голос, который мог принадлежать лишь бестелесному призраку.

– Что? – выдохнул Смитбек, резко оборачиваясь.

– Я беседую с Уильямом Смитбеком, Скриблерусом, разве не так?

– Да-да. Я – Смитбек. Билл Смитбек. Кто вы? – спросил он довольно нервно.

– Мефисто. – Звук «с» был произнесен с каким-то зловещим шипением.

– Почему так долго? – спросил журналист, склоняясь к лазу.

– Труден путь наверх.

Смитбек помолчал. Он представил себе, как человек, находящийся сейчас там, за стеной, поднимался вверх на несколько уровней.

– Вы когда-нибудь выходите на поверхность? – спросил он наконец.

– Нет! Ты должен гордиться, Скриблерус. Так близко к поверхности я не был вот уже пять лет.

– Почему так? – продолжал допрос Смитбек, нащупывая в темноте кнопку включения магнитофона.

– Потому что это мой домен. Я властитель всего, что ты видишь.

– Но я ничего не вижу.

Из дыры в шлакоблоке донесся сухой смешок.

– Неверно! Ты зришь тьму. И тьма является моими владениями. Над твоей головой грохочут поезда, обитатели поверхности спешат по своим бессмысленным делам. Но все, что под Центральным парком – «Шестьсот шестьдесят шестая дорога», «Тропа Хо Ши Мина» и «Бункер», – принадлежит мне.

Смитбек задумался. Название «Шестьсот шестьдесят шестая дорога» имело смысл. Но два других его смутили.

– «Тропа Хо Ши Мина»? – переспросил он. – Что это?

– Сообщество, как и все остальные, – прошипел голос. – Теперь они объединились с моим для лучшей защиты. В свое время многие из нас были хорошо знакомы с «Тропой». Многие из нас дрались в постыдной войне против отсталого народа. И за это нас подвергли остракизму. И вот теперь мы живем своей жизнью под землей в добровольной ссылке. Здесь мы дышим, размножаемся, умираем. И желаем лишь одного – пусть нас оставят в покое.

Смитбек потрогал магнитофон, надеясь, что пленка все зафиксировала. Он слышал об отдельных бродягах, искавших убежища в тоннелях подземки. Но чтобы постоянное поселение…

– Значит, все ваши подданные – бездомные? – спросил он.

Мефисто ответил не сразу.

– Нам не нравится это слово, Скриблерус. У нас есть дом, и не будь ты столь робок, я бы тебе его показал. У нас есть все необходимое. Трубы снабжают нас водой для приготовления пищи и для гигиенических целей. Подземные кабели дают электричество. Те немногие вещи, которые нам нужны с поверхности, доставляют гонцы. В «Бункере» есть даже медицинская сестра и школьный учитель. Другие подземные поселения – Вестсайдская сортировочная станция, например, – совершенно не организованы и там очень опасно. Мы же здесь живем с достоинством.

– Школьный учитель? Вы хотите сказать, здесь есть дети?

– О, сколь ты наивен, Скриблерус! Многие живут здесь только потому, что у них есть дети, а злобная государственная машина хочет отнять их и отдать в чужие руки. Они предпочли этот теплый и темный мир твоему миру отчаяния, Скриблерус.

– Почему ты так меня называешь?

Из дыры снова послышался сухой смешок.

– Ведь ты это ты, разве не так? Уильям Смитбек, Скриблерус?

– Да, но…

– Для журналиста ты очень плохо начитан. Прежде чем мы встретимся снова, изучи творение Александра Попа «Дунсиада».

Смитбек начал подозревать, что его собеседник – личность куда более интересная, чем ему казалось.

– Кто вы на самом деле? – спросил он. – Каково ваше подлинное имя?

После недолгой паузы бестелесный голос прошипел:

– Я оставил свое имя на верхней ступени, и теперь я – Мефисто! Никогда, никогда не задавай мне этого вопроса.

– Извините! – Смитбек судорожно сглотнул.

Мефисто, похоже, рассердился. Тон его стал жестким, слова резко вырывались из темноты.

– Мы привели тебя сюда не без причины.

– Убийство Вишер? – с надеждой спросил Смитбек.

– В твоих статьях, так же как и в других, говорилось, что ее труп обезглавлен. И я пришел сюда сообщить, что лишение головы – далеко не все. Это в некотором роде пустяк. – Он разразился резким кашляющим смехом.

– Что вы хотите этим сказать? Вам известно, кто это сделал?

– В каком-то смысле – да, – прошипел Мефисто. – Это сделали те, кто охотится на моих людей. Морщинники.

– Морщинники? – переспросил Смитбек. – Я не понимаю…

– В таком случае молчи и слушай меня, Скриблерус! Я сказал тебе, что мое сообщество – безопасная гавань. И так было всегда до прошлого года. Теперь на нас нападают. Те, кто покидает безопасную зону, исчезают, или их убивают. Убивают самым ужасающим способом. Наши люди все больше и больше боятся. Мои гонцы не раз пытались привлечь к этому внимание полиции. Полиция! – Послышался смачный звук злобного плевка, а голос перешел чуть ли не на визг. – Продажные цепные псы обанкротившейся системы! Для них мы всего лишь грязные твари, на которых можно орать и которых можно пинать. Наши жизни ничего не стоят! Сколько наших людей погибло или исчезло? Толстяк,

Гектор, Черная Энни, Старший Сержант… Но стоило только одной светской красотке в шелках оторвать голову, как весь город встал на уши!

Смитбек облизал губы. Его интересовало, какой фактической информацией располагает Мефисто.

– Что вы имеете в виду, говоря о «нападении»?

– Извне, – после долгого молчания ответил Мефисто.

– Извне? – переспросил Смитбек. – Вы хотите сказать, на вас нападают отсюда? – Он принялся судорожно вращать головой, тщетно вглядываясь во тьму.

– Нет. Из-за пределов «Шестьсот шестьдесят шестой дороги» и «Бункера». Есть еще одно место. Место, которого все сторонились. Двенадцать месяцев тому назад поползли слухи, что это место заселено. Тогда же начались убийства. Наши люди стали исчезать. Вначале мы высылали поисковые отряды. Большинство жертв так и не были обнаружены. Но у тех, кого нашли, плоть была съедена, головы оторваны, а тела растерзаны.

– Подождите-подождите, – прервал его Смитбек. – То есть вы хотите сказать, что здесь обитает банда каннибалов, которые пожирают людей и отрывают им головы?

А может, этот Мефисто все же чокнутый? Смитбек снова начал подумывать о том, как выбраться на поверхность.

– Мне не по вкусу твои скептические интонации, Скриблерус, – проговорил Мефисто. – Да, это именно то, что я хочу сказать. Стрелок-Радист, ты здесь?

– Здесь, – раздалось у самого его уха. Смитбек отпрянул, издав от страха какой-то странный, похожий на ржание звук.

– Как вы сюда попали? – просипел он.

– В моем королевстве много путей, – послышался голос Мефисто. – А после жизни в этой благословенной тьме зрение наше приобретает необычайную остроту.

– Послушайте! – Смитбек судорожно сглотнул. – Это не значит, что я вам не верю. Я просто…

– Замолчи! – оборвал его Мефисто. – Мы беседовали достаточно долго. Стрелок-Радист, отведи его на поверхность.

– А как же насчет награды? – изумленно спросил Смитбек. – Разве не ради нее вы меня сюда позвали?

– Неужели ты не услышал того, что я тебе сказал? – прошипел Мефисто. – Ваши деньги для меня – ничто. Меня беспокоит лишь безопасность моего народа. Возвратись в свой мир, напиши статью. Расскажи тем, кто на поверхности, все, что тебе рассказал я. Скажи им: то, что убило Памелу Вишер, убивает и моих людей. И убийствам этим следует положить конец. – Бестелесный голос, казалось, уже звучал издалека, отдаваясь глухим эхом от стен подземного коридора. – В противном случае мы найдем иные пути для того, чтобы наши слова были услышаны.

– Но мне надо… – На его локте сомкнулись чьи-то пальцы.

– Мефисто ушел, – услышал он голос Стрелка-Радиста. – Я проведу вас наверх.

7

Л ейтенант д’Агоста сидел в своем тесном кабинете со стеклянными стенами и, теребя сигару в нагрудном кармане пиджака, просматривал пачку докладов, связанных с находками водолазов в Протоке Гумбольдта. Вместо того чтобы закрыть одно простое дело, он открыл для себя еще два. Даже не открыл, а распахнул настежь. Как всегда, никто ничего не видел и никто ничего не слышал. Дружок Памелы от горя впал в прострацию и как свидетель никуда не годился. Отец давно умер. Мать была холодна и отчужденна, как Снежная Королева. Лейтенант пребывал в самом мрачном расположении духа. Дело Памелы Вишер казалось ему взрывоопасным, как нитроглицерин.

Д’Агоста перевел взгляд с пачки бумаг на столе на надпись

НЕ КУРИТЬ

в коридоре напротив его кабинета и нахмурился еще больше. Эта надпись, так же как и десятки подобных, появилась в стенах департамента неделю назад.

Он вытащил сигару из кармана и снял с нее целлофановую упаковку. Закона, запрещающего жевать сигару, слава Богу, еще не приняли. Он любовно покатал сигару между большим и указательным пальцами, придирчиво изучая верхний лист. Не обнаружив дефектов, д’Агоста сунул сигару в рот.

Некоторое время он сидел неподвижно. Затем выругался, резко выдвинул верхний ящик и рылся в нем до тех пор, пока не нашел большую кухонную спичку. Чиркнув ею о подошву ботинка, он поднес огонек к кончику сигары и со вздохом откинулся на спинку кресла, прислушиваясь к легкому потрескиванию табака при первой затяжке.

Резко зазвонил телефон внутренней связи.

– Да? – ответил д’Агоста. Это не могло быть жалобой. Он едва успел выпустить первую струйку дыма.

– Лейтенант, – услышал он голос секретаря отдела. – Вас хочет видеть сержант Хейворд.

Лейтенант негромко зарычал, выпрямился и переспросил:

– Кто?

– Сержант Хейворд. Говорит, что по вашей просьбе.

– Не знаю я никакого сержанта Хейворда…

В дверном проеме возникла женщина в полицейском мундире.

– Лейтенант д’Агоста?

Д’Агоста недоуменно посмотрел на нее. Как из столь миниатюрного тела может исходить такое глубокое контральто?

– Садитесь. – Он молча наблюдал, как сержант устраивается на стуле. Похоже, она считала само собой разумеющимся свое самовольное явление в кабинет начальства.

– Не припоминаю, что вызывал вас, сержант, – наконец произнес д’Агоста.

– А вы и не вызывали, – ответила Хейворд. – Но я знала, что вы обязательно захотите меня увидеть.

Д’Агоста снова откинулся на спинку кресла и затянулся сигарой. Пусть скажет, что хочет сказать, а уж потом он задаст ей взбучку. Не потому, что строго придерживается правил, а потому, что считает покушение на покой старшего по званию вопиющим нарушением дисциплины. Неужели один из его парней прижал ее в помещении архива? Только дела о сексуальных домогательствах ему еще не хватало.

– Речь идет о тех телах, которые вы обнаружили в Клоаке, – начала Хейворд.

– Вот как? – Слова сержанта вызвали у д’Агосты нехорошие подозрения. Считалось, что расследование ведется в обстановке глубокой секретности.

– До реорганизации я работала в транспортной полиции, – сказала Хейворд таким тоном, словно это все объясняло. – Я до сих пор дежурю на Вест-Сайде. Чищу от бездомных Пенсильванский вокзал, Адскую Кухню и сортировочные станции под…

– Постойте-постойте. Так, значит, вы ассенизатор? – прервал ее д’Агоста и тут же понял, что совершил ошибку.

Уловив насмешливое недоверие в его голосе, Хейворд вся напряглась и сдвинула брови. Повисло неловкое молчание.

– Нам не нравится это прозвище, лейтенант, – наконец сказала она.

Решив, что уже достаточно ублажил незваную гостью, д’Агоста бросил:

– Это мой кабинет.

Хейворд посмотрела на него, и по этому взгляду лейтенант понял, как меняется в худшую сторону ее мнение о нем.

– О’кей. Если вы хотите играть по таким правилам… – Хейворд глубоко вздохнула и продолжила: – В этих ваших скелетах, когда я о них услышала, я почувствовала нечто знакомое. Они напомнили мне о ряде недавних убийств среди кротов.

– Кротов?

– Людей, обитающих в тоннелях. – Ее снисходительный тон разозлил лейтенанта. – Бездомных, поселившихся под землей. Впрочем, не важно. Сегодня я прочитала статью в «Пост». Ту, которая про Мефисто.

Д’Агоста недовольно скривился. Этот вечно рыскающий в поисках скандалов Билл Смитбек нагнал страху на своих читателей и еще более ухудшил ситуацию. В свое время они были в некотором роде друзьями, но теперь, получив пост криминального репортера, Смитбек стал просто невыносим. И д’Агоста предпочитал не снабжать его конфиденциальной информацией.

– Продолжительность жизни бездомного очень мала, – продолжала Хейворд. – Даже меньше, чем у настоящих кротов. Но журналист прав. Недавно произошло несколько необычайных по своей мерзости убийств. Головы исчезли, тела разорваны. Я подумала, что вам это будет интересно. – Чуть подвинувшись на стуле и одарив д’Агосту взглядом ясных карих глаз (этот взгляд почему-то тревожил его), Хейворд закончила: – Впрочем, мне, наверное, следовало поберечь дыхание.

Решив оставить последнее замечание без внимания, д’Агоста спросил:

– О каком числе безголовых покойников мы говорим, сержант? Двух? Трех?

– Скорее о полудюжине, – немного подумав, ответила Хейворд.

Рука с сигарой замерла на полпути ко рту.

– Полдюжины?!

– Это по моим прикидкам. Прежде чем прийти сюда, я порылась в делах. За последние четыре месяца было убито семь кротов. Модус операнди во всех семи случаях идентичен.

– Сержант, давайте напрямик. – Д’Агоста опустил руку с сигарой. – Вы хотите сказать, что под землей бродит какой-то Джек Потрошитель и никто им не занимается?

– Послушайте. Это всего лишь мое предположение, – воинственным тоном произнесла она. – Вообще-то это не мое дело. Я расследованием убийств не занимаюсь.

– Почему вы не действовали в установленном порядке и не сообщили о возникших подозрениях своему руководителю?

– Я сообщала своему шефу. Капитану Уокси. Вы его знаете?

Капитан Уокси был известен всем. Как самый жирный и самый ленивый начальник участка во всем городе. Как человек, своим бездельем сделавший карьеру, и сумевший при этом никого не обидеть. Годом раньше д’Агоста и сам был представлен благодарным мэром к званию капитана. Но тут случились выборы, и мэра Харпера турнули из кабинета. Новый мэр въехал в ратушу на обещаниях сократить налоги и уменьшить расходы. В результате политики экономии Уокси получил капитанство и участок под свою команду, а д’Агоста остался с носом. Таков, увы, мир.

– Убийство крота – совсем не то, что убийство на поверхности, – продолжала, закинув ногу на ногу, Хейворд. – Большую часть тел вообще не обнаруживают. А если и обна–руживают, то лишь после того, как их уже нашли крысы и собаки. Многие из них оказываются «Джонами Доу» – неизвестными. Идентифицировать их не удается даже в тех случаях, когда тела находятся в сравнительно приличном состоянии. А остальные кроты, можете быть уверены, нам не помощники.

– И Джек Уокси, значит, всю вашу информацию закопал?

– Плевать он хотел на всех этих людей, – снова помрачнела Хейворд.

Д’Агоста долго смотрел на нее, размышляя, почему Уокси, закоренелый шовинист старой закалки, взял в свой штат женщину ростом всего в пять футов три дюйма. Посмотрев еще раз на ее изящные черты лица, карие глаза и тонкую талию, лейтенант нашел ответ.

– О’кей, сержант, – кивнул он. – Я покупаю вашу информацию. Вы можете назвать места убийств?

– Места – практически единственное, чем я располагаю.

Сигара давно погасла, и д’Агоста принялся рыться в столе в поисках спички.

– Итак, где же их обнаруживали?

– Здесь и здесь. – Хейворд извлекла из кармана компьютерную распечатку, развернула и подвинула через стол.

Раскуривая сигару, д’Агоста изучал листинг.

– Итак, первое тело обнаружено тридцатого апреля в доме № 624 на Пятьдесят восьмой Западной улице.

– В подвале, в бойлерной. Из нее есть доступ к железнодорожной ветке, поэтому она попала под юрисдикцию транспортной полиции.

Д’Агоста кивнул, не сводя взгляда с листка.

– Следующее – седьмого мая под станцией подземки «Коламбус-сёркл». Третье – двадцатого мая на железнодорожном отводе Б4, на двадцать втором пути, у дорожного знака «1,2 мили». Где это, черт побери?

– Один из закрытых ныне грузовых тоннелей, которые в свое время вели на Вестсайдскую сортировочную. Кроты проломили стены и поселились в некоторых из них.

Д’Агоста слушал, с наслаждением затягиваясь сигарой. Год назад, в ожидании повышения по службе он перешел с «Гарсиф и Вегас» на «Данхилл». Хотя повышение не состоялось, д’Агоста так и не сумел убедить себя вернуться к прежнему сорту сигар. Все так же, без эмоций, он взглянул на Хейворд. Конечно, уважением к вышестоящим она не отличается. Но, с другой стороны, несмотря на крошечный рост, в ней ощущались уверенность в себе и прирожденная властность. Явившись к нему, она продемонстрировала инициативность. И смелость тоже. На какой-то момент он даже пожалел, что начал разговор не с той ноги.

– Ваше появление, конечно, не соответствует порядкам, установленным в департаменте полиции, – сказал он. – Тем не менее я высоко ценю то, что вы потратили время.

Хейворд едва заметно кивнула, давая понять, что комплимент слышала, но не принимает.

– Я не хочу вторгаться в юрисдикцию капитана Уокси, – продолжал д’Агоста. – Но я могу передать ему все, что вы мне сказали, на тот случай, если между всеми убийствами существует связь. Вы, кстати, заметили это первой. Давайте поступим так: забудем, что вы приходили ко мне и что мы разговаривали.

Хейворд снова кивнула.

– Я позвоню Уокси, как будто я получил сообщения об убийствах по своим каналам, после чего мы совершим небольшую экскурсию по памятным местам.

– Ему это не понравится. Капитану по вкусу лишь одно место – его кресло в участке и один пейзаж – вид из окна его кабинета.

– Нет, он пойдет. Как он будет выглядеть в глазах начальства, когда его работу делает какой-то лейтенант, а он греет задницу в кресле? Особенно если это обернется серьезным делом. Итак, мы совершим небольшую прогулку втроем. Не стоит раньше времени тревожить больших шишек.

– Все это не очень здорово, лейтенант, – мгновенно помрачнела Хейворд. – Там крайне опасно. Мы будем играть на чужом поле. А это не какие-то бедняги, сбившиеся с пути истинного. Там образовалось сообщество крутых парней. Ветераны Вьетнама, бывшие уголовники, отпущенные под залог. Никого они не ненавидят так яро, как копов. Нам потребуется по меньшей мере отделение полицейских.

Д'Агосту вновь начал раздражать ее безапелляционный тон. Ни грана уважения!

– Послушайте, Хейворд, – сказал он. – Ведь речь идет не о Судном дне, а всего-навсего о спокойной ознакомительной прогулке. Я хочу осмотреть все, как оно есть. И если мы на что-нибудь наткнемся, то сможем начать официальное расследование.

Хейворд молчала.

– И еще, сержант. Если я услышу разговоры о нашей беседе, я сразу определю, откуда растут ноги.

Хейворд поднялась со стула, разгладила брюки и поправила форменный пояс.

– Ясно, – сказала она.

– Я так и думал, что вы все поймете.

Д'Агоста встал с кресла и выпустил струйку дыма в сторону надписи

НЕ КУРИТЬ.

Он заметил, как Хейворд смотрит на сигару – то ли с презрением, то ли с неодобрением.

– Не хотите ли закурить? – саркастически спросил он, запуская пальцы в нагрудный карман пиджака.

В первый раз за все время на губах сержанта промелькнуло подобие улыбки.

– Спасибо, не надо. Особенно после того, что случилось с моим дядей.

– А что с ним случилось?

– Рак полости рта. Ему вырезали губы.

Хейворд повернулась на каблуках и быстро вышла из кабинета. Попрощаться она не удосужилась. А вкус сигары почему-то резко ухудшился.

8

О н неподвижно сидел в тишине лаборатории.

Хотя в помещении не было света, его взгляд перебегал с одной стены на другую, любовно задерживаясь на каждом предмете. Для него это еще было в новинку – сидеть неподвижно часами, наслаждаясь замечательной остротой всех своих чувств.

Теперь он закрыл глаза и сконцентрировал все внимание на глухом городском шуме за стенами. Спустя некоторое время из общего рокота голосов он смог выловить обрывки разговоров, отделив самые громкие и близкие от тех, что велись на расстоянии нескольких комнат или даже этажей. Вскоре и эти шумы растворились в потоке его внимания, и он услышал шорох и писк мышей, совершающих свой тайный жизненный цикл глубоко за стенами. Временами ему казалось, что до него доносятся стоны самой земли, ее движение и вздохи.

Позже – он не знал, насколько позже, – у него снова проснулось чувство голода. Это был не совсем голод. Скорее ощущение, что ему чего-то недостает. Казалось, что изнутри – места он определить не мог – его кто-то царапает, пока еще очень нежно. Однако он никогда не позволял этому ощущению усиливаться.

Быстро поднявшись, он прошел по лаборатории, повернул вентиль на дальней стене, зажег газ и поставил на горелку реторту с дистиллированной водой. Когда вода нагрелась достаточно, он запустил руку в потайной карман и извлек оттуда продолговатую металлическую капсулу. Отвинтил колпачок, высыпал немного порошка на поверх–ность воды. Если бы в помещении горела лампа, можно было бы увидеть, что порошок имеет цвет светлого нефрита. Температура воды увеличивалась, и над поверхностью воды возникло легкое облачко. Наконец вода забурлила.

Он выключил газ и перелил дистиллат в мензурку. Теперь ее следовало осторожно взять в ладони, отрешиться от всех мыслей и, совершив ритуальные движения, позволить божественному пару ласково

прикоснуться к ноздрям. Но на это ему никогда не хватало терпения. Вот и сейчас, алчно глотая горячую жидкость, он почувствовал, как полыхает огнем нёбо. Он негромко рассмеялся. Его забавляло, как сам он нарушает ритуал, соблюдения которого так строго требует от всех остальных.

Он еще не успел снова сесть, а странное ощущение внутри уже исчезло. В теле началось какое-то медленное движение. Поток огня, зародившись в конечностях, постепенно поднимался вверх, и вскоре ему стало казаться, что все его существо охвачено пламенем. Он ощутил в себе необыкновенное могущество, жизнь стала казаться ему неописуемо прекрасной. Чувства, и без того обостренные, позволяли теперь разглядеть в угольной тьме самые мельчайшие пылинки, услышать на Манхэттене все шумы, начиная от бесед в Радужной комнате на семидесятом этаже Рокфеллеровского центра и кончая голодными стенаниями его собственных детей глубоко под землей в тайных, забытых людьми местах.

Скоро они проголодаются еще сильнее, и тогда их не сможет сдержать даже церемония.

Но к тому времени церемония больше и не потребуется.

Темнота казалась чуть ли не до боли яркой, и он прикрыл глаза, слушая, как течет в его сосудах кровь. Он будет сидеть, опустив веки, пока благостные ощущения не достигнут пика, а серебристая, блестящая пленка, временно затянувшая глазное яблоко, не исчезнет. «Кто-то назвал эту пленку „глазурью“, – весело вспомнил он. – Очень удачное название».

Скоро – увы, слишком скоро – радостное пламя, полыхавшее в теле, начало угасать. Но ощущение могущества сохранилось как постоянное напоминание о том, что произошло с его суставами и связками, как напоминание о том, во что он превратился. Жаль, что его бывшие коллеги не могут его увидеть. Они бы все поняли.

Он поднялся, слегка сожалея о том, что приходится покидать это место наслаждений. Но сегодня ему предстоит еще очень много дел.

Это будет бурная ночь.

9

М арго подошла к двери и с отвращением отметила, что она такая же грязная, как обычно. Даже для музея, печально известного своей терпимостью к пыли, дверь в лабораторию физической антропологии, или «комнаты скелетов», как именовал ее персонал, казалась омерзительно грязной. «Ее, видимо, не мыли с начала века», – подумала Марго. От множества прикосновений ручка была засалена, а панель

блестела, словно лакированная. Марго захотелось вынуть из сумочки платок, но она тут же отказалась от этой мысли, решительно взялась за ручку и открыла дверь.

В лаборатории царил обычный полумрак, и ей пришлось выждать, пока привыкнут глаза. До потолка поднимались ряды металлических выдвижных ящиков – двенадцать тысяч, и в каждом хранился человеческий скелет – либо целиком, либо его фрагменты. В основном – скелеты коренных обитателей Африки и обеих Америк. Однако сейчас Марго интересовали не антропологические, а медицинские образцы. Доктор Фрок предложил для начала исследовать скелеты людей, страдавших острыми костными деформациями. Он выдвинул гипотезу, что скелеты жертв агромегалии, или синдрома Протея, помогут пролить свет на происхождение отвратительного костяка, лежавшего под синим пластиковым покрывалом в лаборатории судебной антропологии. Пробираясь между стеллажами, Марго горестно вздохнула. Она знала, что ее ожидает весьма недоброжелательный прием. Здесь всем приходилось выслушивать ворчание Сэя Хедждорна, такого же древнего, как и охраняемые им скелеты. Хедждорн вместе с вахтером Керли и Эммалайн Спрэгг из лаборатории биологии беспозвоночных принадлежал к старой гвардии музея. Сэй презирал компьютерную технику и упрямо отказывался приводить каталог своего собрания в соответствие с требованиями двадцатого столетия. Когда бывший коллега Марго Грег Кавакита получил место в лаборатории, ему приходилось терпеть брюзжание Сэя каждый раз, как только он открывал свой портативный компьютер. Кавакита прозвал старика за глаза Стампи. Лишь Марго, да еще несколько аспирантов знали, что это прозвище происходит от *Stumpiniceps troglodytes* – названия существа, обитавшего на дне океанов в каменноугольный период.

При воспоминании о Каваките Марго нахмурилась. Она чувствовала себя виноватой. С полгода назад он оставил сообщение на ее автоответчике. Грег извинился, что давно не звонил, и сказал, что ему обязательно надо с ней поговорить и что он позвонит завтра в то же время. Когда в назначенный час зазвонил телефон, Марго машинально потянулась к трубке – и замерла, удивленно спрашивая себя, почему ей так не хочется говорить с Кавакитой. Впрочем, она знала ответ. Кавакита, Пендергаст, Смитбек, лейтенант д’Агоста и даже доктор Фрок были частью того… Экстраполяционная программа Грега позволила понять, что представляет собой Мбвун – чудовище, наводившее ужас на весь музей и до сих пор видевшееся ей в ночных кошмарах. Да, это эгоизм, но Марго не хотела общаться с теми, кто мог напомнить ей о тех ужасных днях. Теперь, когда она по горло увязла в изучении деформированного скелета, прежние предрассудки выглядели по меньшей мере глупо.

Громкое покашливание вернуло ее к реальности. Оглянувшись, она увидела рядом с собой крошечного человечка в поношенном твидовом костюме, с обветренным, изборожденным морщинами лицом.

– Не зря мне показалось, что кто-то бродит среди моих скелетов, – мрачно произнес Хедждорн, скрестив маленькие ручки на груди. – Итак?

Марго испытывала невольное раздражение. Его скелеты, как бы не так! Стараясь не демонстрировать своих чувств, она извлекла из сумки листок бумаги и вручила его Хедждорну.

– Доктор Фрок хочет, чтобы эти скелеты направили в лабораторию судебной антропологии.

Стампи изучил бумагу и сделался еще более мрачным.

– *Три* скелета? Но это же против всяких правил.

– Это очень важно, и мы хотели бы получить их немедленно, – ответила Марго. – Если у вас какие-то трудности, то доктор Мирриам, я уверена, даст свое разрешение.

Упоминание о директоре возымело желаемое действие.

– Ну хорошо. Но все же это против правил. Ступайте за мной.

Он повел ее к древнему письменному столу, колченогому и обшарпанному. Здесь, в рядах маленьких выдвижных ящичков, хранилась картотека. Проверив первый номер в заявке Фрока, Хедждорн провел костлявым желтоватым пальцем вдоль ящичков, отыскал нужный, выдвинул и, сварливо ворча, вынул оттуда карточку.

– 1930 – 262, – прочитал он. – Ну и везет же мне. Опять в самом верхнем ряду. К вашему сведению, я не столь молод, как прежде. Высота меня пугает… Постойте! Это же медицинский образец! – Хедждорн уставился на ярко-красное пятно в углу карточки.

– Остальные тоже, – спокойно сказала Марго. Старик явно ждал объяснений, но она упрямо молчала.

В конце концов хозяин комнаты скелетов, сурово сдвинув брови и еще раз откашлявшись, сунул ей через стол каталожную карточку.

– Если вы настаиваете, распишитесь здесь и здесь, а также запишите номер вашего телефона и название отдела. Не забудьте в графе «Руководитель» указать имя Фрока.

Марго посмотрела на грязную, обтрепанную по углам картонку. Библиотечная каталожная карточка! Как необычно. В верхней строке

аккуратными печатными буквами было выведено имя: Хомер Маклин. Все правильно. То, что просил Фрок. Если она правильно запомнила, жертва нейрофиброматоза.

Марго наклонилась, чтобы написать свое имя на свободной строке, и замерла. Среди трех или четырех имен предыдущих исследователей виднелась хорошо знакомая подпись – Г. С. Кавакита. Антропология. Он брал этот скелет для изучения пять лет назад. Впрочем, неудивительно. Грега всегда привлекало все необычное, нетривиальное, любое исключение из правил. Возможно, поэтому его так заинтересовала теория фрактальной эволюции доктора Фрока.

Когда-то Грег прославился тем, что использовал это помещение, тренируясь в забрасывании спиннинга. Он попадал блесной в намеченный заранее ящик. Естественно, в то время, когда в «комнате скелетов» не было Хеджборна. Марго с трудом подавила улыбку.

«Ладно, – решила она, – сегодня же вечером отыщу номер Грега в телефонной книге. Лучше поздно, чем никогда».

Услышав тяжелое, хриплое дыхание, она подняла голову и встретилась взглядом с Хедждорном.

– Мне нужно ваше имя, – ядовито произнес он, – а не лирическая поэма. Поэтому кончайте размышлять и займемся делом.

10

Ш ирокий, аляповато украшенный резьбой по мрамору и известняку фасад клуба «Музы Полигимнии» выдавался из общего строя домов, напоминая корму испанского галеона. Над входом возвышалась золоченая статуя музы риторики, давшей название клубу. Муза стояла на одной ноге, словно изготовясь к полету. Вращающаяся дверь под статуей, как всегда в субботние вечера, работала без остановки, несмотря на то что членство в клубе ограничивалось нью-йоркской газетной и журнальной братией. Но, как однажды пожаловался Хорас Грили, его членами стали все безработные щенки, обитающие к югу от Четырнадцатой улицы.

В самой глубине обширного обшитого дубовыми панелями помещения Билл Смитбек прошествовал к бару и заказал себе «Каол Ила» без льда. Статус клуба его не интересовал. Билла интересовало уникальное собрание завезенных из Шотландии особых сортов виски. Чистейший напиток обладал тонким привкусом древесного дымка и воды из озера Лох-нам-Бан. Он неторопливо сделал первый глоток и посмотрел по сторонам, ловя на себе восхищенные взгляды собратьев по перу.

Дело об убийстве Вишер стало самой большой его удачей. Меньше чем за неделю – три большие статьи на первой полосе. Даже болтовня и

глухие угрозы Мефисто зазвучали в подаче Смитбека язвительно и серьезно. Когда он сегодня выходил из редакции, Мюррей сердечно шлепнул его по спине. И это Мюррей – редактор, который никогда не произнес ни единого слова похвалы в чей-либо адрес.

Изучение посетителей ничего не дало, и Билл, обратившись лицом к бару, сделал еще один глоток. Просто удивительно, насколько велико могущество прессы, подумал он. Ведь благодаря ему весь город стоит сейчас на ушах. На Джинни, его секретаршу, обрушился поток звонков, связанных с вознаграждением, и к делу пришлось подключить телефонистку на коммутаторе. Даже мэру слегка подпалило хвост. Миссис Вишер должна быть довольна его работой. Это – вдохновение.

Мысль о том, что миссис Вишер сознательно им манипулировала, мелькнула в сознании Смитбека, но он тут же прогнал ее прочь. Сделав еще глоток виски, он закрыл глаза, стараясь прочувствовать восхитительный вкус, похожий на мечту об ином мире.

На его плечо легла чья-то рука, и Смитбек охотно обернулся. Это был Брайс Гарриман – криминальный репортер из «Таймс», также занимавшийся делом Вишер.

– О… – разочарованно протянул Смитбек.

– Дорогу, Билл, – бросил Гарриман, проталкиваясь к стойке и при этом не снимая руки с его плеча. – «Киллианз»! – заказал он и постучал по стойке монетой.

Смитбек кивнул: «Боже, и как меня угораздило наткнуться на этого типа?»

– Да, – сказал Гарриман. – Очень толково. Держу пари, твои писания понравились всем в…«Пост». – Перед последним словом он выдержал паузу.

– Если по правде, то да, понравились.

– Вообще-то мне следует тебя поблагодарить. – Гарриман взял кружку и с чувством пригубил ее содержимое. – Ты подсказал мне отличный поворот темы.

– Неужели? – спросил Смитбек без всякого интереса.

– Именно так. Я хочу написать, как тебе удалось помешать расследованию. Практически парализовать его.

Смитбек поднял глаза, а журналист из «Таймс», самодовольно кивнув, продолжил:

– Когда ты упомянул о вознаграждении, пошел поток звонков от всяких психов, а полиция должна к каждому из них относиться с полной серьезностью. И теперь они тратят время, расследуя каждый вонючий сигнал. Я дам тебе небольшой дружеский совет, Билл. Некоторое время, примерно лет десять, не показывай своей рожи вблизи дома номер один на Полис-плаза. На тебя имеет зуб весь департамент полиции города Нью-Йорка.

– Брось! – раздраженно ответил Смитбек. – Мы оказали полиции большую услугу.

– Но вовсе не тем, о чем я говорю.

Смитбек отвернулся и потянул виски. Он уже привык к постоянным колкостям Гарримана. Брайс Гарриман, выпускник факультета журналистики Колумбийского университета, полагающий, что ниспослан на ниву творчества самим Богом. В любом случае у Смитбека сохранились добрые отношения с лейтенантом д’Агостой, и это главное. А Гарриман – всего лишь мешок дерьма.

– Ты лучше скажи, Брайс, как самочувствие «Таймс»? – спросил он. – Что касается «Пост», то наш тираж с прошлой недели увеличился на сорок процентов.

– Не знаю, и мне на это плевать. Объем продаж настоящего журналиста не должен интересовать.

Смитбек решил развить свой успех.

– Учись смотреть правде в глаза, Брайс. Ведь я вставил тебе фитиль. У меня было интервью с миссис Вишер. А у тебя что?

Гарриман потемнел лицом. Ага! Похоже, мужику крепко влетело от редактора.

– Да-а-а… – протянул Гарриман. – Она хорошо разыграла свою роль. Обвела тебя вокруг пальца. А подлинная сенсация-то совсем в другом.

– Да? И в чем же?

– Например, в идентификации второго скелета. Или в ответе на вопрос, куда они увезли тела. – Гарриман, небрежно потягивая пиво, покосился на Смитбека. – Неужели ты хочешь сказать, что ничего не знаешь? Боюсь, ты слишком много времени тратишь на болтовню с психами в железнодорожных тоннелях.

Смитбек оглянулся на коллегу-репортера, изо всех сил пытаясь скрыть удивление. Неужели он хочет пустить его по ложному следу? Похоже, что нет. Взгляд из-за очков в черепаховой оправе презрительный, но вполне серьезный.

– Мне пока еще не удалось это выяснить, – осторожно сказал Смитбек.

– Да будет тебе! – Гарриман шлепнул его ладонью по спине. – Сто тысяч долларов наградных. Как раз твое жалованье за два года. Да и то, если «Пост» снова не ляжет кверху брюхом. – Гарриман расхохотался, бросил на стойку бумажку в пять баксов и повернулся, чтобы уйти.

Смитбек проводил его взглядом. Итак, тела из патологоанатомической лаборатории забрали. Да, ему следовало бы узнать об этом раньше. Но куда их могли отправить? Похорон не было. Значит, скелеты находятся в лаборатории, причем в лаборатории, оборудованной лучше, чем прозекторская главного судмедэксперта города Нью-Йорка. Вдобавок она должна хорошо охраняться – значит, исследовательские центры Колумбийского и Рокфеллеровского университетов отпадают, там повсюду шастают студенты. Расследованием заправляет лейтенант д’Агоста, а д’Агоста – мужик серьезный. Он ничего не делает с кондачка. Интересно, почему д’Агоста решил перевезти тела…

Д’Агоста!

И в этот момент Смитбек догадался – нет, он теперь точно знал, где скелеты.

Он осушил стакан, соскользнул с табурета и зашагал по роскошному красному ковру к ряду телефонных будок в вестибюле. Бросив четвертак в щель ближайшего аппарата, Билл набрал нужный номер.

– Говорит Керли, – произнес дребезжащий от старости голос.

– Керли! – радостно завопил Смитбек. – Это Билл Смитбек. Как дела?

– Прекрасно, доктор Смитбек. – Керли, проверявший пропуска у служебного входа в Музей естественной истории, всех величал докторами. Правители приходят и уходят, династии возвышаются и рушатся, а Керли – Смитбек в этом не сомневался – пребывает вовек в своей бронзовой будке, проверяя удостоверения личности.

– Керли, в котором часу в среду прибыли машины «скорой помощи»? Те самые, которые подъехали парой. – Смитбек говорил быстро, в надежде, что древний страж не знает о его репортерской карьере.

– Сейчас соображу, – протянул в своей неторопливой манере Керли. – Похоже, что я ничего подобного не припоминаю, доктор, – сказал он после недолгого молчания.

– Неужели? – обескураженно спросил Смитбек. А он ведь был совершенно уверен.

– Да, вот так, – ответил старик, – если вы, конечно, не имеете в виду ту карету «скорой помощи», которая подъехала без огней и сирены. Если

вы говорите о ней, так она прибыла ночью в четверг, а вовсе не в среду. – Смитбек слышал, как старик шуршит страницами журнала дежурств. – Да, это произошло около пяти утра.

– Верно, в четверг. И о чем я только думаю? – Смитбек поблагодарил вахтера и, едва не приплясывая от восторга, повесил трубку.

Ухмыляясь от уха до уха, он вернулся в зал. Один-единственный телефонный звонок – и он узнал то, что Гарриман безуспешно пытается выяснить вот уже несколько дней.

В этом был смысл. Он знал, что д'Агоста и в других делах прибегал к помощи лаборатории музея. Одним из таких дел было расследование убийств, совершенных Музейным зверем. Лаборатория была хорошо защищена, так же как и весь музей. Вне всякого сомнения, лейтенант призвал себе на помощь старого, напыщенного доктора Фрока. Не исключено, что он пригласил и бывшую помощницу Фрока Марго Грин, с которой Смитбек был дружен в дни работы в музее.

«Значит, Марго Грин», – подумал Смитбек. В этом направлении, видимо, тоже стоит поработать.

Он подозвал к себе бармена.

– Падди, я, пожалуй, продолжу с «Исли», но только из другой винокурни. Пусть на сей раз будет «Лафрейг». Пятнадцатилетней выдержки.

Он приложился к стакану с великолепным виски. Десять баксов за одну выпивку. Но продукт стоит каждого пенни.

«Как раз твое жалованье за два года», – дразнил его Гарриман. Смитбек решил, что после очередной статьи на первой полосе он явится к Мюррею и потребует прибавки. Куй железо, пока горячо!

11

С ержант Хейворд спустилась по длинной металлической лестнице, открыла узкую, покрытую бурой ржавчиной дверь и вышла на обочину заброшенного железнодорожного пути. Следом за ней, держа руки в карманах, появился лейтенант д'Агоста. Сквозь ряд решеток над их головами пробивались солнечные лучи, высвечивая летающие в воздухе пылинки. В обе стороны, растворяясь во тьме, убегали рельсы. Лейтенант обратил внимание, что, оказавшись под землей, Хейворд стала передвигаться совсем не так, как на поверхности. Ее походка сделалась бесшумной и осторожной.

– Где капитан? – спросила она.

– Идет, – ответил д’Агоста, очищая подошву о металлическую окантовку обочины. – Вы пока шагайте вперед.

Он смотрел, как Хейворд по-кошачьи настороженно уходит в глубину тоннеля. Узкий луч ее фонаря рассекал лежащую впереди тьму. Сомнения, которые он испытывал, посылая вперед эту крошечную женщину, окончательно оставили его: Хейворд чувствовала себя здесь в своей стихии.

Уокси же, наоборот, потерял уверенность в тот момент, когда они два часа назад спустились в подвал дома из красного известняка. Здесь, в подвале, тремя месяцами ранее обнаружили первое тело. Сырое помещение было забито старыми бойлерами, на потолке болтались растрепанные провода. Хейворд молча показала на матрас, разложенный за почерневшей печью. Пол вокруг матраса был усеян пустыми пластиковыми бутылками и рваными газетами. Это было жилище убитого. На матрасе остались следы кровавого пятна диаметром в три фута, и в этом месте матрас был изгрызен крысами. Над матрасом, на ржавой трубе висела пара драных спортивных носков, поросших, словно мехом, зеленой плесенью.

Обнаруженное в бойлерной тело, по словам Хейворд, когда-то было Хэнком Джеспером. Свидетелей убийства не оказалось, точно так же, как не обнаружилось ни родственников, ни друзей покойного. Документация по делу оказалась совершенно бесполезной. Ни фотографий, ни описания места происшествия. Только несколько рутинных докладов, содержащих сообщение о «многочисленных рваных ранах» и полностью раздробленном черепе, а также подтверждающих, что захоронение было произведено на кладбище Поттерз-Филд на острове Харт.

В бездействующем туалете на станции подземки «Коламбус-сёркл», где было обнаружено второе тело, они тоже не нашли ничего интересного. Их взору предстали горы мусора и следы жалких попыток смыть многочисленные кровавые пятна с древних фаянсовых умывальников и растрескавшихся зеркал. В этом случае идентифицировать тело не удалось: голова отсутствовала.

За спиной д’Агосты раздалось приглушенное проклятие. Лейтенант обернулся и увидел, как из узкой двери возникает объемистая туша капитана Уокси. Капитан с отвращением огляделся по сторонам. Его глуповатая физиономия в полусумраке тоннеля казалась совершенно неуместной.

– Господи, Винни, – бормотал он, осторожно шагая по путям в сторону д’Агосты. – Чем, дьявол нас побери, мы занимаемся? Разве я не говорил тебе, что такая работа не для капитана полиции? Особенно после обеда в воскресенье! – Он кивнул, указывая в глубину тоннеля, и продолжил: –

Ведь в эту авантюру тебя втравила эта очаровательная крошка. Скажешь, нет? Воображает о себе бог весть что. Ты не поверишь, я предложил ей стать моей личной помощницей, а она предпочла остаться в бригаде чистильщиков, чтобы вытаскивать всяких бродяг из их нор. Понимаешь?

«Очень даже хорошо понимаю», – подумал лейтенант, представив, что могло ожидать столь привлекательную женщину, оказавшуюся в прямой зависимости от Уокси.

– И проклятое радио почему-то замолчало! – раздраженно бурчал капитан.

– Хейворд предупреждала, что передатчик под землей не работает, – сказал д’Агоста, ткнув пальцем в потолок. – Или в лучшем случае работает ненадежно.

– Вот это да! И каким же образом, спрашивается, мы сможем вызвать подмогу?

– А мы не будем никого вызывать. Будем работать самостоятельно.

– Вот это да… – повторил Уокси.

Д’Агоста посмотрел на капитана. Над верхней губой у него выступили капельки пота, а обычно упругие румяные щеки обвисли.

– Это дело в твоей юрисдикции, не в моей, – сказал д’Агоста. – Подумай, как классно ты будешь выглядеть, если расследование вызовет шум. Выяснится, что ты сразу взял всю ответственность на себя, лично осмотрел все места происшествий. Для разнообразия. – Лейтенант потеребил карман пиджака, нащупывая сигару. Но, немного подумав, решил не курить. – А теперь представь, как будет скверно, если выяснится, что все эти смерти как-то между собой связаны. Ведь пресса поднимет вой, обвиняя тебя в том, что ты все прошляпил.

– Я не собираюсь баллотироваться в мэры, – покосился на лейтенанта Уокси.

– А я и не говорю о том, что ты намерен стать мэром. Я только хочу сказать, что когда на всех, как обычно, обрушится ливень дерьма, твоя задница окажется в безопасности.

Уокси пробурчал нечто невнятное. Очевидно, он слегка утешился.

Впереди по рельсам запрыгали пятна света, вскоре из темноты выступила Хейворд.

– Почти пришли, – сказала она. – Осталось только еще немного спуститься.

– Спуститься? – переспросил Уокси. – Сержант, я полагал, что мы уже на самом нижнем уровне.

Хейворд промолчала.

– А как же мы спустимся? – поинтересовался д’Агоста.

Хейворд кивнула в том направлении, откуда она только что появилась:

– Примерно через четыреста ярдов у правой стены есть еще одна лестница.

– А что, если пойдет поезд? – забеспокоился Уокси.

– Это заброшенный путь, – пояснила Хейворд. – Составы здесь давно уже не ходят.

– Откуда вам это известно?

Хейворд, ни слова не говоря, повела лучом фонаря вдоль рельса, высветив толстый слой оранжевой ржавчины. Д’Агоста, следуя взглядом за лучом фонаря, посмотрел ей в лицо. Хейворд показалась ему какой-то унылой.

– Имеет ли нижний уровень какие-нибудь особенности? – спокойно спросил д’Агоста.

– Обычно мы чистим только верхние уровни, – немного помолчав, ответила Хейворд. – Но кое-что слышать нам доводилось. Чем ниже уровень, тем безумнее его обитатели… Именно поэтому я и предлагала взять с собой больше людей, – закончила она с нажимом, после короткой паузы.

– Неужели там внизу кто-то живет? – спросил Уокси, избавив тем самым д’Агосту от необходимости отвечать.

– Естественно, – пожала плечами Хейворд, всем своим видом показывая, что капитану следовало бы об этом знать. – Зимой там тепло, ни ветра, ни дождя. И некого опасаться… кроме других кротов.

– Когда в последний раз вы чистили нижний уровень?

– Нижние уровни не чистят, капитан.

– Почему?

– Во-первых, потому, – немного помолчав, начала она, – что обнаружить глубоко зарывшихся кротов невозможно. Обитая в темноте, они обрели ночное зрение. Нижние уровни осматриваются лишь два раза в год с собаками, натасканными находить тела. Но даже и эти команды глубоко не спускаются. Помимо всего прочего, занятие это очень опасное. Не все

кроты просто ищут себе убежище. Многие скрываются. Некоторые от чего-то бегут. Как правило, от закона. А кое-кто превращается просто в хищника.

– А как же та статья в «Пост», где сказано, что подземные жители образуют сообщества? Журналист не представил их столь опасными.

– Это под Центральным парком, лейтенант, а не под Вестсайдской сортировочной станцией, – ответила Хейворд. – Некоторые районы спокойнее, чем другие. Но не забудьте, что в статье упоминается еще кое о чем. Там ведь, насколько мне помнится, говорится о каннибалах? – И она очаровательно улыбнулась.

Уокси открыл было рот, но ничего не сказал, а только громко сглотнул.

Они молча двинулись по путям. Д'Агоста вдруг заметил, что бессознательно поглаживает пальцами свой «смит-и-вессон» двойного действия – модель 4949. В 1993 году в департаменте полиции возникла дискуссия, стоит ли переходить на полуавтоматическое оружие. Теперь же лейтенант был рад тому, что у него такой пистолет.

Лестницу, до которой они наконец добрались, защищала дверь, висевшая в раме под каким-то совершенно нелепым углом. Хейворд распахнула ее и отступила в сторону. Д'Агоста переступил через порог. Глаза мгновенно заслезились. В ноздри ударил резкий запах аммиака.

– Я пойду первой, лейтенант, – сказала Хейворд.

Д'Агоста отошел в сторону. Спорить в такой ситуации не имело смысла.

Покрытая слоем извести лестница привела их на площадку, а затем сделала поворот. В глазах началась резь. Вонь усилилась неимоверно.

– Что за чертовщина? – спросил он.

– Моча, – очень по-деловому сообщила Хейворд. – Главным образом. И еще кое-что, о чем бы вы не хотели знать.

Позади них слышалось пыхтение Уокси. Его одышка становилась все более заметной.

Через исковерканный дверной проем они вышли в темное сырое пространство. Хейворд поиграла своим фонарем, и д'Агоста увидел, что они находятся в конце похожего на пещеру старого тоннеля. Рельсов здесь не было. Под ногами – голая земля, лужицы масла и воды да остатки небольших костров. На этом, с позволения сказать, полу валялись самые разнообразные отбросы: старые газеты, пара изодранных штанов, один старый ботинок и лишь недавно запачканные детские подгузники.

Д’Агоста слышал, как за его спиной хрипит Уокси. Странно, что капитан перестал ныть. «Может быть, это из-за вони?»

Хейворд направилась к ведущему из пещеры коридору.

– Сюда, – сказала она. – Тело было обнаружено в нише, недалеко отсюда. Остерегайтесь труб.

– Труб? – переспросил д’Агоста.

– Именно. Кто-то подкрадывается к вам сзади в темноте и лупит обрезком трубы по голове.

– Но я никого не вижу, – возразил д’Агоста.

– Они здесь, – ответила Хейворд.

Уокси дышал с огромным трудом.

Полицейские медленно шагали по тоннелю, время от времени Хейворд обводила фонарем стены. Примерно через каждые двадцать футов в камне были вырублены прямоугольные ниши. Хейворд сказала, что сто лет назад в них хранились инструменты и материалы ремонтных бригад. Сейчас во многих из них валялись грязные подобия постелей. Среди отбросов мелькали растревоженные светом огромные коричневые крысы, неторопливо, с чувством собственного достоинства покидавшие освещенные участки. Однако никаких признаков присутствия людей видно не было.

Хейворд остановилась, сняла форменную фуражку и заправила за ухо выбившуюся из прически влажную прядь.

– В докладе говорилось, что тело обнаружили в нише напротив рухнувшего металлического помоста, – сказала она.

Д’Агоста попытался дышать, прикрыв рот и нос ладонью, а когда это не помогло, ослабил галстук и, вытянув воротничок рубашки, превратил его в подобие маски.

– Здесь. – Она указала фонарем на груду искореженных металлических конструкций. Затем повела лучом по стенам тоннеля, отыскивая нужную нишу. Внешне ниша ничем не отличалась от других. Пять футов в поперечнике, три фута в глубину и два фута над уровнем земли. Д’Агоста подошел поближе и заглянул внутрь. Смятое подобие постели было испещрено обильными следами высохшей крови. Стены также были забрызганы кровью и еще какой-то субстанцией, о происхождении которой д’Агосте не хотелось думать. Здесь же валялась неизбежная картонная коробка – перевернутая и слегка раздавленная. Пол был застлан газетами. Вонь не поддавалась никакому описанию.

– Этого парня тоже нашли без головы, – пояснила Хейворд. – Его идентифицировали по отпечаткам пальцев. Шашин Уолкер. Список преступлений подлиннее вашей руки. Серьезный тип.

В другое время д'Агосте показалось бы сущей нелепицей, что полицейский говорит шепотом. Но сейчас он был почему-то этому рад. Д'Агоста при помощи фонаря обследовал внутренности ниши. Все молчали.

– Голову нашли? – наконец спросил он.

– Нет, – ответила Хейворд.

В грязной берлоге не было никаких признаков того, что в ней вообще что-то искали. Страстно желая оказаться в другом месте и заниматься любым другим делом, д'Агоста протянул руку в нору, захватил кончик засаленного одеяла и резким движением откинул его.

Из складок выкатился округлый бурый предмет и остановился на краю ниши. То, что осталось на лице от рта, навсегда замерло в последнем крике.

– Полагаю, они здесь не особенно надрывались, – заметил д'Агоста, прислушиваясь к тому, как за спиной негромко постанывает Уокси. – Ты в порядке, Джек? – Он оглянулся.

Уокси молчал. Его лицо напоминало бледную луну, плавающую в зловонной тьме.

– Придется вызывать команду, чтобы провести полный осмотр. – Д'Агоста снова осветил голову и потянулся к радио, но вовремя вспомнил, что оно здесь не работает.

– Лейтенант? – шагнула вперед Хейворд.

– Слушаю, – не сразу откликнулся д'Агоста.

– Кроты оставили это место только потому, что здесь кто-то умер. Все они ужасно суеверны. Но как только мы уйдем, подземные жители очистят нишу и избавятся от головы так, что нам ее ни за что не отыскать. Больше всего они ненавидят полицию.

– Но как они узнают о нашем посещении?

– Я не устаю твердить, лейтенант, что они все время рядом с нами. Слушают.

Д'Агоста повел вокруг себя фонарем. Коридор был тих и пуст.

– Итак, что вы предлагаете?

– Если вам так нужна голова, придется прихватить ее с собой.

– Ну и дерьмо! – не сдержался д’Агоста. – Что ж, сержант, в таком случае будем импровизировать. Тащите-ка сюда вон то полотенце.

Выступив из-за спины Уокси, Хейворд взяла грязное, пропитанное водой полотенце и расстелила его на мокром бетоне рядом с головой. Затем, натянув рукав мундира на пальцы, закатила голову на полотенце.

Д’Агоста со смешанным чувством отвращения и восхищения наблюдал за тем, как сержант, взявшись за концы полотенца, ловко завязала его узлом. Он заморгал, стараясь прогнать вызванную гнусными запахами резь в глазах.

– Пошли, сержант, – сказал он. – Честь тащить голову предоставляется вам.

– Без проблем. – Хейворд подняла узел, стараясь держать его от себя как можно дальше.

Когда д’Агоста повернулся, чтобы осветить путь назад, раздался свистящий звук и из темноты вылетела бутылка. Метательный снаряд лишь на несколько дюймов разминулся с черепом Уокси и, ударившись о стену, разлетелся вдребезги. Из глубины коридора донесся какой-то хруст.

– Кто там? – заорал д’Агоста. – Ни с места! Полиция!

Из темноты, бешено вращаясь, вылетела еще одна бутыль. Д’Агоста всем своим существом почувствовал, как к ним подползают какие-то тени. Но разглядеть их он, как ни старался, не мог.

– Нас всего трое, лейтенант, – сказала Хейворд. В ее голосе явственно звучало напряжение. – Я, с вашего разрешения, предлагаю уносить отсюда ноги. И желательно, как можно скорее.

Из темноты раздался хриплый шепот, крик, топот бегущих ног. У своего плеча д’Агоста услышал исполненный ужаса стон и, оглянувшись, увидел окаменевшего от страха Уокси.

– Ради всего святого, капитан, возьми себя в руки! – заорал он.

Уокси тихо скулил. Из темноты доносилось какое-то шипение. Оглянувшись на звук, лейтенант увидел напряженную маленькую фигурку Хейворд. Она стояла выпрямившись, уперев руки в бедра. Из одной руки свисало полотенце с драгоценным грузом. Хейворд еще раз, словно к чему-то готовясь, с шипением втянула в себя воздух, быстро огляделась по сторонам и повернулась в сторону лестницы.

– Не бросайте меня, во имя всего святого! – взвыл Уокси.

Д’Агоста резко тряхнул капитана за плечо, и тот, издав протяжный стон, сдвинулся с места. Он шел сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее. Очень скоро он уже пропыхтел мимо Хейворд.

– Шевелитесь! – выкрикнул д’Агоста, толкая сержанта вперед. Почувствовав, как что-то пролетело мимо его уха, он остановился, развернулся, вытащил пистолет и выстрелил в потолок. Вспышка высветила с десяток людей, разделившихся на две группы, чтобы окружить полицейских. Пригнувшись к самой земле, они с ужасающей быстротой двигались в кромешной темноте. Д’Агоста повернулся и опрометью бросился к лестнице. Взлетев на один уровень и оказавшись за перекошенной дверью, он остановился, хватая широко открытым ртом воздух. Хейворд застыла рядом, с оружием на изготовку. В тоннеле стояла полная тишина, нарушаемая лишь топотом ног Уокси, бегущего по обочине путей к спасительным пятнам света. Капитан был уже далеко.

Отдышавшись, д’Агоста отступил от двери и сказал:

– Сержант, когда вы в следующий раз предложите захватить с собой подкрепление – или выступите с другой инициативой, – напомните мне, что я должен отнестись к вашим словам с полной серьезностью.

– Я боялась, что вы, оказавшись внизу, разнервничаетесь так же, как капитан, – улыбнулась Хейворд, убирая пистолет в кобуру. – Но для первого раза, сэр, вы держались отлично.

Д’Агоста взглянул на сержанта. В первый раз она, обращаясь к нему, произнесла «сэр», как положено при разговоре со старшим по званию. Он очень хотел спросить, что означало ее пугающее свистящее дыхание, но, подумав, решил этого не делать.

– Еще не потеряли? – поинтересовался он.

Вместо ответа Хейворд подняла полотенце.

– В таком случае выметаемся отсюда к дьяволу. Остальные места осмотрим как-нибудь в следующий раз.

По пути наверх д’Агосту неотступно преследовало одно видение. И это не был вид окружающей его толпы или бесконечного черного тоннеля. Перед его мысленным взором неотступно стоял образ свежеиспачканного детского подгузника.

12

М арго отмыла руки под краном в глубокой металлической раковине, установленной в лаборатории медицинской антропологии, и обтерла их грубым больничным полотенцем. Затем она обернулась к столу, на котором лежали останки Памелы Вишер. Все образцы были взяты, все

необходимые описания закончены. Утром тело отдадут родственникам для захоронения. В другом конце комнаты Брамбелл и Фрок трудились над неидентифицированным скелетом. Склонясь над нелепо вывернутыми бедренными костями, они производили какие-то сложные измерения.

– Вы позволите мне сделать замечание? – спросил доктор Брамбелл, откладывая в сторону вибропилу Страйкера.

– Буду счастлив выслушать, – медовым голосом пророкотал Фрок, величественно взмахнув рукой.

Эти двое недолюбливали друг друга.

Марго, отвернувшись, чтобы скрыть улыбку, натянула на руки по две латексовые перчатки. Возможно, первый раз в жизни Фрок встретил человека, не уступающего ему ни в силе интеллекта, ни в самомнении. Просто чудо, что им вообще удалось завершить какую-то часть работы. За последние несколько дней они провели тестирование антител, остеологические анализы, проверку на токсины и тератогены – субстанции, вызывающие уродства. Теперь предстояло закончить анализ ДНК и провести экспертизу следов, оставленных зубами. Несмотря на все усилия, скелет по-прежнему отказывался открывать свои тайны. Марго понимала, что это усиливает напряжение в и без того наэлектризованной атмосфере лаборатории.

– Даже при менее развитом интеллекте должно быть ясно, что прокол не был сделан со стороны позвонка. Будь это так, на поперечном разрезе остались бы следы.

– Я, признаюсь, не понимаю, при чем здесь вообще поперечный разрез, – пробормотал Фрок.

Марго перестала прислушиваться к мало интересному для нее спору. Она специализировалась в этнофармакологии и генетике, а не в общей анатомии. Ей надо было решать свои проблемы.

И она взялась за изучение образцов тканей с неизвестного скелета. Как только она согнулась над микроскопом, ее собственные трапециевидные мышцы издали протестующий вопль. Вчера вечером она сделала пять подходов к тренажеру вместо обычных трех. За последние несколько дней она резко увеличила физическую нагрузку, впредь следует быть более осторожной, чтобы не перетренироваться.

Десять минут внимательного изучения темных полос различных элементов протеина подтвердили ее худшие опасения. Не было никаких сомнений в том, что это протеин обычной мышечной ткани человека. Более детальную генетическую информацию должен был дать анализ

ДНК. Его результаты, к сожалению, можно было ожидать лишь через несколько дней.

Отодвинув образцы в сторону, Марго обратила внимание на лежащий неподалеку от ее рабочего места конверт из плотной бумаги. Рентгенограммы, решила она. Видимо, доставили рано утром. Брамбелл и Фрок были настолько заняты спором, что наверняка не нашли времени взглянуть на снимки. Впрочем, это вполне объяснимо. Для изучения тела, от которого ничего, кроме костей, практически не осталось, рентгенограммы не очень-то и нужны.

– Марго! – позвал доктор Фрок.

Она подошла к столу, на котором лежал скелет.

– Дорогая, – начал Фрок, откатываясь от стола и показывая на бинокуляр, – взгляни, пожалуйста, на бороздку, тянущуюся вдоль правой бедренной кости.

Хотя увеличение было небольшим, Марго показалось, что она заглянула в совсем другой мир. Коричневая костная ткань заняла все поле зрения, превратившись в миниатюрный пустынный ландшафт с грядами холмов, разделенных долинами.

– Что можешь сказать по этому поводу ты?

Не в первый раз Марго приглашали выступить арбитром, и от этой роли она не испытывала никакого удовольствия.

– Похоже на естественную бороздку в кости. – Она старалась говорить как можно более нейтральным тоном. – Видимо, того же происхождения, что наросты и продолговатые выступы, характерные для костей данного скелета. Я бы не стала утверждать, что бороздка оставлена именно зубами.

Фрок откинулся на спинку инвалидного кресла, безуспешно пытаясь скрыть победную улыбку.

Брамбелл, казалось, не верил своим ушам.

– Прошу прощения, доктор Грин, – начал он. – Я не осмеливаюсь вам противоречить, но это – не что иное, как продольные следы зубов. Более типичных следов мне видеть не доводилось.

– Я также не хочу вступать с вами в противоречие, доктор Брамбелл. – Марго усилила увеличение, небольшая долина на пустынном ландшафте тут же превратилась в огромный каньон. – Но на внутренней стороне бороздки я вижу поры естественного происхождения.

Брамбелл подскочил к столу и приник к окулярам. Несколько мгновений он созерцал объект, а затем отошел от стола. Отходил он значительно медленнее, чем приближался.

– Хм-м-м, – протянул он, водружая на нос очки. – Как мне ни больно это признавать, но в вашем предположении есть доля истины.

– Вы хотите сказать, что в словах Марго имеется доля истины?

– Да, конечно. Прекрасная работа, доктор Грин.

Телефонный звонок избавил Марго от необходимости отвечать. Фрок подкатил к аппарату и энергично заговорил. Марго внимательно смотрела на своего старого научного руководителя. Он по-прежнему казался величественным, хоть и несколько похудел с тех пор, как оставил работу в музее. Его кресло-каталка тоже изменилось – оно изрядно потерлось и пестрело царапинами. Неужели, сочувственно подумала она, для ее старого наставника наступили тяжелые времена? Если и так, то это на нем не сказалось. Профессор казался даже более энергичным и жизнелюбивым, чем в те годы, когда заведовал антропологическим отделом музея.

Фрок внимательно слушал. Судя по его виду, он был расстроен. Марго посмотрела в окно, на роскошный вид Центрального парка. Деревья зеленели густой летней листвой, озеро сверкало в ярком свете дня. В его южном конце лениво двигались гребные лодки. Ей безумно захотелось оказаться в такой вот лодке и наслаждаться летним солнцем, вместо того чтобы торчать в музее, разбирая по частям разложившиеся тела.

– Это д’Агоста, – сказал Фрок, со вздохом вешая трубку. – Он говорит, что у нашего приятеля на столе скоро появится компания. Марго, ты не могла бы закрыть жалюзи? Искусственное освещение более благоприятно для работы с микроскопом.

– Что вы имеете в виду, говоря о компании? – резко спросила Марго.

– Так выразился лейтенант. Насколько я понял, обследуя вчера какой-то железнодорожный тоннель, они обнаружили сильно разложившуюся голову и теперь посылают ее нам на экспертизу.

Доктор Брамбелл что-то весьма выразительно пробормотал по-галльски.

– Голова принадлежит… – Марго не закончила фразу, кивнув в сторону скелетов.

– По-видимому, она не имеет к ним никакого отношения, – ответил Фрок, мрачно покачивая головой.

На некоторое время в лаборатории воцарилась тишина. Затем, как по команде, оба мужчины вернулись к столу. Вскоре оттуда снова

послышался негромкий спор. Марго, вздохнув, занялась работой. Ей предстояло каталогизировать результаты всех утренних анализов.

Взгляд ее снова обратился на пакеты с рентгенограммами. Для того чтобы их доставили утром, пришлось устроить невообразимый шум и вдрызг разругаться с рентгеновской лабораторией. Может быть, все-таки стоит на них взглянуть прямо сейчас?

Она извлекла три первые рентгенограммы и прикрепила их к просмотровому экрану. Это были снимки верхней части торса скелета. Как и следовало ожидать, они показывали – и при этом гораздо менее ясно – то, что Марго и ее коллеги уже сумели определить при визуальном обследовании. Скелет имел ужасающие деформации, с ненормальным утолщением костей и с образованием на них гребней.

Марго перешла к следующей серии. На экране высветился поясничный отдел скелета.

Она увидела их сразу. Четыре небольших пятна, четких и белых. Интересно! Марго взяла лупу, чтобы лучше рассмотреть изображение. Пятна имели ярко выраженную треугольную форму и образовывали правильный четырехугольник в самом низу позвоночника. Сверху они были полностью прикрыты разросшейся костью. Это наверняка должен быть металл. Только металл не прозрачен для рентгеновских лучей.

Марго выпрямилась. Ученые мужи по-прежнему о чем-то спорили, склонившись над скелетом.

– Здесь есть нечто такое, на что вам следовало бы взглянуть, – сказал она.

Брамбелл подошел первым и внимательно посмотрел на экран. Отступив на шаг, он поправил очки и снова вперился в изображение.

Фрок, подкатив секундой позже, уткнулся в ноги патологоанатома.

– Если не возражаете, – пробормотал он, используя тяжелое кресло, чтобы оттеснить Брамбелла в сторону, и наклонился вперед, едва не уткнувшись носом в экран.

В комнате повисла тишина, только тихо шипела воздушная вытяжка над столом с останками. Впервые за все время Марго удалось увидеть на лицах ученых недоумение.

13

Д ’Агоста, впервые попав в кабинет шефа полиции после назначения на эту должность Хорлокера, огляделся и не поверил своим глазам. Больше всего помещение походило на пригородный ресторан, владельцы которого сделали все, чтобы улучшить интерьер. Массивная мебель под

черное дерево, низкие светильники, тяжелые драпри и дешевые кованые украшения в средиземноморском духе. Впечатление оказалось настолько сильным, что лейтенант испытал острое желание позвать официанта и заказать себе «Гибсон».

Шеф полиции Редмонд Хорлокер восседал за огромным столом, на котором не было ни единого листка бумаги. В ближайшем к столу кресле удобно разместилась туша Уокси. Капитан живописал вчерашние события. Он как раз перешел к тому захватывающему моменту, когда разъяренные подземные обитатели напали на его крошечный отряд, и как он, Уокси, сдерживал толпу, чтобы позволить д’Агосте и Хейворд скрыться. Хорлокер слушал, не выказывая никаких эмоций.

Д’Агоста уставился на Уокси, который, вдохновленный собственным рассказом, оживлялся все больше и больше. Лейтенант хотел было вмешаться, но опыт подсказывал, что его слова в конечном счете ничего не изменят. Уокси, командуя участком, редко имел возможность посетить департамент полиции и тем более произвести впечатление на шефа. Не исключено, что в результате его трепа к делу подключат дополнительные ресурсы. Более того, негромкий внутренний голос нашептывал д’Агосте, что в ходе этого расследования ливень из дерьма окажется особенно обильным. И хотя за следствие отвечает он, д’Агоста, подчеркнуть некоторые заслуги Уокси будет не вредно. Тем, кто на первом этапе расследования окажется на виду, ближе к завершению дела придется больше других беречь свои задницы.

Когда Уокси закончил, повисло молчание. Хорлокер вполне сознательно хотел создать в кабинете некоторое напряжение.

– Твоя очередь, лейтенант, – слегка откашлявшись, сказал шеф, оборачиваясь к д’Агосте.

– Я считаю, сэр, что пока слишком рано категорически утверждать, существует связь или нет, – произнес д’Агоста. – Дело требует более тщательного изучения. И если мне будут выделены дополнительные людские ресурсы…

Зазвонил антикварный телефонный аппарат, Хорлокер поднял трубку и некоторое время молча слушал.

– Это может подождать, – бросил он и вновь обратил свое внимание на лейтенанта. – Ведь ты, кажется, регулярно читаешь «Пост»? – спросил он.

– Иногда читаю. – Д’Агоста понимал, куда гнет шеф.

– И ты знаком со Смитбеком, который пишет весь этот вздор?

– Так точно, сэр.

– Он ведь, кажется, твой друг?

– Не совсем так, сэр, – после некоторой паузы произнес д’Агоста.

– Не совсем так? – переспросил Хорлокер. – Но в своей книжонке о Музейном звере Смитбек представляет дело так, будто вы с ним закадычные друзья. Если поверить его писаниям, то выходит, будто вы вдвоем чуть ли не голыми руками спасли мир в тот момент, когда в Музее естественной истории возникли, в сущности, небольшие неприятности.

Д’Агоста промолчал. Роль, которую он сыграл в катастрофе на приеме в честь открытия выставки «Суеверия», отошла в область преданий. И в новой администрации никто не желал признавать его заслуг в ту ночь.

– Твой не-совсем-друг Смитбек совершенно извел нас, заставляя гоняться за психами, которые звонят, желая получить обещанную им награду. Вот куда пошли дополнительные людские ресурсы, о которых ты говоришь. И это тебе должно быть известно лучше, чем кому-либо. Итак, ты утверждаешь, что в убийстве Вишер и гибели бездомных присутствует идентичный модус операнди?

Д’Агоста ограничился утвердительным кивком.

– О’кей. Нам не нравится, что в городе Нью-Йорке убивают бездомных. Это проблема серьезная и очень неприятная. Но реальная проблема возникает тогда, когда убивают девицу из высшего общества. Вы понимаете, к чему я веду?

– Абсолютно понимаю, сэр, – ответил Уокси.

Д’Агоста снова промолчал.

– Мои слова вовсе не означают, что нас не трогает гибель бездомных, и мы намерены в этом отношении принять необходимые меры. Но послушай, д’Агоста, бродяги умирают ежедневно. Между нами говоря, цена им десять центов за дюжину. Тебе, как и мне, это прекрасно известно. А из-за этой безголовой девки на мой зад навалился весь город. Мэр требует, чтобы именно это убийство было раскрыто. – Шеф водрузил локти на стол и, нагнувшись вперед, с величественным видом произнес: – Послушай, я понимаю, что в этом деле тебе потребуется дополнительная помощь. Поэтому я оставлю у себя капитана Уокси, чтобы он курировал ход расследования. Чтобы развязать ему руки, на Двадцать четвертый полицейский участок я посажу другого человека.

– Слушаюсь, сэр! – завопил Уокси, вскочив на ноги и вытянувшись.

В душе д’Агосты поднялась – и тут же улеглась – волна протеста. В помощи этого ходячего недоразумения он нуждался меньше всего.

Теперь, вместо того чтобы пустить в дело новых людей, ему придется постоянно нянчиться с Уокси. Конечно, его можно будет задвинуть на обочину, чтобы не путался под ногами, но все равно остается проблема субординации. Как можно направлять капитана из участка на следствие, которым руководит лейтенант из отдела по расследованию убийств? Ничего хорошего, дьявол их побери, из этого получиться не может!

– Д’Агоста! – чуть ли не крикнул шеф.

– Что? – спросил лейтенант, поднимая глаза на начальство.

– Я тебя спросил, что происходит в музее?

– Они закончили исследовать тело Вишер и передали его семье, – ответил д’Агоста.

– А второй скелет?

– Они все еще пытаются его идентифицировать.

– Как насчет следов зубов?

– Относительно их происхождения возникли разногласия.

– Боже мой, – покачал головой Хорлокер. – Мне показалось, будто ты сказал, что эти люди знают свое дело. Не заставляй меня пожалеть о том, что я согласился с твоим предложением перевезти тела из морга.

– Расследование ведут главный судмедэксперт города и крупнейшие специалисты музея. Я знаю этих людей лично и лучше их…

Хорлокер громко вздохнул и, махнув рукой, сказал:

– Их родословная меня нисколько не интересует. Мне нужен результат. Теперь, когда к расследованию подключился Уокси, дело пойдет быстрее. Мне нужно что-то новенькое завтра к вечеру. Ты понял меня, д’Агоста?

– Так точно, сэр, – кивнул лейтенант.

– Вот и хорошо. Оба свободны. – Шеф сопроводил свои слова взмахом руки.

14

С митбек подумал, что такой нелепой и странной демонстрации, как эта, ему не доводилось видеть за все десять лет его пребывания в Нью-Йорке. Все лозунги начертаны профессиональными художниками. Звуковая система первоклассная. А сам Смитбек, находясь среди демонстрантов, чувствовал себя скверно одетым. Толпа являла собой весьма необычное зрелище. В платьях от Донны Каран, украшенные бриллиантами дамы с Южной улицы Центрального парка и Пятой авеню, молодые банкиры,

юные биржевые брокеры, моложавые оптовики и прочие младотурки слились в блаженном экстазе гражданского неповиновения. В толпе можно было увидеть и прекрасно одетых школьников старших классов. Но больше всего Смитбека потрясло количество собравшихся. Вокруг него толпилось не менее двух тысяч людей. Тот, кто организовал демонстрацию, вне всяких сомнений, обладал поддержкой городских властей. Получить разрешение на протест рядом с Площадью Великой армии в будний день, да еще в час пик... Это кое-что да значит. За линией полицейских ограждений и толпой телевизионщиков уже скопилось полчище истерически сигналящих машин.

Смитбек знал, что демонстранты чрезвычайно богаты и обладают в Нью-Йорке огромным могуществом. Эти люди обычно не выходят на улицы, чтобы выразить протест, но сейчас они изменили своим правилам. Ни мэр, ни шеф полиции, ни все остальные, так или иначе связанные с политикой люди не могли отнестись к демонстрации с легким сердцем.

На высокой трибуне из красного дерева, установленной рядом с золоченой скульптурой на углу Пятой авеню и Южной улицы Центрального парка, стояла миссис Горас Вишер. Она говорила в микрофон, и мощный усилитель делал ее слова всеобщим достоянием. За ее спиной было установлено огромное цветное, уже ставшее знаменитым изображение Памелы в детском возрасте.

– Как долго? – вопрошала она толпу. – Как долго мы еще позволим умирать нашему городу? Как долго мы намерены терпеть убийства наших дочерей, наших сыновей, наших братьев, наших родителей? Как долго мы собираемся скрываться в страхе в своих собственных домах?

Она обвела взглядом толпу, прислушиваясь ко все усиливающемуся ропоту возмущения.

Уловив нужный момент, миссис Вишер продолжила речь, но уже более задушевным тоном:

– Мои предки прибыли в Нью-Амстердам три столетия назад. И с тех пор этот город был нашим домом. И уверяю вас, это был добрый дом. Когда я была маленькой девочкой, мы по вечерам ходили гулять с бабушкой в Центральный парк. Я одна возвращалась из школы даже после наступления темноты. Мы никогда не запирали двери наших городских домов.

Почему все сидят сложа руки теперь, когда нам угрожают наркотики, преступления и убийства? Сколько матерей должны потерять своих детей, прежде чем мы скажем – хватит!

Она чуть отодвинулась от микрофона, собираясь с мыслями. По толпе прокатился гневный ропот. Речь этой женщины обладала той простотой и достоинством, которые бывают только у прирожденных ораторов. Смитбек поднял магнитофон повыше, предвкушая появление на первой полосе очередной своей статьи.

– Настало время, – заговорила миссис Вишер снова громко и убедительно, – вернуть себе наш город! Вернуть его нашим детям и внукам. Если для этого потребуется казнить торговцев наркотиками, если придется потратить миллиарды на строительство тюрем, мы должны это сделать. Это – война! Если вы мне не верите, то посмотрите статистику. Они убивают нас каждый день. Тысяча девятьсот убийств в Нью-Йорке в прошлом году. Пять человек в день! Мы ведем войну, друзья, и мы ее проигрываем. Нам следует нанести ответный удар всеми теми силами, которыми мы располагаем. Улицу за улицей, квартал за кварталом от Бэттери-парка до Клойстерз от Ист-Энд-авеню до Риверсайд-драйв мы вернем себе наш город!

Гневный ропот стал громче. Смитбек заметил, что к толпе начали присоединяться привлеченные шумом молодые мужчины. По рукам пошли карманные фляжки и пинтовые бутылки с виски. «И это называется „джентльмены-банкиры“, чтоб я сдох!» – с отвращением подумал журналист.

Миссис Вишер неожиданно повернулась и указала на что-то. Смитбек посмотрел в ту сторону и увидел, что за полицейской линией кипит бурная жизнь. К демонстрантам подкатил длинный черный лимузин, и из него появился мэр – невысокий лысеющий человек. Вокруг мэра увивалась стайка помощников. Смитбеку не терпелось увидеть, что произойдет дальше. Количество демонстрантов, очевидно, явилось для городского головы сюрпризом, и теперь он возжелал примкнуть к собравшимся, дабы выразить свою озабоченность.

– Мэр Нью-Йорка! – провозгласила миссис Вишер, в то время как мэр с помощью нескольких полицейских пробивался к трибуне. – Он явился, чтобы выступить перед нами!

Шум усилился.

– Но нам не нужны его выступления! – воскликнула миссис Вишер. – Мы хотим действий, господин мэр, а не болтовни!

Толпа разразилась одобрительным ревом.

– Действий! – выкрикивала миссис Вишер. – Хватит разговоров!

– Действий! – ревела толпа, а молодые люди принялись выкрикивать оскорбления и свистеть.

Мэр уже стоял на трибуне, улыбаясь и приветственно помахивая рукой. Смитбеку показалось, что мэр обратился к миссис Вишер с просьбой уступить ему микрофон. Она сделала шаг назад и выкрикнула:

– Нам не нужна еще одна речь! Нам надоело выслушивать все это дерьмо! – С этими словами она вырвала микрофон из гнезда и сошла с трибуны, оставив мэра один на один с толпой. На лице градоначальника, как приклеенная, застыла улыбка.

Последний демарш миссис Вишер окончательно взорвал толпу. Теперь ее гул напоминал рев какого-то гигантского животного. Демонстранты угрожающе надвигались на трибуну. Смитбек следил за развитием событий, чувствуя, как по спине ползет холодок страха. На его глазах сборище цивилизованных людей превращалось в озлобленного зверя. К трибуне полетели пивные банки и бутылки. Одна из них разлетелась осколками в пяти футах от мэра. Группы молодых людей сплотились в единую массу и начали прокладывать путь к трибуне, оглашая воздух свистом и ругательствами. Смитбек расслышал некоторые слова: «Позор! Задница! Пидер! Либеральная вонючка!» Из толпы полетели еще бутылки, и помощники мэра, поняв, что битва проиграна, поспешно увели его с трибуны и посадили в лимузин.

«Забавно видеть, – подумал Смитбек, – как психология толпы распространяется на все классы». Он не мог припомнить другой столь же короткой и столь же воспламеняющей массы речи, как та, которую произнесла только что миссис Вишер. Когда атмосфера стала менее накаленной и толпа начала растекаться, журналист прошел в парк и уселся на скамью, чтобы зафиксировать впечатления, еще не утратившие первоначальную яркость. Закончив, он посмотрел на часы. Пять тридцать. Смитбек поднялся со скамьи и зашагал через парк на северо-восток. На всякий случай следовало заранее занять выгодную позицию.

15

М арго трусцой выбежала из-за угла на Шестьдесят пятую улицу и резко остановилась, удивленно глядя на знакомую долговязую фигуру, прислонившуюся к ограде перед ее домом. Над вытянутой физиономией торчал непокорный, похожий на темный рог вихор.

– О… – выдохнула она и выключила настроенный на новости приемник. – Это ты.

Смитбек отступил на шаг и глумливо произнес:

– И неужели это ты? Вот уж воистину, неблагодарный друг опаснее змеиного яда. Нам вместе пришлось столько пережить, наш общий резервуар просто неисчерпаем – а я заслужил от тебя лишь «О… Это ты»?

– Я пытаюсь оставить в прошлом этот неисчерпаемый резервуар, – ответила Марго, затолкав приемник в сумку и наклонившись, чтобы помассировать икроножные мышцы. – И кроме того, как только ты появляешься, ты говоришь только о своей карьере и о том, как великолепно она развивается.

– Точный и сильный удар, – пожал плечами Смитбек. – Но ты, в общем, права. Поэтому давай, Цветок лотоса, притворимся, будто мы верим в то, что я появился здесь с целью загладить свои грехи. Разреши мне поставить тебе выпивку. – Окинув ее оценивающим взглядом, он добавил: – Боже, до чего же ты классно выглядишь. Намерена получить титул «Мисс Вселенная»?

– Я очень занята, – выпрямившись, сказала Марго и попыталась проскользнуть мимо него к дверям.

Он успел схватить ее под руку и спросил, поддразнивая:

– Так как насчет «Кафе художников»?

Марго остановилась и вздохнула.

– Ну хорошо, – согласилась она с легкой улыбкой, освобождая руку. – Вообще-то я не продаюсь, но, пожалуй, иногда это можно себе позволить. Дай мне только несколько минут, чтобы принять душ и переодеться.

Они вошли в почтенное кафе через вестибюль «Отеля художников». Смитбек кивнул метрдотелю и повел Марго к тихому старинному бару.

– Выглядит неплохо, – заметила Марго, кивнув в сторону сервировочного столика, уставленного яствами.

– Эй, я говорил о выпивке, а не об ужине из восьми блюд.

Смитбек выбрал столик и уселся под картиной Ховарда Чандлера Кристи, на которой была изображена мило резвящаяся в саду обнаженная женщина.

– Мне кажется, я этой рыжульке по вкусу. – Он подмигнул и указал большим пальцем через плечо на резвящуюся ню. Древний официант с морщинистым лицом, на котором застыла вечная улыбка, принял заказ.

– Мне нравится это место, – сказал Смитбек, глядя в спину официанту, являвшему собой этюд в черно-белых тонах. – Они здесь к клиентам хорошо относятся. Ненавижу официантов, которые смотрят на тебя, как на дерьмо низшего сорта. – Устремив на Марго суровый взгляд следователя, он произнес: – Начинаем нашу викторину. Итак, вопрос

первый: ты читала статьи, которые я написал со времени нашей последней встречи?

– Должна покаяться, что не все. В лучшем случае пятую часть. Но я видела твои материалы о Памеле Вишер. Думаю, что особенно удалась вторая статья. Мне понравилось, как ты представил ее самым нормальным человеком, а не объектом расхожего любопытства. Для тебя это, похоже, новый поворот, верно?

– Узнаю мою Марго, – улыбнулся Смитбек.

Появился официант и, поставив на стол их заказ и вазу соленых орешков, удалился.

– Я только что был на демонстрации, – продолжил он, – эта миссис Вишер воистину выдающаяся женщина.

– Я узнала это из новостей, – кивнула Марго. – Звучит дико. Интересно, понимает ли эта выдающаяся женщина, какого джинна выпустила из бутылки?

– К концу мне стало страшно. Богатые и влиятельные вдруг открыли для себя могущество вульгарной толпы.

Марго рассмеялась, стараясь не утратить бдительности. Имея под боком Смитбека, следует держать ухо востро. Она не сомневалась, что весь их разговор сейчас записывается на магнитофон, лежащий в его кармане.

– Странно, – заметил журналист.

– Что именно?

– Как мало требуется для того, чтобы тонкий слой цивилизации слинял с представителей высшего класса, превратив их в грубую, озверелую толпу.

– Если бы ты был знаком с антропологией, ты бы не удивлялся, – ответила Марго. – Кроме того, как я слышала, толпа состояла не только из представителей высшего класса. – Отпив из бокала, она откинулась на спинку стула и продолжала, сменив тему: – Все же я не верю, что у нас с тобой дружеская встреча. Я не знаю случая, чтобы ты тратил деньги, не имея на то скрытых мотивов.

Смитбек отставил бокал в сторону. Казалось, он был искренне задет.

– Я поражен! Изумлен. Эти слова так не похожи на слова Марго, которую я когда-то знал. Я редко встречаю тебя, а когда встречаю, ты постоянно несешь эту чепуху. А во что ты превратилась внешне? Комок мышц, как у какой-то дикой газели. Куда подевалась нелепо одетая, с

опущенными плечами Марго, которую я так любил? Одним словом, что с тобой произошло?

Марго уже хотела ответить, но ничего не сказала. Одному Богу известно, как отреагирует Смитбек, когда узнает, что в дамской сумочке она постоянно таскает пистолет. «Действительно, что со мной произошло?» – подумала Марго. Но уже задавая себе вопрос, она знала ответ. Она и вправду редко видит Смитбека. По той же причине она избегала встреч со своим наставником доктором Фроком. А также с Кавакитой и агентом ФБР Пендергастом. Одним словом, со всеми, кто встречал ее раньше в музее. Воспоминания о том, что им тогда пришлось пережить, были еще слишком свежи в памяти и по-прежнему внушали ужас. Марго избегала всего, что могло бы напомнить о пережитом. Ей вполне хватало ночных кошмаров, время от времени нарушавших ее сон.

Пока она размышляла, обида на лице Смитбека сменилась улыбкой.

– Не будем хитрить, – фыркнул он. – Ты слишком хорошо меня знаешь. Конечно, у меня есть тайные мотивы. Мне известно, что ты делаешь по вечерам в музее.

Марго замерла: «Неужели произошла утечка?» – и тут же успокоилась. Смитбек – опытный рыболов, его слова могут быть простой, насаженной на крючок приманкой.

– Я так и думала, – сказала она. – Итак, чем же я занимаюсь вечерами в музее, и как ты об этом узнал?

– У меня свои источники, – пожал плечами Смитбек. – Тебе это должно быть известно лучше, чем другим. Я потолковал с некоторыми старыми приятелями из музея и узнал, что тело Памелы Вишер и неопознанный труп доставили туда в прошлый четверг. Вы с Фроком проводите исследования.

Марго промолчала.

– Не беспокойся, это не для ссылок.

– Кажется, мы уже закончили. – Марго встала из-за стола. – Пора уходить.

– Подожди. – Смитбек взял ее за руку. – Одна вещь мне по-прежнему не известна. Тебя ведь пригласили потому, что на костях обнаружены следы зубов, да?

– Откуда ты знаешь?! – вырвав руку, спросила Марго.

Смитбек победоносно осклабился, и Марго с упавшим сердцем осознала, как умело ее поймали на крючок. Ведь он просто строил догадки. А она своей реакцией подтвердила их.

– А ты все-таки большой мерзавец, – сказала Марго, опускаясь на стул.

– Это была не только игра ума, – пожал плечами Смитбек. – Я точно знал, что тела перевезли в музей. И если ты читала мое интервью с Мефисто – подземным вожаком, то, наверное, помнишь, что он говорил о каннибалах, обитающих под Манхэттеном.

– Ты не можешь печатать это, Билл. – Она покачала головой.

– Но почему? Никто не узнает, что я получил сведения от тебя.

– Меня вовсе не это беспокоит, – выпалила она. – Попытайся хоть на секунду отключиться от своих проблем! Ты представляешь, что произойдет в городе после появления подобной статьи? Подумай о своей приятельнице миссис Вишер. Она пока ничего не знает. И каково ей будет услышать о том, что ее дочь не только убили и обезглавили, но еще и маленько пообглодали?

Лицо Смитбека на мгновение исказила гримаса боли.

– Я все это хорошо понимаю. Но это же сенсация!

– Отложи хотя бы на день.

– С какой стати?

Марго молчала.

– Тебе, Цветок лотоса, следует привести аргументы, – стоял на своем Смитбек.

– Ну хорошо, – вздохнула она. – Дело в том, что это могут быть следы собачьих зубов. Судя по всему, прежде чем тела вынесло ливнем, они долго пролежали под землей. Не исключено, что бродячие псы их слегка погрызли.

– Так ты хочешь сказать, что каннибалов не было? – не скрывая огорчения, спросил Смитбек.

– Жаль, что приходится тебя разочаровывать. Мы сможем дать точный ответ завтра, когда закончатся лабораторные исследования. После этого я предоставлю тебе эксклюзивную информацию. Обещаю. Завтра во второй половине дня мы проводим совещание в музее. Я потолкую обо всем с д’Агостой и Фроком.

– Но что может изменить один день?

– Я тебе уже сказала. Опубликуй ты статью сейчас, начнется страшная паника. Ты только что видел беснующиеся сливки общества. Подумай, что произойдет, если они узнают, что на свободе бродит какое-то чудовище. Еще один Мбвун, например, или другой серийный

маньяк-убийца. А когда на следующий день мы объявим, что это были следы собачьих зубов, ты окажешься полным идиотом. Если ты беспричинно учинишь панику, тебя из города вынесут на шесте, предварительно вымазав дегтем и обваляв в перьях.

– Хм-м, – протянул Смитбек, откинувшись на спинку стула.

– Еще один день, Билл, – сказала Марго. – Пока статьи еще нет.

Смитбек молча сидел, погрузясь в размышления.

– О'кей, – неохотно согласился он. – Интуиция кричит мне, что я сошел с ума. Но один день я тебе даю. После этого я получаю эксклюзив. Не забудь. Никакой утечки информации.

– Не беспокойся, – с легкой улыбкой ответила Марго.

Некоторое время они сидели молча, а потом Марго сказала:

– Чуть раньше ты спросил, что со мной случилось. Я не знаю. Думаю, все эти убийства вернули к жизни очень нехорошие воспоминания.

– Ты о Музейном звере? – спросил Смитбек, методично атакуя вазу с орешками. – Да, крутое было время.

– Думаю, что можно выразиться и так, – содрогнувшись всем телом, сказала Марго. – После всего того, что случилось, мне захотелось… захотелось оставить все в прошлом. Ночь за ночью меня преследовали кошмары, и я просыпалась в холодном поту. Когда я поступила на работу в Колумбийский университет, дело пошло на поправку. Я решила, что все кончилось. Но когда я вернулась в музей, и началось все это… – Она помолчала, а затем неожиданно спросила: – Билл, ты не знаешь, что случилось с Грегори Кавакитой?

– С Грегом? – переспросил Смитбек. Он уже покончил с орешками и взял вазу в руки, как бы желая посмотреть, не осталось ли чего-нибудь под ней. – Не видел его с тех пор, как он взял в музее отпуск без сохранения содержания. Почему он тебя интересует? – Его глаза хищно сузились. – Вы ведь не особо между собой ладили. Разве нет?

– Ничего подобного. В худшем случае мы с ним соперничали за доктора Фрока. Он хотел поговорить со мной несколько месяцев тому назад, но из этого ничего не вышло. Мне кажется, что он был болен. Голос в автоответчике звучал не так, как я помнила. Так или иначе, но я почувствовала себя виноватой и попыталась найти его номер в телефонном справочнике Манхэттена. Его там не оказалось. Может быть, он уехал? Подыскал хорошую работу в другом месте?

– Понятия не имею, – ответил Смитбек. – Но Грег – он из тех парней, которые всегда приземляются на обе ноги. Скорее всего он зашибает

деньгу в каком-нибудь мозговом центре. Сотню тысяч в год. – Журналист взглянул на часы: – К девяти я должен закончить материал о демонстрации, а это означает, что у нас есть время еще на одну порцию.

Марго посмотрела на него с насмешливым недоумением:

– Билл Смитбек предлагает выпить за его счет по второму кругу?! Разве могу я уйти, когда здесь куется история?

16

Н ик Биттерман нетерпеливо взлетел по каменным ступеням на смотровую площадку Замка Бельведер и, остановившись у парапета, стал ждать появления Тани. Под ним в лучах заходящего солнца простиралась темная громада Центрального парка. Ник ощущал ледяной холод бутылки «Дом Периньон» в бумажном пакете под мышкой. В такой жаркий вечер это было даже приятно. При каждом движении в кармане пиджака позвякивали бокалы. Он машинально коснулся пальцами коробочки, в которой хранилось кольцо. Платиновое кольцо Дома Тиффани с бриллиантом в один карат огранки Тиффани обошлось ему на Сорок седьмой улице ровно в четыре штуки. Он все сделал правильно. На лестнице, смеясь, появилась слегка задыхающаяся Таня. О шампанском она знала, но относительно кольца пребывала в полном неведении.

Нику нравился фильм, в котором он и она, выпив на Бруклинском мосту шампанское, бросили бокалы в реку. Это было неплохо, но у них с Таней будет гораздо лучше. С башни Замка Бельведер открывается прекрасный вид на Манхэттен в лучах заката. Только лучше бы им все же убраться из парка до наступления темноты.

Ник протянул ей руку и помог преодолеть последние ступени, а потом они подошли, взявшись за руки, к каменному парапету. Над ними возвышалась башня – черная на фоне раскаленного заката. Готическая строгость башни забавно контрастировала с метеорологическими приборами, выступающими из верхних амбразур. Ник посмотрел туда, откуда они только что пришли. У самого основания Замка блестел небольшой пруд, за ним начиналась Большая лужайка, протянувшаяся до линии деревьев, затеняющих Резервуар. В этот предзакатный час Резервуар, казалось, был наполнен расплавленным золотом. Справа неторопливо шагали на север массивные здания Пятой авеню. Их окна сверкали багрово-рыжим светом. Слева в полумраке виднелась каменная ограда, а за ней, чуть ниже облаков, темнели фасады домов на Западной улице Центрального парка.

Ник вынул из пакета шампанское, оборвал фольгу, снял проволочную сетку и, тщательно нацелив горлышко в небо, неумело ослабил пробку. Пробка вылетела из бутылки с громким хлопком и скрылась из виду. Через несколько секунд снизу, от пруда донесся негромкий всплеск.

– Браво! – воскликнула Таня.

Ник наполнил бокалы и протянул один Тане.

– Будем здоровы! – Они чокнулись, и Ник одним глотком осушил свой бокал. Девушка неторопливо потягивала напиток.

– Пей до дна! – скомандовал он, и Таня осушила бокал, забавно сморщив носик.

– Оно щекочет! – хихикнула она, когда Ник снова начал наполнять бокалы. На сей раз она выпила шампанское несколькими большими глотками.

– Внимайте, граждане Манхэттена, – громогласно провозгласил он в пустоту, держа перед собой пустой бокал. – С вами говорит Ник Биттерман! Я провозглашаю седьмое августа днем, который отныне и во веки веков будет именоваться днем Тани Шмидт!

Таня рассмеялась, а он в третий раз наполнил бокалы, опустошив бутылку и пролив часть шампанского на пол. Когда бокалы снова опустели, Ник обнял девушку и сурово заявил:

– Обычай требует, чтобы мы их выбросили.

Они швырнули бокалы и, перегнувшись через парапет, смотрели, как хрусталь, описав широкую дугу, с плеском упал в воду. Глядя вниз, Ник обратил внимание, что любители солнечных ванн и роликовых коньков исчезли, как и прочие посетители парка. У подножия Замка не было никого. «Пора уходить», – подумал Ник и, достав из кармана коробочку, вручил ее Тане. Затем он отступил назад, с гордостью глядя, как девушка открывает футляр.

– Боже мой, Ник! – воскликнула она. – Да оно, наверное, стоит целое состояние!

– Это ты стоишь целого состояния! – Он улыбался, продолжая наблюдать, как Таня надевает кольцо на палец, а потом привлек ее к себе и, коротко поцеловав, спросил: – Ты, конечно, понимаешь, что это значит? – Она посмотрела на него сияющими глазами. В парке сгущалась тьма. – Что скажешь?

Она ответила ему поцелуем и что-то прошептала.

– Пока смерть не разлучит нас, детка. – Он приник к ее губам, положив ладонь ей на грудь. На сей раз поцелуй был долгим.

– Ник! – засмеялась она, отстраняясь.

– Здесь никого нет. – Он снова привлек ее к себе.

– Если не считать того, что на нас смотрит весь город, – прошептала она.

– Ну и пусть смотрит. Глядишь, чему научится.

Его ладонь скользнула под блузку, и он провел пальцами по маленькому затвердевшему соску, краем глаза отметив, как подкрадывается тьма.

– Лучше нам поехать ко мне, – прошептал он.

Таня улыбнулась и, отстранившись от него, направилась к каменным ступеням. Ник смотрел, как она идет, восхищаясь естественной грацией ее походки и чувствуя, как дорогое шампанское, играя, бежит по жилам. «Нет выпивки лучше, чем шампанское, – подумал он. – Сразу ударяет в голову».

– Подожди, мне надо опорожнить главный сосуд.

Таня остановилась, а Ник направился к башне. Он вспомнил, что в глубине ее, рядом с металлической лестницей, ведущей от пруда к метеорологическим приборам, имеются туалеты. В тени башни царил покой, лишь откуда-то издали доносился приглушенный уличный гул. Он отыскал дверь мужского туалета и, расстегивая на ходу молнию, зашагал по кафельному полу мимо кабинок к ряду писсуаров. Как он и предполагал, в туалете никого не было. Прижавшись лбом к прохладному фаянсу, Ник закрыл глаза.

И тут же открыл снова: какой-то слабый звук прорвался сквозь порожденные шампанским грезы. «Ерунда», – подумал он, покачал головой и усмехнулся, изумляясь той паранойе, которая свойственна даже самому прожженному ньюйоркцу.

Звук повторился, на сей раз гораздо громче. Не прерывая своего занятия, он в удивлении и страхе оглянулся и увидел, как в одной кабинке возник некто и быстро двинулся к нему.

Таня стояла у парапета, подставив лицо легкому ветерку. На пальце она чувствовала обручальное кольцо – тяжелое и непривычное. Ник, видимо, не торопится. В парке уже стемнело, Большая лужайка опустела, а на поверхности пруда мерцали отражения огней Пятой авеню.

Потеряв терпение, она подошла к башне и, обойдя кругом ее темную громаду, нашла дверь мужского туалета. Дверь была закрыта. Таня постучала – сначала застенчиво, потом – громче.

– Ник! Эй, Ник! Ты здесь?

Ей ответило молчание. Лишь ветер шумел в деревьях. Ветер донес до нее странный запах, похожий на запах брынзы.

– Ник! Кончай дурачиться!

Она толчком распахнула дверь и шагнула внутрь.

Мгновение над Замком Бельведер висела тишина. А потом ночь прорезал наполненный рыданием крик. Крик становился все громче и громче.

17

С митбек занял место у стойки в своей излюбленной греческой кофейне и заказал обычный завтрак: два яйца «в мешочек» и двойную порцию рубленого бифштекса. Отхлебнув кофе, он удовлетворенно вздохнул и положил перед собой пачку свежих газет. Первым делом он просмотрел «Пост», слегка поморщившись при виде статьи Ханка Макклоски об убийстве в Замке Бельведер. Статью поместили на первую полосу, а его, Билла, материал о демонстрации был сослан на четвертую. Первая полоса по праву принадлежала бы ему, напиши он об участии музея в изучении следов зубов. Но он обещал Марго… Ничего, завтра все будет иначе. Не исключено, что его терпение будет вознаграждено дополнительными сведениями.

Прибыл завтрак, и Смитбек принялся за бифштекс, отодвинув в сторону «Пост» и развернув перед собой «Нью-Йорк таймс». Он насмешливо пробежал глазами основные, со вкусом размещенные заголовки. В нижней части страницы его взгляд задержался на простеньком заголовке

МУЗЕЙНЫЙ ЗВЕРЬ ВОЗВРАЩАЕТСЯ?

под которым значилось имя Брайса Гарримана и имелась надпись

Исключительно для «Таймс».

Смитбек принялся за чтение, и бифштекс мгновенно потерял вкус.

Восьмое августа. – Ученые Музея естественной истории продолжают исследование обезглавленных останков Памелы Вишер и второго неустановленного лица, пытаясь определить, появились ли следы зубов на костях посмертно, в результате укусов бродячих животных, или же причиной смерти послужили сами укусы.

Вчерашнее зверское убийство и обезглавливание Николаса Биттермана в Замке Бельведер вынуждает ученых еще активнее искать правильный ответ. Несколько убийств, имевших место среди бездомных за последнее время, также совершено по этому образцу. Неизвестно, доставлялись ли тела убитых в музей для исследования. Останки Памелы Вишер возвращены семье. Траурная церемония состоится сегодня в пятнадцать часов на Кладбище Святого Креста в Бронксвилле.

Аутопсия проводилась под завесой секретности в помещении музея. «Они не хотят паники, – сообщил наш источник информации, – Но у всех на уме одно непроизнесенное слово – „Мбвун“.

Мбвун, известный ученым под именем Музейный зверь, – необычное существо, случайно доставленное в музей одной из неудачных экспедиций в бассейн Амазонки. О присутствии чудовища в подвалах музея стало известно в апреле прошлого года после зверского убийства нескольких посетителей и работников охраны. Существо совершило нападение на большую группу лиц, приглашенных на презентацию выставки. В результате возникшей паники погибли сорок шесть человек, около трехсот получили ранения. Это самое большое бедствие, случившееся в Нью-Йорке за последние несколько лет.

Имя Мбвун было дано существу племенем индейцев котога, ныне прекратившим свое существование. Котога жили в бассейне Амазонки, в верхнем течении реки Шингу – первоначальном ареале обитания Мбвуна. Много десятилетий до антропологов и охотников за каучуком доходили слухи о том, что в верховьях Шингу обитает крупный зверь, по-видимому, рептилия. В 1987 Джон Уиттлси – антрополог музея – организовал экспедицию к истокам Шингу, чтобы найти следы племени котога и самого Мбвуна. Уиттлси исчез в сельве, а остальные участники злополучной экспедиции погибли в авиакатастрофе на обратном пути в Нью-Йорк.

Ящики с артефактами, добытыми экспедицией, были доставлены в Нью-Йорк. Артефакты были упакованы в древесное волокно, служившее пищей Мбвуну. Хотя появление существа в музее не получило удовлетворительного объяснения, музейные смотрители предположили, что Мбвун случайно оказался в транспортном контейнере вместе с собранной экспедицией коллекцией. Существо мирно обитало в обширных подвалах музея до тех пор, пока не закончилась его естественная пища. Когда же это произошло, зверь начал нападать на посетителей и охрану.

В результате ожесточенной схватки Мбвун погиб, а его тело забрали власти. Тело было уничтожено без тщательного таксономического исследования. До сих пор это создание окружено ореолом тайны, однако ученые полагают, что оно обитало на изолированном плато, именуемом тепуи. В последние годы добыча золота сильно изменила ландшафт, что, возможно, привело к полному исчезновению вида. Профессор Уитни Кадваладер Фрок из антропологического отдела музея, автор теории фрактальной эволюции, считает, что Мбвун является эволюционной аберрацией, ставшей результатом его изолированного обитания в амазонской сельве.

Наш источник высказывает предположение, что недавние убийства могут быть делом второго Мбвуна, возможно, самца или самки первого. Создается впечатление, что именно этого опасается и департамент полиции Нью-Йорка. Судя по всему, полиция обратилась к лаборатории музея с просьбой определить, чьим зубам соответствуют следы на костях: зубам собаки или, может быть, челюстям более могучего существа?

Трясущейся от ярости рукой Смитбек оттолкнул так и не съеденные яйца. Он не знал, что хуже: то, что этот мерзавец Гарриман вставил ему фитиль, или сознание того, что он, Смитбек, уже имея в кармане статью, позволил себя отговорить ее печатать.

«Такое никогда не повторится, – поклялся себе Смитбек. – Никогда».

А на пятнадцатом этаже департамента полиции на Полис-плаза лейтенант д'Агоста отложил в сторону тот же номер «Нью-Йорк таймс», сопроводив это действие весьма смачным выражением. Чтобы предотвратить массовую истерию, специалистам департамента по связям с общественностью придется потрудиться сверхурочно. Д'Агоста твердо решил, что кто бы ни допустил утечку информации, он зажарит этого типа на углях, предварительно насадив его на вертел. По крайней мере хорошо, что это не написал его «приятель» Смитбек. Не приятель, а заноза в заду.

Сняв телефонную трубку, лейтенант набрал номер шефа полиции. Коль скоро речь зашла о задах, то прежде всего следует позаботиться о своем. Зная характер Хорлокера, д'Агоста счел за лучшее позвонить первым, не дожидаясь звонка.

Но ему удалось услышать лишь голос секретарши.

Д'Агоста снова взялся за газету – и тут же отбросил ее. Можно не сомневаться, что через минуту в кабинет шефа ввалится Уокси и начнет нести околесицу об убийстве в Замке Бельведер и о том, как самоотверженно он выполняет задание. При мысли о неизбежной встрече с Уокси д'Агоста невольно закрыл глаза. Однако навалившаяся на него усталость была столь велика, что д'Агоста не мог сидеть спокойно. Сегодня ему удалось поспать не больше двух часов. Все кости ломило от ночного лазания по Замку Бельведер.

Д'Агоста нервно встал с кресла и подошел к окну. Далеко внизу среди городских домов виднелась темная прогалина – игровая площадка триста шестьдесят второй школы. По ней носились крошечные фигурки. Дети играли в салки и чехарду, шумно радуясь большой перемене.

«Господи, – подумал он, – все бы отдал, чтобы оказаться сейчас одним из них».

Вернувшись к столу, д'Агоста заметил, что край газеты прикрыл фотографию десятилетнего Винни-младшего. Лейтенант тщательно поправил снимок, привычно улыбнувшись в ответ на улыбку мальчугана. Почувствовав себя после этого несколько лучше, он запустил руку в карман пиджака и извлек оттуда сигару. Хорлокер может проваливаться ко всем чертям. Что будет, то будет.

Он зажег сигару, бросил спичку в пепельницу и подошел к приколотой к большой доске карте западной части Манхэттена. Карта была испещрена красными и белыми пятнами булавочных головок. В пояснении, подклеенном в углу, говорилось, что белые булавки означают исчезновения людей за последние шесть месяцев, а красные – убийства, совершенные одним и тем же способом. Д'Агоста взял с пластикового подноса еще одну красную булавку и аккуратно воткнул ее чуть южнее Резервуара Центрального парка. Затем, отступив на шаг, он внимательно посмотрел на карту, пытаясь уловить какую-нибудь закономерность.

Число белых головок превосходило число красных в пропорции примерно десять к одной. Конечно, многие из них придется снять. Люди исчезают в Нью-Йорке в силу множества причин. Тем не менее белых головок было необычайно много, примерно в шесть раз больше, чем обычно бывает за полугодовой период. И поразительно много их сконцентрировалось в районе Центрального парка. Д'Агоста не сводил взгляда с доски. Размещение цветных пятен не казалось ему случайным. Разум подсказывал, что здесь есть система, но понять эту систему он пока не мог.

– Витаете в облаках, лейтенант? – послышался знакомый чуть глуховатый голос. От неожиданности он чуть не подпрыгнул. Обернувшись, д'Агоста увидел Хейворд, которая теперь наряду с Уокси официально была поставлена на расследование этого дела.

– Вы когда-нибудь слышали о том, что, входя, следует стучать?

– Слышала. Но вы говорили, что хотели бы получить эти сведения как можно скорее.

В своих изящных ручках Хейворд держала внушительную пачку компьютерных распечаток. Д'Агоста взял листки и начал их просматривать. За последние шесть месяцев среди бездомных произошло множество убийств, большая часть их приходилась на округ Центральный парк – Вест-Сайд, подпадавший под юрисдикцию Уокси. Ни одно из убийств, разумеется, не расследовалось.

– Боже! – Он покачал головой. – Пожалуй, следует нанести их на карту.

Он стал называть места преступлений, а Хейворд вкалывала в доску красные булавки. Сделав паузу, д’Агоста, так чтобы она не заметила, посмотрел на ее темные волосы и бледную кожу. В глубине души он был рад тому, что Хейворд ему помогает. Ее непоколебимая уверенность в себе была для него тихой гаванью посреди бушующего шторма. Кроме того, следовало признать, что ее облик не оскорблял взора.

Из зала послышались голоса и топот бегущих ног. На пол с грохотом свалился какой-то тяжелый предмет. Д’Агоста нахмурился и кивком направил сержанта посмотреть, что происходит. Вскоре из коридора снова донесся шум, и д’Агоста услышал чей-то визгливый голос, выкрикивающий его имя.

Не в силах сдержать любопытство, он глянул в полуоткрытую дверь и увидел невероятно грязного и оборванного типа, героически сражающегося с двумя копами из отдела по расследованию убийств. Хейворд стояла в стороне, ловя момент, чтобы ввязаться в драку. Д’Агоста окинул взглядом грязные, свалявшиеся волосы, вялую, землистого цвета кожу, отощавшее от вечного голода тело и непременный черный пластиковый мешок для отбросов, в котором хранился весь земной скарб бродяги.

– Я хочу видеть лейтенанта! – визжал бездомный. – У меня для него информация! Я требую…

– Мужик, – сказал с гримасой отвращения один из копов, удерживая его за полы засаленного пиджака, – если тебе есть что сказать, скажи мне. О’кей? Лейтенант очень занят.

– Да вот же он! – завопил бродяга, ткнув трясущимся пальцем в сторону д’Агосты. – Ничем он не занят! Уберите руки, или я напишу на вас жалобу! Слышите? Я сейчас же звоню своему адвокату!

Д’Агоста шагнул в кабинет, плотно закрыл дверь и вернулся к изучению карты. Возня продолжалась. Визгливые вопли бродяги перемежались остервенелыми репликами Хейворд. Парень явно не желал уходить.

Неожиданно дверь со стуком распахнулась, и бродяга, едва не упав, ввалился в кабинет. Следом за ним, дрожа от ярости, влетела Хейворд. Гость проковылял в дальний угол и, вжавшись в стену, поднял как щит свой мешок.

– Вы должны выслушать меня, лейтенант! – визжал он.

– Ну и скользкий же негодяй, – прошипела Хейворд, вытирая ладони о стройные бедра. – В прямом смысле слова!

– Не подходите! – снова взвизгнул бродяга.

– О’кей, сержант, – безнадежно вздохнул д’Агоста и повернулся к посетителю: – Ну хорошо. Пять минут. И оставь это за дверьми. – Он указал на мешок, источавший невыносимое благоухание.

– Они его сопрут! – просипел бродяга.

– Это полиция! – рявкнул д’Агоста. – Здесь никто не станет красть твое дерьмо!

– Никакое это не дерьмо, – огрызнулся бродяга, но тем не менее передал мешок Хейворд, которая, поспешно выставив его в зал, вернулась и плотно закрыла за собой дверь.

В то же мгновение поведение бродяги разительно изменилось. Он вышел из угла и уселся в кресло для посетителей, закинув ногу за ногу. Можно было подумать, что хозяин кабинета здесь он. Вонь сделалась еще сильнее.

– Надеюсь, ты удобно устроился, – проговорил д’Агоста, стратегически располагая сигару перед своим носом. – У тебя осталось четыре минуты.

– Вообще-то, Винсент, – спокойно сказал бездомный, – учитывая то состояние, в котором вы меня видите, я чувствую себя вполне комфортно.

Д’Агоста медленно опустил сигару.

– Очень жаль, что вы по-прежнему курите. Тем не менее я вижу, качество ваших сигар улучшилось. Доминиканская республика, если не ошибаюсь? Если уж курить, так, конечно, этот сорт, а не ту, простите, вонючую дешевку, которую вы употребляли прежде.

Д’Агоста утратил дар речи. Он узнал этот голос, узнал певучий южный акцент. Но разум отказывался связать их с сидящим напротив него грязным вонючим типом.

– Пендергаст? – выдохнул лейтенант.

Бродяга кивнул.

– Что за?..

– Надеюсь, вы простите мне столь театральное появление, – сказал Пендергаст. – Мне хотелось проверить реалистичность образа.

– О… – только и смог сказать д’Агоста.

Хейворд выступила вперед и посмотрела на начальника. Похоже, она в первый раз растерялась.

– Лейтенант…

– Сержант, это… – Он вобрал побольше воздуха и, махнув рукой в сторону посетителя, закончил: – …это спец–агент ФБР Пендергаст.

Хейворд посмотрела на лейтенанта, перевела взгляд на Пендергаста и коротко бросила:

– Брехня!

Пендергаст удовлетворенно рассмеялся, водрузил локти на подлокотники кресла, сложил руки и, уперевшись подбородком в кончики пальцев, посмотрел на Хейворд:

– Счастлив познакомиться с вами, сержант. Я охотно предложил бы пожать друг другу руки, но…

– Не надо. Не беспокойтесь, – поспешно перебила его Хейворд, по-прежнему поглядывая на все это с явным недоверием.

Д'Агоста резко поднялся с кресла и, подойдя к посетителю, взял его неопрятную, но изящную руку в свои ладони.

– Господи, Пендергаст, до чего же я рад вас видеть! Меня давно интересует, что произошло с вашей тощей задницей. Слышал только, что вы отказались от руководства Нью-Йоркским отделением, но не видел вас с того времени, как…

– Со времени событий, получивших название «Музейных убийств», – закончил за него Пендергаст. – Теперь, как я мог заметить, они снова вышли на первые полосы газет.

Д'Агоста вернулся за письменный стол, криво усмехнулся и кивнул.

– Перед вами очень серьезная проблема, Винсент, – сказал Пендергаст, бросив взгляд на карту. – Серия зверских убийств на земле и под землей, овладевшее городской элитой беспокойство и слухи о возвращении Мбвуна.

– Вы даже не представляете, Пендергаст…

– Простите, что вынужден противоречить вам, но я все прекрасно представляю. По правде говоря, я пришел к вам узнать, не пожелаете ли вы получить некоторую помощь.

Д'Агоста просветлел – и тут же снова сделался мрачным.

– Официально? – спросил он.

– Боюсь, я могу действовать лишь полуофициально. Теперь мне дозволено более или менее самостоятельно определять сферу своей

деятельности. Весь последний год я трудился над реализацией некоторых технических проектов, о которых мы можем поговорить в другое время. Если быть точным, то я получил санкцию оказывать помощь Нью-Йоркскому управлению полиции конкретно в этом деле. Конечно, мне предписано – как деликатно сказано! – «отрицать свое участие» в расследовании. На данный момент нет никаких указаний на то, что совершено преступление федерального значения. Моя беда в том, – он изящно махнул рукой, – что я не в силах быть в стороне от интересного расследования. Весьма неприятная привычка, но от нее крайне трудно отказаться.

Д'Агоста с любопытством посмотрел на спецагента:

– Так вот, значит, почему я не видел вас без малого два года? Надо думать, в Нью-Йорке была масса интересных дел.

– Не для меня, – покачал головой Пендергаст.

– Это первое приятное событие в нашем расследовании, – повернулся д'Агоста к Хейворд.

Пендергаст посмотрел на Хейворд и снова перевел взгляд на лейтенанта. Его ясные, внимательные глаза резко контрастировали с грязной кожей.

– Вы мне льстите, Винсент, – улыбнулся он. – Однако вернемся к делам. Поскольку мой внешний вид, судя по всему, оказался для вас обоих достаточно убедительным, теперь я смогу проверить его и под землей. Если вы, конечно, введете меня в курс всех дел.

– Значит, вы тоже согласны с тем, что убийство Памелы Вишер связано с убийствами бездомных? – спросила Хейворд, до сих пор подозрительно поглядывавшая на гостя.

– Согласен, как нельзя более согласен, сержант… ээ… Хейворд, кажется? – Пендергаст выпрямился и со значением добавил: – Лаура Хейворд, не так ли?

– Даже если и так – ну и что?

Пендергаст снова поудобнее устроился в кресле и негромко сказал:

– Превосходно. Позвольте мне вас поздравить с вашей недавней статьей в «Журнале анормальной социологии». Очень интересный анализ кастовой структуры подземных жителей.

В первый раз с момента их знакомства д'Агоста увидел, как Хейворд смутилась. Лицо ее залилось краской, и она отвернулась. Видимо, не привыкла к комплиментам.

– Сержант? – строго спросил д'Агоста.

– Я должна получить степень магистра в Нью-Йоркском университете, – глядя в сторону, ответила она и тут же, посмотрев ему прямо в глаза, чуть ли не воинственно добавила: – Моя диссертация посвящена проблеме насилия в подземных общинах.

– Так это же здорово! – восхитился д’Агоста, несколько удивленный ее агрессивностью. Он чувствовал себя слегка обиженным. «Почему она мне ничего не сказала? Неужели она считает меня дураком?»

– Но почему вы публикуетесь в столь малоизвестном журнале? – продолжал Пендергаст. – Мне кажется, «Правоохранительный бюллетень» был бы лучше.

Хейворд негромко рассмеялась – к ней снова вернулась привычная уверенность в себе.

– Вы, наверное, шутите, – улыбнулась она.

И тут д’Агоста все понял. Этой симпатичной крошке и без того трудно работать «чистильщиком» в транспортном отделе, сформированном, как на подбор, из крутых амбалов. Если те узнают, что она пишет диссертацию о людях, которых «чистит»... Д’Агоста покачал головой, представив, каким насмешкам она подвергнется.

– Ах да, понимаю, – кивнул Пендергаст. – Что же, так или иначе, но я весьма рад знакомству с вами. Однако вернемся к делам. Мне необходимо ознакомиться с результатами анализа мест преступления. Чем больше мы узнаем о подземном мире, тем скорее сумеем найти его. Или их. Ведь он, кажется, не насилует свои жертвы, не так ли?

– Нет. Ничего подобного.

– Не исключено, что он фетишист. Он – или они, – судя по всему, получают удовольствие от своих трофеев. Нам следует поднять досье на всех бездействующих ныне серийных убийц и на лиц, склонных к подобным поступкам. Кроме того, думаю, было бы полезно проверить базу данных о всех жертвах, с тем чтобы попытаться выяснить общие черты. Неплохо бы сделать то же самое и в отношении пропавших без вести. Мы должны искать все точки совпадения, даже самые незначительные.

– Я займусь этим, – сказала Хейворд.

– Великолепно. – Пендергаст поднялся и подошел ближе к столу. – Теперь, если мне будет позволено взглянуть на досье...

– Прошу вас, сядьте, – взмолился д’Агоста. – Ваша маскировка чересчур убедительна, если вы понимаете, что я хочу сказать.

– Конечно, понимаю, – рассмеялся Пендергаст, возвращаясь в кресло. – Убедительна до отвращения. Сержант Хейворд, вас не затруднит передать мне документы?

18

М арго заняла место в огромном зале Линнея, расположенном в самом сердце старого здания Музея естественной истории, и с любопытством осмотрелась по сторонам. Строительство старого здания было завершено в 1882 году. Над стенами, обшитыми темными дубовыми панелями, возносились ввысь арки. По нижнему краю купола шел резной фриз: Эволюция во всем ее эволюционном величии, начиная от изящно исполненных одноклеточных и кончая большой фигурой Человека.

Марго посмотрела на Человека во фраке, в цилиндре, с прогулочной тростью. Прекрасный памятник раннедарвиновскому представлению о ходе эволюции, как о постоянном и неуклонном движении от простого к сложному. Человек венчал процесс эволюции. Марго знала, что теперь преобладает иной взгляд на ход развития. Эволюция зависит от целого ряда случайных факторов и имеет множество тупиковых ответвлений и удивительных извращений. Доктор Фрок, сидящий сейчас неподалеку от нее в кресле-каталке, внес огромный вклад в новое понимание эволюционного процесса, выступив с теорией «фрактальной эволюции». Биологи более не считали человека венцом творения и относили его к незначительной тупиковой ветви, не склонной к быстрому развитию подгруппы млекопитающих. С некоторой долей иронии Марго подумала о том, что слово «человек» – в его первоначальном смысле «мужчина» – тоже во многом утратило былую популярность.

Повернув голову, она покосилась на кинобудку, размещенную высоко в задней стене. Теперь старинный величественный зал был превращен в современное лекционное помещение с грифельными досками, подвижными киноэкранами и компьютеризированной аудиовизуальной аппаратурой.

Наверное, в сотый раз за день Марго задала себе вопрос, кто мог распространить информацию об участии музея в расследовании. Кем бы ни был этот человек, он определенно не знал всего – о чудовищных деформациях второго скелета, например, ничего не сообщалось. Она была рада тому, что не стала хлопотать за Смитбека. Радость возросла еще более после того, как Марго узнала, что означают следы зубов на костях. Она с ужасом ждала доставки тела Биттермана, не сомневаясь, что новые следы только подтвердят сделанные выводы.

Громкое гудение вывело Марго из задумчивости. Огромный белый экран, опускаясь откуда-то сверху, закрывал просцениум и кулисы.

В зале, рассчитанном на двухтысячную аудиторию, сейчас сидели семеро.

Фрок тихонько мурлыкал мелодию из какой-то вагнеровской оперы, отбивая пухлыми пальцами ритм на потертом подлокотнике кресла. На его лице была маска безразличия, но Марго знала, что профессор просто кипит от негодования. Протокол требовал, чтобы о результатах исследования докладывал главный судмедэксперт Брамбелл, и столь вопиющая несправедливость выводила Фрока из себя. Чуть ближе к экрану, рядом с толстенным типом в мятом мундире и двумя жутко усталыми с виду детективами из отдела убийств сидел лейтенант д’Агоста.

Свет в зале погас, и теперь Марго видела только удлиненное лицо и сверкающую лысину Брамбелла. В руке патологоанатом держал похожий на рапиру предмет – пульт дистанционного управления и по совместительству лазерную указку. Брамбелл выглядел, как оживший мертвец. Борис Карлов в лабораторном халате.

– Может быть, перейдем сразу к вещественным доказательствам? – спросил Брамбелл. Его высокий и почему-то радостный голос прозвучал сразу из всех динамиков, висящих на стенах.

Марго почувствовала, как напрягся сидящий рядом Фрок.

На экране появилось гигантское изображение кости, осветив зал каким-то потусторонним мертвенным светом.

– Перед вами снимок третьего шейного позвонка Памелы Вишер. Обратите внимание на четко различимые отпечатки зубов.

Слайд сменился следующим.

– Теперь вы видите след зуба, увеличенный в двести раз. А это – он же в поперечном разрезе. Как вы можете заметить, зуб явно принадлежит млекопитающему.

На следующей серии слайдов были представлены результаты лабораторных исследований различных костей, там же приводились цифры: давление на квадратный дюйм, необходимое для нанесения подобных деформаций.

– Нами было обнаружено более двадцати проколов, царапин или вдавливаний, оставленных зубами на костях обеих жертв, – продолжал Брамбелл. – Кроме того, на костях имеются следы, оставленные неизвестным нам тупым инструментом. Следы слишком правильные для зубов и чересчур грубые для хорошо наточенного ножа. Подобные следы характерны для примитивного топора или каменного ножа. Эти следы преимущественно наблюдаются на шейных позвонках, видимо,

указывая нам способ обезглавливания. Что же касается следов зубов, то необходимое давление, – Брамбелл провел световым лучом по цифрам, – лежит в диапазоне от 500 до 900 фунтов на квадратный дюйм. Это значительно ниже нашей первоначальной оценки в 1 200 фунтов на квадратный дюйм.

«Твоей первоначальной оценки», – подумала Марго, глянув на Фрока.

На экране появилось новое изображение.

– Детальное исследование тонкого среза костной ткани вокруг укуса показало наличие кровоизлияний как в промежуточной костной ткани, так и в губчатой ткани кости. Это указывает на то, что следы зубов были прижизненными.

В зале повисла мертвая тишина.

– Или, точнее, укусы были нанесены в момент смерти. – Брамбелл откашлялся. – Ввиду того, что разложение тел достигло высокой степени, установить истинную причину смерти не представляется возможным. Но я полагаю, что мы с достаточной степенью достоверности можем предположить, что жертвы погибли от множественных травм и потери крови, возникших одновременно с появлением следов зубов на костях.

Театрально повернувшись к аудитории, он произнес:

– Я знаю, что каждый из вас затаил в своем сердце вопрос. Вопрос самый главный. Что оставило эти следы? Нам известно, что в прессе высказывались предположения о появлении еще одного Мбвуна.

«Боже мой, неужели он наслаждается этим спектаклем?» – подумала Марго. Она всем своим существом ощутила повисшее в зале напряжение. Д’Агоста нетерпеливо ерзал на краешке кресла.

– Мы произвели тщательный сравнительный анализ данных следов со следами зубов Мбвуна, оставленными восемнадцать месяцев тому назад. Само собой разумеется, что музей – как раз то место, где хранятся самые обширные данные о Мбвуне. Проведенный анализ позволил нам сделать два бесспорных вывода.

Брамбелл глубоко вздохнул и обвел взглядом аудиторию.

– Во-первых. Следы зубов на трупах не совпадают со следами зубов Мбвуна. Они отличаются по ширине, длине и по сечению.

Марго увидела, как д’Агоста, мгновенно расслабившись, откинулся на спинку кресла.

– Во-вторых. Давление при последних укусах ни разу не превышало девятисот фунтов на квадратный дюйм, что соответствует в основном силе укуса собаки, а если быть более точным – силе укуса человека. Силе давления зубов Мбвуна полученные нами данные не соответствуют.

Картинки замелькали быстрее. Теперь это были микрофотографии укусов во всех их разновидностях.

– Челюсти обычного здорового, привыкшего к жевательной резинке мужчины при сильном укусе развивают давление от восьмисот пятидесяти до девятисот фунтов на квадратный дюйм, – продолжал Брамбелл. – Следы на костях, вне всяких сомнений, могли быть оставлены верхним клыком – так называемым глазным зубом – человека. С другой стороны, можно допустить, что следы оставлены зубами собак, населяющих тоннели и нападающих на их обитателей. Однако, по моему мнению, следы укусов все же больше соответствуют зубам человека, нежели зубам собаки или зубам иных гипотетических существ, которые бродят по тоннелям.

– Нельзя исключать, доктор Брамбелл, что под землей обитают такие существа, о существовании которых ваша наука пока еще не догадывается.

Эти слова были произнесены с мягким акцентом, свойственным жителям юга – Алабамы или Луизианы. В голосе говорящего можно было уловить беззлобную иронию. Марго обернулась и увидела знакомую тощую фигуру спец–агента Пендергаста, развалившегося в кресле в самом конце зала. Поймав ее взгляд, Пендергаст кивнул. Его светлые глаза блеснули в полумраке.

– Приветствую вас, мисс Грин, – сказал он. – Впрочем, пардон. Видимо, уже доктор Грин?

Марго улыбнулась и кивнула в ответ. Они не виделись со времени прощальной вечеринки в музее в кабинете Фрока. В тот день она последний раз видела всех тех, кто так или иначе был связан с делом Музейного зверя – доктора Фрока, например, или Грега Кавакиту.

Фрок, с трудом повернувшись в кресле, кивком приветствовал Пендергаста, и тут же снова обратил свое внимание на экран.

Брамбелл посмотрел на вновь прибывшего:

– Видимо, вы… э-э-э?

– Спецагент ФБР Пендергаст, – ответил д’Агоста. – Он будет помогать нам в расследовании.

– Понимаю, – кивнул Брамбелл. – Счастлив познакомиться. – Решительно повернувшись к экрану, патологоанатом продолжил: – Теперь перейдем к следующему вопросу – идентификации неизвестного тела. На этом фронте у меня для вас имеются хорошие новости. Боюсь, они явятся сюрпризом и для моих коллег, – он кивнул в сторону Марго и Фрока, – так как новые факты совсем недавно оказались в поле моего внимания.

Фрок весь подался вперед в своем кресле, хотя по его лицу по-прежнему ничего нельзя было прочитать. Марго переводила недоуменный взгляд с одного ученого на другого. Неужели доктор Брамбелл темнил и оставлял их в неведении только для того, чтобы приписать себе всю славу? Неужели такое возможно?

– Прошу вас повнимательнее взглянуть на следующий слайд.

На экране высветилась новая картинка – рентгенограмма с четырьмя белыми треугольниками, которые первой заметила Марго.

– Перед нами четыре металлических треугольника, внедренных в поясничные позвонки неопознанного скелета. Их предназначение вызывало наше недоумение с того самого момента, когда на них впервые обратила наше внимание присутствующая здесь доктор Грин. Но затем – вчера вечером – меня осенило. Большую часть дня сегодня я провел в консультациях с хирургами-ортопедами. Если я не ошибся, личность погибшего индивида мы сможем установить к концу недели, а возможно, и ранее.

Брамбелл ослепительно улыбнулся и победоносно оглядел зал, задержав на неуловимую долю секунды взгляд на Фроке.

– Как я полагаю, вы считаете, что следы принадлежат… – вмешался Пендергаст.

– На этом этапе, – с нажимом прервал его Брамбелл, – я больше ничего не могу сказать по данному вопросу.

Он взмахнул жезлом дистанционного управления, и на экране высветился новый слайд. На нем была изображена голова в последней стадии разложения. Глаза отсутствовали, безгубый рот щерился страшным оскалом. Вид головы вызвал у Марго почти такой же приступ отвращения, как в тот момент, когда вещдок вкатили в их лабораторию.

– Как вам известно, эту голову нам доставили для изучения вчера. Ее обнаружил лейтенант д'Агоста, расследуя серию убийств среди бездомного населения Нью-Йорка. Хотя полный отчет мы сможем представить лишь через несколько дней, уже сейчас можно утверждать, что голова принадлежала неизвестному, убитому примерно два месяца назад. Здесь можно увидеть многочисленные следы, часть которых

оставлена зубами, а часть, видимо, тупым орудием. Следы последнего в основном сосредоточены в зоне сохранившихся шейных позвонков. Мы планируем произвести эксгумацию трупа на кладбище Поттерз-Филд с целью более полного его обследования.

«О Господи, только не это!» – подумала Марго.

Брамбелл продемонстрировал еще несколько слайдов.

– Мы изучили разрывы на шее и пришли к выводу, что и в данном случае воздействовавшая на тело сила соответствует силе человека, а не Мбвуна.

Экран озарился белым, и Брамбелл положил указку перед собой на пюпитр. Как только в зале зажегся свет, д’Агоста поднялся с места.

– Вы не представляете, какое это для меня облегчение, – выдохнул он. – Давайте по-простому. Значит, вы считаете, что следы укусов оставлены человеком?

Брамбелл кивнул.

– Это не могла быть собака или какое-нибудь еще животное, обитающее в канализации?

– Учитывая характер и состояние следов, полностью исключить собаку нельзя. Но я полагаю, вероятность того, что это сделал человек или несколько людей, гораздо более велика. Если бы у нас было хотя бы одно задержание… Но, увы. – Он развел руками. – Более того, если согласиться с тем, что ряд следов оставлен тупым орудием, то собак можно исключить полностью.

– А вы, доктор Фрок? Что думаете вы? – спросил д’Агоста.

– Я разделяю точку зрения доктора Брамбелла, – немного поерзав в кресле, пробурчал Фрок, а затем громко пророкотал: – Хочу напомнить, что я был первым, кто высказал предположение, что следы не могут принадлежать Мбвуну. Весьма рад, что мое предположение подтвердилось. Однако я должен выразить протест в связи с тем, что доктор Брамбелл самостоятельно приступил к идентификации трупа под номером два.

– Замечание принимается к сведению, – наклонил голову Брамбелл.

– Подражательное убийство! – с восторгом завопил толстый полицейский.

Ответом ему было гробовое молчание.

Толстяк поднялся и громогласно продолжил:

– Мы имеем дело с типом, который обезьянничает, вдохновленный Музейным зверем. Какой-то псих бегает по городу, убивает людей, отрезает им головы и, может быть даже, съедает.

– Это могло бы соответствовать полученным данным, если не принимать во внимание… – начал Брамбелл.

– Серийный убийца, к тому же еще и бездомный! – перебил его жирный коп.

– Послушай, капитан Уокси, – вмешался д'Агоста, – это не объясняет…

– Это объясняет все! – воинственно отрубил толстяк.

В дальнем верхнем конце зала с грохотом распахнулась дверь, и гневный голос спросил:

– Какого дьявола никто не удосужился известить меня об этом сборище?

Марго обернулась и тут же узнала изборожденное морщинами лицо, а также безукоризненный, увешанный звездами и значками мундир. Шеф полиции Нью-Йорка Хорлокер бодро спускался по проходу. Шефа сопровождала пара адъютантов.

Лицо д'Агосты приняло несчастное выражение, которое, впрочем, тут же сменилось маской безразличия.

– Шеф, я посылал…

– Что? Служебную записку? – Раскалившийся добела Хорлокер подошел к ряду, в котором расположились д'Агоста и Уокси. – Винни, насколько мне известно, ту же самую вонючую ошибку ты совершил и тогда, в музее. Ты с самого начала не пожелал привлекать к делу начальство. Ты и эта ослиная задница Коффи постоянно твердили, что имеете дело с серийным убийцей, и что все находится под контролем. К тому времени, когда ты сообразил, с чем имеешь дело, у нас уже был полный музей трупов.

– Прошу прощения, шеф Хорлокер, это самый неточный рассказ о событиях из всех, что мне доводилось слышать, – медоточиво, но весьма решительно произнес Пендергаст.

– А это кто? – спросил Хорлокер, поворачиваясь на голос.

Д'Агоста начал было говорить, но Пендергаст жестом остановил его:

– Позвольте мне, Винсент. Спецагент ФБР Пендергаст.

– Наслышан, – приняв еще более суровый вид, бросил Хорлокер. – Вы из тех, кто вывалялся тогда в дерьме в музее.

– Весьма красочная метафора, – заметил Пендергаст.

– Итак, Пендергаст, что вам здесь надо? Это дело вне вашей юрисдикции.

– Я оказываю содействие лейтенанту д'Агосте в качестве советника.

– Д'Агосте содействие не требуется, – хмуро ответил Хорлокер.

– Простите великодушно, что мне приходится вам противоречить, – сказал Пендергаст, – но у меня складывается впечатление, что ему (как, впрочем, и вам) содействие потребуется. – Он перевел взгляд на Уокси и, снова посмотрев на Хорлокера, продолжил: – Не беспокойтесь, шеф. Я не охочусь за славой. Я появился здесь, чтобы прояснить дело, а не загрести его себе.

– Весьма обнадеживающее заявление, – бросил шеф и повернулся к д'Агосте: – Итак? Что же вы имеете?

– Главный судмедэксперт полагает, что к пятнице сможет идентифицировать второй скелет, – ответил д'Агоста. – Кроме того, он считает, что следы зубов оставлены человеком или несколькими людьми.

– Несколькими? – переспросил Хорлокер.

– По моему мнению, шеф, – ответил лейтенант, – фактические данные указывают на то, что преступников было несколько.

Брамбелл величественно кивнул, подтверждая сказанное.

На лице шефа полиции появилась гримаса, призванная выразить душевную боль.

– Неужели вы действительно верите в то, что по Нью-Йорку бегает пара психов с каннибальскими наклонностями? Пораскинь мозгами, Винни, Христа ради. Мы имеем дело с бездомным серийным убийцей, избирающим жертвами себе подобных. Иногда и настоящие люди – вроде Памелы Вишер и этого, как его... Биттермана – забредают в опасные места в неподходящее время и оказываются убитыми.

– Настоящие люди? – пробормотал Пендергаст.

– Вы прекрасно понимаете, что я имею в виду. Полезные члены общества. Граждане, имеющие адреса. – Хорлокер повернулся к д'Агосте и сердито добавил: – Я установил для тебя жесткие сроки и надеялся к этому времени получить более существенный результат.

Уокси извлек свою тушу из кресла:

– Убежден, что мы имеем дело с одним-единственным нарушителем закона.

– Вот именно, – сказал Хорлокер и оглядел зал, как бы ожидая встретить возражения. – Итак, мы имеем бездомного с помутившимся разумом, обитающего скорее всего где-то в Центральном парке и возомнившего себя Музейным зверем. После этой проклятой статьи в «Таймс» у половины города начался кровавый понос от страха. И что же ты намерен предпринять, чтобы остановить его? – повернулся Хорлокер к д’Агосте.

– Du calme, du calme [1] шеф, – успокоительно произнес Пендергаст. – Я давно заметил, что чем громче человек говорит, тем меньше у него есть, что сказать.

– Вы не имеете права так разговаривать со мной! – не веря своим ушам, воскликнул Хорлокер.

– Напротив, я – единственный человек в зале, кто имеет право разговаривать с вами подобным образом, – парировал Пендергаст. – Поэтому только я могу сказать вам, что вы выдали целую серию неверных, ничем не подкрепленных предположений. Во-первых, вы сказали, что убийца бездомный. Во-вторых, что он обитает в Центральном парке. В-третьих, что он страдает психозом. И наконец, в-четвертых, вы заявили, что он действует в одиночку. – Пендергаст смотрел на шефа полиции чуть ли не любовно. Смотрел так, как смотрит терпеливый отец, пытающийся урезонить капризного ребенка. – Вы ухитрились втиснуть потрясающе много неверных догадок в одну фразу, шеф, – закончил он.

Хорлокер, упершись взглядом в Пендергаста, открыл было рот и тут же снова закрыл его. Он сделал шаг вперед, замер, ожег д’Агосту взглядом, развернулся на каблуках и решительно зашагал к выходу. Адъютанты засеменили следом.

Дверь захлопнулась. В зале повисла тишина. Одна только Марго услышала шепот доктора Фрока:

– Ну и дьявольскую задачку мы имеем.

Д’Агоста вздохнул и посмотрел на Брамбелла:

– Подготовьте-ка вы лучше для шефа письменный отчет. Отредактируйте текст так, чтобы осталось только самое существенное. Поместите побольше картинок. И главное, сделайте так, чтобы его легко было читать. Одним словом, что-нибудь на уровне четвертого класса начальной школы.

– Разумеется, лейтенант. – Брамбелл радостно рассмеялся и покачал головой. На лысине тут же заиграли веселые блики проектора. – Я создам литературный шедевр.

Уокси одарил обоих весельчаков осуждающим взглядом и направился к двери.

– Я считаю, что профессионалы не имеют права смеяться над руководством, – произнес он на ходу. – А у меня много важных дел и нет времени на глупые шутки.

Д’Агоста проводил Уокси взглядом и повернулся к патологоанатому:

– Пожалуй, вам лучше подготовить доклад, ориентируясь на уровень третьеклассника, чтобы капитан Уокси тоже смог его прочитать.

Смитбек отошел от смотровой щели кинобудки и с удовлетворением выключил магнитофон. Теперь оставалось подождать, когда последний из участников совещания покинет зал Линнея.

Из соседней комнаты вышел киномеханик. При виде Смитбека он недовольно сощурился:

– Вы же сказали…

– Я помню, что я сказал, – небрежно отмахнулся журналист. – Просто я не хотел доставлять вам излишние волнения. Вот возьмите, – Смитбек вытянул из бумажника двадцатку.

– Я бы ни за что не взял деньги, если бы в музее не платили так мало. С такими бабками жить в Нью-Йорке просто невозможно… – покраснел киномеханик, пряча банкноту в карман.

– Это уж точно… – машинально ответил Смитбек и снова посмотрел в смотровую щель. – Послушайте, – он отошел от щели, – мне объяснять ничего не надо. Вы сегодня внесли огромный вклад в дело свободы печати. Закажите себе хороший ужин и ни о чем не беспокойтесь. Я не выдам свои источники информации, даже оказавшись в застенках.

– В застенках? – прошептал киномеханик.

Смитбек успокаивающе потрепал его по плечу и выскользнул в соседнюю комнату, пряча на ходу магнитофон и блокнот. Оттуда Смитбек вышел в столь памятный для него запыленный коридор. Ему повезло: на северном входе дежурила старуха, известная тем, что наносила на лицо сантиметровый слой макияжа и посему считала себя неотразимой. Смитбек прошел мимо нее, улыбаясь, рассыпаясь в любезностях и подмигивая, не забыв, однако, прикрыть пальцем дату на давно просроченном пропуске в музей.

19

М арго толкнула вращающуюся дверь двадцать седьмого полицейского участка и, повернув налево, начала спускаться по длинной крутой лестнице в подвал. Перила исчезли с древней, некогда желтой стены много десятилетий назад, и Марго шагала осторожно, боясь поскользнуться на бетонных ступенях. Несмотря на то что стены в подвале были толстые, она услышала приглушенные хлопки задолго до того, как достигла последней ступени.

Стоило ей отворить звуконепроницаемую дверь, как приглушенные хлопки слились в громкий рев. Поморщившись от невыносимого шума, Марго подошла к служебному столу и стала рыться в сумочке в поисках разрешительного письма. Полицейский, узнав ее, махнул рукой.

– Номер семнадцать, – почти прокричал он, перекрывая хлопки выстрелов и передавая ей дюжину мишеней и потертые наушники.

Марго записала в журнале свое имя и время прихода и прошла в тир, надевая на ходу наушники. Шум тут же стал вполне терпимым. Слева от нее почти до самой стены тянулась шеренга полицейских в открытых сверху кабинках. Копы перезаряжали оружие, закрепляли мишени и оценивали результаты стрельбы. Предвечерние часы были для стрелков самым излюбленным временем. А среди десятка тиров, разбросанных по полицейским участкам города Нью-Йорка, стрельбище двадцать седьмого участка считалось самым большим и современным. Войдя в кабину номер семнадцать, Марго достала из сумочки оружие, коробку с патронами и несколько скрепок. Положив патроны слева от себя на полку, она осмотрела свой небольшой самозарядный пистолет. Все эти действия были для нее сейчас настолько же привычны, насколько они были чужды год назад. Удовлетворившись осмотром, Марго вогнала в рукоятку полную обойму, приколола мишень к тросику и отодвинула ее на десять ярдов. Затем, как ее учили, приняла позу Вивера – правая рука на спусковом крючке, левая удерживает правую за запястье. Сосредоточив взгляд на мушке, она нажала на спуск, позволив согнутой в локте руке принять на себя отдачу от выстрела. Сделав секундную паузу, чтобы взглянуть на мишень, без остановки опустошила всю обойму.

Она расстреляла еще несколько обойм, почти машинально выполняя все действия стрелка в тире – перезарядка, смена мишени, огонь. Когда коробка с патронами опустела наполовину, Марго перешла к стрельбе по силуэтам с дистанции двадцать пять ярдов. Расстреляв наконец последний магазин и повернувшись, чтобы почистить оружие, она с удивлением увидела перед собой д’Агосту. Лейтенант наблюдал за ней, скрестив руки на груди.

– Привет! – прокричала она, снимая наушники.

– Посмотрим, что у вас получилось. – Д’Агоста кивком указал на мишени. Марго подтянула к себе силуэт, полицейский, тщательно изучив его, одобрил: – Прекрасная розетка.

– Спасибо, – рассмеялась Марго. – Это всецело ваша заслуга. Только благодаря вам я получила разрешение.

Она бросила пустые обоймы в сумку, думая о том, насколько странным, наверное, казалось тогда лейтенанту ее поведение. Через месяц с хвостиком после событий в музее она ворвалась в его кабинет, умоляя помочь в получении разрешения на ношение оружия. «Для самообороны», – объяснила она тогда. Разве могла она рассказать д’Агосте о своем постоянном страхе, о ночных кошмарах, от которых просыпаешься в холодном поту, о постоянном ощущении полной беззащитности?

– Брэд сказал мне, что вы были превосходной ученицей, – улыбнулся д’Агоста. – Я это чувствовал с самого начала и поэтому рекомендовал ему заняться с вами. А за разрешение благодарить следует не меня. Об этом позаботился Пендергаст. Позвольте взглянуть, каким оружием обучил вас пользоваться Брэд.

– Миниатюрный «глок», двадцать шестая модель, с фабричной модификацией спускового устройства типа «Нью-Йорк», – сказала Марго, передавая лейтенанту пистолет.

– Удобный и легкий, – одобрил д’Агоста, взвесив оружие на ладони. – Правда, прицельная дальность стрельбы слишком велика.

– Ваш друг Брэд мне очень помог. Научил делать поправку на снос пули, помог установить регулируемый прицел. Я тренируюсь только с этим пистолетом. Боюсь, что с другим оружием я окажусь совершенно беспомощной.

– Очень сомневаюсь, – покачал головой д’Агоста, возвращая ей миниатюрное оружие. – Судя по вашим результатам, вы управитесь практически с любой пушкой. Пойдемте отсюда. Скроемся от этого шума. Я вас провожу. – Он кивнул в сторону выхода.

Марго задержалась у стола дежурного, чтобы расписаться в журнале и сдать наушники. Д’Агоста также поставил свою подпись.

– Вы тоже стреляли? – спросила она.

– Почему бы и нет? – ответил он вопросом на вопрос. – Даже старперы вроде меня могут покрыться ржавчиной. – Они вышли из тира и начали восхождение по длинной, крутой лестнице. – Вообще-то дела вроде этого любого могут вывести из равновесия. Так что немного

попрактиковаться в стрельбе совсем неплохо. Особенно после нашего совещания.

Марго ничего не ответила. Поднявшись наверх, она остановилась, поджидая лейтенанта. Тот, слегка запыхавшись, присоединился к ней через несколько секунд. Миновав вращающуюся дверь, они вышли на Тридцать первую улицу. Вечер был прохладным, на улице почти что не было машин. Марго взглянула на часы. Уже почти восемь. Теперь ей остается только добежать трусцой до дома, приготовить себе легкий ужин и постараться как следует отоспаться.

– Держу пари, эти ступени послужили причиной большего количества сердечных приступов, чем все то тесто, которое ежедневно поглощается в Нью-Йорке, – сказал д'Агоста. – Хотя на вас, похоже, подъем особо не отразился.

– Я тренируюсь, – пожала плечами Марго.

– Я заметил. Вы совсем не та, какой были восемнадцать месяцев назад. Какие упражнения вы предпочитаете?

– В основном на силу. Большой вес, мало подходов. Впрочем, вы это хорошо знаете.

Д'Агоста кивнул.

– Наверное, два раза в неделю? – спросил он.

– Один день работаю над верхней группой мышц, второй – над нижней. Иногда тренируюсь и интервальным методом.

– Сколько жмете, лежа на скамье? Сто двадцать?

– Сто тридцать фунтов, – покачала головой Марго. – И это неплохо, если учесть, что вначале мне не хватало сил, чтобы закрепить на штанге самый маленький вес. Теперь же я закрепляю фунтовые блины.

– Совсем неплохо, – снова кивнул д'Агоста. Они уже шагали в сторону Шестой авеню. – Ну и как, помогает?

– Простите?

– Я спросил, вам это помогает?

Марго задумалась.

– Я не совсем поняла... – начала она, и тут до нее дошло. Марго на мгновение задумалась. – Нет, – тихо сказала она. – Во всяком случае, не полностью.

– Не хочу лезть в ваши дела, – проговорил д’Агоста, машинально похлопывая себя по карманам в поисках сигары, – но должен сказать, что парень я прямолинейный, если вы этого еще не поняли. – Он наконец нашел сигару, сорвал обертку и понюхал верхний лист. – Похоже, что это дерьмо из музея нас всех крепко зацепило.

Они вышли на Шестую авеню, и Марго после некоторого колебания произнесла, глядя на север:

– Простите, но мне об этом трудно говорить.

– Знаю, – кивнул д’Агоста. – Особенно сейчас. – Он зажег сигару и добавил: – Берегите себя, доктор Грин.

– И вы тоже, – улыбнулась Марго. – И еще раз спасибо за это. – Она похлопала ладонью по сумке и перешла на бег.

Ее путь лежал на север, а потом домой – на Вест-Сайд.

20

Д Агоста посмотрел на часы: десять вечера, а сделать еще предстоит до черта. Группы самых опытных копов прочесали все ночлежки и суповые кухни, безуспешно пытаясь выяснить, не проявлял ли кто-нибудь в последнее время повышенный интерес к Мбвуну. Хейворд, с ее знанием обитателей подземелья, стала еще более ценным инструментом расследования, возглавив несколько отрядов «чистильщиков». Увы, результаты «зачисток» тоже ничего не дали. При появлении отрядов кроты исчезали в самых темных, неведомых норах. Поисковые отряды, как объяснила Хейворд, могли прочесать лишь малую часть огромного лабиринта тоннелей. Оставалось утешать себя тем, что поток звонков от психов, требующих вознаграждения от «Пост», превратился в хилый ручеек. Не исключено, что всех напугала статья в «Таймс» и убийство Биттермана.

Лейтенант посмотрел на письменный стол, заваленный не обработанными до сих пор докладами о результатах прочесывания ночлежек и «зачистки» подземелий, и в сотый раз уставился на карту, словно внимательный взгляд был способен выжать из нее ответ. Где же здесь система? Ведь система должна быть непременно. Таково первое правило сыска.

То, что утверждал Хорлокер, и яйца выеденного не стоит. Д’Агоста нутром чуял, что убийства совершал не одиночка. И не только нутром – убийств было слишком много, и при всей их похожести между ними имелись существенные различия. Часть трупов обезглавлена, у некоторых размозжен череп, а иные – просто растерзаны. А может, это все-таки какой-то кровавый культ? Но кем бы ни были убийцы, ультимативные сроки расследования только мешали делу. Они

рассеивали внимание, в то время как для успеха следствия требовались терпение, методичность и тонкое дедуктивное мышление.

«Боже, – мысленно рассмеялся лейтенант, – я, кажется, начинаю все больше и больше походить на Пендергаста».

Из-за дверей складского помещения, расположенного рядом с его кабинетом, начали раздаваться какие-то шаркающие звуки. Несколько минут назад, используя законный перерыв для чашечки кофе, там скрылась Хейворд. Звуки не стихали, и д'Агоста в задумчивости уставился на дверь. В конце концов он встал из-за стола, подошел к двери, открыл ее и переступил порог. Посреди комнаты стояла, слегка согнувшись, Хейворд. Левая рука вытянута вперед наподобие стрелы, правая отведена назад так, что ладонь почти касается уха. Пальцы напряжены и полусогнуты, словно когти. Едва он вошел, Хейворд развернулась на девяносто градусов и, имитируя резкий удар, поменяла положение рук. Не теряя ни мгновения, она еще раз повторила комбинацию. Ее движения напоминали смертельный танец.

Каждый удар сопровождался резким выдохом, весьма похожим на то шипение, которое д'Агоста слышал во время схватки в тоннеле. Хейворд сделала еще один разворот и, оказавшись лицом к лицу с д'Агостой, опустила руки неторопливым рассчитанным движением.

– Вам что-нибудь надо, лейтенант? – спросила она.

– Ничего, кроме объяснения, чем вы, дьявол вас побери, тут занимаетесь!

Хейворд выпрямилась, выдохнула и, глядя ему в глаза, ответила:

– Разучиваю одну из комбинаций «хейан» в «ката».

– Что-что? Повторите.

– Одно из обязательных упражнений в шотокан-карате, – ответила она и, поймав его вопросительный взгляд, пояснила: – Оно помогает мне расслабиться и поддержать форму. Разве я не имею права использовать перерыв так, как мне нравится, лейтенант?

– Что ж, валяйте дальше, – сказал д'Агоста и, уже находясь в дверях, спросил: – И какой же у вас пояс?

Хейворд ответила не сразу. Некоторое время она молча смотрела на лейтенанта.

– Белый, – наконец сказала она.

– Понимаю… – протянул д'Агоста.

– Шотокан, – с легкой улыбкой добавила Хейворд, – самая древняя японская школа карате. Она не признает многоцветных поясов, лейтенант. Шотокан имеет восемь степеней белого пояса, а затем коричневый и черный.

– И какая же степень у вас? – полюбопытствовал д’Агоста.

– В следующем месяце меня ждут испытания на коричневый.

Из его кабинета послышался звук поворачиваемой дверной ручки. Выйдя из склада и прикрыв за собой дверь, д’Агоста увидел тучные телеса капитана Уокси. Ни слова не говоря, Уокси подошел к карте и, убрав руки за спину, принялся внимательно изучать россыпь красных и белых булавочных головок.

– Здесь есть система, – наконец сказал он.

– Неужели? – спросил д’Агоста, изо всех сил стараясь придать голосу нейтральное выражение.

Уокси величественно кивнул, по-прежнему стоя к лейтенанту спиной.

Д’Агоста промолчал. Он знал, что теперь до конца дней будет раскаиваться в том, что пригласил Уокси принять участие в расследовании.

– Все идет отсюда. – Капитан пухлым пальцем указал на зеленое пятно. Д’Агоста увидел, что Уокси ткнул в Променад – самое глухое место Центрального парка.

– Как ты это вычислил?

– Очень просто, – ответил Уокси. – Шеф потолковал со спецом по страховке из отдела персонала. Тот изучил места преступлений, провел линейный анализ и сказал, что их источником является это место. Видишь? Убийства укладываются в полукруг с центром в этой точке. Ключом к решению послужил Замок Бельведер. – Капитан повернулся к д’Агосте: – В Променаде – скалы, пещеры, дикий лес. Куча бездомных. Прекрасное место для укрытия. Там-то мы и найдем убийцу.

На сей раз д’Агоста оказался не в силах согнать с лица ироническую ухмылку.

– Давай начистоту. Неужели ты действительно веришь, что какой-то олух из страховой секции отдела персонала смог решить задачу? Может, он заодно умудрился всучить вам очень выгодный страховой полис?

Уокси нахмурился, его розовые щеки побагровели.

– Мне очень не нравится твой тон, Винни. Он был совершенно неуместен сегодня на совещании и столь же неуместен сейчас.

– Послушай, Джек! – Д’Агоста изо всех сил старался сохранить спокойствие. – Что страховой агент понимает в убийствах? Даже если этот агент работает в полиции. В нашем деле необходимо учитывать уйму факторов. Не говоря уж о том, что убийство в Бельведере – наименее типичное из всей серии…

И тут д’Агоста понял, что все его слова бесполезны. Убеждать Уокси – затея бессмысленная. Хорлокер принадлежал к числу руководителей, обожающих привлекать экспертов, специалистов и консультантов, а Уокси настолько привык соглашаться с начальством, что…

– Мне потребуется эта карта, – сказал капитан.

Д’Агоста недоуменно уставился на широкую спину Уокси. И в этот момент на него снизошло озарение. Теперь он знал, что все это означает.

– Чувствуй себя как дома. – Он встал из-за стола. – Все папки с первичными делами ты найдешь в этих ящиках, сержант Хейворд поделится с тобой ценной…

– Она мне не нужна, – перебил Уокси. – Все, что мне требуется, так это карта и дела. Распорядись, чтобы их передали в мой кабинет завтра к восьми утра. Комната 2403. Меня переводят сюда, в управление.

Он медленно повернулся и посмотрел д’Агосте в глаза.

– Прости, Винни, но здесь просто вопрос взаимопонимания. Между мной и Хорлокером. Ему нужен человек, которому он может доверять, человек, способный сдержать пар в котле. Тут нет ничего против тебя лично. Ты в том или ином качестве останешься при деле. А после того как мы добьемся успеха, ты, возможно, почувствуешь себя лучше. Пусть придется перекопать весь Променад, но мы этого типа схватим.

– Не сомневаюсь, – ответил д’Агоста, напоминая себе, что дело абсолютно проигрышное и что он с самого начала не хотел им заниматься. Напоминание не помогало.

– Надеюсь, ты не затаишь против меня зла? – протянул ему руку Уокси.

– Ни в коем случае. – И д’Агоста пожал его пухлую теплую лапу.

Уокси еще раз по-хозяйски осмотрел кабинет, словно размышляя, что бы еще отсюда прихватить.

– Ну ладно, – после паузы сказал он, – я, пожалуй, пойду. Мне хотелось самому сообщить тебе обо всем.

– Спасибо.

Они еще немного потоптались в неловком молчании. Затем Уокси неуклюже потрепал д’Агосту по плечу и вышел из кабинета.

Послышался легкий шорох, и д’Агоста увидел рядом с собой Хейворд. Некоторое время они молча стояли, прислушиваясь к удаляющимся шагам. Когда звук шагов по линолеуму стих, заглушенный стуком пишущих машинок и гулом разговоров, Хейворд повернулась к нему:

– Лейтенант, почему вы позволили ему остаться безнаказанным? Помните тот момент, когда мы стояли спиной к спине во тьме, а этот сукин сын трусливо бежал?

Д’Агоста сел за стол, нащупал в среднем ящике сигару:

– Похоже, уважение к начальству не является вашей сильной стороной, сержант? И потом – с какой стати вы решили, что расследование этого дела может считаться наградой?

Он достал сигару, проткнул карандашом дырку в кончике и с наслаждением закурил.

Двумя часами позже, когда д’Агоста уже отдавал последние распоряжения о переселении карты и файлов на верхний этаж здания, в его кабинете появился Пендергаст. Это был тот Пендергаст, каким его запомнил д’Агоста: безукоризненный черный костюм тщательно подогнан к тощей фигуре, светлые волосы зачесаны назад, открывая высокий лоб, на ногах мокасины от Гуччи цвета бычьей крови. Прямо не агент ФБР, а владелец преуспевающей похоронной конторы.

Кивком указав на кресло для гостей, Пендергаст осведомился:

– Вы позволите?

Д’Агоста положил телефонную трубку и утвердительно кивнул. Пендергаст с кошачьей грацией скользнул в кресло, огляделся и, заметив коробки с делами и голое место на стене там, где раньше висела доска, вопросительно вскинул брови.

– Теперь это головная боль капитана Уокси, – ответил д’Агоста на молчаливый вопрос. – Мои задачи коренным образом изменились.

– Понимаю, – улыбнулся Пендергаст. – Но у меня создается впечатление, лейтенант, что вы от этого не впали в отчаяние.

– В отчаяние? – переспросил д’Агоста. – Да вы только посмотрите вокруг. Доска с картой исчезла, папки с делами упакованы, сержант

Хейворд мирно спит в своей постели, кофе горячий, сигара дымится. Я чувствую себя превосходно.

– Позволю себе усомниться. Впрочем, вы проведете эту ночь спокойнее, чем эсквайр Уокси. Покоя нет украшенной короной голове… и так далее. Ну и что же теперь? – поинтересовался он, с любопытством поглядывая на д’Агосту.

– Ну, я пока не полностью отставлен от дела. Но информацией о том, что я должен делать, Уокси со мной не поделился.

– Скорее всего он и сам этого не знает. Но полагаю, мы можем сделать так, чтобы вы не бездельничали.

Пендергаст замолчал, а д’Агоста откинулся на спинку кресла и затянулся дымом. Ему нравился воцарившийся в кабинете покой.

– Однажды мне довелось побывать во Флоренции, – сказал вдруг Пендергаст.

– Вот как? Я тоже бывал в Италии. Прошлой осенью возил своего сына, чтобы он повидался с бабушкой.

– Вы не посещали, случаем, Питти?

– Какого Питти?

– Дворец Питти. Огромную картинную галерею. На одной из стен там есть фреска, изображающая географическую карту. Фреска была написана за год до открытия Колумбом Америки.

– Вы шутите.

– И в том месте, где позже была обнаружена Америка, на карте есть только надпись: «Cui ci sono dei mostri».

– Здесь есть… – д’Агоста сморщился от напряжения, – *…mostri* . Что это такое?

– Эти слова означают: «Здесь находятся чудовища».

– Чудовища… Точно. Боже, я, кажется, начинаю забывать итальянский. А ведь в свое время я разговаривал по-итальянски с дедушкой и бабушкой.

– Лейтенант, я хочу, чтобы вы рискнули высказать догадку, – сказал Пендергаст.

– Спрашивайте.

– Какой самый большой населенный район на земле никогда не наносился на карту?

– Понятия не имею, – пожал плечами д’Агоста. – Милуоки, наверное?

– А вот и нет, – грустно улыбнулся Пендергаст. – И не Внешняя Монголия. И не Антиподы. Это подземный Нью-Йорк.

– Вы мне лапшу на уши вешаете, что ли?

– Нет. Лапшу – как вы изящно выразились – я вам ни на что не вешаю, – ответил Пендергаст, поудобнее устраиваясь в кресле. – Подземный Нью-Йорк, Винсент, напомнил мне карту во Дворце Питти. Это самая настоящая неразведанная территория. И по-видимому, территория огромная. Под вокзалом Гранд-Централ, к примеру, сооружения уходят в глубь на двенадцать уровней. И это не считая канализации и водоотводной системы. Под Пенсильванским вокзалом подземных уровней и того больше.

– Выходит, вы туда спускались, – констатировал д’Агоста.

– Да. После того, как встретился с вами и сержантом Хейворд. Это была всего лишь разведывательная вылазка. Я хотел почувствовать среду, проверить свою способность передвигаться под землей и попытаться, по возможности, что-нибудь выяснить. Мне удалось поговорить с несколькими подземными жителями. Они мне многое рассказали, но еще больше дали понять намеками.

– Вам удалось что-нибудь узнать об убийствах? – наклоняясь вперед, с надеждой спросил д’Агоста.

– Косвенно, – утвердительно кивнул Пендаргаст. – Но те, кто знает больше всего, обитают в самых нижних этажах, куда я не осмелился спуститься в своей первой экспедиции. Нужно время, чтобы завоевать доверие у этих людей, и мне в этом направлении еще предстоит долгий путь. Особенно сейчас. Подземные жители пребывают в ужасе. – Пендергаст поднял свои светлые глаза на д’Агосту и продолжил: – Сложив воедино обрывки произнесенных шепотом фраз, я пришел к выводу, что в подземелье поселилась таинственная группа людей. Большинство собеседников даже отказывались употреблять слово «люди». Предположительно эти существа являются злобными каннибалами, своего рода недочеловеками. И именно эти монстры совершили все убийства.

Пендергаст замолчал. Д’Агоста встал с кресла, подошел к окну и вгляделся в силуэт ночного Манхэттена.

– И вы в это верите? – после долгого молчания спросил он.

– Не знаю, что и думать, – ответил Пендергаст. – Мне необходимо побеседовать с Мефисто, лидером сообщества, обитающего под «Коламбус-сёркл». Многое из того, что он рассказал недавно репортеру

«Пост», весьма похоже на правду. Правду весьма пугающую. К сожалению, с этим человеком чрезвычайно трудно вступить в контакт. Он не доверяет чужакам и страстно ненавидит власти. Но, кажется, он единственный, кто способен указать мне верный путь.

– Может быть, вам требуется напарник? – пожевав губами, спросил д’Агоста.

На лице Пендергаста мелькнула легкая улыбка.

– Это исключительно опасное место, в котором не действуют законы. Тем не менее я внимательно изучу ваше предложение. Согласны?

Д’Агоста кивнул.

– Прекрасно. – Пендергаст поднялся с кресла. – А теперь я предложил бы вам отправиться домой и попытаться уснуть. Что же касается нашего друга Уокси, то ему потребуется очень большая помощь, хотя он пока об этом не подозревает.

21

С аймон Брамбелл, мурлыкая под нос модную мелодию, застегнул молнию на своем портфеле из мягкой кожи. Затем он любовным взглядом окинул лабораторию, душевую кабинку в углу и аккуратные ряды стальных, хромированных инструментов, подмигивающих ему в полумраке из-за стекол шкафов. Он снова воспроизвел в памяти сцену своего маленького триумфа и с особым удовольствием припомнил безразличие, написанное на лице Фрока. Вне всяких сомнений, старик просто дымился от ярости. Теперь-то он расквитался со старым ворчуном за его ухмылку превосходства в связи со спором о силе укусов. Брамбелл работал на городское правительство, и чувство своего превосходства над ученым мужем доставляло ему огромное удовольствие.

Он сунул портфель под мышку и еще раз окинул взглядом лабораторию. Да, лаборатория прекрасная – отлично спроектированная, великолепно оборудованная. Ему страстно хотелось, чтобы столь же элегантная лаборатория была в ведомстве городского судмедэксперта. Но этому никогда не бывать: городу вечно не хватает денег. Если бы он не находил работу, связанную с судебной медициной, столь увлекательной, то давно уже сбежал бы в какую-нибудь хорошо оборудованную башню из слоновой кости.

Брамбелл закрыл за собой дверь, привычно удивившись пустынности коридора. Пожалуй, никто так не ненавидит работу по вечерам, как работники музея. Впрочем, Брамбелл ничего не имел против тишины. Тишина позволяла расслабиться. Да, здесь все отличалось от привычной ему обстановки, как запах музейной пыли отличался от вони формалина

и устойчивого трупного запаха. Брамбелл решил выйти кружным путем через Африканский зал. Установленные там диорамы казались ему подлинными произведениями искусства. Они выглядели особенно впечатляюще в поздний час, когда половина огней в зале была погашена. Освещенные изнутри диорамы казались Брамбеллу окнами в иные миры.

Он прошагал по длиннющему коридору и спустился на три пролета по лестнице – доктор Брамбелл недолюбливал лифты. Миновав металлическую арку, он оказался в зале океанической жизни. Сейчас зал был темным, полным тайн и безмолвным, только вздыхали и поскрипывали древние стены самого музея. «Замечательно», – подумал Брамбелл. Музей надо осматривать именно в такое время, когда здесь не слышны вопли школьников и нравоучительное бормотание педагогов. Он прошел под муляжом гигантского кальмара, миновал арку из двух пожелтевших слоновьих бивней и вступил в Африканский зал.

Полночь.

Брамбелл медленно шел по залу. Стадо слонов в центре затемненного помещения было едва заметно. Огромные диорамы с группами животных в типичных для их обитания ландшафтах тянулись рядами вдоль стен. Больше всего Брамбелл любил группу горилл. Он остановился перед диорамой и, пожевывая губами, попытался вжиться в открывшуюся взору реалистическую сцену. Скоро ему не придется ходить в музей, его часть работы почти закончена. Если он не ошибается, то убийства этого несчастного Биттермана и Шашина Уолкера полностью укладываются в общую схему преступлений.

Брамбелл вздохнул и через низкую боковую дверь вышел в каменный коридор, ведущий к Башне. История Башни была ему хорошо известна. В 1870 году Эндьюранс С. Флайт, железнодорожный барон и третий директор Нью-Йоркского музея естественной истории, решил соорудить чудовищную, похожую на крепость пристройку к старому зданию. Пристройка должна была стать копией средневекового замка Кенарвон в Уэльсе, который Флайт пытался – впрочем, безуспешно – купить для себя. Однако в конце концов возобладал здравый смысл, и Флайт лишился директорского кресла, успев воздвигнуть лишь центральную башню. Теперь шестигранная, с похожими на клыки зубцами Башня стала краеугольным камнем южного фасада и служила складом огромных музейных коллекций. Кроме того, как слышал Брамбелл, Башня была излюбленным местом свиданий некоторых сотрудников музея, обожавших всяческие ужасы.

Сумрачный, похожий на центральный неф собора зал в основании Башни был пуст, и шаги Брамбелла по мраморному полу отзывались гулким эхом. Кивнув охраннику, он вышел через служебный вход на

подъездную аллею. Несмотря на поздний час, на авеню все еще кипела жизнь.

Отойдя на несколько шагов, Брамбелл оглянулся. Башня всегда приводила его в восхищение. Она возносилась к небу на несколько сотен футов, и в безоблачные дни тень от нее тянулась до Пятьдесят девятой улицы. Ночью же, белесая в свете размытой луны, Башня казалась обиталищем множества духов.

Еще раз вздохнув, патологоанатом продолжил свой путь. Свернув на Восемьдесят первую улицу, он двинулся на запад к Гудзону, в сторону своей скромной квартиры. По мере удаления от центра, улица становилась все более убогой и пустынной, но Брамбелл, не обращая ни на что внимания, шагал уверенно, с наслаждением вдыхая ночной воздух. Дул приятный легкий ветерок, весьма уместный в жаркую летнюю ночь. Доктор предвкушал, как через час, почистив после легкого ужина зубы и приняв душ, окажется под одеялом, чтобы, как обычно, проснуться в пять утра.

Брамбелл принадлежал к числу тех счастливчиков, которые практически не нуждаются в ночном отдыхе. Отсутствие потребности в сне было огромным преимуществом для патологоанатома, мечтающего подняться по профессиональной лестнице до самых верхних ступеней. Брамбелл уже и не помнил, сколько раз он оказывался первым на месте преступления только потому, что бодрствовал в то время, когда остальные сладко спали.

Улица сделалась совсем уж мрачной. Но до Бродвея с его оживленными забегаловками, магазинчиками деликатесов и книжными лавками был всего лишь один квартал. Брамбелл шагал вдоль ряда обшарпанных особняков, ныне разделенных на крошечные квартирки. Вдали, на углу улицы топтались несколько безобидных пьянчуг.

Дойдя до середины квартала, Брамбелл краем глаза уловил какое-то движение. Кто-то шевельнулся в темной дыре у основания лестницы, ведущей в полуподвал заброшенного дома. Он ускорил шаги. Из полуподвала тянуло чем-то крайне зловонным, чрезмерно отвратительным даже для Нью-Йорка. Услышав быстрое движение на тротуаре у себя за спиной, Брамбелл инстинктивно запустил руку в портфель, где всегда хранился скальпель. Пальцы ощутили холод удобной рукоятки. Брамбелл напрягся. По правде говоря, особого страха он не испытывал. Его грабили трижды – один раз под дулом пистолета и два раза, угрожая ножом. Теперь он хорошо знал, как следует себя вести.

Брамбелл выхватил скальпель и резко развернулся. Никого. Он удивленно повернул голову, и в этот момент что-то обвилось вокруг его шеи и поволокло в темноту. Патологоанатом предположил – удивляясь тому, что смотрит на все как бы со стороны, – что это рука, но рука

какая-то скользкая и необыкновенно мощная. Почти в то же мгновение он ощутил, как что-то впилось в горло под самое адамово яблоко. Это было странное, совершенно необычное ощущение.

22

М арго открыла дверь лаборатории судебной антропологии и с удовлетворением обнаружила, что там пусто и темно. Впервые за все время она ухитрилась явиться на службу раньше доктора Брамбелла. Обычно каждое утро он встречал ее, сидя на лабораторном табурете и потягивая черный кофе. В знак приветствия он, как правило, вскидывал брови над оправой очков, после чего заявлял, что в музее кофе варят, видимо, не на воде, а на использованном формальдегиде. Иногда она заставала по утрам не только Брамбелла, но и Фрока. Ученые мужи, склонившись над столом с образцами или над листками с докладом, негромко и вежливо вели свои бесконечные споры.

Марго сунула сумку в стол, влезла в рабочий халат и подошла к окну. Солнце поднялось над зданиями Пятой авеню и уже заливало золотом и медью их величественные фасады. Прямо под окном пробуждался к жизни парк: матери вели детей по направлению к зверинцу, бегуны трусили по длинной овальной дорожке вокруг Резервуара. Взгляд скользнул на юг и задержался на розоватой громаде Замка Бельведер. Она невольно вздрогнула при виде темного, заросшего деревьями пространства с задней стороны Замка – именно там Николас Биттерман встретил свою смерть. Марго знала, что сегодня утром, чуть попозже, из патологоанатомической службы города в лабораторию музея будет доставлен его обезглавленный труп.

Дверь открылась, и в лабораторию вкатился доктор Фрок. Марго обернулась, но, когда она увидела выражение его лица, слова приветствия замерли у нее на языке.

– Доктор Фрок, с вами все в порядке? – спросила Марго.

Он медленно подкатил к ней. Его обычно живое, розовощекое лицо было отрешенным и бледным.

– Я принес трагическое известие, – тихо сказал он. – Рано утром мне позвонили и сообщили, что Саймон Брамбелл убит сегодня ночью по дороге домой.

– Саймон Брамбелл? – переспросила Марго, не веря своим ушам.

Фрок подъехал еще ближе и взял ее за руку.

– Мне так жаль, что именно я вынужден был сообщить вам об этом, дорогая, – сказал он. – Это так ужасно и так неожиданно.

– Но как это случилось?

– Видимо, на него напали на Восемьдесят первой улице, – ответил Фрок. – Его нашли с перерезанным горлом. Кроме этого… – Фрок развел руками.

Все это напоминало ей дурной сон. Марго просто не могла поверить в то, что человек, еще вчера стоявший перед экраном и размахивавший лазерной указкой словно самурайским мечом, умер.

– Ты, Марго, можешь и не знать этого, но мы с Брамбеллом часто по-разному смотрели на вещи, – со вздохом произнес Фрок. – У нас были профессиональные расхождения во взглядах. Однако я всегда весьма уважал этого человека. Это невосполнимая потеря для судебно-медицинской службы Нью-Йорка. И для нашей с вами работы в самый критический момент.

– Нашей работы… – машинально повторила Марго. – Кто же это сделал?

– Свидетелей не оказалось.

Некоторое время они молчали. Теплая ладонь Фрока успокоительно лежала на ее руке. Затем профессор медленно откатился в сторону.

– Не знаю, кого нам дадут вместо доктора Брамбелла, если вообще кого-нибудь дадут. Но я полагаю, что Саймон хотел бы, чтобы мы продолжали трудиться в том же духе, в котором начали.

Он откатился к дальней стене и включил свет над операционным полем.

– Я всегда считал, что лучшее противоядие от горя – труд. – Он помолчал и тяжело вздохнул: – Тебя не затруднит достать из рефрижератора труп «А»? У меня есть кое-какие соображения по поводу возможных генетических аномалий, вызвавших деформацию. Но может быть, ты не расположена сегодня к работе? – Доктор Фрок вопросительно вскинул брови.

Марго покачала головой:

– Будем работать.

Фрок прав. Брамбелл хотел бы, чтобы работа продолжалась. Она медленно пересекла комнату, встала на колени и, открыв дверцу, вытянула из холодильника продолговатый металлический лоток. На нем под синим пластиковым покрывалом лежали в нужном порядке отделенные одна от другой кости скелета – все, что осталось от тела. Марго поставила лоток на передвижной стол и покатила его в пятно света в центре комнаты.

Фрок аккуратно снял покрывало и приступил с помощью электронного микрометра к изнурительному процессу измерения костей запястья. Вся сцена казалась Марго эпизодом из плохого фильма ужасов. Вздохнув,

она начала просмотр очередной серии микрофотографий костных срезов. В лаборатории надолго воцарилась тишина.

– Ты не знаешь, на что намекал вчера Брамбелл, говоря об идентификации? – наконец спросил Фрок.

– Простите? – подняла глаза Марго, до нее не сразу дошел смысл вопроса. – Ах вот что… Нет, не знаю, на эту тему он со мной ни разу не говорил. Я удивилась не меньше, чем вы.

– Жаль, – заметил Фрок. – Насколько мне известно, он не оставил никаких записей по этому поводу.

Некоторое время они молчали, и снова первым молчание прервал Фрок.

– Это очень печально, Марго, – сказал он тихо. – Мы можем никогда не узнать, что он обнаружил.

– Ни один человек не строит своих планов исходя из того, что этой ночью он умрет.

– Саймон ничем не отличался от большинства знакомых мне патологоанатомов, – покачал головой Фрок. – Интересные, имеющие широкий резонанс дела возникают крайне редко, и они… они в таких случаях склонны к некоторой театральности. – Фрок бросил взгляд на часы: – О, дорогая. Чуть было не забыл, у меня встреча с остеологами. Марго, тебе не трудно отложить просмотр и заняться измерением? Может быть, виной всему скверная новость, а может, я слишком долго пялюсь в эти костяшки. Одним словом, мне кажется, здесь нужен свежий взгляд.

– Конечно, – охотно согласилась Марго. – Но что именно вы разыскиваете?

– Хотел бы я знать, – усмехнулся Фрок. – Я уверен, что покойный страдал какой-то наследственной болезнью, и пытаюсь провести количественный анализ морфологических изменений, подтверждающих наличие генетического сдвига. К сожалению, для этого требуется измерить чуть ли не все кости скелета. Полагаю, что лучше начать с фаланг пальцев и костей запястья, которые, как вам, несомненно, известно, наиболее чувствительны к генетическим изменениям.

Марго посмотрела на лоток с останками:

– Но на это же уйдет много дней!

– К сожалению, мне это тоже известно, дорогая. – Фрок безнадежно пожал плечами, взялся за приводные колеса и мощным толчком направил кресло к двери.

Марго без всякого энтузиазма приступила к измерениям, тут же вводя результаты в память компьютера. Даже самые крошечные кости требовали десятков записей, и очень скоро экран уже был заполнен колонками цифр. Она пыталась подавить раздражение, вызванное монотонной работой и царящей в лаборатории могильной тишиной. Если Фрок прав и деформирование окажется врожденным, это существенно облегчит идентификацию тела. Теперь они вынуждены цепляться за каждую соломинку, чтобы определить личность убитого. Коллекция скелетов из лаборатории физической антропологии оказалась бесполезной. Не прекращая работать, Марго попробовала поразмышлять о том, что имел в виду Брамбелл. Но воспоминания о Брамбелле оказались невыносимыми. Думать о человеке, которого только что убили… Марго потрясла головой, заставляя себя сконцентрироваться на работе.

Телефон зазвонил как раз в тот момент, когда она проводила наиболее сложное измерение. Аппарат коротко звякнул два раза, и Марго поняла, что звонят из города. Скорее всего д’Агоста хочет сообщить им о Брамбелле. Она взяла трубку.

– Судебная антропология.

– Доктор Брамбелл у вас? – спросил скороговоркой молодой голос.

– Доктор Брамбелл?

Мысли Марго беспорядочно заметались. Может быть, это его родственник? Что ему сказать?

– Алло! – раздалось в трубке.

– Да-да, – ответила Марго. – Доктора Брамбелла здесь нет. Не могу ли я вам помочь?

– Боюсь, что нет. Вопрос конфиденциальный. Можно спросить, с кем я говорю?

– Доктор Грин. Сейчас я ассистирую доктору Брамбеллу.

– О! В таком случае все в порядке. Говорит доктор Кавальери из больницы Святого Луки в Балтиморе. Я смог определить имя пациента, которым он интересовался.

– Пациента?

– Да. Того, со спондилитом. – На том конце провода зашелестела бумага. – Это связано с набором тех странных рентгенограмм, которые он мне прислал. Вначале я даже подумал, что это чья-то шутка.

Марго не глядя нащупала листок бумаги и карандаш.

– Не лучше ли будет начать с самого начала? – спросила она.

– Почему бы и нет? – ответил доктор Кавальери. – Я хирург-ортопед, практикующий здесь, в Балтиморе. Имеется всего три хирурга, пытающихся хирургическими методами корригировать спондилит. Доктору Брамбеллу это было известно.

– Спондилит?

Трубка замолчала, а затем последовал вопрос:

– Так, значит, вы не медик? – В голосе Кавальери Марго уловила неодобрительные нотки.

Она набрала полную грудь воздуха и начала:

– Доктор Кавальери, я со своей стороны тоже могу вам сообщить кое-что. Доктор Брамбелл был… Короче говоря, доктор Брамбелл… доктор Брамбелл умер этой ночью. Я же специалист по вопросам биологической эволюции и помогаю ему в изучении останков жертв убийства. Поскольку доктора Брамбелла с нами больше нет, вам необходимо сказать мне все, что стало известно.

– Умер? Но я же разговаривал с ним еще вчера!

– Все произошло крайне неожиданно. – В подробности вдаваться она не стала.

– Но это же ужасно! Доктора Брамбелла знали от океана до океана, не говоря уже об Объединенном Королевстве…

Голос затих, а Марго, прижимая трубку к уху, еще раз припомнила патологоанатома таким, каким видела его последний раз в зале Линнея – хитровато улыбающегося, с поблескивающими глазами за роговой оправой очков.

Ее вернул к жизни голос на противоположном конце провода.

– Спондилит, грубо говоря – перелом и сдвиг одного из поясничных позвонков. Мы корректируем деформацию с помощью металлической пластинки, прикрепленной к позвоночнику специальными винтами. Затягивая винты, мы возвращаем деформированный позвонок на место.

– Не уверена, что вижу какую-либо связь с нашим делом.

– Вы помните те четыре белых треугольника на отправленных мне рентгеновских снимках? Это – шайбы или, если хотите, гайки, в которые вкручиваются винты. Данные шайбы, вне сомнения, произведены компанией «Сталь-Мед продактс» в Милуоки, разорившейся в 1989 году. Я провел около тридцати операций с использованием изделий

«Сталь-Мед». Я разработал собственную методику, помещая винты в зоне второго поясничного отдела. Это, уверяю вас, блестящая методика. Если вам интересно, можете прочитать о ней в осеннем выпуске «Американского ортопедического журнала». Метод позволяет лучше удерживать сустав и к тому же не требует обширных повреждений костной ткани. Никто не умеет им пользоваться, кроме меня и пары интернов, которых я же и обучил. Конечно, мой метод существенно устарел, после того как был разработан так называемый процесс Штейнманна. Поэтому сейчас я единственный врач, использующий эту методику. – Марго уловила в голосе доктора нотки гордости.

– Но тут есть одна загадка. При данном виде спондилита ни один из известных мне медиков не стал бы удалять пластинку. Этого просто никто не делает. Тем не менее рентгенограмма ясно указывает на то, что у моего пациента пластинка и винты были удалены, и остались лишь шайбы. Их нельзя удалить, так как они вплавлены в кость. Но почему этот парень позволил, чтобы у него удалили пластинку… – Конец фразы повис в воздухе.

– Продолжайте! – Марго торопливо делала пометки.

– Как я уже сказал, увидев снимки, я сразу понял, что это один из моих пациентов. Тем не менее я был потрясен состоянием скелета. Такая чудовищная деформация костей! Мне никогда не приходилось оперировать человека в подобном состоянии.

– Из этого следует, что рост костей произошел позже.

– Совершенно верно. Так или иначе, я обратился к своим архивам, и на основе рентгенограмм смог идентифицировать пациента. Я оперировал его утром второго октября 1988 года.

– И кто же был вашим пациентом? – спросила Марго, держа карандаш наготове. Краем глаза она увидела, как в лабораторию вкатился доктор Фрок. Он подъехал к ней и стал внимательно слушать.

– Это у меня где-то здесь… – В трубке снова послышалось шуршание бумаги. – Я, конечно, направлю вам все документы факсом, но я уверен, что вы хотите как можно скорее… Ах да, вот. Пациента звали Грегори С. Кавакита.

Марго показалось, что вся кровь разом заледенела у нее в жилах.

– Грег Кавакита? – севшим голосом переспросила она.

– Да. Грегори С. Кавакита, доктор философии. Вне всяких сомнений. Забавно, но здесь сказано, что он вроде вас – биолог-эволюционист. Может быть, вы его знали?

Марго повесила трубку, продолжать разговор она была не в силах. Вначале доктор Брамбелл, теперь это… Она посмотрела на Фрока и с тревогой увидела, что его лицо сделалось серо-пепельным. Профессор свесился на одну сторону кресла, прижав руку к сердцу и тяжело дыша.

– Грегори? – еле слышно выдохнул он. – Это Грегори? Боже!

Когда дыхание восстановилось, Фрок закрыл глаза и опустил голову на грудь.

Мысли Марго помимо ее воли вернулись к той ужасной неделе полтора года назад – недели, когда в музее начались убийства. Затем последовала массовая гибель людей на открытии выставки «Суеверия», и все это завершилось уничтожением Мбвуна. Грег Кавакита был помощником смотрителя и ее коллегой. Больше, чем кто-либо иной, Грег помог определить, что представляет собой чудовище, и остановить его. Именно его программа генетической экстраполяции дала ответ на вопрос, что такое Мбвун и как его можно убить. Ужас случившегося подействовал на всех участников драмы и особенно на Грега. Вскоре после этого он, пожертвовав блестящей карьерой, ушел из музея. Возможно, позже он сделался бездомным, а затем судьба нанесла ему последний удар – и вот теперь от него остался обезглавленный, деформированный и покусанный кем-то скелет.

Марго подошла к открытому окну. Несмотря на летнюю жару, ее била дрожь. Она не знала, как кончил Кавакита, но не сомневалась в том, что конец был ужасным. Если бы знать… Она помогла бы ему… Но она ничего не сделала, полностью отринув прошлое и изнуряя себя работой и физическими нагрузками.

– Доктор Фрок? – позвала Марго.

За ее спиной раздался скрип инвалидной коляски.

– Доктор Фрок… – У нее не было сил продолжать.

Марго почувствовала мягкое прикосновение к локтю. Рука старика дрожала.

– Дай мне немного подумать, – сказал Фрок. – Всего несколько секунд. Как могло случиться, что эта груда костей, которую мы разбирали, упаковывали, измеряли, когда-то была Грегори Кавакитой… – Его голос оборвался.

Марго стояла без движения. В окно бил яркий свет, и она закрыла глаза, глубоко дыша и ощущая, как грудь наполняется кислородом. Потом она отошла от окна – но не к столу с останками. Марго не знала, сможет ли снова взглянуть на содержимое лотка. Она повернулась к Фроку, который отрешенно смотрел в никуда сухими глазами.

– Пожалуй, нам следует позвонить д’Агосте, – сказала она.

Фрок долго молчал, а затем медленно кивнул, выражая свое согласие.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

CUI CI SONO DEI MOSTRI

По вполне понятным причинам переписи подземного населения Манхэттена не существует. Однако в исследовании Рашинга-Бантена, проведенном в 1994 году, утверждается, что в ограниченном ареале между Пенсильванским вокзалом на юго-западе и вокзалом Гранд-Централ на северо-востоке постоянно обитают примерно 2 750 человек. В зимние месяцы подземное население возрастает до 4 500 человек. По нашему мнению, данные оценки представляются несколько заниженными.

Точно так же отсутствует статистика рождений и смертей в сообществах, обитающих в недрах Нью-Йорка. Однако, учитывая непропорционально высокую долю наркоманов, преступников, бывших заключенных и лиц умственно отсталых, тяготеющих к подземной жизни, можно с большой долей вероятности предположить, что среда обитания под землей является весьма неблагоприятной и крайне опасной для жизни. Интервью с подземными жителями указывают на множественность причин, побудивших этих людей к уходу во тьму железнодорожных тоннелей и иных заглубленных сооружений. Среди этих причин в первую очередь следует выделить: стремление к одиночеству, желание обрести безопасность и отчуждение от общества. По имеющимся оценкам, средняя продолжительность жизни под землей составляет примерно двадцать два месяца.

Л. Хейворд. «Подземный Манхэттен: его обитатели и касты». (Готовится к выпуску.)

23

Н а Шестьдесят третьей Западной улице, по пути к Гудзону, шеренга великолепных многоэтажных кондоминиумов постепенно уступала место роскошным ухоженным особнякам. Д’Агоста решительно шел по улице, глядя себе под ноги. Его обоняние оскорбляло «благоухание» шагающего чуть впереди Пендергаста.

– Похоже, я наконец нашел лучший способ время–препровождения в свои выходные, – бормотал д’Агоста.

Тело зудело неимоверно, но любая попытка почесаться влекла за собой прикосновение к древнему засаленному плащу известной фирмы «Лондон-Фог», или к грязной-прегрязной синтетической клетчатой рубахе, приобретенной по дешевке в «Кей-Марте», или – еще того

хуже! – к лоснящимся, потертым штанам. И как только Пендергаст ухитряется раздобывать подобную рвань?

В довершение ко всему, лицо тоже пришлось извозить по-настоящему, не прибегая к помощи гримера. Даже вид его ботинок вызывал у д'Агосты отвращение. Когда он попытался было что-то вякнуть, Пендергаст спокойно сказал: «Винсент, от этого зависит ваша жизнь».

Пистолет и полицейский значок пришлось оставить дома. «Лучше вам оставаться в неведении о том, что они сделают с вами, когда найдут значок», – сказал агент ФБР.

«Вся наша экспедиция, – с тоской думал д'Агоста, – грубейший вызов любым установкам департамента полиции города Нью-Йорка».

Подняв глаза, он увидел идущую навстречу женщину в ярком летнем платье и в туфлях на шпильке. Дама выгуливала чихуахуа. При виде лейтенанта дама замерла и резко отступила в сторону. На лице ее читалось омерзение. Пес рванулся вперед, норовя цапнуть Пендергаста.

Омерзение на лице дамы сменилось неприкрытой ненавистью. «Кто ты, дьявол тебя побери, такая, чтобы осуждать нас?» – подумал д'Агоста и – неожиданно для самого себя – остановился.

– Добрый день, – прорычал он, повернувшись к ней.

Дама завизжала.

– Вы отвратительны! Пти Шу, держись от него подальше!

Пендергаст схватил д'Агосту за рукав и потянул за угол.

– Вы что, рехнулись? – прошипел он, ускорив шаг. Вслед им донесся крик:

– Помогите! Эти люди мне угрожали!

Пендергаст побежал, д'Агоста – за ним. Наконец, вступив в тень очередной подъездной аллеи, Пендергаст быстро опустился на корточки около стальной плиты, закрывавшей запасной выход из подземки. Он быстро поднял плиту при помощи какого-то инструмента, и перед д'Агостой открылась уходящая вниз металлическая лестница. Он шагнул вперед. Пендергаст опустил над собой плиту и стал спускаться вслед за лейтенантом. Внизу виднелись два слабо освещенных железнодорожных пути. Пендергаст с д'Агостой перешагнули через рельсы и оказались перед аркой, за которой была еще одна лестница. Они быстро сбежали вниз. На последней ступеньке Пендергаст остановился и включил похожий на авторучку фонарик.

– «Добрый день…» – фыркнул он. – Послушайте, Винсент, что это вам взбрело в голову?

– Я всего лишь хотел продемонстрировать дружелюбие.

– Вы могли утопить нашу маленькую эскадру еще до того, как она покинула порт. Поймите, вы здесь только для массовки. Я не смогу встретиться с Мефисто, если не выдам себя за руководителя другого сообщества. А командиры здесь никогда не путешествуют без адъютантов. – Посветив фонарем в узкий боковой тоннель, он добавил: – Это путь на восток. На его территорию.

Д’Агоста кивнул.

– Запомните мои инструкции. Разговор веду я. Настоятельно прошу забыть о том, что вы полицейский. Что бы ни произошло, постарайтесь не вмешиваться.

Пендергаст запустил руку в карман своего грязного плаща и извлек оттуда две мятые фетровые шляпы.

– Наденьте, – велел он, вручая одну из них д’Агосте.

– Зачем?

– Головной убор скрывает истинный контур головы. Кроме того, если нам придется срочно скрываться, мы «изменим внешность», выбросив их. Запомните, мы к темноте не приучены, и это одно из наиболее слабых наших мест.

Он снова порылся в кармане, выловил небольшой округлый предмет и сунул себе в рот.

– А это что такое? – спросил д’Агоста, натягивая шляпу.

– Фальшивое каучуковое нёбо. Оно меняет положение языка и модифицирует резонанс гортани. Не забудьте, что мы вступаем в контакт с преступным миром. В прошлом году я провел довольно много времени на Райкерз-Айленд, изучая психологию убийц. Не исключено, что мы встретим здесь бывших обитателей этого заведения. Теперь, если такое случится, они не смогут опознать меня ни по внешности, ни по голосу. Одного грима здесь не достаточно. Я должен изменить осанку, походку, манеры. Ваша задача проще. Молчите, не высовывайтесь, выполняйте мои команды. Мы никоим образом не имеем права себя выдать. Понимаете?

Д’Агоста молча кивнул.

– Если повезет, этот Мефисто укажет нам нужное направление. Не исключено, что мы получим вещественные доказательства убийств, о

которых он сообщил «Пост». Это даст нам новый судебно-медицинский материал, в котором мы так сильно нуждаемся. – И с этими словами Пендергаст двинулся вперед, освещая путь фонариком. – Есть ли версии по убийству доктора Брамбелла? – спросил он через некоторое время.

– Нет, – ответил д’Агоста. – Уокси и большие шишки наверху полагают, что это всего лишь очередное случайное убийство. Но мне кажется, что оно каким-то образом связано с его работой.

– Интересная гипотеза, – кивнул Пендергаст.

– Создается впечатление, что все эти убийства – или по крайней мере большая их часть – произошли не случайно. Я хочу сказать, что доктор Брамбелл вышел на след в смысле идентификации второго скелета. Не исключено, что кто-то этого не хотел.

– Должен признать, лейтенант, – произнес Пендергаст, – я был ошеломлен, узнав, что второй скелет принадлежит Каваките. Перед нами разверзлась бездна, наполненная всяческими… – он сделал паузу, – …неожиданностями и нечистотами. Из этого следует, что доктора Фрока и доктора Грин, впрочем, как и всех других, занятых расследованием данного дела, необходимо охранять.

– Именно с этой целью я отправился сегодня утром к Хорлокеру, – криво усмехнулся д’Агоста. – Он с порога отмел идею охраны Фрока и Грин. Шеф заявил, что у Кавакиты и Памелы Вишер, видимо, была любовная связь, и они оба оказались не в том месте и не в то время. Такие же случайные жертвы, как и Брамбелл. Он беспокоится лишь о том, чтобы ничего не просочилось в прессу, пока не будут найдены и извещены родственники Кавакиты, если таковые имеются. Мне кажется, я когда-то слышал, что он круглый сирота. Уокси торчал в кабинете при разговоре и пыжился, как фаршированный каплун. Этот идиот весьма высокомерно посоветовал мне хранить тайну следствия получше, чем у меня это получилось в деле Вишер.

– И?

– А я, в свою очередь, посоветовал ему поставить компресс на причинное место. В вежливой форме, конечно. Вначале я думал, что беспокоить Фрока и Грин нет необходимости, но после встречи с шефом потолковал с ними и дал некоторые полезные советы. Они обещали быть осторожными, по крайней мере до тех пор, пока не закончат работу.

– Им удалось определить, чем вызвана деформация костей у Кавакиты?

– Пока нет, – ответил д’Агоста с деланным равнодушием.

– В чем дело? – быстро обернулся к нему Пендергаст.

– Меня беспокоит реакция доктора Грин, – немного помолчав, ответил д’Агоста. – Это я придумал пригласить ее и доктора Фрока для расследования. Но теперь мне начинает казаться, что идея была неудачной. Фрок, правда, все такой же вздорный, как всегда, но что касается Марго… Вы же знаете, как она реагировала на убийства в музее. Физические упражнения, ежедневные пробежки, приобретение пистолета.

– Ничего удивительного, – ответил Пендергаст. – Довольно распространенная реакция на травматический стресс. Люди, пережившие кошмарные события, часто пытаются снизить уровень своей уязвимости и ищут возможность контролировать любую ситуацию. Вполне здоровая реакция. Признаюсь, я не могу припомнить более стрессовой ситуации, чем та, в которой мы с ней оказались в темном музейном коридоре.

– Конечно. Но ее реакция уж слишком… э-э-э… здоровая. И сейчас, когда мы снова оказались в этом дерьме… Так или иначе, но я не уверен в правильности своего решения. Боюсь, что ее все-таки не стоило привлекать к этому расследованию.

– Это было абсолютно правильное решение. Нам необходимы ее знания. Особенно после того, как мы выяснили, что Кавакита мертв. Полагаю, вы обследуете последнее место его обитания?

Д’Агоста молча кивнул.

– Подумайте, не стоит ли и в этом случае обратиться за помощью к доктору Грин. – С этими словами Пендергаст возобновил изучение тоннеля. – Ну что же… Вы готовы, Винсент? – через некоторое время спросил он.

– Кажется, готов. Что будем делать, если нас встретят враждебно?

– Торговля популярным товаром всегда считалась лучшим способом умиротворения туземцев, – улыбнулся Пендергаст.

– Наркотики? – Д’Агоста не верил своим ушам.

Спецагент молча кивнул и распахнул плащ: к подкладке было пришито несколько крошечных карманчиков.

– Судя по всему, каждый из обитателей подземелья является или являлся наркоманом, пристрастившимся к тому или иному виду зелья. У меня здесь целая аптека. – Он провел пальцем по карманчикам. – Крэк, метилфенид, сарбитал, секонал, «Блю 88». Они могут спасти нас, Винсент. Во всяком случае, они уже спасли мне жизнь во время первого спуска.

Пендергаст извлек из мешочка черную капсулу:

– Бифетамин. Известен в подземном братстве как «Черная красавица».

Некоторое время он молча взирал на капсулу, а потом ловко забросил ее себе в рот.

– Что за?.. – начал д'Агоста, но агент ФБР взмахом руки остановил его.

– Совершенно недостаточно, чтобы я играл роль. Необходимо, чтобы эта роль стала моим вторым «я». Этот Мефисто наверняка параноидально подозрителен. Способность унюхать фальшь – огромный плюс в его ремесле.

Д'Агоста промолчал. Да и что тут скажешь? Ведь они сейчас действительно вне общества, вне закона, за пределами нормальной жизни.

Свернув в боковой тоннель, они двинулись вдоль заброшенного железнодорожного пути. Каждые пять минут Пендергаст останавливался, сверяясь со своими записями. Очень скоро д'Агоста с изумлением обнаружил, что утратил не только ориентацию, но и чувство времени.

Неожиданно Пендергаст указал на красноватый огонек, мерцавший в темноте примерно в ста ярдах от них.

– Люди сидят у костра, – прошептал он. – Вероятно, небольшое сообщество скваттеров, захвативших территорию на верхней границе владений Мефисто. – Он посмотрел на далекий огонек. – Не пора ли нам пройти в гостиную? – И, не ожидая ответа, двинулся к костру.

Подойдя ближе, д'Агоста насчитал с десяток человек, примостившихся на земле или на ящиках. На углях булькал почерневший кофейник.

Пендергаст вступил в освещенный круг и присел у огня. Никто не обратил на него внимания. Он запустил руку в свое многослойное одеяние и вытянул на свет пинтовую бутылку токайского – все взгляды тут же обратились к Пендергасту, а он отвинтил пробку, сделал большой глоток и удовлетворенно вздохнул.

– Никто не хочет попробовать этого пойла? – Он повернул бутылку этикеткой к свету. Голос спецагента полностью преобразился: он стал низким и хриплым. В его речи появился заметный акцент жителей Флэтбуша. Бледная кожа, светлые глаза и волосы Пендергаста казались в мерцающих отблесках пламени какими-то потусторонними и таящими в себе опасность. В круге света появилась рука.

– Давай, – раздался голос.

Сидевший на ящике тип взял бутылку и поднес ее к губам. Послышалось громкое причмокивание. Когда он вернул бутылку, Пендергаст передал ее следующему, после чего, пройдя полный круг, бутылка вернулась опустошенной. Никто не произнес ни слова благодарности.

Д'Агоста тем временем совершал сложные маневры, пытаясь оказаться в струйке дыма, которая, по его мнению, должна была слегка приглушить запах грязных тел, скверного вина и застоялой мочи.

– Мне нужен Мефисто, – немного помолчав, сказал Пендергаст.

Вокруг костра началось шевеление.

– Кому нужен Мефисто? – спросил тот, кто первым приложился к бутылке.

– Мне! – В голосе Пендергаста звучал вызов.

Возникла пауза. Вожак смерил агента ФБР долгим взглядом.

– Хрен тебе в глотку, – наконец сказал он, поудобнее устраиваясь в своем кресле.

Движение Пендергаста было настолько быстрым, что д'Агоста едва успел отскочить в сторону. Мгновение – и местный лидер уже лежал, уткнувшись лицом в землю, а Пендергаст стоял над поверженным врагом, водрузив ногу на его шею.

– Де-е-ерьмо! – выл подземный житель.

Пендергаст надавил сильнее.

– Никому не позволено катить на Вайти! – прошипел он.

– Я ничего такого не хотел... Господи...

Пендергаст слегка ослабил давление.

– Мефисто болтается у «Шестьсот шестьдесят шестой дороги».

– Где это?

– Да перестань же ты! Больно!

Пендергаст убрал ногу, и вожак, приняв сидячее положение, начал массировать шею.

– Мефисто не любит чужаков, – сказал он.

– Мне надо обсудить с ним одно дельце.

– А-а-а... Какое?

– Хочу потолковать о Морщинниках.

Даже в темноте д’Агоста почувствовал, как напряглись все присутствующие.

– О чем именно? – раздался из темноты новый голос.

– Это я скажу только Мефисто. – Пендергаст кивнул д’Агосте, и они отошли от костра, удаляясь во тьму тоннеля. Когда огонек превратился в едва заметную точку, Пендергаст щелкнул кнопкой фонарика.

– В этих краях никому нельзя позволить проявить к тебе неуважение, – спокойно пояснил Пендергаст. – Даже группе маргиналов. Если они унюхают слабость, считайте себя покойником.

– Вы провели классный прием, – сказал д’Агоста.

– Завалить пьяницу труда не составляет. Во время первого спуска я установил, что у обитателей верхних этажей излюбленным наркотическим средством является алкоголь. В этой компании единственным исключением был парень, сидевший от костра дальше всех. Держу пари, лейтенант, что он «почесунчик». Вы заметили, как он скребся, ни на кого не обращая внимания? Вне всякого сомнения, это побочный эффект употребления фентанила.

Тоннель раздвоился, и Пендергаст, сверившись со схемой путей, извлеченной из кармана, указал налево:

– Это дорога к сотому пути.

Д’Агоста покорно плелся следом за агентом. Когда они прошли, как ему показалось, огромное расстояние, Пендергаст снова остановился и указал на огромный ржавый механизм со шкивами диаметром не менее двенадцати футов. Полусгнивший приводной ремень валялся внизу безобразной кучей. За механизмом виднелась металлическая лестница, ведущая к мосткам над полом древнего тоннеля. Пройдя вслед за Пендергастом под украшенной сталактитами трубой с надписью

ВЫС. ДАВЛ. ОПАСНО,

д’Агоста спустился по лестнице и оказался на рахитичных, колеблющихся мостках. Мостки заканчивались люком, под которым открылись металлические ступени, ведущие в большой незаконченный тоннель. Вдоль стен были в беспорядке навалены камни и проржавевшие двутавровые балки. Людей в тоннеле не было, хотя д’Агоста и заметил несколько кострищ.

– Похоже, нам придется спускаться по голой скале. – Пендергаст направил луч фонарика туда, где кончался тоннель. Поверхность скалы

была скользкой от соприкосновения с бесконечным числом рук и ног. Снизу в ноздри бил резкий, едкий запах.

Д’Агоста двинулся первым, отчаянно цепляясь руками за острые выступы влажного базальта. Чтобы достичь дна, ему потребовалось пять ужасающих минут. Лейтенанту казалось, что его замуровали в основных породах острова Манхэттен.

– Интересно бы взглянуть на типа, который рискнет спуститься сюда под кайфом, – сказал он, когда рядом с ним оказался Пендергаст. У самого д’Агосты от усталости дрожали руки.

– Ниже этого места никто не живет, – спокойно пояснил Пендергаст. – Кроме гонцов.

– Гонцов?

– Насколько я понимаю, гонцы – единственные члены сообщества, имеющие регулярные контакты с поверхностью. Они получают и обналичивают чеки социальной помощи, добывают пропитание, сдают за наличные вторсырье, приобретают лекарства, молоко и наркотики.

Пендергаст обвел фонариком неровные стены шахты. На одной из них виднелся пятифутовый лист оцинкованного железа, видимо, прикрывающий ход в другой тоннель. Рядом с листом находилась начертанная корявыми буквами надпись:

ТОЛЬКО ДЛЯ ЧЛЕНОВ СЕМЬИ.

ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ ПОШЛИ ПРОЧЬ!

Пендергаст потянул на себя металлический лист, и тот с громким скрежетом повернулся на петлях.

– Дверной звонок, – пояснил он.

Как только они вступили в тоннель, перед ними возникла фигура оборванца с пылающим факелом в руке. Оборванец был высок и потрясающе худ.

– Кто такие? – спросил он, преграждая им путь.

– А ты, видать, будешь Стрелок-Радист? – ответил вопросом на вопрос Пендергаст.

– Вон отсюда! – приказал тощий. Пендергаст с д’Агостой быстро отступили назад, в шахту. – Меня зовут Кремень. Что вам надо?

– Надо увидеть Мефисто.

– Зачем?

– Я лидер группы «Могила Гранта». Небольшое сообщество под Колумбийским университетом. Пришел потолковать насчет убийств.

Последовало длительное молчание. Затем тощий страж указал на д'Агосту:

– А он?

– Мой гонец, – ответил Пендергаст.

– Оружие, наркотики?

– Оружия нет, – ответил Пендергаст. В мерцающем свете факела было заметно, что он смущен. – Но я ношу... ношу с собой немного... для собственного употребления.

– Никаких наркотиков! – заявил Кремень. – Мы – чистое сообщество.

«Чушь», – подумал д'Агоста.

– Прошу прощения, – проговорил Пендергаст. – Но я не могу отказаться от этой заначки. Если это создает сложности...

– Что там у вас?

– Не твое дело.

– Кок? – Д'Агосте почудилась в голосе тощего нотка надежды.

– А ты, однако, догадлив, – ответил Пендергаст, выдержав паузу.

– Я должен конфисковать его.

– Считай это моим подарком. – Пендергаст извлек из кармана маленький пакетик из фольги и вручил его человеку по имени Кремень, который поспешно сунул пакетик себе в карман.

– Шагайте за мной, – велел он.

Д'Агоста закрыл металлический лист и двинулся вслед за стражем и Пендергастом. Кремень провел их по металлической лестнице, заканчивающейся узким проходом на бетонную площадку, укрепленную под потолком обширного помещения цилиндрической формы. Вдоль стены от площадки шел спиральный спуск. По этому спуску и двинулся Кремень. Шагая вниз, д'Агоста заметил, что в стене над узким выступом спуска вырублено несколько ниш. Каждую занимала либо семья, либо одинокий жилец. Мерцающие огоньки свечей и керосиновых ламп освещали грязные лица и засаленные постели. Оглядев помещение, д'Агоста увидел, что из стены выступает обломок трубы. Из трубы лилась вода, скапливаясь мутной лужей в выбитом в полу углублении. Над лужей склонились несколько человек, очевидно, занимающихся

стиркой. Грязная вода переливалась через край и бежала ручьем, исчезая в устье очередного тоннеля.

Достигнув дна, они перешли через ручей по старой деревянной доске. Обитатели пещеры, расположившись группами, спали или играли в карты. У стены лежал какой-то мужчина и затуманенными глазами смотрел в потолок. Д’Агоста догадался, что еще один житель подземелья ждет своих похорон.

Кремень вел их по длинному низкому коридору, от которого в разные стороны отходило несколько тоннелей. Д’Агоста видел, как в этих ответвлениях при тусклом свете работают люди, сортируя консервы, штопая одежду или превращая зерно в спирт с помощью самогонных аппаратов. В конце концов Кремень привел их к месту, где имелось электрическое освещение. Подняв глаза, д’Агоста увидел единственную лампочку, болтающуюся на потертом шнуре. Шнур тянулся к старинному распределительному щиту, расположенному в дальнем углу.

Д’Агоста обвел взглядом выложенные растрескавшимся кирпичом стены – и замер. Не веря своим глазам, с раскрытым от изумления ртом, он смотрел на криво стоящий посреди пещеры служебный вагон старинного товарного поезда. Вагон стоял под немыслимым углом, его задние колеса находились по меньшей мере в двух футах от поверхности пола. На боковой стене вагона он с трудом разобрал на рыжем от ржавчины металле остатки черных букв:

НЬЮ-ЙО ЦЕНТРА.

Кремень знаком приказал им остановиться и скрылся в недрах вагона. Через некоторое время он снова возник в дверях и поманил пальцем, приглашая войти.

Войдя в вагон, д’Агоста оказался в своего рода прихожей, в дальнем конце которой висел тяжелый темный занавес. Кремень исчез. В вагоне было темно и нестерпимо жарко.

– Да? – послышался из-за занавеса странный шипящий голос.

– Меня знают под именем Вайти. Я – глава общины «Могила Гранта». Мы услышали твой призыв к подземному народу объединиться, чтобы покончить с убийствами.

Ответа не последовало. Д’Агосту очень интересовало, что находится за занавесом. «Может быть, ничего, – сказал он себе. – Так же как в „Волшебнике страны Оз“. Смитбек в статье мог нафантазировать. Журналисты способны на все…»

– Входите, – распорядился голос.

Занавес отодвинулся, и д’Агоста неохотно вступил вслед за агентом ФБР в глубину вагона.

Там царил полумрак, который нарушал лишь отраженный свет одинокой лампы за окнами да крошечный костерок, тлеющий в углу под вентиляционным отверстием. В самом центре вагона, в массивном, похожем на трон кресле восседал высокий человек. Он был облачен в старинного покроя бархатный костюм. На голове потертая черная шляпа, из-под широких полей выбивались густые седые кудри, с шеи свисало тяжелое серебряное ожерелье племени навахо: гирлянды цветов, украшенных крупной бирюзой.

Мефисто обратил на посетителей испытующий взор.

– Итак, майор Вайти? – после некоторого молчания произнес он. – Не слишком оригинально. И почтения имя тоже не вызывает. Но в вашем случае, поскольку вы почти альбинос, оно вполне приемлемо.

Мефисто прошипел эти слова неторопливо, изысканно вежливым тоном. Д’Агоста ощутил на себе его проницательный взгляд. «Кем бы ни был этот парень, – думал лейтенант, – но он не псих». Или по крайней мере не полный псих. Д’Агоста чувствовал себя довольно скверно, во взгляде Мефисто сквозило подозрение.

– А это кто? – спросил он.

– Мой гонец. Кличка Сигара.

Мефисто довольно долго изучал д’Агосту взглядом. Затем он повернулся к Пендергасту:

– Никогда не слышал о сообществе «Могила Гранта».

– Под Колумбийским университетом и соседними зданиями имеется разветвленная сеть служебных тоннелей, – пояснил Пендергаст. – Группа у меня маленькая, и мы не суем носа в чужие дела. Студенты – народ щедрый.

Мефисто внимательно слушал, кивая. Гримаса подозрительности сменилась хитрой улыбочкой. Что она означает, д’Агоста понять не мог.

– О да, конечно, – кивнул Мефисто. – Весьма рад в эти черные дни встретить союзника. Думаю, было бы не вредно закрепить наше знакомство чем-нибудь приятным. Дела мы сможем обсудить позже. – Он хлопнул в ладоши: – Кресла для наших гостей! И пусть в камине ярче пылает огонь! Стрелок-Радист, доставь-ка нам мяса.

Из тьмы возник тощий коротышка (д’Агоста его еще не видел) и вышел из вагона. Другой тип, который все это время молча сидел на полу скрестив ноги, поднялся и со скоростью движущегося ледника

направился к тлеющим угольям. Вскоре костер запылал ярче. «Здесь и без того чертовски жарко», – подумал д’Агоста, чувствуя, как по телу под грязной рубашкой стекают струйки пота.

В вагоне появился громадный мускулистый детина с двумя картонными коробками. Когда коробки оказались перед троном, Мефисто, сопровождая слова величественным жестом, с некоторой издевкой произнес:

– Прошу вас, джентльмены.

Д’Агоста осторожно устроился на коробке. В этот момент как раз вернулся Стрелок-Радист. Перед собой он нес на обрывке старой газеты какой-то влажный, сочащийся темными каплями предмет. Стрелок положил свою ношу рядом с костром, и желудок д’Агосты вдруг начал выворачиваться наизнанку. На газете оказалась огромная крыса с наполовину раздавленной головой. Лапы животного еще подергивались, отвечая какому-то внутреннему ритму.

– Великолепно! – воскликнул Мефисто. – Только что отловлен, как вы можете заметить! Ведь вы употребляете в пищу тоннельных кроликов, не так ли? – спросил он, не сводя глаз с Пендергаста.

– Естественно, – ответил тот.

Д’Агоста заметил, что мускулистый амбал встал за его спиной, и до него начало доходить: сейчас им предстоит подвергнуться испытанию, провалить которое они не имеют права...

Мефисто протянул руку и, взяв тушку, умело насадил ее на длинный шампур и сунул в огонь. Д’Агоста с ужасом смотрел, как вспыхнула шерсть и как зверек содрогнулся в последнем спазме. К вентиляционному отверстию поднялся столбик едкого дыма – тушка запылала целиком. Через некоторое время дым прекратился, а крысиный хвост почернел, сделавшись похожим на штопор.

Мефисто окинул крысу оценивающим взглядом, вынул из огня, достал из складок своего одеяния нож и соскреб остатки шерсти. Вспоров брюшко, он выпустил из дичи скопившиеся газы и снова сунул ее в огонь, подняв на сей раз повыше.

– Требуется немалое искусство для того, чтобы как надо приготовить le grand souris en brochette[2] – заметил он.

Д’Агоста ждал. Глаза всех присутствующих были обращены на него и Пендергаста. Ему не хотелось даже думать о том, что случится, если он выдаст свое отвращение.

Шли минуты. Тушка шипела на огне. Мефисто вращал вертел. Подняв глаза на агента ФБР, он спросил:

– Вы как предпочитаете? Я, например, люблю мясо с кровью.

– С кровью вполне подойдет, – светски ответил Пендергаст. Казалось, он сидит в дорогом кафе, и его спрашивают о том, как лучше поджарить тосты.

«Это всего лишь животное, – в отчаянии внушал себе д'Агоста. – Я же не умру, если его съем. А если откажусь, то тогда умру точно».

Мефисто вздохнул, предвкушая захватывающее зрелище:

– По-моему, готово.

– Приступим, – откликнулся Пендергаст, потирая руки.

Д'Агоста промолчал.

– Яства пробуждают жажду! – воскликнул Мефисто, и перед ними почти мгновенно возникла полупустая бутыль самогона.

– У нас гости! – прокричал он, отшвыривая бутыль. – Подайте что-нибудь более подходящее!

Вскоре появилась заплесневелая бутылка приличного бурбона, а с ней – три пластмассовых стаканчика. Мефисто, взмахнув вертелом, скинул деликатес на газету.

– Окажите нам честь! – Он передал газету Пендергасту.

Д'Агоста изо всех сил боролся с охватившей его паникой. Со смесью ужаса и облегчения он увидел, что агент ФБР без намека на колебания взял тушку обеими руками и поднес ее к губам. Послышался громкий чмокающий звук. Создалось впечатление, что Пендергаст высасывает внутренности. Желудок д'Агосты подскочил к горлу.

Пендергаст облизнул губы и положил газету с дичью перед хозяином.

– Великолепно, – сказал он.

– У вас любопытный способ питания, – заметил Мефисто.

– Ничего любопытного, – пожал плечами Пендергаст. – В служебных тоннелях под Колумбийкой рассыпают много крысиного яда. И только попробовав печень, можно решить, насколько безопасно принимать данную особь в пищу.

На лице Мефисто расползлась широкая, совершенно искренняя улыбка.

– Это следует запомнить, – сказал он и, срезав с бедрышка крысы несколько полосок мяса, протянул их на кончике ножа д’Агосте.

Наступил момент истины. Краем глаза лейтенант заметил, как напрягся нависший над ним гигант. Чуть прикрыв глаза, он жадно схватил куски, сунул их в рот и, не жуя, проглотил, не успев почувствовать вкуса. Совершив этот подвиг, д’Агоста радостно осклабился, борясь с диким приступом тошноты.

– Браво! – воскликнул Мефисто. – Настоящий гурман.

Напряжение в вагоне заметно спало. Когда д’Агоста снова уселся на ящик, потирая живот, в полумраке уже звучал смех. Вскоре завязался негромкий, но живой разговор.

– Приношу свои извинения за проявленную подозрительность, – сказал Мефисто. – Было время, когда жизнь под землей текла более открыто, и подземные обитатели больше доверяли друг другу. Но если вы те, кем себя называете, то вам это известно. Теперь, однако, наступили тяжелые времена.

Он наполнил три стаканчика и поднял свой в молчаливом тосте. Затем он разделал крысу, передав часть мяса Пендергасту, а остаток взяв себе.

– Позвольте вам представить моих соратников. – Он поманил к себе стоящего за спиной д’Агосты детину: – Это Крошка Гарри. Смолоду увлекался скачками. В угоду своим потребностям ему пришлось по мелочи начать воровать. Одно тащило за собой другое, и в конце концов он приземлился за решеткой в Аттике. Там он многое постиг. Оказавшись на свободе, Гарри не нашел работы. Однако ему повезло: он спустился под землю и попал в наше сообщество прежде, чем успел вернуться к дурным привычкам.

Затем Мефисто указал на медленно передвигающуюся фигуру у костра.

– Это Бой Элис. В свое время преподавал английский язык в средней школе в Коннектикуте. Дела пошли скверно. Он потерял работу, развелся, остался без средств и начал прикладываться к бутылке. В результате докатился до ночлежки и суповой кухни. Там он и прослышал о нас. Что же касается Стрелка-Радиста, то, вернувшись из Вьетнама, он понял, что никому здесь не нужен.

Мефисто вытер губы клочком газеты и продолжил:

– Это, пожалуй, даже больше, чем вам следует знать. Все мы, как положено, оставляем свое прошлое наверху. Итак, вы пришли сюда, чтобы поговорить об убийствах?

– С прошлой недели исчезли три наших человека, – сказал Пендергаст. – Остальные напуганы. Мы слышали, что вы сколачиваете союз против Морщинников. Тех, кто отрывает у жертв головы.

– Да, мои слова постепенно находят отклик. Пару дней назад до меня дошла весть от Философа. Слышали о нем?

– Нет, – после некоторого колебания ответил Пендергаст.

– Странно… – Мефисто сощурился. – Он наш коллега, возглавляет сообщество под вокзалом Гранд-Централ.

– Не исключено, что когда-нибудь мы с ним и встретимся, – небрежно произнес Пендергаст. – Но сейчас мне надо поговорить с вами, чтобы успокоить моих людей. Что вы могли бы сообщить об убийствах и убийцах?

– Убийства начались примерно год назад, – начал Мефисто своим шелестящим, как шелк, голосом. – Первым был Джо Аткитти. Мы нашли его обезглавленное тело около блокпоста. После этого исчезла Черная Энни. За ней – Старший Сержант. Люди продолжали исчезать. Некоторых мы нашли, некоторых – нет. Потом до нас дошла весть от Мандерсов о подозрительной активности в самой глубине.

– Мандерсов? – переспросил Пендергаст.

И вновь Мефисто бросил на него подозрительный взгляд.

– Никогда не слышали о Мандерсах? – изумился он. – Вам, майор Вайти, следует почаще разминать ноги и знакомиться с соседями. Мандерсы живут под нами. Никогда не поднимаются наверх, не прибегают к освещению. Вроде саламандр. Verstehen[3] Они говорят, что *ниже* них замечается какое-то движение. Утверждают, что заселен Чердак дьявола, – зловещим шепотом закончил Мефисто.

Д'Агоста вопросительно глянул на Пендергаста, но агент ФБР понимающе кивнул.

– Самый нижний уровень города, – сказал он себе под нос.

– Нижайший, – согласился Мефисто.

– Вам не доводилось туда спускаться? – небрежным тоном поинтересовался Пендергаст.

Мефисто бросил на собеседника взгляд, призванный доказать, что он еще не сошел с ума.

– И вы думаете, что убийства – дело рук людей с нижнего этажа? – спросил агент ФБР.

– Я не думаю, – мрачно ответил Мефисто. – Я это знаю. Но не уверен, что в данном случае я бы стал использовать слово «люди».

– Что вы хотите этим сказать?

– Слухи, – очень тихо произнес Мефисто. – Говорят, что Морщинниками их прозвали не без причины.

– И эта причина?..

Мефисто не ответил.

– Итак, что же мы можем сделать? – спросил Пендергаст, усаживаясь на коробку.

– Что мы можем сделать? – Улыбка исчезла с лица Мефисто. – Нам надо пробудить город! Надо показать всем, что гибнут не только кроты – люди-невидимки!

– Допустим, мы этого добьемся, – сказал Пендергаст. – Что в таком случае мог бы предпринять город?

– Что-то вроде дезинфекции, – немного подумав, ответил Мефисто. – Истребить их по месту жительства.

– Легче сказать, чем сделать.

– А у тебя есть более плодотворные идеи, Вайти? – прошипел Мефисто.

– Пока нет, – после продолжительного молчания ответил Пендергаст.

24

Р оберт Уилсон, библиотекарь Нью-Йоркского исторического общества, бросил раздраженный взгляд на единственного посетителя картографического зала. Странный тип: строгий черный костюм, светлые кошачьи глаза, высокий лоб и светлые, почти белые, тщательно зачесанные назад волосы. Не только странный, но и раздражающий. Крайне раздражающий. Торчит в зале всю вторую половину дня, требует все новые и новые карты только для того, чтобы тут же отодвинуть их в сторону. Едва Уилсон успевал отвернуться к компьютеру, чтобы продолжить работу над монографией о фетишах племени зуни, как противный тип поднимался со своего места, чтобы задать очередной вопрос.

Вот и сейчас, словно прочитав его мысли, посетитель встал со стула и неслышным, скользящим шагом подошел к библиотекарю.

– Пардон, – протянул он негромко, вежливо, но весьма настойчиво.

– Да? – бросил Уилсон, отрывая взгляд от экрана.

– Мне очень не хотелось бы беспокоить вас еще раз, но, насколько я помню, Вокс и Олмстед, планируя создание Центрального парка, предусматривали сооружение подземных каналов с целью осушения существовавших в том месте болот. Не мог бы я взглянуть на их схемы?

– Эти идеи были отметены комиссией, – поджал губы Уилсон. – И все схемы потеряны. Ужасная трагедия. – Он повернулся к экрану в надежде, что противный тип все поймет.

– Понимаю, – ответил посетитель, не обращая внимания на столь прозрачный намек. – В таком случае не могли бы вы мне сказать, каким образом были осушены болота?

Уилсон безнадежно откинулся на спинку кресла.

– А я-то полагал, что это всем известно. Для осушения был использован старый акведук на Восемьдесят шестой улице.

– Существуют ли схемы проведения операции?

– Да, – ответил Уилсон.

– Не мог бы я взглянуть на них?

Уилсон вздохнул, поднялся с кресла и прошел через тяжелую дверь в хранилище. Там, как всегда, царил полнейший беспорядок. Помещение было просторным, но в то же время вызывало клаустрофобию. Металлические стеллажи, заполненные картами и заплесневелыми синьками, тянулись ввысь на два этажа, теряясь в полумраке. Уилсон принялся изучать номера на ветхом списке, чуть ли не физически ощущая, как на его лысый череп оседает пыль. В носу начинало свербеть. Наконец, он определил местонахождение нужных карт, взял их в охапку и потащил в тесный читальный зал.

«И почему только все посетители требуют самые тяжелые карты?» – удивлялся он про себя, выходя из хранилища.

– Вот они. – Уилсон опустил свой груз на стойку из черного дерева. Надоедливый тип взял карты, перенес их на свой стол и начал просматривать, делая заметки и рисуя схемы в блокноте с кожаным переплетом.

«А у парня водятся деньжата, – с кислой миной подумал Уилсон. – Ни один профессор не может позволить себе иметь такой блокнот».

Наконец-то в картографическом зале воцарилась благословенная тишина, и он смог немного поработать. Уилсон принес со своего стола несколько пожелтевших фотографий и начал вносить изменения в главу, посвященную свойственным клану резным образам.

Через несколько минут Уилсон почувствовал, что посетитель снова стоит у него за спиной, и молча поднял глаза.

Указав кивком на одну из фотографий, где изображался камень с вырезанным на нем абстрактным животным и частью человеческой фигуры, вооруженной копьем с кремневым наконечником, посетитель проговорил:

– Мне кажется, что этот фетиш, который вы определили как пуму, на самом деле является медведем гризли.

Уилсон уставился на бледное улыбающееся лицо. «А это что еще за шутка?» – подумал он, но вслух произнес:

– Кашинг, обнаруживший этот фетиш в 1883 году, совершенно определенно классифицировал его как принадлежащий «клану пумы». Вы можете проверить это в его трудах. – «Все в наши дни мнят себя экспертами», – мысленно проворчал он.

– Это фетиш гризли, – стоял на своем посетитель. – В спину зверя направлено копье. На фетише пумы всегда изображается стрела.

– Не затруднитесь ли объяснить, в чем вы видите разницу? – выпрямился Уилсон.

– Пуму убивают с помощью лука и стрелы. Чтобы убить гризли, необходимо копье.

Уилсон не знал, что сказать.

– Кашинг тоже мог ошибаться, – с мягкой улыбкой добавил посетитель.

Уилсон сложил листки рукописи в стопку и отодвинул их в сторону.

– По правде говоря, я склонен больше доверять Кашингу, нежели… – Не закончив фразу, он сурово произнес: – Библиотека закрывается через час.

– В таком случае не мог бы я взглянуть на карту газопровода Верхнего Вест-Сайда? Геологическое исследование проводилось в 1956 году.

– Какую именно? – поджал губы Уилсон.

– Все, если не возражаете.

Это уже совсем выходило за рамки.

– Прошу прощения, – скрипуче проговорил Уилсон, – но это будет против правил. Посетителям выдается одновременно не более десяти карт одной серии. – Он победно глянул на назойливого типа.

Назойливый тип, однако, не обратил на его слова никакого внимания. Казалось, он полностью погружен в собственные мысли. Вернувшись к реальности, он внимательно посмотрел на библиотекаря и произнес, указывая на карточку с именем, приколотую к его груди:

– Роберт Уилсон… Теперь я вспомнил, откуда я знаю ваше имя.

– Вы слышали мое имя? – неуверенно спросил Уилсон.

– Ну конечно. Разве не вы сделали в прошлом году блестящий доклад о резьбе по камню? Это было в Виндоу-Рок на конференции по изучению племени навахо.

– Да, я там выступал, – кивнул Уилсон.

– Я так и думал. Я не мог присутствовать, но стенограммы читал. Мне самому довелось частным образом исследовать религиозные мотивы в резьбе по камню. – Посетитель немного помолчал, а затем добавил: – Естественно, не столь глубоко и серьезно, как вам.

Уилсон откашлялся.

– Полагаю, что трудно сохранить инкогнито, посвятив тридцать лет жизни подобным исследованиям. – Он опустил глаза, являя собой воплощенную скромность.

– Для меня знакомство с вами – большая честь, – улыбнулся посетитель. – Моя фамилия Пендергаст.

Уилсон протянул руку для пожатия, и его неприятно поразила вялость ладони посетителя. Сам он очень гордился твердостью своей руки.

– Приятно видеть, что вы не оставляете своих исследований, – продолжал Пендергаст. – У нас, увы, царит глубокое невежество во всем, что касается культуры юго-западной части страны.

– Совершенно верно, – радостно подхватил Уилсон. Сердце его наполнилось гордостью. Никто никогда не проявлял ни малейшего интереса к его работе, не говоря уж о том, чтобы обсуждать ее со знанием дела… Этот Пендергаст, бесспорно, заблуждается относительно индейских фетишей, тем не менее…

– Я с наслаждением обсудил бы с вами все проблемы, – сказал Пендергаст, – но боюсь, что я и без этого отнял у вас слишком много времени.

– Что вы, что вы! Какие пустяки! – покраснел Уилсон. – Так что вы хотели видеть? Геологическое исследование пятьдесят шестого года?

Пендергаст утвердительно кивнул и застенчиво добавил:

– Меня очень интересует еще один вопрос. Сдается мне, что в двадцатых годах, во время подготовки к строительству скоростной подземной дороги, был снят план всех существующих тоннелей. Я не ошибся?

– Но в этой серии шестьдесят карт, – упавшим тоном произнес Уилсон.

– Понимаю. Это будет против правил, – опечалился Пендергаст.

И тут лицо Уилсона озарилось улыбкой.

– Я никому об этом не скажу, если вы того не пожелаете! – Библиотекарь сам был в восторге от своей отчаянной храбрости. – И не беспокойтесь о времени закрытия. Я задержусь, чтобы поработать над монографией. Ведь правила пишутся для того, чтобы их нарушать. Не так ли?

Десять минут спустя он возник из темноты хранилища, толкая перед собой по стоптанным доскам пола перегруженную картами тележку.

25

С митбек вошел в напоминающий пещеру вестибюль клуба «Четыре времени года», оставив позади вонь и шум Парк-авеню. Хорошо выверенным шагом он приблизился к квадратному бару в центре помещения. Здесь Смитбек сиживал много раз, с завистью глядя на картину Пикассо и на видневшиеся за ней врата недоступного для него рая. На сей раз, однако, он не стал задерживаться у бара, а сразу подошел к метрдотелю. Небрежно брошенного имени оказалось достаточно для того, чтобы он, Смитбек, получил возможность неторопливо прошествовать по коридору мечты к укрытому в глубине здания эксклюзивному ресторану.

Все столики были заняты, но в огромном «Зале с бассейном» царили покой и тишина. Смитбек шагал мимо капитанов индустрии, гигантов издательского дела и каучуковых баронов в направлении одного из самых привилегированных столов рядом с фонтаном. Там уже сидела миссис Вишер.

– Мистер Смитбек, – кивнула она. – Благодарю вас за то, что вы нашли время прийти. Присаживайтесь, пожалуйста.

Смитбек, украдкой оглядевшись по сторонам, занял указанный ему стул. Ленч, судя по всему, предстоял очень необычный, и Смитбек надеялся, что сумеет насладиться им до конца. Дело в том, что он только начал писать очередную убойную статью, а сдать ее надо было не позже шести вечера.

– Как вы отнесетесь к бокалу «Амороне»? – спросила миссис Вишер, указывая на стоящую рядом со столиком бутылку. На миссис Вишер была шелковая цвета шафрана блузка и клетчатая юбка.

– С удовольствием выпью, – ответил Смитбек, перехватив ее взгляд. На сей раз он чувствовал себя значительно увереннее, чем при первой встрече в полутемных апартаментах, когда перед хозяйкой знаком бессловесного обвинения лежал экземпляр «Пост». Написанный им некролог «Ангел с Южной улицы Центрального парка», обещание награды за поимку преступника и благожелательный отчет о демонстрации на Площади Великой армии обеспечивали ему более теплый прием.

Миссис Вишер кивнула официанту и, подождав, пока тот наполнит бокал Смитбека, сказала, едва заметно наклонившись вперед:

– Мистер Смитбек, вас, вне сомнения, интересует, почему я вас пригласила?

– Не скрою, это меня занимало. – Смитбек пригубил вино и нашел его восхитительным.

– В таком случае я не стану тратить время на то, чтобы бросать дальнейший вызов вашему интеллекту. В этом городе в ближайшее время произойдут важные события, и я хочу, чтобы вы их задокументировали.

– Я? – спросил журналист, ставя бокал на стол.

Уголки губ миссис Вишер чуть приподнялись, что, видимо, должно было изображать улыбку.

– О... Я так и думала, что вы удивитесь. Понимаете, мистер Смитбек, после нашей первой встречи я потратила некоторое время на то, чтобы узнать о вас побольше. И мне пришлось прочитать вашу книгу об убийствах в музее.

– Вы купили экземпляр? – с надеждой в голосе спросил журналист.

– Нет, зачем же. Книга имеется в публичной библиотеке на Амстердам-авеню. Это было увлекательное чтение. Я понятия не имела о том, что вы в такой степени были вовлечены во все те события.

Смитбек быстро глянул на миссис Вишер, но не заметил на ее лице ни малейших следов сарказма.

– Я также прочла вашу статью о нашей демонстрации, – продолжала дама. – Она написана в позитивном тоне, чего не было в других материалах прессы на эту тему. Кроме того, я должна быть благодарна вам за все, что произошло, – слегка махнув рукой, закончила она.

– Неужели? – немного нервно спросил Смитбек.

– Ну конечно, – ответила миссис Вишер. – Ведь это вы убедили меня в том, что пробудить этот город можно, лишь вонзив ему под ребра шпоры. Помните свои слова: «Жители этого города не желают ничего видеть, если не сунуть факты им прямо в рожи»? Если бы не вы, я бы до сих пор сидела в своей гостиной и сочиняла письма мэру, вместо того чтобы обратить свое горе на доброе дело.

Смитбек кивнул. Не-очень-веселая-вдова во многом была права.

– Со времени той демонстрации наше движение получило грандиозное развитие, – сказала миссис Вишер. – Мы попали в болевую точку. Люди начинают сплачиваться – люди богатые и могущественные. Но мы хотим обратиться и к простому народу – людям с улицы. И это можете сделать вы при помощи вашей газеты.

Смитбеку не понравилось напоминание о том, что он пишет для простых людей. Однако он ничем не выдал своего неудовольствия. Кроме того, он сам видел, что миссис Вишер абсолютно права. К концу демонстрации вокруг толпы богачей крутилось множество обывателей, которые громко кричали, свистели и вопили – одним словом, были готовы к решительным действиям.

– И вот что я хочу вам предложить. – Миссис Вишер положила тонкую руку с хорошо ухоженными ногтями на льняную скатерть. – Вы получите привилегированный доступ к информации о всех планируемых действиях организации «Вернем себе наш город». О многих наших акциях мы вполне сознательно заранее оповещать не станем. Пресса, так же как и полиция, будет узнавать о них тогда, когда предпринять что-либо будет уже невозможно. Вам же будет известно, чего и когда следует ожидать. Вы можете сопровождать меня, если пожелаете. Одним словом, вы получите прекрасную возможность сунуть факты «прямо в рожи» ваших читателей.

Смитбек изо всех сил старался не выдать своего волнения. «Это слишком хорошо, чтобы быть правдой», – думал он.

– Я понимаю, что вам хотелось бы опубликовать еще одну книгу, – продолжала миссис Вишер. – Когда кампания «Вернем себе наш город» достигнет успешного завершения, вы получите на это мое благословение. Хайрэм Беннетт, главный редактор «Аркадия-Хаус», является одним из моих ближайших друзей. Полагаю, он будет весьма заинтересован в вашей рукописи.

«Боже мой! – думал Смитбек. – Хайрэм Беннетт, Мистер Издательское Дело собственной персоной! – Он представил, как станут биться за право публикации „Аркадия-Хаус“ и „Октаво“ – издательство, выпустившее его книгу о событиях в музее. Он попросит своего агента организовать

тендер с первоначальной суммой в две сотни тысяч… нет… двести пятьдесят плюс десять процентов за специальные привилегии и…

– Но взамен и у меня будет к вам одна просьба, – прервала полет его фантазии миссис Вишер. – С этого момента вы обращаете свой талант только на службу движению «Вернем себе наш город». Я желаю, чтобы все ваши статьи были посвящены нашему общему делу.

– Что? – довольно резко переспросил Смитбек. – Миссис Вишер, я репортер уголовной хроники и меня взяли на работу, чтобы я регулярно публиковал материалы на эту тему. – Картины грядущей славы разом померкли, и вместо них перед его мысленным взором возникла разъяренная физиономия редактора Арнольда Мюррея, требующего немедленно представить статью.

– Понимаю, – кивнула миссис Вишер. – Полагаю, что смогу отгрузить вам нужный «продукт» в течение ближайших дней. Вы узнаете все подробности, как только мы уточним наши планы. Поверьте мне, мистер Смитбек. Думаю, что наши отношения окажутся взаимно полезными.

Смитбек лихорадочно размышлял. Через пару часов ему надо представить статью о том, что он подслушал в музее. Он и без того слишком задержал информацию. Статья о секретном совещании не только повысит его жалованье, но и поставит на место этого зазнайку Брайса Гарримана.

Но воплотятся ли эти надежды? Идея выплаты вознаграждения окончательно потухла, так и не открыв новых подходов к расследованию. Статья о Мефисто не вызвала ожидаемого ажиотажа. Прямых доказательств того, что смерть судмедэксперта связана с другими убийствами, не имелось (хотя косвенные данные говорили об этом). Кроме того, следовало принять во внимание возможные неприятные последствия незаконного проникновения в музей.

А вот то, что предлагает миссис Вишер, может оказаться именно тем динамитом, который он так долго искал. Журналистский инстинкт подсказывал Смитбеку, что именно здесь он может одержать победу. Он скажется больным и помурыжит Мюррея пару деньков. Прощение последует, как только начальство увидит конечный результат его деятельности.

– Можете считать, миссис Вишер, что соглашение между нами заключено.

– Зовите меня Аннетт, – сказала она и, скользнув взглядом по его лицу, обратилась к меню: – А теперь нам следует сделать заказ, не так ли? Я посоветовала бы вам отведать полярных моллюсков в лимонных листьях с черной икрой. Здешний шеф-повар готовит их просто великолепно.

26

Х ейворд свернула на Семьдесят вторую улицу и остановилась перед грандиозным зданием песочного цвета, не веря своим глазам. Она проверила адрес по бумажке и снова подняла глаза: больше похоже на увеличенный раз в двадцать особняк из комиксов Чарльза Адамса, чем на манхэттенский жилой дом. Девять этажей громоздились один на другой. Из-под самой крыши выдавался огромный, похожий на нависшие брови двух–этажный фронтон. Бесчисленные трубы, шпили, башенки и прочие архитектурные изыски. «Наверное, не помешало бы пробить и бойницы», – подумала Хейворд. Дом именовался «Дакота». Странное имя, странное сооружение. Хейворд не раз слышала об этом доме, но видела его впервые: не часто у нее возникал повод для визита в Верхний Вест-Сайд.

Она вошла в широкую въездную арку, прорубленную в южной стороне здания. Охранник в караульной будке спросил, как ее фамилия, и куда-то позвонил.

– Юго-западный вестибюль, пятый этаж, – сказал он, кладя трубку. Хейворд прошла мимо караульного в темный тоннель и оказалась в обширном внутреннем дворике. На мгновение она задержалась, рассматривая бронзовые фонтаны. Царящие здесь тишина и покой казались совершенно неуместными для северо-западной части Манхэттена. Она повернула направо и, миновав узкий вестибюль, вошла в кабину лифта и нажала миниатюрным пальчиком кнопку с цифрой «пять».

Лифт полз крайне медленно, но в конце концов все же достиг цели. Двери открылись, выпустив Хейворд в небольшой квадратный холл. В противоположной стене виднелась дверь из темного полированного дерева. Лифт зашелестел и начал спускаться, оставив Хейворд в полной тьме. Послышался шорох. Ее рука инстинктивно потянулась к табельному пистолету.

– Сержант Хейворд? Превосходно. Прошу вас, входите.

Она тут же узнала голос: смесь бурбона с медом. Дверь отворилась, и в освещенном прямоугольнике возник изящный силуэт агента Пендергаста.

Хейворд переступила порог, и Пендергаст тут же закрыл дверь. Комната была небольшой, но высоченный потолок придавал ей какое-то своеобразное величие. Хейворд с любопытством посмотрела по сторонам. Три стены были выкрашены в розовый цвет. Наверху под потолком и снизу над полом тянулись широкие черные бордюры. Мягкий свет лился из-за пластины агата, вделанной в нечто бронзовое, напоминающее по форме морскую раковину. Светильник располагался у

одной из стен, чуть выше уровня глаз. Четвертая стена была выложена черным мрамором. По всей ее поверхности, от потолка до пола, тонким, как стекло, слоем струилась вода, с легким журчанием убегая вниз за фигурную решетку. В комнате стояло несколько коротких кушеток, их ножки утопали в пушистом ковре. Интерьер довершали картины на стенах и какие-то искривленные растения в горшках, установленных на лаковых столиках. В комнате царила безупречная чистота: ни единой пылинки. Дверей, ведущих в другие помещения квартиры, Хейворд не обнаружила. Впрочем, она не сомневалась в их существовании.

– Присаживайтесь, где вам удобно, мисс Хейворд, – сказал Пендергаст. – Могу ли я предложить вам что-нибудь выпить?

– Спасибо, не надо. – Она опустилась в ближайшее к двери кресло. Роскошная мягкая кожа нежно приняла ее в свои объятия. Хейворд посмотрела на пейзаж кисти какого-то импрессиониста. Стога сена на фоне розового заката показались ей знакомыми.

– У вас отличное жилище, – проговорила она. – Хотя здание, по правде сказать, выглядит жутковато.

– Мы, здешние жители, предпочитаем, чтобы его называли эксцентричным. Но многие, полагаю, могли бы согласиться и с вашим определением. Сооружение получило название «Дакота» потому, что в 1884 году оно казалось таким же далеким от города, как и индейские территории. Тем не менее оно до сих пор является символом прочности и постоянства – как раз того, что мне очень нравится. Фундамент покоится на основных породах, стены у основания имеют толщину почти в тридцать дюймов. Однако вы пришли не для того, чтобы выслушивать лекции по архитектуре. Я вам весьма признателен за то, что вы нашли для меня время.

– Вы, наверное, шутите? – улыбнулась Хейворд. – Разве я могла упустить шанс побывать в гнезде самого агента Пендергаста? Среди копов вы стали личностью легендарной. Впрочем, вам это прекрасно известно.

– Как это мило, – протянул Пендергаст, скользнув в кресло. – Я редко принимаю у себя посетителей. Однако на сей раз я решил, что здесь мы могли бы лучше всего побеседовать без свидетелей.

– Лучше всего? Почему? – Хейворд еще раз обвела взглядом помещение и вдруг воскликнула:

– Ой! Я же знаю, что это такое! Такое растение называется «бонсаи». Карликовое деревце. У моего учителя по карате-до есть два таких.

– Это *Gingko biloba,* – пояснил Пендергаст. – «Власа девушки». Единственный сохранившийся представитель семейства,

распространенного в доисторические времена. А справа от вас группа карликовых трехзубцовых кленов. Я особенно горжусь их совершенно естественным видом. Их листья меняют осенью цвет в разное время. Их культивация – от первого до последнего растения – заняла у меня ровно девять лет. Ваш учитель карате, вне сомнения, говорил вам, что для групповых посадок каждый год следует добавлять нечетное количество деревьев и делать это до тех пор, пока подсчет стволов не потребует всего вашего внимания.

– Девять лет? – повторила Хейворд. – Думаю, у вас слишком много свободного времени.

– Не совсем. Однако карликовые деревья – одно из моих самых сильных увлечений. Они – произведение искусства, которое никогда нельзя считать завершенным. И это сочетание природы и искусства действует на меня почти опьяняюще. – Пендергаст закинул ногу за ногу и небрежно махнул рукой; его черный костюм практически сливался с темной обивкой кресла. – Однако довольно потакать моим слабостям. Вы только что поинтересовались, почему я считаю свой дом лучшим местом для нашей беседы. Да просто потому, что я хочу как можно больше узнать от вас о подземных жителях.

Хейворд молчала.

– Вы работали с ними, – продолжал Пендергаст. – Более того, вы их изучали и являетесь крупнейшим специалистом в данном вопросе.

– Кроме вас, никто так не считает.

– Если бы они дали себе труд подумать, то пришли бы к такому же выводу. Как бы то ни было, но я понимаю, почему вы так болезненно реагируете, когда речь заходит о вашей диссертации. И поэтому мне показалось, что вы будете чувствовать себя более комфортно, обсуждая эти проблемы вне службы, подальше от управления полиции или полицейского участка.

«Этот человек прав», – подумала Хейворд. Странная спокойная комната с ее бесшумным водопадом и красотой сказочных растений была почти так же далека от управления полиции города Нью-Йорка, как луна. Она откинулась на мягкую спинку кресла, чувствуя, как исчезает привычное напряжение. Она уже подумывала, не снять ли тяжелый пояс с пистолетом, но решила, что слишком удобно устроилась, чтобы совершать лишние движения.

– Я спускался под землю дважды, – сказал Пендергаст. – Первый раз, чтобы проверить свою маскировку и провести элементарную разведку. Второй, чтобы встретиться с Мефисто. Однако, отыскав его, я

обнаружил, что серьезно недооценил некоторые обстоятельства. А именно – глубину его убеждений. И количество его последователей.

– Никто точно не знает число подземных жителей, – ответила Хейворд. – Можно с полной уверенностью утверждать, что их гораздо больше, чем мы полагаем. Что же касается Мефисто, то он, по-видимому, один из самых выдающихся подземных лидеров. Его община – наиболее крупная. Вообще-то я слышала, что она объединяет несколько сообществ. Ядром является группа ветеранов вьетнамской войны, нуждающихся в реабилитации, и то, что осталось от битников шестидесятых годов. Остальные присоединились к общине после того, как начались убийства. Самые глубокие тоннели под Центральным парком полны его людьми и союзниками.

– Больше всего меня удивило разнообразие встреченных типажей, – проговорил Пендергаст. – Я ожидал увидеть лишь один, ну в крайнем случае два доминирующих типа неудовлетворенных личностей. На самом же деле я встретил то, что с полным правом можно назвать срезом всего нашего общества.

– Не все бездомные уходят под землю, – сказала Хейворд. – Но все те, кто ненавидит ночлежки, суповые кухни, теплые решетки подземки, кто стремится к одиночеству или исповедует необычный культ, имеют тенденцию скрываться под землей. Вначале они заселяют тоннели подземки, затем спускаются ниже. Поверьте, там есть множество мест, где можно укрыться.

– Даже во время первого спуска я был поражен обширностью подземного пространства, – кивнул Пендергаст. – Я чувствовал себя, как Льюис и Кларк, впервые заносящие на карту неразведанную территорию.

– Нами обследовано менее половины всех подземелий. Под Нью-Йорком лежит две тысячи миль заброшенных или недостроенных тоннелей и пять тысяч миль используемых. Там есть подземные помещения, давно закрытые и забытые. – Хейворд пожала плечами. – Вы, наверное, слышали о них. К примеру, секретные ядерные бомбоубежища, сооруженные Пентагоном в пятидесятых годах, чтобы укрыть этих типов с Уолл-стрит. Некоторые из них до сих пор имеют действующий водопровод, электрическое освещение и располагают запасами консервов. Под землей есть машинные залы с брошенным проржавелым оборудованием, старинные канализационные системы с деревянными трубами. Одним словом, это целый мир, и мир довольно жуткий.

Пендергаст наклонился вперед:

– Сержант Хейворд, вам приходилось слышать о Чердаке дьявола?

– Да, – кивнула Хейворд.

– Не могли бы вы мне сказать, где он находится, или каким образом я мог бы определить его местонахождение?

– Нет, – покачала она головой после довольно продолжительного молчания. – Пару раз бездомные упоминали о нем во время «зачисток». Но там, внизу, приходится слышать так много всякого бреда, что постепенно начинаешь пропускать все мимо ушей. Я всегда считала, что это пустой треп.

– Есть ли кто-нибудь, с кем я мог бы поговорить, и кто, может быть, знает больше?

– Вы могли бы побеседовать с Алом Даймондом… – Хейворд снова посмотрела на стога сена. «Удивительно, – подумала она, – как два мазка краски могут столь ясно передать образ». – Он служил инженером в управлении городского хозяйства и слыл докой по подземным сооружениям. Его всегда приглашали на консультации, когда происходил разрыв водопроводной трубы глубокого заложения, или когда предстояло пробурить скважину для нового газопровода. Правда, я его довольно давно не видела. Не исключено, что он уже купил себе ферму.

– Простите? Я не совсем понял последнее.

– Умер, я хотела сказать.

В комнате повисла тишина, нарушаемая лишь слабым журчанием водопада.

– Если убийцы заселили неизвестные нам нижние уровни, то сама численность подземных обитателей делает нашу работу исключительно трудной, – проговорил наконец Пендергаст.

Хейворд оторвала взгляд от стогов, посмотрела на агента ФБР и сказала:

– Будет еще труднее.

– Что вы имеете в виду?

– До осени осталось всего несколько недель. Очень скоро множество бездомных в преддверии зимы устремится под землю. Если вы правы относительно источника этих убийств, то понимаете, что может произойти.

– Нет, не понимаю, – ответил Пендергаст. – Почему бы вам мне этого не сказать?

– Откроется сезон охоты. – И Хейворд вновь перевела взгляд на картину.

27

*З*астроенная промышленными зданиями унылая авеню заканчивалась каменной насыпью, уходящей в мутные воды Ист-ривер. С набережной открывался вид на остров Рузвельта и мост Квинсборо. На противоположном берегу реки виднелась проходящая у здания ООН полоска скоростной магистрали Франклина Делано Рузвельта, чуть правее маячили роскошные дома на Шаттон-плейс. «Прекрасная панорама, – подумал д'Агоста, выходя из полицейской машины без каких-либо опознавательных знаков. – Роскошный вид во вшивой округе».

Августовское солнце нещадно пекло, размягчая асфальт, раскаляя тротуары. Д'Агоста ослабил воротничок рубашки и еще раз сверился с адресом, предоставленным ему отделом персонала музея. Лонг-Айленд Сити, Тридцать четвертая авеню, 11-44. Он обвел взглядом окружающие здания, размышляя, не вышла ли ошибка. Округа совершенно явно не выглядела жилой. По сторонам дороги тянулись склады и здания заброшенных фабрик. В этот полуденный час улица была практически пустынна. Единственным признаком жизни был небольшой потрепанный грузовичок, отходящий от складского дебаркадера в конце квартала. «Еще один тупик, будь он проклят», – подумал, покачивая головой, д'Агоста. Уокси, считая это дело третьестепенным, поручил отыскать квартиру ему.

Металлическая дверь в помещение 11-44 была помята и поцарапана и ее покрывали не менее десяти слоев черной краски. Как и все остальные двери в этом квартале, она, казалось, вела в пустой пакгауз. Д'Агоста нажал на кнопку звонка и, ничего не услышав, принялся стучать ногой в дверь.

Тишина.

Подождав несколько минут, лейтенант нырнул в узкий проход вдоль боковой стороны здания. Перешагивая через бутылки и полусгнившие рулоны бумаги, он добрался до окна с растрескавшимся стеклом, покрытым слоем пыли. Под окном лежал рулон рубероида. Д'Агоста встал на него, протер кончиком галстука стекло и заглянул внутрь.

Когда глаза привыкли к полумраку, он увидел просторную комнату. На грязном цементном полу были едва заметны полосы света. В дальнем углу виднелась металлическая лестница, которая вела в кабинку, видимо, бывшую когда-то кабинетом босса. И больше ничего.

В проходе раздался шорох. Повернувшись, д'Агоста увидел быстро приближающегося мужчину. В его руке зловеще поблескивал

длиннющий кухонный нож. Д'Агоста спрыгнул на землю, рефлекторно выхватывая пистолет. Мужчина изумленно уставился на оружие и замер. Судя по всему, он был готов обратиться в бегство.

– Стоять! Полиция! – гаркнул лейтенант.

На лице мужчины вдруг появилось совершенно необъяснимое насмешливо-удивленное выражение.

– Неужели здесь коп?! – саркастически воскликнул он. – Подумать только, коп в этой части света!

Он ухмылялся от уха до уха. Да, перед лейтенантом стоял на удивление странный тип. Гладко выбритый череп выкрашен в зеленый цвет. Под нижней губой – чахлая козлиная бородка, на носу тонкие троцкистские очки. Рубаха сшита из ворсистой мешковины, на ногах алые резиновые кеды.

– Брось нож, – тихо сказал д'Агоста.

– Пожалуйста. – Мужчина пожал плечами. – А я-то думал, что вы грабитель.

Он перестал ухмыляться и швырнул на землю свое оружие.

Д'Агоста пинком отбросил нож в сторону.

– Теперь медленно повернись и руки на стену. Ноги шире.

– Мы что, в коммунистическом Китае? – вдруг заверещал зеленоголовый.

– Делай, что сказано!

Зеленоголовый, ворча, повиновался, и д'Агоста его обыскал, не найдя, впрочем, ничего, кроме бумажника. Лейтенант развернул бумажник. На водительском удостоверении был указан адрес. Соседняя дверь.

Д'Агоста убрал пистолет в кобуру, вернул зеленоголовому бумажник и сказал:

– Понимаете, мистер Киртсема, ведь я мог вас застрелить.

– Эй, откуда мне было знать, что вы – коп? Я думал, вы хотите влезть в окно. – Зеленоголовый отошел от стены, отряхивая ладони. – Не представляете, сколько раз меня грабили. Вы, ребята, теперь даже перестали отвечать на вызовы. А лично вы – первый коп, которого я вижу здесь за много месяцев и…

Д'Агоста жестом велел ему помолчать.

– Вам следует быть более осторожным. Кроме того, вы не имеете ни малейшего понятия, как надо держать нож. Окажись я настоящим грабителем, вы к этому времени уже были бы покойником.

Зеленоголовый потер нос, что-то невнятно бормоча.

– Вы живете по соседству? – спросил д’Агоста. Он все никак не мог привыкнуть к виду зеленого черепа и поэтому смотрел в сторону.

Мужчина кивнул.

– Давно?

– Около трех лет. Я снимал чердак в Сохо, но меня оттуда вытурили. Здесь единственное место, где я могу спокойно заниматься своим делом.

– Что за дело?

– Это крайне трудно объяснить, – настороженно произнес зеленоголовый. – Да и с какой стати я должен вам это рассказывать?

Д’Агоста молча достал из кармана удостоверение и значок.

Мужчина внимательно изучил значок.

– Отдел расследования убийств, значит? Неужели поблизости кого-то укокошили?

– Нет. Не могли бы мы войти в помещение и там потолковать немного?

– Это что, обыск? – подозрительно спросил зеленоголовый. – А разве вам для этого ордер не нужен?

– Нет, если вы добровольно позволите мне войти в дом, – подавляя раздражение, ответил д’Агоста. – Я хотел бы задать вам несколько вопросов о человеке, который раньше жил в этом пакгаузе. О Каваките.

– Так вот, выходит, как его звали. Чудной был парень, надо сказать.

Киртсема вывел д’Агосту из прохода между зданиями и открыл свою собственную черную металлическую дверь. Переступив через порог, д’Агоста оказался в очередном просторном складском помещении, выкрашенном, однако, белоснежной краской. Вдоль стен были расставлены заполненные разнообразным мусором и удивительным образом изуродованные металлические банки. В углу виднелась сухая пальма, а в центре зала с потолка пучками свисали черные шнуры, похожие на какие-то кошмарные инопланетные заросли. В глубине помещения виднелись койка, умывальник, электрическая плита и унитаз. Никаких других удобств здесь не наблюдалось.

– А что это такое? – спросил д’Агоста, прикасаясь к шнурам.

– Не трогайте, ради всего святого! – Для того чтобы ликвидировать последствия прикосновения, Киртсема едва не оттолкнул лейтенанта от странных зарослей. – К ним ни в коем случае нельзя прикасаться.

Д'Агоста отступил в сторону:

– Что это? Какой-то эксперимент?

– Нет. Перед вами искусственная среда. Воспроизведение в Нью-Йорке древних джунглей, которые являются нашей общей прародиной.

Д'Агоста тупо смотрел на шнуры.

– Значит, это произведение искусства? И кто же на него здесь смотрит?

– Это концептуальное искусство, – раздраженно пояснил Киртсема. – На него никто не смотрит. Оно не предназначено для обозрения. Достаточно того, что оно существует. Шнуры, свисая пучками, никогда не соприкасаются, так же как человеческие существа, обитая рядом друг с другом, остаются в одиночестве. Мы одиноки и пребываем в невидимом мире. Точно так же, как сами мы невидимками плывем через космический океан. Как сказал Деррида: «Искусство есть то, что искусством не является», и это означает…

– Вы знаете, что его звали Грегори?

– Жаком. Жак Деррида. Никакой он не Грегори.

– Я говорю о человеке, который был вашим соседом.

– Как я уже сказал, мне его имя было неизвестно. Я избегал его как чумы. Догадываюсь. Вы появились в результате моих жалоб.

– Жалоб?

– Да. Я звонил и звонил. На пару звонков они среагировали, а затем являться перестали. – Киртсема вдруг растерянно поморгал и продолжил: – Постойте. Ведь вы из отдела расследования убийств. Этот мужик кого-нибудь прикончил?

Д'Агоста не ответил. Он достал из кармана пиджака блокнот и попросил:

– Расскажите мне о нем.

– Он переехал сюда два года назад. Может, чуть меньше. Поначалу вел себя очень тихо. Затем начали прибывать грузовики, и в его гнездо потащили всякие ящики и коробки. После этого и начался шум. И всегда ночью. Стуки, глухие удары, чмоканье насосов. А вонь… – Киртсема с отвращением сморщил нос. – Как будто он жег что-то ужасно едкое. Он замазал окна изнутри черной краской, но одно как-то разбилось, и я заглянул внутрь, пока он не вставил новое. – Зеленоголовый

ухмыльнулся. – Странная картина. Микроскопы, большие стеклянные реторты, в которых что-то кипело, здоровенные металлические боксы, на которых мигали огоньки, аквариумы…

– Аквариумы?

– Аквариумы. Один на другом. Множество рядов. Очень емкие, а внутри – водоросли. Ежу понятно, что он был каким-то ученым. – Слово «ученый» Киртсема произнес с заметным отвращением. – Прозектор. Редукционист. Я же, сержант, исповедую холистические взгляды.

– Понимаю.

– Потом в один прекрасный день здесь появились люди из электрической компании. Сказали, что им надо провести линию высокого напряжения в его жилье, или что-то в этом роде. И они отключили у меня электричество на два дня. Два дня! Но жаловаться в «Кон Эдисон» бессмысленно. Дегуманизировавшиеся бюрократы!

– Были ли у него посетители? – спросил д'Агоста. – Или друзья?

– Посетители! – фыркнул Киртсема. – Это и стало последней каплей. К нему начали приходить люди. Всегда по ночам. Они стучали по-особенному. Своего рода сигнал. Вот тогда я в первый раз и позвонил копам. Я знал, что здесь проистекает нечто зловещее. Возможно, наркотики. Копы пришли, посмотрели, заявили, что все законно, и удалились. – Он с горечью покачал головой. – Так все и продолжалось. Я продолжал звонить копам, жалуясь на шум и вонь, но после второго посещения они больше сюда не являлись. А потом, примерно год назад, парень появился у моих дверей. Он ничего не сказал, не угрожал. Это было около восьми вечера.

– Чего же он хотел? – поинтересовался д'Агоста.

– Не знаю. Думаю, он хотел спросить, почему я натравливаю на него копов. Ну и нагнал же он на меня страху! Был сентябрь и стояла страшная жара, а на этом типе было толстенное пальто с огромным капюшоном. Он стоял в тени, и я не видел его лица. Он спросил из темноты, можно ли войти в дом, на что я ответил – конечно, нет. И это весь разговор, сержант. Не мог же я захлопнуть дверь перед его носом.

– Лейтенант, – машинально поправил его д'Агоста, делая записи в блокноте.

– Какая разница? Я не очень верю в разного рода ярлыки. «Человеческое существо» – вот тот единственный ярлык, который я уважаю. – «Зеленый череп» горделиво дернулся, как бы подчеркивая значение последних слов.

Д’Агоста продолжал делать записи. То, что говорил зеленоголовый, было совсем не похоже на того Кавакиту, которого он встретил в кабинете профессора Фрока после катастрофы на презентации выставки «Суеверия». Лейтенант порылся в памяти, стараясь припомнить все, что знал об ученом.

– Не могли бы вы описать его голос? – спросил он.

– Конечно. Очень низкий и шепелявый.

– Какой-нибудь акцент? – помрачнел д’Агоста.

– Нет. Но шепелявость такая сильная, что и передать невозможно. Как будто он говорит на кастильском наречии. Хотя это точно был английский, а не испанский.

Д’Агоста сделал пометку: «Не забыть спросить Пендергаста, что такое „кастильское наречие“.

– Когда он отсюда съехал и почему?

– Через пару недель после того, как постучал в мою дверь. Наверное, в октябре. Как-то ночью я услышал, как подкатили два девятиосных трейлера. В этом не было ничего необычного. Но на этот раз они грузили все его барахло, чтобы перевезти на другое место. Когда я в полдень встал с постели, то увидел, что его жилье полностью опустело. Они даже смыли черную краску с окон.

– В полдень? – уточнил д’Агоста.

– Обычно я сплю с пяти утра до полудня. Я не раб физической системы Земля – Луна, сержант. Мне плевать на период их обращения.

– Не обратили ли вы внимания на то, что было изображено на грузовиках? Эмблема, может быть, название фирмы?

Киртсема помолчал, пожевал губами и наконец ответил:

– Да. Обратил. Фирма «Точные научные перевозки».

Д’Агоста поднял глаза на уже немолодого человека с зеленым черепом и спросил:

– Вы уверены?

– Абсолютно.

Д’Агоста ему поверил. Имея такой вид, парень и гроша ломаного не стоил бы в качестве свидетеля на суде. Но в наблюдательности ему не откажешь. А может быть, в чрезмерном любопытстве.

– Больше ничего не желаете добавить?

– Желаю, – кивнул «Зеленый череп». – После того как он сюда переехал, вырубились все уличные фонари, и они до сих пор не горят. Мне кажется, это он с ними что-то сотворил, хотя и не знаю, что именно. Я позвонил в «Кон Эдисон», но эти безликие роботы, находящиеся на службе корпорации, как обычно, ничего не сделали. А вот если вы случайно забудете заплатить по счету…

– Благодарю за помощь, мистер Киртсема, – остановил его д'Агоста. – Если вам что-то еще придет на ум, позвоните. – Он закрыл блокнот, сунул его в карман и повернулся, чтобы уйти.

У дверей полицейский задержался и, окинув взглядом пакгауз, сказал:

– Вы заявили, что вас несколько раз грабили. Что они у вас забрали? Честно говоря, отсюда мало что можно унести. – Лейтенант еще раз оглядел огромный склад.

– Идеи, сержант! – воскликнул Киртсема, горделиво подняв голову и выставив вперед челюсть. – Материальные объекты – ничто! Лишь идеи являют собой непреходящую ценность. Посмотрите вокруг себя. Где еще вам приходилось видеть такое количество гениальных идей?!

28

В ентиляционный пункт номер двенадцать, похожий на устрашающих размеров дымовую трубу из кирпича и ржавого металла, тянулся на две сотни футов в небо на Тридцать восьмой улице неподалеку от входа в Тоннель Линкольна.

К огромному сооружению, почти у самой его вершины, охватив желтое тело трубы похожими на клешни скрепами, прилепилась металлическая кабина наблюдателя. Пендергаст взбирался по ступеням отвесной металлической лестницы, и кабина находилась точно над его головой. Лестница была прикреплена к трубе со стороны реки, и некоторые крепежные болты давно вывалились из гнезд. Пендергаст видел сквозь металлические ступени, как внизу, под ногами, в устье тоннеля вливается нескончаемый поток машин.

Добравшись до кабины, Пендергаст заметил в нижней ее части нечто вроде люка с рукояткой штурвального типа. Такие рукоятки, насколько он знал, устанавливаются на герметических люках подводных лодок. На двери было начертано:

УПРАВЛЕНИЕ НЬЮ-ЙОРКСКОГО ПОРТА.

Рев в трубе весьма сильно смахивал на шум реактивного двигателя, и Пендергасту пришлось как следует побарабанить в крышку люка, прежде чем ее подняли изнутри.

Спецагент взобрался в крошечное помещение с металлическими стенами и принялся отряхивать костюм, невысокий человечек в клетчатой рубашке и рабочем комбинезоне тем временем закрывал люк. Кабина наблюдателя тремя своими сторонами выходила на Гудзон, устье тоннеля и массивное здание подстанции, компрессоры которой высасывали загазованный воздух из тоннеля и гнали его в вентиляционные шахты. Наклонив голову и вытянув шею, Пендергаст мог рассмотреть вращающиеся прямо под ним турбины фильтрационной системы.

Человек в клетчатой рубашке отошел от люка и сел на табурет рядом с небольшим чертежным столом. В крошечной, забитой приборами комнате никакой другой мебели не было. Пендергаст видел, как шевелятся губы человека, но ни единого слова не долетало до его ушей: все заглушало гудение находящейся рядом вентиляционной трубы.

– Что? – прокричал Пендергаст, подойдя ближе.

– Удостоверение! – выкрикнул в ответ человек. – Они сказали, что у вас будет удостоверение личности!

Пендергаст полез во внутренний карман пиджака и извлек оттуда карточку агента ФБР. Хозяин помещения внимательно изучил документ.

– Вы – мистер Альберт Даймонд, не так ли? – спросил Пендергаст.

– Просто Ал. – Человек в клетчатой рубашке небрежно махнул рукой.

– Я слышал, что вы эксперт во всем, что касается подземного Нью-Йорка. Вы тот инженер, с которым всегда консультируются по всем вопросам, начиная со строительства новых линий подземки и кончая ремонтом газовых магистралей.

Даймонд посмотрел на Пендергаста.

– Похоже, что так, – наконец ответил он.

– Когда вы последний раз спускались под землю?

Даймонд поднял кулак, разжал его. Снова сжал. Снова разжал.

– Десять? – спросил Пендергаст. – Десять месяцев тому назад?

Даймонд отрицательно покачал головой.

– Лет?

Даймонд кивнул.

– Почему так давно?

– Устал. Попросился на эту работу.

– Попросились? Любопытный подбор занятий. Дальше от подземелья просто невозможно. Если, конечно, не лететь на самолете. Вы это сделали намеренно?

Даймонд пожал плечами, не подтверждая, но и не опровергая.

– Мне нужны кое-какие сведения! – прокричал Пендергаст. В наблюдательной кабине было слишком шумно для того, чтобы продолжать светскую беседу.

Даймонд кивнул, а бугор на его щеке неторопливо двинулся в направлении верхних десен.

– Расскажите мне о Чердаке дьявола.

Вздутие на верхней губе прекратило движение. Даймонд заерзал на табурете, но не произнес ни слова.

– Мне сказали, что под Центральным парком имеется один особенно глубокий уровень тоннелей, – продолжал Пендергаст. – И этот уровень назвали Чердаком дьявола. Однако я не нашел об этих тоннелях никакого официального упоминания, во всяком случае, под таким названием.

– Чердак дьявола? – с превеликой неохотой переспросил Даймонд, уставившись в пол.

– Вам известно о существовании такого места?

Даймонд запустил руку в карман комбинезона и извлек на свет небольшую фляжку – видимо, не с водой. Сделав большой глоток, он убрал фляжку в карман, не предложив гостю. Затем Даймонд что-то произнес. Что именно, Пендергаст из-за шума не расслышал.

– Что?! – спросил он, придвигаясь ближе.

– Я сказал, что знаю о нем.

– Расскажите, пожалуйста.

Даймонд отвернулся и устремил взор через реку на нью-джерсийский берег.

– Эти богатые мерзавцы, – произнес он.

– Простите, не понял.

– Богатые мерзавцы не желали соприкасаться с рабочим классом.

– Все же я не понимаю.

– Железнодорожные тоннели! – взорвался Даймонд. – Они построили себе частную железнодорожную линию. От Пелхама под парком, под отелем «Никербокер» до самых особняков на Пятой авеню. Роскошные подземные станции и залы ожидания. Тоннели диаметром девять ярдов.

– Но почему так глубоко?

Даймонд в первый раз позволил себе ухмыльнуться.

– Геология, – сказал он. – Их тоннели должны были проходить ниже существовавших железнодорожных путей и ранних линий подземки. Но под ними лежали слои навозняка.

– Слои чего? – переспросил Пендергаст.

– Рыхлого алеврита докембрийского периода. Мы называем его навозняком. Через навозняк можно прокладывать водопровод и канализацию, но только не железнодорожные тоннели. Поэтому они были вынуждены уйти вглубь. Ваш Чердак дьявола находится на глубине в тридцать этажей.

– Но с какой целью они это сделали?

– С какой целью, спрашиваете? – Даймонд недоуменно смотрел на Пендергаста. – Неужели не ясно? Эти вонючки не желали быть рядом с простыми людьми и не хотели делить семафоры с обычными поездами. Через тоннели глубокого заложения они могли выехать из города, подняться на поверхность где-нибудь около Кротона и продолжать путь. Никаких задержек, никакого простого народа.

– Но это не объясняет, почему нигде официально не упоминается о существовании этих тоннелей.

– Чтобы их построить, требовалась уйма денег, и не все они поступили из карманов нефтяных баронов. Пришлось полагаться и на милость мэрии. Такого рода строительства не документируются. – Даймонд потер пальцем кончик носа.

– Почему их забросили?

– Оказалось, что тоннели невозможно поддерживать в рабочем состоянии. Поскольку они были пробиты под канализационными и сточными системами, их постоянно заливало. Кроме того, там случались выбросы метана и скапливалась окись углерода. Люди называют ее угарным газом.

– Понимаю, – кивнул Пендергаст. – Тяжелый газ стекает вниз.

– Они потратили миллионы на эти чертовы тоннели. Подземные вокзалы просуществовали два года до великого наводнения девяносто

восьмого. Насосы тогда не справились, и сооружение наполовину залило фекальными стоками. Поэтому все входы и выходы просто заложили кирпичом, оставив под землей машины и оборудование.

Даймонд замолчал, а кабину снова заполнил рев вентиляционной трубы.

– Существуют ли планы тоннелей? – спросил Пендергаст.

– Планы? – закатил глаза Даймонд. – Я искал их больше двадцати лет. Никаких карт не существует. Все, что мне известно, я почерпнул из разговоров со стариками.

– Вы спускались туда? – задал очередной вопрос Пендергаст.

Даймонд вздрогнул и после довольно продолжительного молчания едва заметно кивнул.

– Не могли бы вы начертить мне схему?

Даймонд ничего не ответил.

– Любая помощь с вашей стороны будет высоко оценена, – встав рядом с инженером, произнес Пендергаст, поглаживая лацкан пиджака. Когда агент ФБР отвел руку от груди, в его пальцах вдруг оказалась стодолларовая банкнота.

Даймонд в задумчивости уставился на бумажку. Затем взял ее, сложил в несколько раз и затолкал в карман. После этого, повернувшись к чертежному столу, он умелой рукой начал набрасывать план на листке желтой миллиметровки. Вскоре на бумаге начала вырисовываться сложная система тоннелей.

Ал Даймонд выпрямился.

– Это самое большее, что я могу сделать. Вот то место, через которое я туда проник. Большая часть тоннелей к югу от парка залита бетоном, а те, что к северу, обвалились уже много лет назад. Поэтому прежде всего вам следует добраться до Бутылочного горлышка. Шагайте по вентиляционному тоннелю от того места, где он пересекается с двадцатичетырехдюймовой магистральной водопроводной линией.

– «Бутылочное горлышко»? – переспросил Пендергаст.

Даймонд кивнул, потирая нос грязным пальцем.

– Через основные породы под парком проходит горизонтальный пласт сверхтвердого гранита. Чтобы сэкономить время и динамит, трубоукладчики еще давно прорубили в граните одну большую дыру, и все необходимое тащили вниз через нее. Тоннели Астора лежат как раз

под Горлышком. Насколько мне известно, это единственный доступный к ним с юга путь. Если вы, конечно, не пожелаете воспользоваться гидрокостюмом.

Пендергаст взял схему и, оглядевшись по сторонам, проговорил:

– Благодарю вас, мистер Даймонд. Не испытываете ли вы, случаем, желания спуститься вниз, чтобы более тщательно изучить Чердак дьявола? За соответствующее вознаграждение, естественно.

Даймонд надолго прильнул к своей фляжке. Затем вытер губы и ответил:

– Ни за какие деньги в мире я туда больше не вернусь.

Пендергаст понимающе наклонил голову.

– Да, и еще кое-что, – добавил Даймонд. – Не называйте эти места Чердаком дьявола. Так о них говорят лишь кроты. Вы же направляетесь в Тоннели Астора. Идея их строительства возникла у миссис Астор. Как говорят, именно она заставила своего мужа построить первую станцию под их особняком на Пятой авеню. Оттуда все и пошло.

– Как же возникло название «Чердак дьявола»? – спросил Пендергаст.

– Не знаю, – грустно улыбнулся Даймонд. – Но кое-какие соображения на этот счет у меня есть. Представьте себе тоннели на глубине тридцатиэтажного дома. На стенах огромные мозаичные картины. Представьте себе залы ожидания, украшенные зеркалами и витражами, обставленные роскошной мебелью. Представьте себе гидравлические лифты, паркетные полы и тяжелые драпировки. И представьте, наконец, как все это может выглядеть, простояв сто лет, после потопа из дерьма. – Он уселся и, глядя на Пендергаста, закончил: – Не знаю, как вам, а мне все это представляется чердаком самого Ада.

29

В естсайдская сортировочная, расположенная на самом западном краю Манхэттена, пребывала в запустении. Эти семьдесят пять акров – самый большой после Центрального парка незастроенный участок земли на острове – оставались практически неизвестными для миллионов живущих или работающих поблизости от него ньюйоркцев. Станция, бывшая в начале века сердцем процветающей коммерции, теперь находилась в полном упадке. Ржавые рельсы тонули в лопухах, заброшенные и испещренные граффити пакгаузы разваливались и ветшали.

Два десятилетия эта земля была объектом судебных исков, политических манипуляций, несбыточных планов и местом бесчисленных банкротств. Арендаторы постепенно бросали склады, и их

место занимали бездомные. В одном из углов железнодорожного двора стояло несколько неуклюжих грязных сооружений из листов фанеры и жести. Рядом виднелись вызывающие жалость огородики, поросшие одичавшим горохом и листьями кабачков.

Марго стояла между двумя заброшенными железнодорожными строениями на месте сгоревшего склада. Пожар случился четыре месяца назад, и огонь, судя по всему, полыхал что надо. От склада остались лишь искореженные двутавровые балки да невысокие стены из шлакобетона. Цементный пол под ногами был по щиколотку усыпан обгорелыми обломками и обугленным гравием. В одном из углов виднелось то, что осталось от нескольких металлических столов. На почерневших столешницах стояли искореженные приборы и оплавленная химическая посуда. Марго осмотрелась, прикрыв глаза ладонью от низкого предзакатного солнца. В громоздких металлических шкафах находились какие-то электрические машины. Шкафы расплавились, и их содержимое – масса проводов и распределительные коробки – вывалилось наружу. Все вокруг было пропитано ядовитым запахом жженого пластика и гудрона.

– Ну и что вы думаете? – спросил появившийся рядом с ней д’Агоста.

– Вы уверены, что это место было последним жильем Грега? – покачав головой, в свою очередь, спросила она.

– Это подтвердила транспортная компания. Время пожара приблизительно совпадает со временем его смерти. Сомнительно, чтобы он отсюда куда-нибудь переезжал. Но при расчетах с «Кон Эдисон» и «Нью-Йорк-телефон» он пользовался вымышленным именем, так что быть уверенными до конца мы не можем.

– Вымышленное имя? – Марго продолжала осматривать сгоревший склад. – Интересно, его убили до пожара или после?

– Меня это интересует даже больше, чем вас, – проговорил д’Агоста.

– Похоже, у него здесь была какая-то лаборатория.

– Это даже я понял, – кивнул д’Агоста. – Ведь Кавакита был ученым. Вроде вас, наверное?

– Не совсем. Грег увлекался генетикой и биоэволюцией. Я же специализируюсь в области антропологической фармакологии.

– Не важно. Суть в том, *что* это за лаборатория.

– Трудно сказать. Прежде всего хотелось бы больше узнать о стоящих в углу машинах. Еще я хочу сделать схему размещения расплавленного

стекла на столах. Это позволит нам уяснить, какие процессы там проходили.

– Итак? – Лейтенант вопросительно посмотрел, глядя на нее.

– Что «итак»? – уточнила Марго.

– Вы этим займетесь?

– Но почему я? В управлении полиции наверняка есть специалисты и…

– Управление полиции это не интересует, – прервал ее д’Агоста. – На убийство Кавакиты там плевать хотели. Оно их занимает меньше, чем нарушения правил уличного движения.

Марго в изумлении посмотрела на д’Агосту.

– Начальству безразлично, что произошло с Кавакитой и чем он занимался перед смертью. Они считают, что парень стал всего-навсего очередной случайной жертвой. Так же, как Брамбелл.

– Но вы-то так не считаете? Ведь вы думаете, что он каким-то образом связан с этими убийствами, разве нет?

Д’Агоста достал из кармана платок и вытер вспотевший лоб.

– Не знаю, черт побери! Однако этот ваш Кавакита занимался чем-то необычным. И я хочу знать – чем. Вы были с ним знакомы, верно?

– Да, – кивнула Марго.

– Я встречался с ним только один раз, на прощальной вечеринке, которую Фрок устроил для Пендергаста. Что он собой представлял?

Марго задумалась.

– Блестящий ученый. Просто великолепный, – наконец сказала она.

– Что он представлял собой как личность?

– Грег слыл не самым приятным человеком среди работников музея… – Марго тщательно подбирала слова. – Он был… безжалостным, если можно так выразиться. Грег тогда казался мне человеком, готовым пойти на все ради своей карьеры. Он не сотрудничал ни с одним из нас и, кажется, не доверял никому, кто мог бы… – Она неожиданно замолчала.

– Да?

– Неужели это так необходимо? Терпеть не могу говорить о людях, которые не способны выступить в свою защиту!

– Именно в таких случаях и следует говорить. Мог ли он в силу своего характера оказаться втянутым в преступную деятельность?

– Абсолютно исключено. Я не всегда разделяла его этические взгляды: он был из тех, кто ставит науку выше общечеловеческих ценностей, но преступником он быть не мог. – Немного помявшись, Марго добавила: – Он пытался разыскать меня некоторое время назад. Примерно за месяц до смерти.

– Не знаете, с какой целью? Не похоже, чтобы вы были друзьями.

– Близкими друзьями – нет. Но оставались добрыми коллегами. Если Грег оказался в трудном положении… – По ее лицу пробежала тень. – Может быть, я могла бы ему помочь. Я же просто-напросто игнорировала его звонок.

– Кто знает, что было бы? Однако в любом случае, если у вас найдется время покопаться здесь, постарайтесь понять, чем он занимался. Я был бы вам очень признателен.

Марго не знала, что делать, а д’Агоста, пристально поглядев на нее, негромко сказал:

– И кто знает, может быть, это успокоит тех маленьких демонов, что поселились в вашей душе.

«Очень точный подбор слов», – подумала Марго. Да, он действительно желает ей добра. «Лейтенант д’Агоста – народный психолог. Сейчас он скажет, что осмотр территории поможет мне освободиться от навязчивых идей».

Марго несколько долгих минут смотрела на обгоревшие развалины и наконец кивнула:

– О’кей, лейтенант.

– Может быть, хотите, чтобы я вызвал фотографа сделать пару снимков?

– Позже. Сейчас я предпочла бы кое-что зарисовать.

– Само собой. – Д’Агоста все никак не мог успокоиться.

– Вы можете уйти, – сказала Марго. – Вам здесь вовсе не обязательно болтаться.

– Ни за что, – замотал головой д’Агоста. – После того, что случилось с Брамбеллом.

– Лейтенант…

– Мне так или иначе надо задержаться, чтобы собрать образцы золы на предмет выявления катализаторов возгорания. Я не стану вам мешать.

Марго вздохнула, достала из своей объемистой сумки блокнот и возобновила осмотр разрушенной лаборатории. Это было ужасное место. Казалось, все вокруг бросает ей молчаливое обвинение. «Ты могла что-то сделать. Грег искал у тебя помощи. Возможно, что все кончилось бы по-иному».

Она тряхнула головой, прогоняя неприятные мысли. Чувство вины не поможет. Кроме того, это единственный способ понять, что же произошло с Грегом. Не исключено, что д'Агоста прав. Единственный способ избавиться от кошмара – внимательно изучить пожарище. Вдобавок ко всему она может сбежать из лаборатории судебной антропологии, которая чем дальше, тем больше походит на покойницкую. В среду из судебно-медицинского управления города Нью-Йорка прибыло тело Биттермана, что вызвало новую серию вопросов. Следы на шейных позвонках указывали на то, что голову отделили от тела каким-то грубым орудием, похожим на примитивный нож. Характер разрезов говорил, что убийца – или убийцы – действовал весьма торопливо.

Марго быстро набросала в блокноте контуры лаборатории, указав примерную длину стен и грубо отобразив размещение столов и превратившегося в шлак оборудования. В каждой лаборатории существует определенная технологическая цепочка, указывающая на характер исследования. В то время как оборудование говорит об общем характере деятельности, технологическая цепочка проливает свет на ее специфический характер.

Закончив общий набросок, Марго перешла к металлическим столам, которые относительно неплохо выдержали воздействие пламени и высокую температуру. Изобразив каждый стол в виде прямоугольника, она стала наносить на свой чертеж расположение оплавившихся реторт, колб, титровальных трубок, мензурок и прочих объектов, назначение которых определить было невозможно. Это было сложное многоцелевое оборудование, предназначенное для каких-то тонких биохимических исследований. Но каких?

Марго выпрямилась, чтобы вдохнуть солоноватый воздух с Гудзона, слегка сдобренный запахом горелой проводки, и перешла к изучению расплавленных машин. Судя по коробам из нержавеющей стали, остаткам панелей и вакуумных флюоресцентных дисплеев, это было весьма дорогостоящее оборудование.

Она начала с самой большой машины. Металлический кожух был разворочен, потроха свисали наружу. Марго слегка толкнула махину ногой, и та с громким скрежетом завалилась. И в этот момент она всем

своим существом ощутила, насколько они одиноки в этом заброшенном месте. За железнодорожным двором, на противоположном берегу реки солнце опускалось за палисады Нью-Джерси. Над остатками старых пирсов, выступающих в Гудзон подобно культям ампутированных конечностей, пронзительно кричали чайки. За пределами сортировочной заканчивался радостный летний день. Здесь же, в этом гиблом, заброшенном месте никакой радости не было. Марго глядела на д'Агосту, который, закончив сбор образцов, смотрел на реку, скрестив руки на груди. Теперь она уже была рада, что лейтенант настоял на своем и остался.

Марго склонилась над машиной, посмеиваясь в глубине души над своей нервозностью. Внимательно осмотрев искореженные останки, она обнаружила то, что искала. Из груды изувеченного, серого металла она извлекла небольшую пластинку и осторожно стерла с нее нагар. Теперь можно было разобрать надпись:

Генетическое оборудование Уэстрели.

Тут же находился и товарный знак

Г.О.У.

Ниже на металле можно было прочесть:

Универсальный анализатор ДНК компании Г.О.У.

Марго скопировала название в блокнот.

В дальнем углу лаборатории она обнаружила небольшой расплавленный прибор, существенно отличающийся от всех остальных. Марго тщательно разложила его по частям, чтобы определить, что перед ней. Прибор походил на чрезвычайно сложный органический синтезатор, снабженный устройствами для сепарации частиц, дистилляции и поддержания равновесия диффузионных градиентов, а также электрическими узлами низкого напряжения. Ближе к основанию, там, где жар был не столь сильным, Марго обнаружила осколки нескольких колб Эрленмеера. Судя по остаткам надписей на матовом стекле, они содержали самые обычные лабораторные химикалии. Правда, один фрагмент надписи она не поняла:

Активированный 7 – дегидрохоле...

Марго повертела осколок в руках – название вещества казалось ей страшно знакомым. Так ничего и не придумав, она положила стеклышко в сумку. Ответ можно будет найти в «энциклопедии органической химии», которой располагала лаборатория.

Рядом с аппаратом валялись остатки тонкой записной книжки. Она сгорела практически вся, осталось лишь несколько обуглившихся листков. Когда Марго подняла блокнот, почерневшие странички начали рассыпаться у нее в руках. Она аккуратно выбрала все более или менее сохранившиеся листки, сложила их в конверт и сунула в сумку.

Через пятнадцать минут, разобравшись с оборудованием, она пришла к заключению, что имеет дело с генетической лабораторией экстра-класса. Марго ежедневно работала с подобной аппаратурой и могла оценить примерную стоимость сгоревшего оборудования. Все это хозяйство обошлось Каваките не менее чем в полмиллиона долларов.

Где Грег сумел раздобыть такую уйму баксов? И что, черт подери, он здесь творил?

Шагая по цементному полу и делая на ходу заметки в блокноте, Марго краем глаза заметила нечто странное. Среди куч обгоревшего оборудования с вкраплениями расплавленного стекла виднелось нечто похожее на лужи грязи, спекшейся от пламени пожара в цемент. Лужи грязи были окаймлены мелким гравием. Таких сгустков Марго насчитала пять.

Она присела, чтобы более внимательно все это изучить. В центре зацементировавшейся грязи Марго заметила металлический предмет размером с кулак. Достав из сумки перочинный нож, она выковырнула странный объект и очистила его от слоя цемента. На металлической поверхности обнаружилась надпись:

Минни Ариум Суппл.

Марго недоуменно повертела предмет в руках. И тут до нее дошло: аквариумный воздушный насос.

Она выпрямилась, не сводя глаз с пяти идентичных цементных вкраплений, расположившихся вдоль бывшей стены лаборатории. Гравий, разбитое стекло… Это были аквариумы. И судя по всему, весьма объемистые. Но какой смысл в аквариумах, заполненных жидкой грязью?

Марго опустилась на колени и с помощью ножа принялась расковыривать ближайшую запекшуюся массу. Масса, как цемент, раскололась на куски. Марго перевернула один из кусков и с удивлением обнаружила корни и часть стебля. От огня растение спас слой покрывавшего его ила. Перочинный нож был мало пригоден для такой работы, но Марго все же тщательно очистила растение от наслоений грязи и подняла его, чтобы как следует рассмотреть в угасающем свете дня.

Внезапно она отшвырнула растение и, словно обжегшись, отдернула руку. Правда, через несколько мгновений Марго снова подняла свою находку и принялась изучать ее более внимательно. Сердце готово было выскочить из груди. «Это невозможно», – думала она.

Она знала это растение и знала его очень хорошо. Вид упругого волокнистого стебля и отвратительных узловатых корней вновь вернул ее в то время, когда она сидела в безлюдной лаборатории генетики, прильнув к окулярам микроскопа. Это было всего за несколько часов до открытия в музее выставки «Суеверия». Она изучала редкое растение из Амазонии – то самое, которое так отчаянно жаждал Мбвун. Именно это растение использовал Уиттлси в качестве прокладочного материала при отправке в музей ящиков с артефактами из верховьев реки Шингу. Считалось, что этот вид флоры перестал существовать. Ареал его обитания был стерт с лица земли, а все те растения, что оставались в музее, подверглись уничтожению, после того как Мбвун, Музейный зверь, был убит.

Марго поднялась и стряхнула пыль с колен. Грег Кавакита каким-то образом раздобыл растение и стал выращивать его в аквариумах.

Но зачем? С какой целью?

И в этот момент ей в голову пришла ужасная мысль. Но Марго поспешно отбросила ее. Грег не мог кормить растениями второго Мбвуна. Его просто не существовало.

А может быть, он все-таки существовал?

– Лейтенант, – окликнула она д'Агосту, – знаете, что это такое?

– Понятия не имею, – ответил д'Агоста, подходя к ней.

– Liliceae mbwunensis. Лилия Мбвуна.

– Вы ведь надо мной издеваетесь, да?

– Хорошо бы, если б так, – покачала головой Марго.

Они стояли молча, а солнце, опускаясь за палисады, заливало далекие дома на том берегу реки косыми лучами. Прежде чем положить растение в сумку, Марго взглянула на него еще раз и увидела то, что не заметила вначале. Чуть выше корня, на ксилеме виднелся небольшой шрам в виде двойной буквы V – след прививки. Насколько она знала, это могло означать одно из двух.

Попытку тривиальной гибридизации.

Или же сложнейший эксперимент в области инженерной генетики.

Х ейворд резко распахнула дверь и, давясь остатками ленча, состоящего из сандвичей с тунцом, выпалила:

– Звонил капитан Уокси. Требует, чтобы вы немедленно явились в следственную часть. Они его взяли.

Д'Агоста нехотя оторвался от карты, утыканной булавками, обозначающими места гибели или исчезновения людей. Карту лейтенант раздобыл взамен той, что утащил у него Уокси.

– Взяли кого?

– Его. Человека, подражающего Музейному зверю, кого еще? – Она широко ухмылялась, даже не пытаясь скрыть сарказма.

– Ничего себе! – Д'Агоста мгновенно оказался у дверей, стянул с вешалки пиджак и поспешно натянул его на себя.

– Отловили на Променаде, – поясняла Хейворд, пока они шли к лифтам. – Кто-то из наших, находясь на дежурстве, услышал возню и пошел проверить. Этот парень только что зарезал бродягу и, видимо, готовился отрезать ему голову.

– Как они это вычислили?

– Спросите капитана Уокси, – пожала плечами Хейворд.

– А нож?

– Типичная самоделка. Очень грубая работа. Как раз то, что они искали. – В голосе Хейворд звучало сомнение.

Двери лифта открылись, и из кабины выступил Пендергаст. Увидев д'Агосту и Хейворд, он вопросительно поднял брови.

– В следственной части сидит убийца, – сказал д'Агоста. – Уокси желает меня видеть.

– Неужели? – Агент ФБР вслед за полицейскими вошел в лифт и нажал кнопку второго этажа. – Что же, пойдем посмотрим. Любопытно, что за рыбку выудил наш рыбак Уокси.

Зона допросов следственной части полицейского управления являла собой ряд унылых, выкрашенных в серый цвет кабинетов со шлакобетонными стенами и металлическими дверями. Дежурный коп провел их к месту наблюдения за камерой номер девять. Капитан Уокси, развалясь в кресле, наблюдал сквозь поляризованное одностороннее стекло за тем, что происходит в камере. Заслышав шаги, он поднял голову, буркнул что-то д'Агосте, одарил мрачным взглядом Пендергаста и полностью проигнорировал Хейворд.

– Он заговорил? – спросил лейтенант.

– О да, – проворчал Уокси. – Только и делает, что болтает. Но пока мы из его речей не вынесли ничего, кроме ведра навоза. Называет себя Джеффри, а все остальное чушь. Но ничего, скоро мы из него выколотим истину. А пока, я подумал, может быть, ты захочешь задать ему парочку вопросов? – Чувствуя себя триумфатором, Уокси был готов проявить великодушие – впрочем, довольно сильно замешенное на самодовольстве.

Д'Агоста посмотрел сквозь стекло и увидел взлохмаченного типа с безумным взглядом. Быстрое беззвучное движение его губ забавно контрастировало с напряженным, неподвижным телом.

– Значит, это и есть наш парень? – недоверчиво поинтересовался д'Агоста.

– Он самый.

Д'Агоста, не отрывая взгляда от задержанного, сказал:

– Пожалуй, слишком хиловат, чтобы причинить такой большой ущерб.

– А может, его слишком часто пинали; вот он и взбрыкнул, – недовольно возразил Уокси.

Д'Агоста протянул руку и нажал на кнопку микрофона. В то же мгновение из динамика над окном на него обрушился поток сквернословия. Д'Агоста немного послушал и выключил микрофон.

– А как насчет орудия убийства? – спросил он.

– Обыкновенная самоделка, – пожал плечами Уокси. – Кусок стали с деревянной рукояткой. Рукоятка обмотана тряпкой или чем-то вроде этого. Пока сказать трудно: обмотка пропитана кровью. Подождем заключения экспертов.

– Следовательно, сталь, – произнес Пендергаст.

– Сталь, – эхом откликнулся Уокси.

– Не камень?

– Я же сказал, что сталь. Вы сами сможете посмотреть.

– Обязательно посмотрим, – сказал д'Агоста, отходя от смотрового окна. – А пока послушаем, что скажет этот парень.

Лейтенант направился к двери, а Пендергаст безмолвным призраком заскользил следом за ним.

Камера номер девять ничем не отличалась от всех остальных комнат для допросов во всех остальных полицейских участках страны. Посреди комнаты стоял ободранный стол, за дальним торцом стола на стуле с прямой спинкой сидел арестованный. Его руки были стянуты за спиной наручниками. У ближнего торца на одном из нескольких стульев восседал полицейский. Детектив с полнейшим равнодушием воспринимал поток брани, манипулируя кнопками магнитофона. Два вооруженных копа в форме расположились друг против друга у стен камеры. На одной из боковых стен висели две огромные фотографии. На первой – изуродованное тело Николаса Биттермана, распростертое на полу туалета Замка Бельведер, на второй – фото Памелы Вишер, ставшее знаменитым после его публикации в «Пост». Из угла под потолком видеокамера бесстрастно фиксировала все происходящее.

Д’Агоста занял место за столом, вдыхая привычные запахи пота, грязных носков и страха. Уокси вошел следом и осторожно опустил свою тушу на соседний стул. Хейворд встала у двери рядом с полицейским. Пендергаст, войдя последним, закрыл за собой дверь и прислонился к ней, скрестив на груди руки.

Как только открылась дверь, арестант замолчал и уставился на вошедших сквозь свисающие на лоб сальные патлы. Его взгляд на мгновение вспыхнул, задержавшись на Хейворд, а затем равнодушно заскользил по другим.

– Что ты на меня пялишься? – спросил он наконец у д’Агосты.

– Не знаю, – пожал плечами лейтенант. – Может, ты нам что-нибудь расскажешь?

– Отвали!

– Тебе известны твои права? – со вздохом спросил д’Агоста.

– Жирная задница рядом с тобой мне их зачитала. – Арестант показал в ухмылке гнилые зубы. – Я и без адвоката отмажусь.

– Следи за языком! – закричал Уокси, залившись краской ярости.

– Это ты, толстячок, следи за языком. Да и за жирной задницей тоже. – Арестованный закудахтал, а Хейворд даже не потрудилась спрятать усмешку.

«Неужели они все время вели допрос в этом ключе?» – подумал д’Агоста и сказал:

– Расскажи, что случилось в парке.

– Если хочешь, я тебе весь реестр представлю. Во-первых, он занял мое логово. Во-вторых, стал шипеть на меня подобно змее, приползшей из Египта. В-третьих, Господь оказался не на его стороне. В-четвертых…

– Хватит, мы получили представление, – отмахнулся Уокси. – Расскажи нам о других.

Джеффри промолчал.

– Давай-давай, – гнул свое Уокси. – Сколько их было?

– До хрена! – наконец последовал ответ. – Тот, кто на меня шипит, долго не живет. – Арестованный наклонился и тихо добавил: – Поэтому береги свой зад, толстячок, чтобы я не отхватил от него порядочный кусочек.

– Итак, кого же ты еще замочил? – спросил д'Агоста, жестом останавливая Уокси.

– Они узнали, кто я такой! Узнали, что такое Джеффри. О, Джеффри, кот-херувим. Трепещите, когда он выходит на охоту!

– А как насчет Памелы Вишер? – вмешался Уокси. – И не пытайся отрицать, Джеффри.

Морщинки в уголках глаз арестанта вдруг стали заметнее, и он сказал:

– А что отрицать-то? Эти мешки с дерьмом меня не уважали. Все как один. Они сами напросились.

– А что ты делал с их головами? – спросил Уокси.

– Головами? – переспросил арестант. Д'Агосте показалось, что он несколько растерялся.

– Ты слишком глубоко увяз в дерьме Джеффри, чтобы теперь начать отрицать.

– Головами? Да жрал я их котелки! Вот что я с ними делал.

Уокси бросил победный взгляд на д'Агосту и спросил:

– А как ты поступил с парнем в Замке Бельведер? Расскажи нам о Нике Биттермане.

– С этим мы крепко схватились. Сукин сын меня не уважал. Проклятый лицемер. Он был моим недругом.

– Недругом? – переспросил д'Агоста.

– Князем недругов! – театрально прокричал арестант.

– Понимаю, – вдруг сочувственно кивнул Пендергаст. – Вы считаете своим долгом сражаться с силами тьмы, да?

– Да-да! – энергично закивал арестованный.

– При помощи своей электрической кожи?

Арестант замер.

– И своего сверкающего взора? – продолжал Пендергаст.

Он оттолкнулся от дверей и шагнул вперед, внимательно глядя в глаза подозреваемого.

– Кто вы? – прошептал Джеффри, не сводя глаз с Пендергаста.

Пендергаст ответил не сразу. Он сделал еще шаг и, вперясь в Джеффри, произнес:

– Кит Смарт.

Краска мгновенно отхлынула от лица арестованного. Он взирал на Пендергаста, беззвучно шевеля губами. Затем с громким воплем откинулся назад. Толчок был таким сильным, что стул упал на пол. Хейворд и оба полицейских в форме бросились вперед, чтобы удержать бьющееся в конвульсиях тело.

– Боже мой, Пендергаст. Что вы ему сказали? – спросил Уокси, поднимаясь со стула.

– Видимо, то, что требовалось, – ответил агент ФБР и, взглянув на Хейворд, добавил: – Прошу вас, сержант, постарайтесь успокоить его. Думаю, что с этого момента его дело может вести капитан Уокси.

– Итак, кто же он, этот парень? – спросил д’Агоста, когда лифт пошел вверх, в отдел расследования убийств.

– Его имени я не знаю, – ответил Пендергаст, разглаживая на груди галстук. – Но он не Джеффри и не тот человек, которого мы разыскиваем.

– Скажите это капитану Уокси.

– То, чему мы были свидетелями, лейтенант, – почти с нежностью глядя на д’Агосту, сказал Пендергаст, – классический случай параноидальной шизофрении, отягощенной раздвоением личности. Вы заметили, как он становился то одной личностью, то другой. Одна из них – крутой парень, впрочем, выглядевший крайне неубедительно. Вторая – и, без сомнения, более опасная – это убийца. Вы слышали его слова: «Во-вторых, стал

шипеть на меня подобно змее, приползшей из Египта»? А еще: «О, Джеффри, кот-херувим. Трепещите, когда он выходит на охоту».

– Конечно, слышал. Парень заговорил так, словно кто-то только что вручил ему скрижали с десятью заповедями или что-то вроде того.

– Что-то вроде того. Вы правы, его речь по структуре и ритмике стала походить на литературный язык. Я это тоже заметил. А заметив, понял, что он цитирует поэму Кристофера Смарта под названием «Торжествующий Агнец».

– Никогда о таком не слышал.

– Это малоизвестный труд малоизвестного автора, – с легкой улыбкой пояснил Пендергаст. – Однако в ней очень мощно проявляются своеобразные прозрения. Вам стоит ее прочитать. Смарт написал эту поэму, будучи полусумасшедшим и находясь в долговой тюрьме. Как бы то ни было, там имеется обширный пассаж, посвященный его коту по кличке Джофруа. Смарт считает Джофруа своего рода небесным созданием, претерпевшим физическую трансформацию.

– Охотно верю, коли вы так утверждаете. Но какое отношение это все имеет к нашему разговорчивому арестанту?

– Совершенно очевидно, что несчастный отождествляет себя с котом из поэмы.

– С котом? – не веря своим ушам, переспросил д’Агоста.

– Почему бы и нет? Ведь Кит Смарт – подлинный Кит Смарт – определенно так и делал. Кот – исключительно мощный образ метаморфозы. Не сомневаюсь, что бедняга, с которым мы только что встречались, прежде чем впал в безумие, был научным работником или поэтом-неудачником. Да, он действительно убил одного человека – но только тогда, когда их пути пересеклись в неудачный момент. Что же касается остального… – Пендергаст махнул рукой, – …то оно говорит о том, что бедняга не является нашей целью.

– То же говорят и фотографии, – кивнул д’Агоста.

– Всем следователям было известно, что убийца обычно не может отвести взгляда от фотографий своих жертв или артефактов, связанных с преступлением. Насколько мог заметить лейтенант, Джеффри даже ни разу не взглянул в сторону снимков.

– Именно. – Двери лифта с шелестом открылись, и они направились через суету отдела к кабинету д’Агосты. – Это же подтверждается и тем, что убийство, судя по описанию Уокси, не имеет ничего общего с теми молниеносными атаками, жертвой которых становились все остальные.

Так или иначе, но когда я определил существование невротической идентификации Джеффри с персонажем поэмы, вытащить его безумие на поверхность не составило никакого труда.

Пендергаст закрыл за собой дверь кабинета и подождал, пока д’Агоста займет свое место за столом.

– Но оставим в прошлом этот неприятный эпизод, – сказал агент ФБР. – Удалось ли извлечь что-нибудь полезное из перекрестной сверки, которую я предложил провести?

– Я получил результаты только сегодня утром, – ответил д’Агоста, постукивая ногтем по увесистой стопке компьютерных распечаток. – Давайте взглянем. Итак, восемьдесят пять процентов всех жертв – мужчины. Девяносто два процента жили на Манхэттене – некоторые из них временно.

– Меня больше всего интересует, что характерно для всех жертв, – сказал Пендергаст.

– Усек. – После небольшой паузы д’Агоста продолжил: – Все фамилии начинались с букв, отличных от И, С, Ю, Икс и Зэт.

Губы Пендергаста слегка изогнулись, что при желании можно было принять за подобие улыбки.

– Все были старше двенадцати и моложе пятидесяти шести. Ни одна из жертв не появилась на свет в ноябре.

– Продолжайте.

– Кажется, все. – Д’Агоста быстро пробежал взглядом еще несколько страниц. – Нет, еще кое-что. Мы прогнали список через базу данных серийных убийств. Единственная общая черта заключается в том, что ни одно из убийств не совершалось в полнолуние.

– Неужели? – Пендергаст приподнялся со стула. – Это, пожалуй, стоит запомнить. Что еще?

– Все.

– Благодарю вас. – Агент ФБР снова сел на стул и продолжил: – Все это, Винсент, не более чем крупицы золота. Нам нужна информация. Нужны факты. И именно поэтому я больше не имею права ждать.

Д’Агоста вопросительно посмотрел на него:

– Надеюсь, вы не собираетесь снова под землю?

– Разумеется, собираюсь. Если капитан Уокси станет настаивать на том, что этот человек – убийца, все дополнительные патрули будут отозваны.

Бдительность резко снизится. Создадутся условия, существенно облегчающие дальнейшие убийства.

– И куда же вы отправляетесь?

– На Чердак дьявола.

– Да бросьте вы, Пендергаст, – фыркнул д’Агоста. – Вам даже неизвестно, существует ли этот чердак на самом деле, не говоря уж о том, как туда добраться. У вас нет никакой информации, кроме слов того психа.

– В данном случае я считаю, что на слова Мефисто вполне можно положиться, – ответил Пендергаст. – Однако я располагаю сведениями более надежными, чем его слова. Мне удалось побеседовать с Алом Даймондом, городским инженером. Он разъяснил, что так называемый Чердак дьявола есть не что иное, как серия тоннелей, сооруженных на рубеже веков богатейшими семьями Нью-Йорка. Тоннели были призваны служить частными железнодорожными линиями, но через несколько лет эксплуатации оказались заброшенными. Я сумел реконструировать приблизительную схему их расположения. – Взяв со стола маркер, Пендергаст подошел к знаменитой карте с булавками, установил кончик маркера на пересечении Сорок пятой улицы и Парк-авеню и провел линию через Пятую авеню к Площади Великой армии и далее по диагонали через парк к середине Западной улицы Центрального парка. Закончив чертежные работы, спецагент отступил на шаг и горделиво взглянул на д’Агосту.

Д’Агоста молча смотрел на карту. За исключением нескольких точек все красные и белые булавки расположились вдоль линий, начертанных Пендергастом.

– Ни хрена себе! – выдохнул он.

– Весьма точное выражение, – заметил Пендергаст. – Даймонд также сообщил, что входы в тоннели к северу и югу от парка замурованы. Так что придется пробираться под парком.

– Я иду с вами! – Д’Агоста лихорадочно пытался нашарить в столе сигару.

– Простите меня, Винсент, но этого делать не следует. Вы незаменимы здесь, и особенно сейчас, когда бдительность полиции существенно ослабеет. Кроме того, я хотел бы, чтобы вы вместе с Марго выяснили все, что связано с действиями Кавакиты. Нам еще не до конца понятна степень его вовлеченности в это дело. Более того, на сей раз я должен действовать исключительно скрытно. Если мы отправимся вдвоем, это удваивает шансы на провал. Однако я был бы признателен, если бы вы смогли передать в мое распоряжение сержанта Хейворд. Всего на

несколько часов. Ее опыт мог бы принести мне неоценимую пользу во время подготовки к экспедиции.

Д'Агоста, недовольно скривившись, отложил сигару.

– Боже милостивый, Пендергаст, это же длиннющее путешествие, вам там придется остаться на ночь.

– Боюсь, что даже и ночи не хватит, – сказал агент ФБР и положил маркер на стол. – Если вы не получите от меня никаких известий через семьдесят два часа… – Он помолчал, а затем, схватив д'Агосту за руку, с улыбкой закончил: – …то посылать спасательную экспедицию будет просто глупо.

– А как с едой?

Пендергаст изобразил изумление:

– Неужели вы забыли изысканный вкус тоннельного кролика au vin[4] запеченного на открытом огне?

Д'Агоста скорчил гримасу, а Пендергаст усмехнулся:

– Для опасений нет никаких оснований, лейтенант. Я буду прекрасно обеспечен. Пища, карты – все что угодно.

– Это похоже на путешествие к центру земли, – заметил д'Агоста, покачивая головой.

– Именно. Я ощущаю себя исследователем, отправляющимся в неведомые края, населенные неизвестными племенами. Весьма необычно то, что они находятся прямо под твоими ногами. *Cui ci sono dei mostri* , дружище. Будем надеяться, что мне удастся избежать встречи с *dei mostri* . Наш друг Хейворд проводит меня в путь.

Пендергаст некоторое время молчал, погрузившись в свои мысли, затем кивнул д'Агосте и выскочил в коридор – шелковистый ворс его черного пиджака тускло поблескивал в свете флюоресцентных ламп.

Последний из великих путешественников.

31

П ендергаст размашисто шагал по широким ступеням, ведущим в Нью-Йоркскую публичную библиотеку. В руке у него был приличных размеров чемодан из парусины и кожи. Идущая следом за ним Хейворд остановилась, чтобы получше рассмотреть огромных мраморных львов по обе стороны лестницы.

– Не стоит так беспокоиться, сержант, – сказал Пендергаст. – Они уже получили свою дневную порцию пищи. – Несмотря на жару, агент ФБР

был одет в наглухо застегнутый, доходящий почти до щиколоток пыльник оливкового цвета.

Миновав двери, они оказались в приятной прохладе большого полутемного зала. Пендергаст что-то негромко сказал вахтеру, показал свое удостоверение и задал несколько вопросов. Затем кивком пригласил Хейворд следовать за ним в небольшую дверь под лестницей.

– Сержант Хейворд, вы знаете подземный Манхэттен лучше, чем кто-либо, – сказал агент ФБР, когда они оказались в крошечной, обитой кожей кабинке лифта. – Вы уже успели дать мне бесценные советы. Услышу ли я ваше последнее напутствие?

Лифт, заурчав, начал спуск.

– Услышите, – ответила Хейворд. – Не ходите.

– Боюсь, у меня нет выбора, – едва заметно улыбнулся Пендергаст. – Только личная рекогносцировка поможет выяснить, действительно ли Тоннели Астора являются источником всех убийств.

– В таком случае возьмите меня с собой.

– Поверьте, охотно взял бы, если б мог, – покачал головой Пендергаст. – Но главная моя цель – остаться незамеченным. Два человека неизбежно создадут неприемлемый уровень шума.

Лифт замер на самом нижнем уровне Ц-3, и они вышли в темный коридор.

– В таком случае берегите свой зад, – сказала Хейворд. – Большинство кротов бегут под землю для того, чтобы избежать конфликтов, а не затевать их. Но там достаточно много хищников. Наркотики и алкоголь еще больше обостряют ситуацию. Запомните: они видят и слышат лучше, чем вы. И чувствуют себя в тоннелях как дома. Так что, как ни посмотри, вы оказываетесь в незавидном положении.

– Все так, – кивнул Пендергаст. – Поэтому я сделаю все, чтобы уравнять шансы.

Он остановился перед видавшей виды дверью, открыл ее ключом и пригласил Хейворд войти. Вся комната от пола до потолка была уставлена стеллажами с рядами старинных книг. Проходы между стеллажами не превышали и двадцати дюймов. Здесь витали запахи пыли и плесени.

– Что нам здесь нужно? – спросила Хейворд, протискиваясь вслед за Пендергастом между стеллажами.

– Изучив все документы, я пришел к выводу, что это здание имеет наилучшие подходы к Тоннелям Астора. Мне предстоит долгий спуск, и я несколько уклоняюсь к югу от цели своего путешествия, однако минимизация риска, которую я таким образом достигаю, того стоит. – Он остановился, огляделся и, кивнув в сторону узкого прохода, сказал: – А вот и она.

Пендергаст открыл еще более узкую и низкую дверь в дальней стене и провел Хейворд вниз по лестнице в крошечное помещение с голым каменным полом.

– Прямо под нами входная труба, – сказал он. – Построена в 1925 году как часть системы пневматической почты, по которой книги должны были отправляться в Манхэттенскую библиотеку. Строительство остановилось во время Великой депрессии и так и не возобновилось. Тем не менее через эту нору я смогу добраться до тоннеля главного фидера.

Пендергаст поставил чемодан рядом с собой, исследовал в луче карманного фонаря пол и смахнул пыль с крышки старого люка. С помощью Хейворд крышка была поднята, под ней оказалась неширокая, темная, выложенная кафелем труба. Направив луч фонаря в темноту трубы, Пендергаст некоторое время молча изучал предстоящий ему путь. Увиденное его, видимо, вполне удовлетворило. Он поднялся и начал расстегивать пыльник.

Глаза Хейворд широко распахнулись от изумления. Под пыльником на агенте ФБР оказался военный камуфляж в черно-серых пятнах. Молнии и пряжки были изготовлены из черной матовой пластмассы.

– Что, не очень похоже на стандартный? – с улыбкой спросил он. – Обратите внимание на серые тона вместо обычной сепии. Разработан специально для действий в темноте.

Опустившись на колени рядом с чемоданом, он открыл замки и откинул крышку. Из кармана на внутренней стороне крышки он достал тюбик с черной краской военного образца и стал наносить ее себе на лицо. Покончив с этим занятием, Пендергаст извлек из чемодана рулон фетра. Когда спецагент развернул его, Хейворд заметила на ткани несколько карманов.

– Карманный набор для маскировки, – пояснил Пендергаст. – Безопасная бритва, салфетки, зеркало, театральный грим. Моя главная задача на сей раз – остаться незамеченным. У меня нет намерения с кем-либо встречаться, но на всякий случай я решил захватить и это. – Он затолкал тюбик с черной краской в один из карманчиков, скатал фетр и сунул рулон за пазуху. Затем Пендергаст достал из чемодана короткоствольный пистолет, матовая поверхность которого показалась Хейворд скорее пластмассовой, чем металлической.

– А это что за игрушка? – не в силах преодолеть любопытство спросила она.

– Экспериментальный образец, разработанный немецкой фирмой «Anschluss GMBH». Стреляет пулями из композита: керамика и тефлон.

– Намерены поохотиться?

– Вам, наверное, доводилось слышать о моей встрече со зверем, именуемым Мбвун, – ответил Пендергаст. – Главный урок, который я извлек из того рандеву, состоит в том, что надо быть готовым ко всему. Из этого маленького пистолета можно насквозь прошить слона. Вдоль.

– Оружие нападения, – заметила Хейворд. – Полезная штука.

– Позвольте расценивать ваши слова как знак одобрения, – сказал Пендергаст. – Но вы, конечно, понимаете, что оборона может оказаться столь же полезной, как и нападение. И в этой связи я не преминул захватить с собой броню. – Он расстегнул камуфляж и продемонстрировал пуленепробиваемый жилет. Затем Пендергаст снова обратился к чемодану и, достав оттуда черную шапочку из кевлара – синтетического, заменяющего сталь волокна, – натянул ее на голову. Хейворд наблюдала за тем, как спецагент достает из чемодана и рассовывает по карманам разнообразные предметы, включая портативный фильтр для очистки воды. Последними он извлек два тщательно запечатанных пластиковых мешочка. То, что лежало внутри, по виду больше всего напоминало черную подошву.

– Пеммикан, – пояснил Пендергаст.

– Что?

– Филе-миньон, разрезанное на узкие ремешки, высушенное и перемолотое вместе с ягодами, фруктами и орехами. Содержит все минералы, витамины и протеины, в которых нуждается человек. Никто пока не придумал лучшего питания для путешественников, чем североамериканские индейцы. Льюис и Кларк многие месяцы питались одним пеммиканом.

– Что же, вижу, провизией вы обеспечены более чем достаточно. – Хейворд покачала головой. – Если, конечно, не заблудитесь.

Пендергаст расстегнул молнию на куртке камуфляжного костюма и продемонстрировал подкладку.

– Моя, наверное, самая большая ценность. Карты. Подобно пилотам второй мировой, я начертал их на своем летном комбинезоне, если можно так выразиться, – он показал подбородком на сложную систему

начертанных твердой рукой на кремовой ткани линий. Это была схема тоннелей разных уровней.

Затем, словно о чем-то вспомнив, он порылся в карманах, извлек связку ключей и передал их Хейворд.

– Вначале я думал склеить их скотчем, чтобы не звенели. Но, видимо, будет лучше, если я передам их вам. – Из другого кармана Пендергаст достал бумажник и удостоверение агента ФБР. – А это передайте, пожалуйста, лейтенанту д’Агосте. Под землей они мне не понадобятся.

Пендергаст похлопал ладонями по одежде и, убедившись, что все на месте, шагнул к люку.

– Буду весьма признателен, если вы позаботитесь и об этом, – сказал он, кивая в сторону чемодана.

– Без вопросов, – ответила Хейворд. – Пишите письма.

Крышка над темным бездонным зевом захлопнулась, и Хейворд закрыла запор уверенным движением руки.

32

М арго внимательно следила за ходом титрования. Когда очередная прозрачная капля падала в раствор, она ждала, не изменится ли цвет. Сопение Фрока за спиной (он тоже не сводил глаз с аппарата) напомнило ей, что она сама стоит почти не дыша.

И вот раствор вдруг расцвел ярко-желтым. Марго тут же остановила приток раствора поворотом стеклянного крана и зарегистрировала его уровень, списав показатели с градуировки цилиндра.

Она отступила на шаг назад, почувствовав, как ею овладевает знакомое неприятное чувство напряженности или даже скорее страха. Замерев, она припомнила драму, разыгравшуюся восемнадцать месяцев назад в другой лаборатории. Их и тогда было только двое. И тогда они с напряжением вглядывались в генетический экстраполятор Грега, наблюдая, как программа выдает данные о физических свойствах существа, которое позже прославится под именем Мбвуна – Музейного зверя.

Она припомнила, как чуть ли не проклинала тогда Джона Уиттлси, ученого, экспедиция которого погибла в дебрях Амазонки. Уиттлси ненароком использовал для упаковки отправляемых в музей артефактов волокно водяного растения. Уиттлси не знал – как не знали и все остальные, – что у Мбвуна существует к этому растению наркотическая зависимость. Для того чтобы выжить, чудовищу требовались гормоны, содержащиеся в его волокне. Когда в местах естественного обитания Мбвуна произошла экологическая катастрофа, зверь обратился к

единственному сохранившемуся источнику гормонов – волокну, в которое упаковали экспонаты. Но в силу какой-то неподвластной разуму иронии судьбы ящики оказались запертыми в охраняемой зоне музея, и тогда чудовище было вынуждено прибегнуть к заменителю гормонов растения, а именно – к гипоталамусу человеческого мозга.

Глядя на желтый раствор, Марго поняла, что, кроме страха, ею овладело еще одно чувство – неудовлетворение. Во всем этом деле было нечто странное, нечто необъяснимое. Те же ощущения она испытала, когда тело Мбвуна увезли в неизвестном направлении сразу же после побоища на открытии выставки «Суеверия». Она не желала даже себе признаваться в том, что тогда они не докопались до истоков трагедии, так и не поняли, кто же он, этот Мбвун. В то время она рассчитывала увидеть результаты вскрытия, ознакомиться с отчетом патологоанатома. Марго хотела узнать, каким образом зверь попал в музей, и почему у него столь высока была доля человеческих генов. Одним словом, ей не хватало того, что могло бы поставить точку в этой истории и, возможно, тем самым положить конец ночным кошмарам.

Только сейчас Марго поняла, что теория Фрока о том, что Мбвун не более чем эволюционная аберрация, ее до конца не убедила. Преодолевая внутреннее сопротивление, Марго заставила себя вспомнить те секунды, когда она видела чудовище. Мбвун мчался на нее и Пендергаста, и в его диком взгляде светился триумф. В тот момент он казался ей скорее гибридом, нежели аберрацией. Но гибридом чего с чем?

Скрип колес инвалидной коляски вернул ее к реальности.

– Повторим еще раз, – услышала она голос Фрока. – Чтобы увериться окончательно.

– Я и так уже уверена окончательно.

– Дорогая моя, – с улыбкой произнес профессор, – ты слишком юна для того, чтобы быть в чем-то уверенной окончательно. Запомни, результаты всех экспериментов должны быть воспроизводимыми. Не хочу тебя разочаровывать, но боюсь, что твое занятие окажется пустой тратой времени. Было бы полезнее, если бы мы вернулись к изучению тела Биттермана.

Марго, подавив раздражение, принялась за наладку титровального аппарата. Работая с такими скоростями, они никогда не получат результатов анализа ее находок из сгоревшей лаборатории Кавакиты. Фрок всегда славился аккуратностью и точностью своих экспериментов, но на сей раз он, похоже, превзошел самого себя. Неужели он не понимает, что самое важное в их расследовании – время? Нет, подобно многим крупным ученым, он погружен в себя, и его интересуют только

собственные великие теории, а не чьи-то глупые выдумки. Марго припомнила те времена, когда профессор был ее научным руководителем. Он рассказывал бесконечные истории о своих приключениях в Африке, Южной Америке и Австралии в ту пору, когда он еще не был инвалидом. На эти байки уходило гораздо больше времени, чем на обсуждение результатов ее исследований.

Они потратили много часов на титрование и составление программ линейной регрессии, пытаясь извлечь информацию из волокна растений, обнаруженных в разрушенной лаборатории. Марго смотрела на раствор, массируя крестец. Д’Агоста был уверен в том, что волокно содержит в себе некие психотропные элементы. Но пока им не удалось обнаружить ничего, что подтверждало бы эту теорию. «Если бы удалось сохранить волокно исходных растений, – думала Марго, – мы смогли бы провести сравнительный анализ». Но Комиссия по борьбе с наркотиками потребовала их полного уничтожения. Они настояли даже на том, чтобы сжечь ее сумочку, в которую она как-то раз положила образец волокна.

И еще. Если все волокно было уничтожено, то где Грег Кавакита ухитрился его найти? Как он сумел вырастить растение? И самое главное – зачем?

Кроме того, оставалась еще не раскрытой тайна сосуда с надписью *Активированный 7 – дегидрохоле* … Пропущенный слог звучал… *стирол* . Обнаружив это, Марго долго смеялась над собственной глупостью. Теперь она знала, почему обрывок слова показался ей знакомым. Это была самая распространенная форма витамина D*3* . Поняв это, можно было без труда определить, что химическое оборудование в лаборатории Кавакиты было не что иное, как импровизированная линия по производству витамина D. Но зачем ему понадобился витамин?

Раствор пожелтел, и Марго снова измерила уровень. Все так же, как и при первом эксперименте. Она, впрочем, не сомневалась, что так оно и будет. Фрок возился с какими-то приборами в другом конце лаборатории, не обращая на Марго никакого внимания. Она не знала, что делать дальше. Затем, решившись, подошла к бинокуляру и поместила на смотровое стекло еще одно волоконце из своего быстро уменьшающегося запаса.

Марго регулировала микроскоп, когда к ней подкатил доктор Фрок.

– Уже семь часов, Марго, – мягко сказал он. – Прости, но мне кажется, ты истязаешь себя работой. Если не возражаешь, я бы предложил на сегодня закончить.

– Я уже почти закончила, доктор Фрок. Сейчас еще кое-что сделаю и домой.

– Да? И что именно?

– Я думала сделать сколок с замороженного образца и получить изображение на электронном микроскопе.

– С какой целью? – довольно мрачно поинтересовался Фрок.

– Сама не знаю, – ответила Марго, глядя на крошечный образец. – Когда мы впервые изучали растение, мы обнаружили, что оно является носителем какого-то реовируса. В вирусе были закодированы протеины как человека, так и животного. Мне хотелось бы проверить, не имеет ли этот вирус побочного наркотического эффекта.

Щеки Фрока затряслись: он смеялся.

– Теперь, Марго, я окончательно убедился, что тебе следует сделать перерыв. Абсолютно абсурдное, спекулятивное допущение!

– Может, и так. Но я предпочла бы называть это предчувствием.

Фрок некоторое время молча смотрел на нее, а затем глубоко вздохнул:

– Ну, как хочешь. Что же касается меня, то мне необходим отдых. Завтра я буду в Мемориальной больнице Морристауна, где подвергнусь пытке: после выхода на пенсию приходится регулярно проходить целый ряд исследований.

Марго попрощалась и посмотрела вслед выкатывающемуся в коридор Фроку. Она уже начала понимать, что знаменитый ученый абсолютно не терпит возражений. Когда она была его ученицей, скромной и застенчивой, Фрок был очарователен – настоящее воплощение доброты. Но теперь, когда Фрок остался почетным профессором, а она превратилась в полноправного смотрителя, имеющего право поступать так, как считает нужным, старик, мягко говоря, не радовался ее столь недавно обретенной уверенности.

Марго смахнула крошечный обрывок волокна в приемник для образцов и поместила в аппарат. Там образец будет залит пластмассой, охлажден почти до абсолютного нуля и разрезан на две части. После этого сканирующий электронный микроскоп сделает с огромным увеличением снимок разреза. Фрок, несомненно, прав. В обычных обстоятельствах подобная процедура не имела бы никакого отношения к их исследованиям. Марго назвала это предчувствием, но на самом деле это было ни чем иным, как проявлением бессилия и отсутствия свежих идей.

Очень скоро на криогенном аппарате вспыхнул зеленый огонек. При помощи электронного манипулятора Марго перенесла пластмассовый блок в секатор. Неторопливо опустился алмазный резец, послышался легкий щелчок – и блок распался на две части. Поместив одну половину под электронный микроскоп, Марго отрегулировала расположение образца, скорость сканирования и мощность электронного потока. Через несколько минут на экране возникло четкое черно-белое изображение.

Марго вгляделась в картинку – и в жилах ее заледенела кровь.

Она увидела небольшие прямоугольные частицы – реовирус, который полтора года назад при помощи своей экстраполяционной программы обнаружил Кавакита. Но только в этом образце вирусы присутствовали в совершенно невероятной, в потрясающе огромной концентрации! Органоиды растения были просто забиты ими. Прямоугольные частицы плавали в окружении крупных вакуолей, содержащих какое-то кристаллическое вещество. Вещество это, вне всяких сомнений, было продуктом выделения реовирусов.

Чтобы успокоиться, Марго стала дышать глубоко и медленно. Кристаллическая секреция могла означать только одно – растение *Liliceae mbwunensis* служило всего лишь носителем. Что же касается наркотика, то его синтезировал вирус. Они не смогли обнаружить следов наркотика только потому, что тот был запечатан в вакуоли.

Что же дальше? Ответ напрашивался сам собой. Следовало изолировать реовирус, вырастить в питательной среде и выяснить, что за вещество он производит.

Кавакита, видимо, так и поступил.

Не исключено, что Кавакита прибег к генной инженерии не в связи с растением. Он пытался преобразовать вирус. Если это так…

Марго села на стул. В голове лихорадочно бились мысли. Похоже, наконец что-то начинает вырисовываться. Возникает связь между прежними исследованиями и новыми, между вирусным материалом и растением-носителем, между Мбвуном и волокном. Но все это не объясняло, почему Кавакита, чтобы заняться исследованиями, оставил музей. И не проливало свет на то, каким образом Мбвун добрался из амазонской сельвы до Нью-Йорка, куда Уиттлси отправил…

Уиттлси!

Марго, вскочив на ноги, прижала руку к губам. Стул с грохотом покатился по полу.

В одно мгновение ей ясно открылась вся ужасающая истина.

Н а сей раз Смитбек, войдя в прихожую на восемнадцатом этаже Южной улицы Центрального парка, сразу заметил, что окна в просторной гостиной распахнуты настежь. Солнечные лучи золотили диваны и столы из розового дерева, превратив гостиную из похоронной залы, какой она была раньше, в приветливую, полную тепла и радости комнату.

Аннетт Вишер сидела на балконе у стола со стеклянным колпаком. На голове ее красовалась модная соломенная шляпка, глаза закрывали темные очки. Она повернулась к Смитбеку, слегка улыбнулась и изящным движением руки предложила ему сесть. Смитбек с восхищением воззрился на зеленый ковер Центрального парка, простирающийся на север до Сто десятой улицы.

– Принеси мистеру Смитбеку чаю, – велела миссис Вишер горничной.

– Зовите меня, пожалуйста, Биллом, – сказал Смитбек, пожимая протянутую руку. Он обратил внимание, что даже в ярком, безжалостном свете дня кожа миссис Вишер казалась по-молодому упругой и гладкой, без той вялости и сухости, которая столь часто присуща возрасту.

– Я высоко ценю проявленное вами терпение, – начала она. – Полагаю, вы согласитесь со мной, что терпение заслуживает вознаграждения. Мы определили курс наших действий, и я, как обещала, хочу, чтобы вы узнали о нем первым. Само собой разумеется, что пока все следует держать в тайне.

Смитбек взял из рук горничной чай и сделал глоток, вдыхая тонкий аромат жасмина. Он наслаждался роскошным видом Манхэттена, распивая чай с женщиной, об интервью с которой мог мечтать любой журналист. Это вполне компенсировало то унижение, которое ему пришлось пережить из-за мерзавца Гарримана.

– Демонстрация на Площади Великой армии оказалась настолько успешной, что движение «Вернем себе наш город» решило вступить в новую фазу, – сказала миссис Вишер.

Смитбек понимающе кивнул.

– На самом деле, наш план чрезвычайно прост. О всех последующих действиях мы заранее извещать не станем. Каждая новая акция будет иметь все больший и больший размах. После очередного убийства наши люди начнут осаждать департамент полиции и мэрию с требованием положить конец безобразиям. – Она подняла руку, чтобы убрать под шляпку выбившийся локон. – Полагаю, нам не придется долго ждать радикальных изменений.

– Почему вы так считаете? – поинтересовался Смитбек.

– Завтра в шесть вечера наши люди соберутся у собора Святого Патрика. Поверьте, та группа, которую вы видели на Площади Великой армии, покажется крошечной на фоне того, что вам предстоит увидеть. Мы хотим продемонстрировать этому городу всю серьезность наших намерений. Мы двинемся вверх по Пятой авеню, затем пройдем по Южной Парковой улице и продолжим путь по Западной Парковой. На местах убийств мы будем останавливаться, чтобы при свете свечей молчанием почтить память погибших. После этого все соберутся на Большой лужайке для завершающей полуночной молитвы.

Миссис Вишер задумчиво покачала головой и продолжила:

– Боюсь, что городские власти до сих пор до конца не поняли значения нашего сигнала. Но когда они увидят, как весь центр Манхэттена охватит паралич, вызванный запрудившими улицы и требующими действий избирателями, они – поверьте моему слову! – сразу поймут, что к чему.

– А как мэр?

– Мэр, вне всяких сомнений, возникнет снова. Политиканы его сорта не могут противостоять искушению покрасоваться перед толпой. Как только он появится, я заявлю, что мы даем ему последний шанс, и что если он опять к нам не прислушается, мы начнем кампанию по его отрешению от должности. Он услышит, что после того, как мы с ним покончим, ему не светят никакие посты, включая должность ловца бродячих собак в городе Акроне штата Огайо, – произнесла миссис Вишер с ледяной улыбкой. – А вы в свое время, я надеюсь, меня процитируете, – более ласковым тоном закончила она.

Смитбек не смог сдержать улыбки. Он знал, что это будет первосортный материал.

34

С ооружение святилища близилось к концу.

Он вступил во влажную темноту храма, легонько поглаживая прохладные выпуклости на стенах. Он ласкал кончиками пальцев их почти одушевленную поверхность, натыкаясь порой на впадины и выпуклости. Это было правильное решение – воздвигнуть святилище здесь. Святилище, столь похожее на то, что существовало ранее, и в то же время столь от всего отличное.

Он опустился на сделанный специально для него трон, ощущая, как продавливается под тяжестью тела мягкая кожа, и прислушиваясь к слабому поскрипыванию костей, жил и связок. Все его чувства были обострены как никогда.

Строительство святилища близится к концу, а сам он уже достиг совершенства.

Они трудились для него долго и тяжко – для него, их господина и повелителя. Они обожали его и страшились, воздавая ему должное. Теперь они станут боготворить его и преклоняться перед ним.

Он смежил веки и вдохнул густой, как туман, насыщенный странными ароматами воздух. В прежние времена запахи Храма казались ему отталкивающими, но это было до того, как чувства его обрели необычайную остроту. И это – лишь один из многих даров, которые преподнесло ему растение.

Теперь все изменилось. Погружение в запах казалось ему погружением в бесконечное, постоянно меняющееся пространство. Пространство, окрашенное в различные цвета: светлые и радостные в одних местах, мрачные и таинственные – в других. Он видел горные хребты, глубокие каньоны и пустыни, океаны и облака, реки и луга, сотканные из запаха. Перед ним развертывалась великолепная панорама ароматов, не поддающаяся описанию на человеческом языке. Видимый мир по сравнению с миром запахов казался плоским, унылым и бесплодным.

Он наслаждался своим триумфом. *Он* сумел преуспеть там, где тот, другой, потерпел поражение. Там, где другой бродил в сомнениях и страхе, он обрел силу и отвагу. Тот, другой, не смог заметить таившейся в формуле опасности, он же не только выявил опасность, но и усовершенствовал как великое растение, так и тот груз, который оно в себе несет. Тот, другой, недооценил отчаянное стремление детей к ритуалу. Он же не совершил этой ошибки, осознав величайшее значение церемонии.

Это было величественным завершением дела всей его жизни. Как горько думать о том, что он не осознал этого сразу! Ведь только он, а не тот, другой, обладал достаточной властью, волей и разумом, чтобы успешно завершить начатое. Только он был способен очистить этот мир и повести его вперед, в будущее.

Мир! Прошептав это слово, он увидел мысленным взором вызывающий жалость мир наверху. Мир, который всей своей тяжестью давит на его Храм. Как ясно все теперь открылось его взору. Это перенаселенный мир, в котором подобно насекомым роятся люди, не имеющие ни цели, ни устремлений, ни мыслей, не представляющие никакой ценности. Их отвратительная жизнь похожа на бесконечное движение деталей в какой-то бесполезной машине. Живущие там, наверху, втянуты в мясорубку человеческого существования и занимаются только тем, что испражняются, совокупляются, рожают и умирают. Со всем этим будет покончено без труда, когда он одним ударом ноги разворошит муравейник и разотрет во прах белые муравьиные куколки.

И тогда из небытия возникнет Новый Мир. Мир юный, свежий, многогранный и исполненный сладкого блаженства.

35

*Г*де остальные? – спросила Марго, когда д’Агоста вошел в небольшой конференц-зал отдела антропологии.

– Они не придут, – ответил лейтенант, подтягивая брюки на коленях и усаживаясь. – У них другие планы. – Поймав вопросительный взгляд Марго, д’Агоста с отвращением помотал головой: – А, к дьяволу! Если хотите знать правду, то ваши изыскания их не интересуют. Помните Уокси? Толстяка, который был на докладе Брамбелла? Теперь капитан заправляет всем этим делом, и он убежден, что убийца уже в его руках.

– Как понимать «в его руках»?

– В парке они нашли какого-то психа. Он – убийца, но вовсе не тот, которого мы ищем. По крайней мере так считает Пендергаст.

– А почему не пришел Пендергаст?

– Отправился в небольшую командировку. – Д’Агоста улыбнулся так, будто весьма удачно пошутил. – Итак, что мы имеем?

– Начну с самого начала. – Марго глубоко вздохнула. – Все началось десять лет назад. Музей направил экспедицию в бассейн Амазонки. Возглавлял группу Джон Уиттлси. Между участниками экспедиции возникли конфликты, и группа распалась. По разным причинам ни один из них не вернулся. Но несколько ящиков с артефактами были все же отправлены в музей. В одном из них содержалась отвратительная фигурка, упакованная в неизвестный волокнистый материал.

Д’Агоста кивнул. Все это уже успело стать историей.

– Ученые не знали, что фигурка изображала дикое местное существо, и что упаковочный материал был растением, составляющим важнейшую часть диеты этого существа. Вскоре после этого в результате правительственных геологических изысканий среда обитания существа была уничтожена, и чудовище – его именуют Мбвун – отправилось к единственному оставшемуся источнику питательного волокна. Оно проделало путь из Амазонии в Белем, а оттуда в Нью-Йорк-Сити. Чудовище выжило в подвалах музея, питаясь бродячими животными и пожирая растение, к которому, очевидно, приобрело наркотическую зависимость.

Д’Агоста снова ограничился кивком.

– Ну так вот, – заявила Марго. – Я отказываюсь покупать эту байку. Вначале я с ней была согласна, теперь – нет.

– И что же вам в ней не нравится? – вскинул брови д’Агоста.

– Подумайте, лейтенант! Как могло дикое животное – пусть даже с развитым интеллектом – добраться в поисках нескольких ящиков с волокном из бассейна Амазонки до Нью-Йорка? Это же дьявольски длинный путь!

– Пока вы не сказали ничего нового по сравнению с тем, что мне уже известно со времени уничтожения зверя. В то время других объяснений не было, и я сомневаюсь, что они есть сейчас. Мбвун был здесь. Господи, да я же ощущал на себе его дыхание! Если он не явился с Амазонки, то, спрашивается, откуда он взялся?

– Хороший вопрос, – кивнула Марго. – А что, если Мбвун был родом из Нью-Йорка и просто вернулся домой?

В конференц-зале повисла тишина.

– Вернулся домой? – наконец переспросил д’Агоста.

– Да. Что, если Мбвун был не животным, а человеком? Предположим, что это был сам Уиттлси!

На сей раз тишина висела гораздо дольше. Д’Агоста смотрел на Марго. Видимо, она сильно утомилась, работая со всеми этими трупами. Почти на ее глазах зверски убили Брамбелла, она обнаружила, что одно из тел принадлежит ее бывшему коллеге, в отношении которого она испытывала чувство вины… Как он мог оказаться таким глупцом, таким эгоистом, вынудив Марго заниматься этой работой? А он ведь знал, как потрясли ее те убийства в музее.

– Послушайте, доктор Грин, – начал он, – возможно, вам стоит…

Марго прервала его движением руки.

– Знаю, что это звучит безумно. Но на самом деле это вовсе не так. Пока мы сейчас говорим, ассистентка проводит лабораторные анализы с целью подтвердить мои соображения. Итак, позвольте мне закончить. У Мбвуна был поразительно высокий процент человеческой ДНК. Мы, как вы помните, провели анализ одного когтя и обнаружили целостную человеческую цепочку ДНК протяженностью в несколько тысяч пар. Это не могло быть эволюционной аберрацией. Вы помните, что в логове зверя Пендергаст нашел несколько предметов, некогда принадлежавших Уиттлси? И не забудьте, что чудовище убивало всех, с кем вступало в контакт, – всех, кроме Иана Катберта. Почему Катберт остался жив? Да потому, что он был одним из самых близких друзей Уиттлси. Кроме того, тело Уиттлси так и не было обнаружено…

Д’Агоста стиснул зубы. Нет, это явное безумие! Оттолкнув стул, он встал на ноги.

– Позвольте же мне закончить, – негромко сказала Марго.

Д’Агоста встретился с ней взглядом. В ее глазах он прочел нечто такое, что заставило его снова занять место.

– Лейтенант, – сказала Марго, – я понимаю, насколько дико звучат мои слова. Но вы просто обязаны меня выслушать. Мы совершили роковую ошибку. В ней огромная доля и моей вины. Мы так до конца и не сложили воедино все кусочки мозаики. Но одному человеку это все-таки удалось, и этот человек – Грег Кавакита.

Она положила на стол фотографию. Увеличенное микроскопическое изображение среза растения.

– Здесь содержится реовирус, – пояснила она.

– Это нам уже известно.

– Но мы не обратили внимание на то, что эти реовирусы обладают уникальным свойством: они способны вносить чуждую ДНК в клетку носителя. И кроме того, они продуцируют наркотическое вещество. После того как я сделала это открытие, я провела некоторые дополнительные исследования волокна. Так вот. Эти растения содержат генетический материал – ДНК рептилии, – который, если съесть растение, попадает в клетки человеческого организма. И эта ДНК, в свою очередь, ведет к физической трансформации. Каким-то образом – не знаю как и почему – Уиттлси, находясь в экспедиции, употреблял в пищу это растение. Организм Уиттлси претерпел изменение, и у него возникла неодолимая потребность постоянно иметь в своем рационе содержащееся в растении вещество. Когда все местные ресурсы наркотика были истреблены, Уиттлси вспомнил, что может найти его в музее. Он сам отправил растение в Нью-Йорк в качестве упаковочного материала для своей коллекции. Поэтому он и вернулся к ящикам. Вспомните, убийства начались только после того, как он утратил доступ к драгоценному волокну. Дело в том, что гипоталамус человека содержит гормоны, очень близкие по химическому составу…

– Постойте! Так вы утверждаете, что употребление в пищу этого растения превращает человека в какое-то чудовище? – Д’Агоста даже не скрывал скептицизма.

Марго кивнула:

– И я догадываюсь, как поступил Грег. Узнав все это, он спрятался ото всех, чтобы осуществить свои планы. – Марго развернула на столе рулон бумаги. – Это план его лаборатории – настолько точный, насколько мне

удалось его воссоздать. В углу вы видите список приборов и оборудования, поддавшихся идентификации. Даже по оптовым ценам все это не могло стоить меньше восьмисот тысяч долларов.

– Деньги, полученные от продажи наркотиков? – Д’Агоста даже присвистнул.

– Именно, лейтенант. Единственной целью этой лаборатории могло быть производство весьма сложных продуктов генной инженерии. Я хочу подчеркнуть слово «производство».

– В конце прошлого года прошел слух о том, что на улицах продают новый наркотик, – кивнул д’Агоста. – Он получил название «глазурь». Очень редкий, очень дорогой, с потрясающей силой воздействия. Правда, в последнее время о нем ничего не слышно.

– Здесь имеются три стадии генной инженерии, – провела пальцем по бумаге Марго. – Аппараты вдоль северной стены занимались анализом ДНК организма. В комбинации их производительность была очень высокой. Эта машина осуществляет цепную реакцию, которая преобразует ДНК так, что открывается возможность провести ее анализ. Следующий аппарат осуществляет секвенсирование ДНК. Далее находится NAD-1 Кембриджской конфигурации. Точно такая машина стоит у нас на первом этаже: специализированный суперкомпьютер с центральным процессором на базе арсенида галлия, который анализирует результаты секвенсирования. Вдоль южной стены мы обнаружили батарею расплавленных остатков аквариумов. Кавакита выращивал растение Мбвуна в большом количестве как сырье для своего производства. А вот в этом месте мы видим приборы для культивирования вирусов.

В конференц-зале повисло гробовое молчание. Д’Агоста потер лоб и полез в карман, чтобы ощутить хотя бы пальцами успокоительную сигару. Несмотря на внутреннее сопротивление, он начинал верить словам Марго.

– Кавакита использовал эти приборы для извлечения генов из вирусов. – Марго положила на стол еще несколько фотографий. – Вот микрофотографии, полученные с электронного микроскопа. Они говорят о том, что Грег изымал гены рептилии. Спросите, с какой целью? Очень просто. Он хотел устранить воздействие наркотика на физическую форму организма.

– И что думает по этому поводу доктор Фрок?

Марго залилась краской.

– Я пока не имела возможности поделиться с ним своими наблюдениями. Однако не сомневаюсь, что доктор отнесется к ним

скептически. Он никак не может расстаться со своей теорией фрактальной эволюции. Как бы безумно это ни звучало, лейтенант, но существует масса субстанций, способных вызывать подобные изменения. Гормоны, например. Все это не столь неправдоподобно и ужасно, как может показаться с первого взгляда. Имеется гормон, превращающий гусеницу в бабочку. А другой гормон, именуемый резотропин-х, за несколько дней превращает головастика в лягушку. С точно таким же явлением мы сталкиваемся и здесь. Только на сей раз мы имеем дело с человеческими существами. – Она немного помолчала и добавила: – Есть еще кое-что.

– Неужели этого недостаточно?

Марго порылась в сумочке и извлекла оттуда обожженные обрывки бумаги, вложенные между двумя листами прозрачного пластика.

– В золе я нашла нечто, очень похожее на лабораторный журнал Кавакиты. Только на этих листочках и можно было что-то разобрать. – Она вынула из сумки несколько фотографий. – Я попросила увеличить обрывки. Первый, видимо, из самого начала журнала. Тут какой-то список.

Д’Агоста вгляделся в фотографию. По левому краю сильно обожженного листка столбиком шло несколько слов: *виссокан, синька, синяя борода* и затем в самом низу страницы: *зеленое облако, порох, сердце лотоса* .

– Это вам что-нибудь говорит? – спросил д’Агоста.

– Кроме слова «порох» – ничего. Хотя что-то подсказывает, что я могла бы догадаться и о значении других. – Она передала ему следующую фотографию: – Вот еще одна, на ней, кажется, имеются фрагменты кода для его экстраполяционной программы. Здесь текст чуть длиннее.

Д’Агоста пробежал взглядом предложенный ему фрагмент.

...не могу жить с сознанием того, что я... Как мог я, сосредоточившись на... игнорировать влияние на умственные... однако другой с каждым днем становится все более нетерпеливым. Мне нужно время для того...

– Создается впечатление, что к концу у него пробудилась совесть, – сказал д’Агоста, возвращая снимок. – Но что же все-таки он сотворил?

– Как раз к этому я и перехожу, – ответила Марго. – Обратите внимание, что он говорит о том, что не сразу оценил то влияние, которое «глазурь» оказывает на разум. И заметьте, что он говорит о «другом». Я еще не до конца разобралась в значении всех слов. Теперь взгляните на это. – Она передала ему еще один снимок. – Мне кажется, что перед нами последняя страница журнала. Рядом с цифрами и расчетами можно

разобрать всего лишь три слова, разделенных точкой: *...необратимо. Тиоксин может...*

Д'Агоста вопросительно посмотрел на нее.

– Я проверила. Тиоксин – сильнодействующий экспериментальный гербицид. Употребляется для уничтожения водорослей в озерах. Если Грег выращивал это растение, то для чего ему понадобился тиоксин? Или витамин D, который он, видимо, тоже синтезировал? Осталось еще множество вопросов, на которые я пока не нашла ответа.

– Я расскажу об этом Пендергасту. Не исключено, что у него возникнут какие-нибудь соображения. – Д'Агоста некоторое время молча смотрел на снимок, а затем отложил его в сторону. – Итак, доктор Грин, скажите мне, что же все-таки создавал Кавакита на всей своей аппаратуре? Пока это до меня так и не дошло.

– Скорее всего он пытался «укротить» наркотик, устранив гены рептилии из вируса, содержащегося в растении Мбвуна.

– Укротить?

– Да. Полагаю, он хотел создать препарат, не вызывающий чудовищных физических изменений. Препарат, который в то же время позволял бы потребителю стать более энергичным, более сильным и быстрым, открывал бы возможность лучше видеть в темноте. Вы же помните о том, какими свойствами обладал Мбвун? Но Грег хотел избавиться от побочных отрицательных эффектов.

Марго начала скатывать схему в рулон.

– Для полной уверенности мне надо будет провести анализ тканей останков Кавакиты. Однако я заранее могу сказать, что мы обнаружим там следы наркотика Мбвуна, но в существенно измененном виде. Кроме того, выяснится, что наркотик имеет серьезные побочные эффекты.

– Вы хотите сказать, что Кавакита сам употреблял его?!

– Уверена. Но он в чем-то ошибся. Возможно, ему не удалось как следует очистить клетки. В результате возникли те скелетные деформации, которые мы могли наблюдать.

Д'Агоста снова вскинул брови; одному только Богу известно, как ему нужна сейчас сигара!

– Постойте! Кавакита был далеко не дурак. Он ни за что не стал бы глотать наркотик, для того чтобы посмотреть, что случится. Ни за что!

– Возможно, вы правы, лейтенант. Но я склонна полагать, что мы здесь столкнулись с одним из проявлений совести. Грег не хотел выпускать улучшенный препарат на улицы, предварительно не испытав его.

– О-о-о… – протянул д’Агоста и тут же добавил: – Ну и дерьмо!

36

Б илл Трамбалл чувствовал себя на седьмом небе. Цены на бирже за день подскочили на шестнадцать пунктов, а за неделю – на добрую сотню. Конца подъему видно не было. В свои двадцать пять он уже делает сто тысяч в год. Однокашники описаются от зависти, когда он скажет им об этом на предстоящей через неделю ежегодной встрече. Большинство из них стали какими-то вшивыми менеджерами и безмерно рады тому, что получают в год свои пятьдесят штук.

Болтая и шумя, Трамбалл и его друзья протиснулись через турникеты и вышли на платформу подземки на станции Фултон-стрит. Хотя было уже за полночь, они только что завершили роскошный ужин в одном из ресторанов Южного порта. Ужин сопровождался большим количеством великолепного пива и несмолкаемыми рассуждениями о том, какими богатыми они скоро станут. Все пребывали в прекрасном настроении и потешались над приятелем, поступившим на курсы переподготовки и через месяц оттуда сбежавшим.

Но вот тоннель дохнул затхлым воздухом, и в его недрах послышался столь знакомый Трамбаллу шум. Вскоре из темноты появились два быстро приближающихся огня. Трамбалл знал, что окажется дома не позже чем через полчаса. На какое-то мгновение он испытал раздражение по поводу того, что живет так далеко к северу – на углу Девяносто восьмой улицы и Третьей авеню – и так много времени тратит на то, чтобы добраться до Уолл-стрит. Может быть, настало время перебраться поближе к деловому центру или снять хорошую трехкомнатную квартирку где-нибудь в районе шестидесятых улиц? Неплохо бы пожить в Сохо, а на Ист-Сайд и того лучше. Квартира на верхнем этаже с балконом. Постель королевских размеров, кремовые ковры, кругом стекло и хром.

– …и она говорит: детка, не могла бы я позаимствовать у тебя семьдесят долларов, чтобы… – Услышав конец фразы, все захохотали, и Трамбалл присоединился к общему веселью.

Шум перерос в оглушительный рев, и экспресс вылетел из тоннеля. Кто-то из приятелей толкнул Трамбалла к краю платформы, и тот инстинктивно попятился назад, подальше от набегающего поезда. Экспресс, завизжав тормозами, остановился, и вся компания гурьбой втиснулась в вагон. Поезд тронулся, и, устроившись на сиденье, Трамбалл недовольно огляделся вокруг. Кондиционер не работал, все окна открыты. В вагон врывался зловонный воздух подземелья,

сопровождаемый оглушительным грохотом. Жара стояла как в пекле. Билл еще больше ослабил узел галстука. Как-то вдруг на него накатила усталость, в висках возникла не сильная, но надоедливая боль. Он взглянул на часы. Уже через шесть часов ему предстоит снова быть в конторе. Трамбалл вздохнул и откинулся на спинку сиденья. Поезд, слегка покачиваясь, мчался по тоннелю. Шум стоял такой, что разговаривать не было возможности. Трамбалл закрыл глаза.

На Четырнадцатой улице несколько приятелей вышли, чтобы сделать пересадку в сторону Пенсильванского вокзала. Они пожали ему руку, похлопали по плечу и исчезли. Еще несколько человек сошли на вокзале Гранд-Централ. Теперь в вагоне из всей компании остались лишь Трамбалл и Джим Колб, продававший ценные бумаги. Билл несколько недолюбливал Колба. Он снова закрыл глаза, чувствуя, как поезд пошел под уклон, чтобы встать на путь, отведенный для экспрессов.

Сквозь дрему Трамбалл слышал, как поезд останавливался на Пятьдесят девятой улице. Двери открылись, закрылись, и экспресс помчался вперед, чтобы, проскочив тридцать кварталов, остановиться на Восемьдесят шестой. «Еще одна остановка», – вяло подумал он.

Внезапно вагон дернулся, поезд замедлил ход и со скрежетом остановился. Трамбалл выпрямился, открыл глаза и с нарастающим раздражением стал вслушиваться в потрескивания и шорохи неподвижного вагона.

– Чтоб она сдохла! – громко сказал Колб. – Чтоб она сдохла, эта линия номер четыре Лексингтон-авеню! – Он огляделся, ожидая реакции двух других полусонных пассажиров. Но реакции не последовало. Колбу пришлось ткнуть локтем Трамбалла, и тот выдавил из себя улыбку, думая о том, какая жалкая, ничтожная личность этот самый Колб.

Трамбалл окинул взглядом вагон. Он увидел смазливую официанточку и черного парня, на котором, несмотря на почти сорокаградусную жару, было тяжелое пальто и шерстяная вязаная шапочка. Хотя парень и спал, Трамбалл рассматривал его с некоторым беспокойством. «Скорее всего катит домой с ночного грабежа», – подумал он и нащупал в кармане перочинный нож. Он никому не позволит отнять у себя бумажник, пусть даже там и не осталось ни цента.

Вдруг под потолком раздался треск, и из динамика внутренней связи хриплый голос произнес: «Внимание пассажииирлы, пломка снгалации двжниие схро взнбцвица».

– Так я и знал. Можно не повторять, – с отвращением произнес Колб.

– Что?

– Они всегда талдычат одно и то же. «Поломка сигнализации. Движение скоро возобновится». В их мечтах, естественно.

Трамбалл скрестил руки на груди и снова закрыл глаза. Голова разболелась сильнее, а жара в вагоне становилась удушающей.

– Подумать только. Дерут с нас по полтора бакса за то, чтобы усадить в эту парильню, – сказал Колб. – В следующий раз лучше арендовать лимузин.

Трамбалл машинально кивнул и глянул на часы. Двенадцать сорок пять.

– Неудивительно, что люди прыгают поверх турникетов, – не унимался Колб.

Трамбалл снова кивнул, размышляя, как бы заставить Колба заткнуться. Услышав шум в тоннеле, он лениво выглянул в окно. По соседнему пути во влажной темноте к вагону приближалась какая-то фигура. «Видимо, ремонтный рабочий. Ночной ремонт путей», – решил Трамбалл. Вспыхнула и тут же погасла надежда. «Если что-то случилось с поездом, мы проторчим здесь до...»

Когда фигура оказалась совсем близко, Трамбалл от удивления едва не вскочил с места. Это был вовсе не рабочий. Мимо окна по параллельному пути, спотыкаясь, пробежала женщина в длинном белом платье. Он высунулся из окна и посмотрел в удаляющуюся спину. Прежде чем женщина скрылась во тьме, Трамбалл успел заметить, что платье на ее спине чем-то забрызгано. В слабом свете, льющемся из окон стоящего поезда, пятна казались черными.

– Ты видел? – спросил он у Колба.

– Видел – что?

– По путям бежала женщина.

– А не перебрал ли ты, часом, Билли-бой? – ухмыльнулся Колб.

Трамбалл поднялся, высунулся из окна и посмотрел в ту сторону, где скрылась женщина. Ничего. Втянув голову в вагон, он понял, что, кроме него, никто ничего не заметил.

Что происходит? Ограбление? Он снова высунулся из окна, но женщина исчезла. Тоннель был тих и пустынен.

– Пожалуй, это выйдет несколько дольше, чем «скоро», – проворчал Колб, постукивая пальцем по циферблату своего роскошного двухцветного «Роллекса».

В висках Трамбалла пульсировала боль. Господи, может быть, он напился настолько, что у него начались видения? Это уже третья попойка за неделю. Пожалуй, следует умерить свой пыл. Скорее всего он видел путевого рабочего, что-то несущего на спине. Несущую. В наши дни на подземке трудятся и женщины. Он посмотрел сквозь двойные двери в соседний вагон. Но и там царил полный покой. Единственный пассажир тихо сидел, бессмысленно уставившись в пространство. Если бы произошло что-то серьезное, об этом наверняка объявили бы по системе внутренней связи.

Билл откинулся на спинку кресла, закрыл глаза и сконцентрировался, пытаясь изгнать головную боль. Вообще-то он ничего не имел против подземки. Это был достаточно быстрый вид транспорта. Но в моменты простоя без объяснения и в жаре – как сейчас, например, – он не мог не думать о тяжелом слое земли над глубоким тоннелем для поездов-экспрессов и о миле темноты, отделяющей его от ближайшей станции…

Вначале звук походил на визг тормозов подкатывающего к станции поезда. Но, прислушавшись, Трамбалл понял истинную природу звука. В окна вагона проник отдаленный крик, многократно отразившийся от стен и потому странным образом искаженный.

– Что за черт?.. – спросил Колб, наклонившись вперед. Глаза его округлились от удивления.

Официанточка вздрогнула.

В вагоне повисла тишина, все немногочисленные пассажиры напрягли слух. Однако продолжения не последовало, более из тоннеля не доносилось ни звука.

– Боже мой, Билл! Ты слышал?

Трамбалл ничего не ответил. Видимо, произошло ограбление, а возможно, и убийство. А может быть, и того хуже. Не исключено, что в вагонах застрявшего поезда бесчинствует целая банда – вечный кошмар всех ночных пассажиров подземки.

– Они никогда ничего не объясняют, – произнес Колб, нервно поглядывая на громкоговоритель. – Может быть, стоит выйти, чтобы узнать?

– Вот и действуй, – бросил Трамбалл.

– Кричал человек, – не унимался Колб. – Клянусь. Че-ло-век!

Трамбалл снова выглянул из окна. На сей раз на соседнем пути он увидел еще одну фигуру, передвигающуюся весьма странным образом.

Создавалось впечатление, что в темном тоннеле каким-то образом оказался хромой горбун.

– Кто-то приближается, – сказал он.

– Спроси его, что случилось.

– Эй! Эй, послушайте! – заорал Трамбалл, высунувшись в окно. Фигура замерла. – Что происходит? Может быть, кто-нибудь пострадал?

Фигура снова двинулась вперед. Трамбалл увидел, как горбун подошел к голове соседнего вагона, влез на сцепку и исчез.

– Ненавижу этих подонков из транспортного управления, – пробормотал Колб. – Мерзавцы получают по сорок штук в год и ни хрена не делают.

Трамбалл прошел в передний тамбур и посмотрел через стеклянные двери в соседний вагон. Одинокий пассажир сидел на своем месте, читая книгу в бумажной обложке. Все было тихо и мирно.

– Что ты видишь?! – крикнул Колб.

– Ничего. – Трамбалл вернулся на свое место. – Скорее всего путевой рабочий просто звал своего приятеля.

– Как мне хочется, чтобы поезд скорее двинулся, – неожиданно сказала официантка дрожащим от напряжения голосом. Парень в тяжелом пальто расслабленно сидел на своем месте, засунув руки в карманы. «Держу пари, у него в руке пушка», – подумал Трамбалл, не зная, радоваться ли этому или огорчаться.

В соседнем вагоне неожиданно погас свет.

– Дело дерьмо, – прокомментировал Колб.

Со стороны темного вагона послышался тяжелый удар. Поезд содрогнулся, за ударом последовал еще один звук, напоминавший шипение проколотой шины.

– Что это? – спросила официантка.

– Я отсюда сматываюсь! – заявил Колб. – Пошли, Трамбалл. До Пятьдесят девятой не более двух кварталов.

– Я остаюсь здесь.

– В таком случае ты идиот. Я не намерен ждать, когда сюда явится банда. Ты этого хочешь?

Трамбалл только покачал раскалывающейся от боли головой. В таких случаях не следует дергаться. Лучше оставаться на месте. Вскочить и привлечь к себе внимание – значит мгновенно превратиться в мишень.

Из темного вагона раздался новый звук: словно на металлический лист посыпались дождевые капли.

Трамбалл вытянул шею, чтобы взглянуть, что происходит в соседнем темном вагоне. Разглядеть ему ничего не удалось: стекло было залито изнутри чем-то, весьма напоминающим краску.

– Что это?! – закричал Колб.

В вагоне, видимо, забавлялся какой-то вандал, разбрызгивая краску из пульверизатора. Красную краску. Может, действительно пора отсюда бежать? И не успела еще эта мысль оформиться окончательно, как он уже помчался к задним дверям вагона.

– Билли! – Колб припустился за ним по пятам.

Трамбалл услышал, как кто-то врезался в переднюю дверь вагона. Потом до него донесся топот множества ног. Официантка отчаянно завизжала. Не останавливаясь и не оглядываясь, он резко повернул ручку и двинул в сторону раздвижную дверь. Перепрыгнув через сцепку, Билл вцепился в ручку дверей следующего вагона. Колби мчался следом, монотонно бормоча: «дерьмо, дерьмо, дерьмо...». Прежде чем во всем поезде погас свет, Трамбалл успел заметить, что последний вагон пуст. Он лихорадочно огляделся. Единственным источником освещения служили теперь редкие и тусклые огоньки тоннеля. Вдали было заметно желтое свечение станции на Пятьдесят девятой улице.

– Попробуем открыть заднюю дверь, – бросил он, обернувшись к Колбу.

В этот момент в только что оставленном ими вагоне прогремел выстрел. Когда эхо выстрела стихло, Трамбаллу почудилось, что он слышит рыдание официантки. Впрочем, рыдание тут же оборвалось.

– Они перерезали ей глотку! – взвизгнул Колб, оглянувшись через плечо.

– Заткнись! – зашипел Трамбалл. Никакие долетавшие из-за спины звуки не могли заставить его обернуться. Он добежал до последней двери и, ломая ногти о резиновую прокладку, попытался раздвинуть их. – Помоги!

Колб схватился за резину второй створки, по его щекам текли слезы.

– Да тяни же ты, ради всего святого! – закричал Трамбалл.

Раздалось шипение, и дверь открылась, впустив в вагон удушливый запах подземелья. Трамбалл еще не успел пошевелиться, как Колб отпихнул его и спрыгнул на пути. Билл уже подготовился прыгнуть, но вовремя успел замереть. Из темноты тоннеля выступили несколько фигур и, спотыкаясь, побрели к Колбу. Трамбалл хотел закричать – не смог. Он не верил своим глазам. В том, как двигались фигуры, он увидел какую-то чудовищную странность, нечто совершенно нечеловеческое, совершенно чуждое. Он молча смотрел, как непонятные существа окружают Колба. Затем одно из них схватило торговца ценными бумагами за волосы и резким рывком запрокинуло его голову назад. Другое держало его за руки. Колб молча извивался, пытаясь вырваться. Из тени выступила третья фигура и на удивление изящным движением провела рукой по горлу Колба. Брызнула струя крови.

Трамбалл в ужасе попятился от двери, зацепился за что-то ногой и упал, потеряв ориентацию. В ужасе оглянувшись на вагон, из которого только что бежал, он увидел в темноте две фигуры, склонившиеся над телом официантки и что-то творящие с ее головой.

Желудок подскочил к горлу, и Трамбаллом овладело безнадежное отчаяние. Собрав все силы, он спрыгнул на пути и помчался мимо обрабатывающих Колба убийц к желтоватому пятну света на станции Пятьдесят девятой улицы; содержимое желудка вырвалось наружу, и то, что осталось от ужина и пива, полилось ему на ноги. Сзади доносились звуки погони: топот ног, тяжелое дыхание. Из его груди вырвалось рыдание.

Впереди из темноты выступили на пути еще две фигуры. В своих балахонах с опущенными капюшонами они казались расплывчатыми силуэтами на фоне светового пятна далекой станции. Трамбалл замер, а они с ужасающей скоростью направились прямо к нему. Шум погони становился все громче и громче. Билла охватила какая-то странная летаргия, мышцы окаменели, и он почувствовал, как ослабевает воля к сопротивлению. Через несколько мгновений его схватят, как Колба…

И в этот момент на какое-то мгновение вспыхнул светофор, и его свет выхватил из тьмы лицо.

И тогда Билл с ужасающей ясностью понял, как должен поступить. Посмотрев вниз, он отыскал взглядом ярко-желтую предупредительную полосу и блестящий тонкий рельс за ней. Не испытывая ни малейших сомнений, он перенес ногу через полосу и поставил ее на проводник. Мир ослепительно вспыхнул и рассыпался мириадами сверкающих брызг.

37

Д ’Агоста пытался представить себе Янки-стадион, белый мяч в темном июльском небе, запах травы, только что пропаханной в броске игроком,

и парня на задней линии, который, воздев руку в перчатке, врезается в ограждение… Это была трансцендентальная медитация, способ укрыться от внешнего мира и собраться с мыслями. Особенно полезно, когда все дела идут наперекосяк.

Еще несколько мгновений он не открывал глаза, пытаясь отключиться от телефонных звонков, хлопанья дверей и шума голосов. Д'Агоста знал, что сейчас где-то наверху Уокси корчится, как индюк на жаровне. Хвала Господу, что сюда не долетают его вопли. «Похоже, теперь он не так уверен, что убийца – старина Джеффри», – думал д'Агоста. Однако даже эта мысль не принесла утешения.

Он вздохнул и вернулся мыслями к Альберте Муньос – единственной, кому удалось пережить бойню в подземке.

Он прибыл как раз в тот момент, когда женщину на носилках выносили через запасной выход станции на Шестьдесят шестой улице. Руки были аккуратно уложены вдоль тела, на пухлом лице застыла ничего не выражающая улыбка, а гладкая темная кожа казалась еще темнее на фоне белых простыней. Одному Богу известно, как ей удалось спрятаться. Сама же она не говорила ни слова. Поезд превратился в морг. Погибли семь пассажиров и два служащих управления транспорта. У пяти из них черепа были разбиты, а горла перерезаны до позвоночника. У трех головы исчезли вообще. Один погиб от удара электрическим током на третьем рельсе. Д'Агоста словно воочию видел, как вокруг управления полиции и управления транспорта начинают кружить адвокаты.

Миссис Муньос в настоящее время пребывала в уединении в психиатрическом отделении больницы Святого Луки. Уокси ревел, стучал кулаком по столу и изрыгал угрозы, но врачи были непоколебимы: никаких разговоров до шести утра.

Три головы исчезли. Следы крови удалось найти без особого труда, но пустившаяся по этим следам команда довольно быстро заблудилась в лабиринте темных, пропитанных влагой тоннелей. Д'Агоста еще раз мысленно прошелся по месту событий. Кто-то перерезал провод сигнализации сразу за станцией Пятьдесят девятой улицы, что вызвало немедленную остановку всех поездов-экспрессов на линии Ист-Сайд между Четырнадцатой и Сто двадцать пятой улицами. Один из поездов оказался на длинном перегоне к Восемьдесят шестой улице. Там его и поджидала засада.

Вся операция требовала высокого интеллекта, точного расчета и хорошего знания внутренних систем подземки. До сих пор не было обнаружено четких отпечатков ног, но д'Агоста не сомневался: нападавших было по меньшей мере шестеро. Минимум шесть –

максимум десять. Отлично спланированное и великолепно скоординированное нападение.

Но зачем?

Криминальные эксперты пришли к заключению, что человек, погибший от удара тока, сознательно наступил на проводник. «Что мог увидеть этот парень, – думал д'Агоста, – чтобы решиться на такое?» Однако все это могла видеть и Альберта Муньос, и с ней необходимо поговорить, пока Уокси не явился в больницу и все не испортил.

– Д'Агоста! – вдруг, словно в ответ на его мысли, проревел знакомый голос. – Ты что, туда твою... Дрыхнешь, что ли?!

Лейтенант неспешно открыл глаза и увидел над собой яростное колыхание налитых кровью щек.

– Прости, что прерываю твой отдых, – продолжал Уокси, – но у нас возникли новые небольшие осложнения и...

Д'Агоста выпрямился, осмотрел кабинет, взял висящий на спинке пиджак и начал втискиваться в рукава.

– Ты слышишь меня?! – заорал Уокси.

Лейтенант протиснулся мимо него и вышел в коридор. Хейворд стояла у стола, изучая свежие факсы. Д'Агоста поймал ее взгляд и кивком предложил пройти к лифтам.

– Куда, черт подери, ты уходишь? – вопил Уокси, шагая за ними к лифту. – Ты что, оглох? Я же сказал, что возникли осложнения...

– Это у тебя возникли осложнения, – бросил д'Агоста. – Вот ты с ними и разбирайся. А у меня найдутся занятия и поважнее.

Когда дверцы кабины закрылись, д'Агоста сунул в рот сигару и повернулся к Хейворд.

– К Святому Луке? – спросила она.

Лейтенант молча кивнул.

Дверцы открылись, чтобы выпустить их в просторный вестибюль, и д'Агоста замер. За стеклянными дверьми бесновалась толпа. С того момента как он в два часа ночи прибыл на службу, количество протестующих явно утроилось. На капоте машины стояла миллионерша Вишер и что-то негодующе выкрикивала в громкоговоритель. Средства массовой информации также успели развернуть свои силы – на улице то и дело сверкали вспышки фотоаппаратов, вокруг своей аппаратуры суетились телевизионщики.

Хейворд положила ему на запястье ладонь.

– Почему бы вам не взять дежурную машину из гаража в цокольном этаже?

– Прекрасная мысль, – ответил д’Агоста, отступая в глубину лифта.

Дежурный врач заставил их ждать. Пришлось добрых сорок пять минут просидеть на пластиковых стульях кафетерия. Доктор был молод, суров и к тому же смертельно устал.

– Я же говорил капитану – никаких допросов до шести, – сердито произнес он.

Д’Агоста поднялся и протянул руку:

– Я – лейтенант д’Агоста. А это – сержант Хейворд. Счастлив познакомиться с вами, доктор Вассерман.

Доктор буркнул в ответ что-то невнятное.

– Доктор, я сразу же хочу сказать, что мы не сделаем ничего такого, что могло бы причинить вред миссис Муньос.

Доктор молча кивнул.

– Вы будете единственным, кто имеет право решать, продолжать беседу или прекратить ее.

Доктор промолчал.

– Насколько я понимаю, здесь побывал некий капитан Уокси и своим посещением доставил вам массу неприятностей. Не исключаю, что он даже прибегал к угрозам в ваш адрес.

И тут доктор Вассерман взорвался:

– За все годы моей работы в приемной неотложной помощи никто не смел так обращаться со мной, как этот мерзавец!

– Что же, теперь вы с нами в одной компании, – фыркнула Хейворд.

Доктор бросил на нее быстрый взгляд и, казалось, немного оттаял.

– Доктор, в резне участвовало от шести до десяти человек, – сказал д’Агоста. – Я думаю, это те же типы, что убили Памелу Вишер, Николаса Биттермана и множество других. Я также полагаю, что они населяют тоннели подземки. Может случиться так, что единственным человеком, способным идентифицировать убийц, окажется миссис Муньос. Если вы по-прежнему настаиваете на том, что беседа со мной может причинить

этой женщине вред, я не стану протестовать. Я лишь надеюсь, что вы поймете – от нашего с ней разговора зависят жизни других людей.

Доктор долго смотрел на д’Агосту. Наконец, изобразив некое подобие улыбки, он кивнул:

– Хорошо, лейтенант. Но с тремя условиями. Во-первых, при разговоре должен присутствовать я. Во-вторых, задавая вопросы, вы будете проявлять максимальную мягкость. И в-третьих, вы прервете беседу по первому моему указанию.

Д’Агоста понимающе кивнул.

– Тем не менее я опасаюсь, что вы только зря потратите время. Она перенесла шок, и, кроме того, наблюдаются ранние проявления травматического стрессового синдрома.

– Понимаю, доктор.

– Прекрасно. Насколько мы знаем, миссис Муньос родом из маленького городка в центральной Мексике. Она работает нянькой в семье, проживающей в Верхнем Ист-Сайде. Нам известно, что она говорит по-английски. Больше мы ничего не знаем.

Миссис Муньос лежала на больничной койке точно в такой же позе, как и на носилках. Руки вдоль тела, невидящий взор, устремленный в пустоту. В палате пахло глицериновым мылом и спиртом для растираний. Хейворд заняла позицию в коридоре у двери – на случай, если Уокси появится раньше времени, – а доктор и лейтенант сели на стулья по обе стороны постели. Некоторое время они сидели неподвижно, затем, не говоря ни слова, доктор Вассерман взял женщину за руку.

Д’Агоста вынул из кармана бумажник, достал из него фотографию и поднес ее к лицу женщины.

– Это моя дочь Изабелла. Ей два года. Скажите, разве она не красавица?

Он терпеливо держал фотографию перед женщиной до тех пор, пока ее взгляд не обратился на снимок. Доктор нахмурился.

– У вас есть дети? – спросил д’Агоста, убирая фото.

Миссис Муньос смотрела на него. Молчание продолжалось довольно долго.

– Миссис Муньос, я знаю, что вы находитесь в стране нелегально, – продолжил наконец д’Агоста.

Женщина быстро отвернулась, а доктор Вассерман бросил на него предупреждающий взгляд.

– Мне также известно, что множество людей давали вам обещания, которых потом не сдержали. Я тоже дам вам обещание, которое, клянусь своей дочерью, сдержу обязательно. Если вы поможете мне, я лично прослежу за тем, чтобы вы получили «зеленую карту».

Женщина не отвечала. Д'Агоста достал еще одну фотографию и поднес ее к лицу женщины:

– Миссис Муньос?

Долго, очень долго женщина оставалась неподвижной. Затем ее взгляд обратился на снимок.

– Это Памела Вишер в то время, когда ей было два года. Столько же лет, сколько моей дочери.

Миссис Муньос взяла снимок в руки.

– Ангелочек, – прошептала она.

– Ее убили те же люди, которые напали на ваш поезд, – проговорил он быстро, но без нажима. – Миссис Муньос, прошу вас, помогите мне, пожалуйста, найти этих ужасных людей. Я не хочу, чтобы они убили еще кого-нибудь.

По щеке миссис Муньос поползли слезинки, губы задрожали.

– Ojos…

– Прошу прощения, не понял?

– Глаза.

Последовала длительная пауза, после которой губы миссис Муньос снова зашевелились.

– Они появились тихо… глаза, как у ящериц. Дьявольские глаза. – Женщина всхлипнула.

Д'Агоста хотел задать очередной вопрос, но доктор Вассерман остановил его взглядом.

– Глаза… *cuchillos de pedernal*… лица, как у дьяволов.

– Почему?

– Старые лица, *viejos*…

Она прикрыла лицо ладонями и застонала.

Вассерман поднялся и дал знак д’Агосте:

– Достаточно. Пошли отсюда.

– Но то, что она…

– Хватит. Уходите немедленно.

Оказавшись в коридоре, д’Агоста достал записную книжку и, как умел, записал слова, произнесенные по-испански.

– Что это? – спросила Хейворд, заглядывая ему через плечо.

– Испанский язык.

– Видимо, это не тот испанский, с которым мне приходилось сталкиваться.

– Только не говорите, что вы, помимо всех прочих своих талантов, еще и habla Espanol[5]

– Невозможно работать «чистильщиком», изъясняясь только по-английски, – удивленно вскинула брови Хейворд. – И что эти закорючки должны, по-вашему, означать?

Д’Агоста сунул записную книжку ей в руки.

– Попробуйте сами сообразить, что это значит.

Хейворд, шевеля губами, стала изучать запись. Затем она подошла к медицинскому посту и подняла телефонную трубку.

Из палаты вышел Вассерман, аккуратно закрыв за собой дверь.

– Лейтенант, ваш подход традиционным не назовешь… мягко говоря. Но в конечном итоге, как мне кажется, он может принести больной пользу. Благодарю вас.

– Не надо меня благодарить. Лучше поставьте ее как можно быстрее на ноги. У меня осталась еще масса вопросов.

Хейворд положила трубку и подошла к ним.

– Это все, что мы с Хорхе смогли сделать. – Она протянула лейтенанту записную книжку.

– Ножи из кремня? – недоуменно спросил д’Агоста, глядя на запись.

– Не уверена, что она сказала именно это. Мы лишь строили догадки, – пожала плечами Хейворд.

– Спасибо. – Д’Агоста сунул блокнот в карман и быстро двинулся к выходу. Правда, через секунду он остановился, словно вспомнив что-то важное.

– Доктор, – сказал он, – примерно через час здесь может появиться капитан Уокси.

Лицо доктора Вассермана зловеще потемнело.

– Но, как мне кажется, миссис Муньос слишком утомлена для того, чтобы принимать посетителей. Разве я не прав? Если капитан Уокси станет доставлять вам неприятности, отошлите его ко мне.

В первый раз за все время лицо Вассермана озарилось широкой улыбкой.

38

К огда Марго в десять утра вышла в конференц-зал отдела антропологии, совещание было уже в полном разгаре. Столик посреди комнаты был усыпан пустыми кофейными стаканчиками, бумажными салфетками, недоеденными круассанами и смятыми пакетами от завтрака. Кроме Фрока, д’Агосты и Уокси, в зале – к немалому удивлению Марго – сидел шеф Хорлокер. Тяжелые нашивки на воротнике его мундира казались совершенно неуместными среди лабораторного оборудования.

– И ты хочешь, чтобы мы поверили в то, что убийцы обитают в глубине так называемых Тоннелей Астора? – гремел Уокси, обращаясь к д’Агосте. Капитан мрачно оглянулся на Марго и буркнул: – Рад, что вы смогли прийти.

Фрок поднял глаза и, не скрывая облегчения, откатил кресло чуть назад, освободив для нее место за столом.

– Марго! Наконец-то. Возможно, ты сможешь внести ясность. Лейтенант д’Агоста только что сделал весьма забавное заявление о твоих открытиях в лаборатории Грега. Он сказал, что во время моего отсутствия ты провела...э-э-э...некоторые дополнительные исследования. Если бы я не знал тебя, моя дорогая, так хорошо, то я мог бы подумать, что...

– Прошу прощения! – громогласно произнес Д’Агоста. Все замолчали, и лейтенант обвел взглядами собравшихся. – Мне хотелось бы, чтобы доктор Грин поделилась с нами своими открытиями, – негромко закончил он.

Марго заняла место за столом. Молчание Хорлокера ее удивило. Видимо, что-то произошло, и это что-то связано с ночным убийством в подземке. Вначале она хотела извиниться за опоздание, напомнив, что оставалась в лаборатории до трех часов ночи, но тут же передумала.

Насколько ей было известно, Джен – ее ассистентка – продолжала трудиться до сих пор.

– Минуточку, – начал Уокси. – Я говорил, что…

– Заткнитесь, Уокси, – бросил, не поворачивая головы, Хорлокер. – Доктор Грин, полагаю, вам следует прямо и точно сказать нам, что вы делали и в чем суть ваших открытий.

– Не знаю, что успел рассказать лейтенант д'Агоста, – глубоко вздохнула Марго, – но я постараюсь говорить кратко. Нам удалось определить, что деформированный скелет принадлежит Грегори Каваките, бывшему ранее смотрителем в музее. Мы с ним были здесь в свое время аспирантами. Оставив музей, Грег, очевидно, организовал серию подпольных лабораторий, последняя из которых находилась на железнодорожном дворе Вестсайдской сортировочной станции. Мои исследования показали, что незадолго до своей гибели Грег занимался выращиванием генетически измененного вида *Liliceae mbwunensis* .

– Того растения, без которого не мог прожить Музейный зверь? – спросил Хорлокер. Марго напряглась, ожидая услышать в голосе шефа саркастические нотки, однако ни сарказма, ни иронии она не уловила.

– Да. Но теперь я думаю, что растение служило не только источником питания Мбвуна. Если я не ошибаюсь, оно несет в себе реовирус, способный вызывать морфологические деформации у принимающих его внутрь существ.

– Ну-ка, еще раз, – попросил Уокси.

– Проще говоря, вызывает физические изменения. Уиттлси – руководитель экспедиции – видимо, употребил растение в пищу. Возможно, это произошло случайно, а возможно, и против его воли. Подробности нам уже никогда не узнать. Но теперь становится ясно, что музейный зверь был некем иным, как Джоном Уиттлси.

Фрок судорожно вздохнул. Никто не произнес ни слова.

– Знаю, что в это трудно поверить, – продолжила Марго. – После уничтожения зверя мы пришли к совсем другим выводам. Мы решили, что Мбвун – всего лишь зигзаг эволюции, а растение ему необходимо для того, чтобы выжить. Мы предположили, что после того, как экологическая ниша зверя оказалась уничтоженной, он отправился в музей вслед за сохранившимися растениями. Волокно растения было использовано в качестве упаковочного материала для артефактов, собранных экспедицией и отправленных в Нью-Йорк. Позже, когда чудовище потеряло доступ к растению, оно стало пожирать ближайший заменитель – человеческий гипоталамус, который, как мы определили, содержит те же гормоны, что и растение. Но, как я теперь считаю, мы в

то время совершили ошибку. Зверь был претерпевшим чудовищную деформацию Уиттлси. Я также полагаю, что Кавакита нашел правильный ответ. Грегори, видимо, обнаружил несколько растений и приступил к их генетическому изменению. Думаю, что он надеялся избавиться от всех негативных последствий, связанных с его потреблением.

– Расскажите им о наркотике, – попросил д’Агоста.

– Кавакита выращивал растения в большом количестве, – сказала Марго. – Возможно, что из него производился очень редкий искусственный наркотик (кто-то говорил, что препарат носит название «глазурь») – впрочем, в последнем я не уверена. Это очень мощное наркотическое вещество и сильнейший галлюциноген. Кроме того, препарат является носителем вирусов. Кавакита, видимо, продавал его группе избранных потребителей, скорее всего с целью собрать средства, необходимые для дальнейших исследований. Но в то же время он проверял результаты своей работы. Нет сомнения в том, что в какой-то момент он употребил растение в пищу сам. Это объясняет те резкие изменения, которые наблюдаются в структуре его скелета.

– Но если это растение – наркотик или как его там – имело такой ужасный побочный эффект, зачем Кавакита принял его сам? – спросил Хорлокер.

– Не знаю, – мрачно ответила Марго. – Возможно, он продолжал совершенствовать препарат и решил, что негативный эффект уже устранен. Кроме того, он наблюдал положительные аспекты приема наркотика. В данный момент в моей лаборатории проходят испытания этого вещества. Мы ввели наркотик лабораторным животным – в первую очередь белым мышам – и в одноклеточные организмы. Моя ассистентка Дженнифер Лейк в данный момент проверяет результаты.

– Почему я не был поставлен в известность?.. – начал Уокси.

– Если бы у тебя было время заглядывать в ящик с входящей почтой, то ты бы заметил, что мы письменно сообщали тебе о каждом нашем шаге, – перебил его д’Агоста.

– Хватит, – поднял руку Хорлокер. – Лейтенант, мы все знаем, что людям свойственно ошибаться. Взаимными обвинениями займемся позже.

Д’Агоста сел на место. Марго еще никогда не видела его в такой ярости. Казалось, он считает всех присутствующих, включая себя, виновными в подземной трагедии.

– В данный момент мы оказались в чрезвычайно сложной ситуации, – продолжал тем временем Хорлокер. – Мэр не слезает с меня, требуя

действий. А теперь, после этой резни, к нему присоединился и губернатор. – Он вытер платком лоб. – Ну хорошо. По словам доктора Грин, мы имеем дело с группой наркоманов, наркотики для которой поставлял ученый Грег Кавакита. В данный момент Кавакита мертв. Не исключено, что преступники потеряли источник снабжения. Возможно также, что они свихнулись. Правонарушители обитают глубоко под землей, в так называемых Тоннелях Астора, которые, по словам д'Агосты, заброшены много лет назад в результате затопления. Теперь, страдая от абстиненции, эти люди утратили разум. Лишенные наркотика, они вынуждены питаться человеческим мозгом. Подобно Мбвуну – Музейному зверю. Отсюда и все недавние убийства. Прошу привести факты, подтверждающие эту теорию. – Он обвел взглядом присутствующих.

– Растение Мбвуна обнаружено в лаборатории Кавакиты, – сказала Марго.

– Большая часть преступлений совершена в местах, расположенных над Тоннелями Астора, – добавил д'Агоста. – Пендергаст это четко показал.

– Весьма спорное доказательство, – вставил Уокси.

– А как насчет многочисленных утверждений подземных жителей о том, что Чердак дьявола с недавнего времени заселен? – спросила Марго.

– Неужели можно верить шайке бродяг и наркоманов? – тут же задал риторический вопрос Уокси.

– С какой стати они станут врать? – возмутилась Марго. – И кому лучше знать истинное положение дел, как не им?

– Хорошо, хорошо! – Шеф снова поднял руку. – Перед лицом только что приведенных фактов мы вынуждены согласиться с моей гипотезой. Никаких иных версий не предложено. Власти нашего города требуют немедленных действий. Не завтра, не послезавтра, а сейчас же. Не-мед-лен-но!

Фрок негромко откашлялся. Это был первый звук, который он издал за довольно продолжительное время.

– Слушаем вас, профессор, – произнес Хорлокер.

Фрок неторопливо выкатился вперед.

– Прошу простить мой скептицизм, но я нахожу все эти домыслы несколько фантастичными, – начал он. – Они представляются мне всего лишь экстраполяцией разрозненных фактов. Впрочем, с полной уверенностью я утверждать это, естественно, не могу, поскольку к последним исследованиям не привлекался. – Он с мягким укором

поглядел на Марго. – Но, как правило, самое простое объяснение и есть наиболее правильное.

– И в чем же состоит это простое объяснение? Поделитесь с нами, умоляю, – вмешался д'Агоста.

– Прошу прощения, лейтенант. Я вас не понимаю, – кисло протянул Фрок.

– Помолчи, Винсент, – распорядился Хорлокер.

– Я допускаю, что Кавакита работал с растением Мбвуна. И у меня нет оснований сомневаться в утверждении Марго, что восемнадцать месяцев тому назад мы совершили ошибку. Но разве мы располагаем фактами, подтверждающими существование наркотика, или сведениями, говорящими о его распространении? – Фрок развел руками.

– Господи, Фрок, да в его лаборатории в Лонг-Айленд-Сити постоянно были посетители…

Фрок смерил д'Агосту ледяным взглядом.

– Осмелюсь высказать предположение, лейтенант, что в вашем доме в Квинсе тоже бывают посетители. – В его голосе отчетливо звучало презрительное осуждение. – Но это вовсе не означает, что вы торгуете наркотиками. Деятельность Кавакиты (профессионально она, бесспорно, заслуживает осуждения) не имеет ничего общего с преступлениями молодежных банд и серией убийств. Кавакита, подобно многим другим, стал жертвой. Во всяком случае, лично я такой связи не усматриваю.

– В таком случае каким образом вы объясните деформацию его скелета?

– Согласен, он мог синтезировать препарат и даже мог принимать его внутрь. Из почтения к Марго я готов пойти дальше и согласиться – правда, без всяких на то доказательств, – что указанный препарат провоцирует определенные изменения в организме потребителя. Но до сих пор ничто еще не убедило меня в том, что Грегори Кавакита занимался распространением этой химической субстанции, так же как и в том, что его якобы клиенты несут ответственность за убийства. А идея о том, что Мбвун когда-то был Джоном Уиттлси… Оставьте! Она полностью противоречит эволюционной теории.

«Твоей эволюционной теории», – подумала Марго.

Хорлокер утомленно провел ладонью по лбу и отодвинул рукавом остатки завтрака, явив взорам присутствующих лежащую на столе карту.

– Ваши возражения, доктор Фрок, приняты во внимание. Но нас в данный момент не должно интересовать, кем являются эти люди. Мы

знаем, что они сделали, и нам известно их местонахождение. Остается только приступить к действиям.

– Мне кажется, что действовать пока рано, – покачал головой д’Агоста. – Понимаю, что дорога каждая минута, но слишком многое нам еще не известно. Вспомните, я был тогда в Музее естественной истории. Я видел Мбвуна. Если эти потребители наркотика обладают хотя бы малой долей его способностей… – Он пожал плечами. – Вы все видели снимки скелета Кавакиты. Думаю, нам не следует действовать, пока мы не выясним, с кем имеем дело. Пендергаст в одиночку спустился вниз на разведку более сорока восьми часов назад. Полагаю, нам следует подождать его возвращения.

Фрок удивленно посмотрел на лейтенанта. Хорлокер презрительно фыркнул:

– Пендергаст? Не нравится мне этот человек, и методы его работы мне никогда не нравились. Это дело – вне его юрисдикции. И, честно говоря, если он решил отправиться вниз в одиночку, это его проблема. Не исключено, что он уже сам стал историей. У нас достаточно огневой мощи, чтобы поступать так, как мы должны поступать.

Уокси яростно закивал головой.

Д’Агосту по-прежнему терзали сомнения.

– Во всяком случае, я бы предложил воздержаться от действий, пока мы не получим известий от Пендергаста, – сказал он.

– Воздержаться? – с сарказмом спросил Хорлокер, оглядывая присутствующих. – Мы, д’Агоста, не можем одновременно смотреть в разные стороны. Ты что, не слышал меня? Мэр визжит, требуя действий. Он не желает воздержания. У нас больше не осталось времени. – Он обернулся к адъютанту: – Соедини меня с кабинетом мэра. И отыщи Джека Мастерса.

– Лично я, – вмешался Фрок, – разделяю точку зрения лейтенанта д’Агосты. Нам не следует проявлять чрезмерную стремительность…

– Решение принято, Фрок! – Хорлокер посмотрел на расстеленную на столе карту.

Фрок побагровел. Он развернул кресло и покатился к дверям.

– Я собираюсь сделать тур по музею, – сказал он, ни к кому не обращаясь. – Как мне представляется, полезность моего пребывания в этом месте себя исчерпала.

Марго начала подниматься, но д’Агоста молча положил ладонь ей на запястье. Она горестно смотрела, как закрывается дверь. Фрок был

провидцем, он был одним из тех немногих, кто повлиял на выбор ее жизненного пути. И теперь ей было его нестерпимо жалко. Великий ученый, который слишком глубоко погряз в своих собственных теориях. Насколько было бы лучше, если бы ему позволили мирно наслаждаться заслуженным отдыхом.

39

П ендергаст стоял на узеньких мостках, наблюдая, как в четырех футах под его ногами густым потоком текут сточные воды. Сквозь очки ночного видения поток казался зеленоватым и нереальным. Концентрация метана, судя по запаху, становилась опасной, и агент ФБР время от времени извлекал из-за пазухи раструб портативного кислородного баллона, чтобы сделать глубокий вдох.

Мостки были усыпаны полусгнившими обрывками бумаги и прочим мусором, прилипшим к металлическим перекладинам во время последнего ливня. При каждом шаге нога погружалась в толстый слой покрывающей мостки ржавчины. Он двигался быстро, внимательно осматривая осклизлые стены в поисках толстой металлической двери, за которой открывался последний спуск в Тоннели Астора. Через каждые двадцать шагов Пендергаст вынимал из кармана баллон и напылял на стены два пятна. Пятна, невидимые невооруженному глазу, ярко сияли белизной в приборе ночного видения, работающем в инфракрасном диапазоне. Эти значки должны помочь ему найти обратную дорогу. Особенно в том случае, если придется – не важно, по какой причине – торопиться.

Наконец Пендергаст увидел едва заметные очертания металлической двери с заклепками по краям, покрытой коркой кальцита и окислов. В петлях висел массивный замок, превратившийся от времени в бесформенный комок металла. Пендергаст порылся в кармане и извлек из него небольшой приборчик. Канализационный коллектор огласился визгом скоростной алмазной пилы, брызнули искры и замок упал на мостки. Пендергаст изучил дверные петли и при помощи все той же пилы сделал в каждой из них узкую прорезь. Затем он ухватился за панель пальцами и резко рванул ее на себя. Послышался скрип, и дверь, вывалившись вперед, ударилась о край мостков и плюхнулась в поток нечистот, подняв изрядное количество брызг. В стене открылась ведущая в неизведанные глубины темная дыра. Пендергаст переключил прибор ночного видения на инфракрасный диапазон и пристально вгляделся в глубину, стряхивая пыль с латексовых перчаток. Ничего.

Он спустил в темную глубину тонкий кевларовый трос, закрепив его конец за металлический брус, затем извлек из вещевого мешка обвязку из нейлоновой стропы, втиснулся в нее и, закрепив на тросе карабин, шагнул в колодец.

Вскоре его башмаки коснулись мягкой податливой поверхности. Пендергаст отстегнул обвязку с карабином и, спрятав их в мешок, огляделся. В тоннеле было настолько жарко, что изображение в приборе ночного видения пылало нестерпимой белизной. Он отрегулировал прибор, и вскоре его взору предстало бледно-зеленое монохроматическое пространство.

Он стоял в длинном тоннеле. Слой грязи под ногами был не менее шести дюймов. Грязь по своей консистенции напоминала тавот. Пендергаст распахнул куртку и сверился со схемой. Далее по тоннелю, примерно в четверти мили отсюда, судя по всему, находились остатки Хрустального павильона – частного зала ожидания под давным-давно забытым отелем «Никербокер», некогда возвышавшимся на углу Пятой авеню и Южной улицы Центрального парка. Хрустальный павильон был самым большим из всех частных залов ожидания. Размерами он значительно превосходил помещения под «Уолдорф» и особняками на Пятой авеню. Если на Чердаке дьявола существует какое-то поселение, то в Хрустальном павильоне обязательно должны обнаружиться его следы.

Пендергаст осторожно двинулся по тоннелю. От запаха метана и гнили кружилась голова. Тем не менее он продолжал глубоко дышать через нос, пытаясь уловить козлиный дух, столь памятный по блужданиям в темных подвалах музея полтора года тому назад.

Служебный тоннель слился с другим и, слегка изгибаясь, повел Пендергаста к главной линии. Агент ФБР глянул себе под ноги и замер. В грязи тянулась полоска следов: отпечатки босых ног, оставленные, судя по всему, совсем недавно.

Следы вели вдоль тоннеля к главной линии.

Вдохнув полные легкие кислорода, Пендергаст нагнулся, чтобы более тщательно осмотреть тропу. Учитывая структуру грязи, следы на первый взгляд казались абсолютно нормальными – возможно, лишь чуточку более широкими и плоскими. Но только на первый взгляд. Пальцы ног к концам заметно сужались, и их отпечатки были похожи на следы когтей. Между пальцами грязь тоже была придавлена, что указывало на их возможное сращение или наличие перепонок.

Пендергаст выпрямился. Итак, все оказалось чистой правдой. Морщинники действительно существуют.

Он задержался, чтобы глотнуть еще немного кислорода, и двинулся по служебному тоннелю, следуя цепочке следов, но держась ближе к стене. Добравшись до того места, где служебный тоннель сливается с главным, он на секунду замер, прислушиваясь, и тут же вывернулся из-за угла, выкинув вперед руку с зажатым в ней пистолетом.

Никого.

Следы ног исчезли, слившись с хорошо протоптанной тропой в центре главного тоннеля. Чтобы лучше исследовать тропу, Пендергасту пришлось встать на колени. Почва хранила отпечатки множества ног – главным образом босых – и очень мало ботинок или туфель. Некоторые отпечатки были неимоверно широкими, словно их оставила лопата. Другие казались вполне нормальными.

Много, очень много существ прошло этой тропинкой.

Еще раз внимательно осмотревшись, Пендергаст двинулся дальше. По пути он миновал несколько боковых тоннелей. Из них вели цепочки следов, сливаясь с тропой основного тоннеля. Все это очень походило на сеть тропинок, которые встречаются в Ботсване или Намибии. Их протаптывают животные на пути к водопою или к своему лежбищу.

В темноте замаячило какое-то большое сооружение. Если Ал Даймонд не ошибся, то это должны быть остатки Хрустального павильона. Подойдя ближе, Пендергаст увидел длинную железнодорожную платформу, хранившую грязевые следы бесчисленных наводнений. Следуя протоп–танной стадом тропой, он поднялся на платформу и огляделся, прижавшись к стене.

Прибор ночного видения открыл ему в безжалостном зеленом свете картину ужасающего распада. Газовые бра, когда-то изящные, а теперь – без фонарей – похожие на скелеты фантастических животных, под разными углами свисали со стены, украшенной растрескавшейся керамической мозаикой. Потолок тоже был мозаичным, на нем изображались двенадцать фигур, символизирующих знаки Зодиака.

В глубине платформы тропа уходила под невысокую арку. Пендергаст двинулся туда, но тут же замер: из-под арки потянуло теплым ветерком и пахнуло чем-то очень знакомым. Пендергаст запустил руку в мешок, нащупал и извлек аргоновую лампу-вспышку военного образца. Вспышка была настолько мощной, что даже в солнечный полдень могла ненадолго ослепить человека. Недостаток ее заключался в том, что на очередную зарядку уходило семь секунд, а мощности батареи хватало всего на дюжину вспышек. Вдохнув еще кислорода, Пендергаст взял в одну руку вспышку, в другую пистолет и шагнул под арку.

В очках посыпались искры помех: прибор ночного видения перестраивался на новый режим. Насколько мог понять Пендергаст, он оказался в большом овальном зале. Над его головой с потолка с крестовым сводом криво свешивались остатки гигантской хрустальной люстры. На сохранивших изящество рожках болтались сильно смахивающие на водоросли обрывки. Потолок тут был когда-то зеркальным. Но теперь зеркала растрескались и местами отвалились, и

высокий купол походил на продырявленный небосвод. Пендергаст увидел ступени, ведущие в темноту. На ступенях виднелись следы ног. Он поднялся по лестнице и оказался в прямоугольном зале. Посреди зала возвышалось какое-то сооружение – по-видимому, древнее справочное бюро или буфет. Вдоль стен шел ряд дорических колонн с растрескавшейся, осыпавшейся штукатуркой. Между двумя ближайшими колоннами виднелось громадное панно: деревья, тихое озеро, плотина, бобры, горы и приближающиеся грозовые тучи. Мозаика с разбитыми и выпавшими плитками могла бы навести на мысль о Помпеи, если б не толстый слой грязи, оставшейся после многочисленных подъемов воды. На виньетке, венчающей панно, Пендергаст прочитал слово «Астор» и улыбнулся. Теперь каждый школьник знал, что начало состоянию Астора положила торговля бобровыми шкурками.

Картина между следующими колоннами изображала паровоз, проходящий по мосту над горным каньоном. Паровоз тянул за собой несколько товарных вагонов и цистерн. В верхний край панно упирались величественные снежные пики, а над пиками можно было разобрать: «Вандербильд». Этот человек сколотил свое состояние на железных дорогах. Еще дальше в нише, обозначенной фамилией «Рокфеллер», был изображен нефтеперерабатывающий завод на фоне буколического пейзажа. Завод окружали фермы, поля и стада. Солнце садилось где-то за частоколом крекинговых колонн.

Пендергаст прошел чуть дальше и оказался в новом зале. Ряды колонн, расходясь в стороны, постепенно исчезали в темноте, между некоторыми из них он сумел прочитать: «Вандербильд, Морган, Джесап…». Остальные имена стерлись практически полностью. Он медленно двинулся вдоль стены, до предела напрягая внимание. В любой момент тут мог кто-нибудь появиться. В дальнем конце зала оказался коридор, у входа в который виднелась надпись:

В ОТЕЛЬ

Коридор упирался в лифтовый зал с двумя лифтами. Позеленевшие бронзовые двери кабинок стояли распахнутыми, а сами кабинки изнутри были полностью разрушены. Электрические провода валялись на полу, похожие на металлических змей. К стене между двумя разбитыми зеркалами была прикреплена панель черного дерева. Дерево прогнило и было изъедено червями. Несмотря на то что низ панели отвалился, на ней все еще можно было разобрать части слов и цифры:

10:14	утр
Напр	Время
Покантико-Хиллз	10:14 ут
Колд-Спринг	10:42
Гайд-Парк	11:3

Рядом с расписанием находился небольшой зал ожидания с истлевшими диванами и стульями. Среди мебели Пендергаст увидел то, что некогда было концертным роялем Бёзендорфа. Все деревянные части сгнили и их унесли наводнения, остались лишь массивная металлическая рама, клавиатура и клубок спутанных струн. Прекрасный инструмент обратился в безмолвный музыкальный скелет.

Пендергаст, прислушиваясь, двинулся к центру зала. Тишину нарушал только шум капели. Оглядевшись, он увидел, как из щели в потолке непрерывно капает вода. Пендергаст неслышно шагал вперед, не сводя взгляда с арки входа. Он был готов к тому, что в очках ночного видения может вспыхнуть белое пятно, означающее появление более теплого, нежели окружающая среда, объекта.

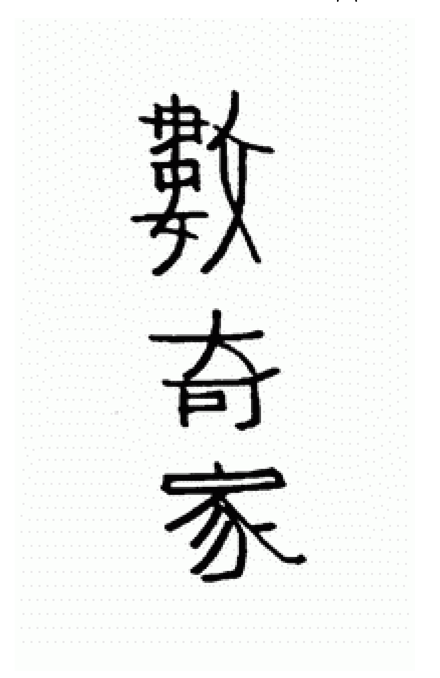
Ничего.

Когда строение в центре Хрустального павильона обозначилось в зеленом свете очков более четко, Пендергаст понял, что оно слишком приземисто для того, чтобы быть киоском. Наконец ему удалось различить довольно примитивное сооружение, нечто вроде хижины, сложенной из гладких белых булыжников и лишь частично прикрытой крышей. Строительство, видимо, еще не завершилось. Хижину окружали невысокие, похожие на пьедесталы платформы. Подойдя еще ближе, Пендергаст понял: то, что он принял поначалу за белые камни, было человеческими черепами.

Он остановился и несколько раз вдохнул из баллона чистый кислород.

Вся хижина была сложена из человеческих черепов, затылками наружу. В затылочных костях зияли дыры, казавшиеся в очках ночного видения зелеными пятнами с рваными краями. Пендергаст посчитал количество черепов от пола до крыши, а затем прикинул на глазок диаметр строения. Простой расчет показал, что на сооружение хижины ушло по меньшей мере четыреста пятьдесят черепов. Остатки волос и кожи свидетельствовали о том, что большинство черепов являются достаточно свежими.

Пендергаст прошел вдоль стены и на несколько минут замер у входа. Все следы заканчивались в этом месте. Их здесь были тысячи и тысячи. Создавалось впечатление, что перед входом в кошмарную хижину плясала толпа безумцев. Над самым входом Пендергаст увидел три иероглифа, начертанные какой-то темной жидкостью:

Вокруг стояла глухая тишина. Ни звука, ни движения. Глубоко вздохнув, Пендергаст пригнулся и шагнул внутрь. Хижина оказалась пустой. Вдоль стены на полу стояли церемониальные глиняные чаши, числом около сотни. Перед самым входом – простой сложенный из камня круглый стол фута четыре в высоту и примерно два в диаметре. Жертвенник был огражден человеческими бедренными костями, связанными между собой чем-то вроде ремней из сыромятной кожи. На столе были аккуратно разложены странные металлические детали, полуприкрытые частично засохшими, частично сгнившими цветами. Алтарь, металлические предметы и цветы, казалось, были неотъемлемой частью святилища. Пендергаст взял один из загадочных предметов и недоуменно повертел в руках. Плоский кусок металла с потертой резиновой рукояткой. Другие, столь же загадочные предметы, ключа к решению также не дали. Некоторые, самые мелкие, Пендергаст сунул в карман.

В очках ночного видения вдруг вспыхнуло белое пятно. Пендергаст мгновенно упал на колени, укрывшись за жертвенником. Кругом по-прежнему было тихо, и он уже начал подумывать, не произошла ли ошибка: прибор может давать сбои из-за тепловых потоков воздуха.

Но вот пятно сделалось ярче и обрело человеческие – или близкие к тому – очертания. Источник теплового излучения двигался с платформы через арку и направлялся в его сторону. Правильнее было

бы сказать – приближался с ужасающей скоростью, прижимая к груди какой-то предмет.

Пендергаст поднял одной рукой пистолет, другой – вспышку и стал ждать.

40

М арго сидела на колченогом стуле, легонько потирая виски кончиками пальцев. После ухода Фрока совещание довольно быстро выродилось в обычную свару. Хорлокер на несколько минут удалился, чтобы конфиденциально побеседовать с мэром. Вернулся он в сопровождении городского инженера по фамилии Хоссман. А в данный момент на проводе был Джек Мастерс – командир отряда тактического реагирования. Однако, несмотря на всю внешнюю активность, прогресса в определении курса дальнейших действий добиться практически не удалось.

– Послушайте, – звучал из динамика голос Джека Мастерса, – моим людям потребовалось полчаса только на то, чтобы выяснить, существуют эти Тоннели Астора или нет. Как мы можем направить туда команду?

– В таком случае пошлите несколько отрядов! – рявкнул Хорлокер. – Прорывайтесь через все возможные точки входа. Посылайте отряды волнами. Мы должны быть уверенными в том, что хотя бы один из них проник в Тоннели.

– Сэр, нам не известно ни число, ни характеристики этих... как вы их там называете... Полевые условия нам неизвестны. Система тоннелей под Манхэттеном настолько сложна, что мои люди могут не справиться. Слишком много неизвестных факторов, слишком много точек для организации засады.

– Но всегда остается запасной вариант – Бутылочное горлышко, – произнес городской инженер Хоссман, покусывая кончик ручки.

– Что? – переспросил Хорлокер.

– Бутылочное горлышко, – повторил инженер. – Все трубопроводы в данном квадрате проходят через одно большое отверстие, проделанное взрывами на глубине примерно триста футов. Тоннели Астора лежат где-то под ним.

– Вот и решение, – сказал в микрофон Хорлокер, – мы прикроем все возможные выходы, и можно начать наступление через это самое Горлышко. Верно?

Последовала пауза и затем ответ:

– Полагаю, что так, сэр.

– Так мы загоним их в ловушку.

– Возможно. – Даже в искаженном динамиком голосе Мастерса звучало сомнение. – Но что потом? Осаду организовать мы не сможем. Выковырять их оттуда нам не удастся. Возникнет патовая ситуация. Нам потребуется больше времени на подготовку. Как говорится, надо сперва загатить болото.

Марго бросила взгляд на д'Агосту. На его лице читалось брезгливое отвращение. Именно это он и предлагал с самого начала.

– Проклятие! – стукнул кулаком по столу Хорлокер. – Времени у нас нет! Губернатор и мэр сидят у меня на шее. Чтобы положить конец убийствам, они уполномочили меня на любые действия. И я положу им конец!

Теперь, когда Хорлокер принял решение, нетерпение его не имело границ. «Интересно, – думала Марго, – какие слова нашел мэр, чтобы нагнать такого страха на шефа полиции?»

Городской инженер Хоссман перестал грызть ручку и поинтересовался:

– Но почему мы так уверены в том, что эти существа обитают в Тоннелях Астора? Я хочу сказать, что под Манхэттеном множество подземных сооружений.

Хорлокер обернулся к Марго, та откашлялась, пытаясь выиграть время. Вопрос застал ее врасплох.

– Насколько мне известно, в тоннелях под Манхэттеном живет множество бездомных. Если бы существа обитали в других местах, то кротам об этом было бы известно. Как мы уже решили, у нас нет оснований подвергать сомнениям слова Мефисто. Кроме того, если этим существам присущи физические характеристики Мбвуна, они всеми силами стремятся избежать света. Чем глубже расположено их гнездо, тем для них лучше. Не сомневаюсь, – торопливо добавила она, – что доклад Пендергаста…

– Благодарю вас, – резко оборвал ее Хорлокер. – О'кей, Мастерс, теперь ты знаешь все, что требуется.

Дверь распахнулась, и скрип резиновых шин возвестил о возвращении Фрока. Марго медленно подняла глаза.

– Полагаю, мне следует принести извинения присутствующим, – спокойно сказал Фрок, подкатывая к столу. – Совершая экскурс по залам музея, я делал все, чтобы взглянуть на картину объективно. И, хорошенько подумав, пришел к выводу, что мог совершить ошибку. В этом бывает весьма трудно признаться. Даже самому себе. Но теперь я

считаю, что предложенная Марго теория объясняет все. – Он повернулся к девушке и добавил: – Прости меня, дорогая. Я усталый старик, обожающий свои любимые теории. Особенно если они касаются вопросов эволюции. – Профессор застенчиво улыбнулся.

– Как благородно, – произнес Хорлокер. – Но оставим душевные излияния на потом.

– Нам нужны более подробные карты, – донесся из динамика голос Мастерса. – И более подробная информация о привычках и образе действий противника.

– К дьяволу! – заорал Хорлокер. – Ты что, оглох? У нас нет времени на геологические изыскания! Уокси, что ты намерен предпринять?

Воцарилось молчание.

Фрок смотрел на Уокси, а тот, в свою очередь, пялился в окно, словно столь желаемый ответ был начертан черными буквами на зелени Большой лужайки Центрального парка. Капитан весь раздулся от напряжения, но нужные слова на ум не приходили.

– Две первые жертвы, – произнес Фрок, по-прежнему глядя на Уокси, – судя по всему, были вынесены потоком после сильнейшего ливня.

– Именно поэтому они были такими чистенькими, когда их обнаружили, – прорычал Хорлокер. – Отлично. Что дальше?

– Многочисленные следы на позвонках говорят о том, что при обезглавливании никакой спешки не было, – продолжил Фрок. – У существ, очевидно, было достаточно времени для того, чтобы без помех завершить свой труд. Данный факт позволяет нам высказать предположение о том, что тела находились вблизи от логова или непосредственно в логове этих существ. В природе мы можем обнаружить массу аналогов этому явлению.

– Ну и что?

– Если жертвы вынесло потоком из логова, то, очевидно, есть возможность затопить само логово.

– Вот оно! – заорал Уокси, восторженно отворачиваясь от окна. – Утопим гадов!

– Но это же безумие, – пожал плечами д’Агоста.

– Вовсе нет! – вскричал Уокси, показывая на окно. – Ведь воду из Резервуара можно спустить через штормовую систему? А? А когда водосборники окажутся переполнены, вода хлынет в Тоннели Астора. Разве не по этой причине их в свое время забросили?

На краткий миг в помещении установилась тишина. Хорлокер вопросительно посмотрел на инженера. Тот утвердительно кивнул:

– Это так. Резервуар можно опустошить через штормовую и канализационные системы.

– Насколько это реально?

– Чтобы дать точный ответ, надо посоветоваться с Даффи, – немного помолчав, ответил Хоссман. – Площадь Резервуара примерно две тысячи акров, что дает объем воды девяносто миллионов кубических футов или около того. Если даже небольшую часть объема – ну, скажем, процентов тридцать – одномоментно выбросить в канализационную систему, последняя окажется переполненной. И, насколько я понимаю, избыток хлынет в Тоннели Астора, а оттуда – в Гудзон.

– Именно! – триумфально тряся головой, воскликнул Уокси.

– А мне сдается, что это слишком уж круто, – заметил д’Агоста.

– Круто? – переспросил Хорлокер. – Прости, лейтенант, но этой ночью перебили множество пассажиров подземки. Монстры жаждут крови, и положение с каждым днем становится все хуже. Может, ты предпочитаешь вызвать их повесткой? Не сработает. Все большие шишки из Олбани требуют от меня действий. А теперь, – он махнул рукой в сторону Резервуара, – мы можем достать их по месту жительства.

– Но откуда мы знаем, куда польется вода? – настаивал д’Агоста.

– Это мы как раз знаем довольно точно, – повернулся Хоссман к д’Агосте. – Через Бутылочное горлышко вода выльется в нижние уровни подземных сооружений квадрата Центрального парка, зальет Тоннели Астора и хлынет в Вестсайдский обводной коллектор и, соответственно, в Гудзон.

– Пендергаст сказал, что Тоннели Астора к северу и к югу от парка давно запечатаны, – буркнул себе под нос д’Агоста.

Хорлокер огляделся, сияя улыбкой. Марго этот оскал показался неестественным, видимо, потому, что Хорлокер использовал данные лицевые мышцы крайне редко.

– Они попадут в ловушку ниже Бутылочного горлышка, их зальет водой и они утонут. Возражения? Вопросы?

– Но мы должны быть уверены, что в момент слива Резервуара все существа окажутся на месте, – сказала Марго.

Улыбка сползла с лица Хорлокера.

– Да, дерьмово… – произнес он.

– Нам удалось установить, что ни одно из убийств не произошло в полнолуние, – пожал плечами д’Агоста.

– Да, в этом есть смысл, – подхватила Марго. – Если эти существа похожи на Мбвуна, они не переносят свет и во время полной луны остаются под землей.

– А как быть с теми бездомными, которые живут под парком? – спросил д’Агоста.

– Ты что, не слышал, что сказал Хоссман? – фыркнул Хорлокер. – Вода сразу хлынет в самые нижние уровни. Мы слышали, что бездомные тех мест избегают. Кроме того, Морщинники наверняка убивают всех, кто осмеливается спуститься глубже.

– Мы разработаем ограниченную операцию, чтобы затопить только Тоннели Астора и больше ничего.

– А как насчет тех кротов, которые могут оказаться на пути водяного потока? – стоял на своем д’Агоста.

– Да, дерьмово… – Высказывания Хорлокера разнообразием не отличались. – Видимо, нам следует для пущей безопасности очистить квадрат парка от бездомных и поместить их в ночлежки. – Он выпятил грудь: – Получается, что таким образом мы можем убить сразу двух зайцев. Не исключено, что даже эта ведьма Вишер – и та утихомирится. – Он снова повернулся к Уокси: – Вот то, что я называю планом. Отлично сработано, капитан.

Уокси расплылся в ухмылке и кивнул.

– Но под нами огромное пространство, – сказал д’Агоста. – И бездомные его по доброй воле не оставят.

– Д’Агоста! – взорвался Хорлокер. – Я не желаю больше слышать твоего нытья о том, что это сделать невозможно! Скажи, ради всего святого, о каком количестве бездомных под Центральным парком идет речь? О сотне?

– Там их больше, чем…

– Если у тебя есть более светлая идея, – оборвал его Хорлокер, – я готов ее выслушать. В противном случае заткнись. – Он повернулся к Уокси: – Сегодня полнолуние. Мы не можем позволить себе ждать еще месяц. Все надо делать немедленно. – Шеф нагнулся к микрофону и произнес: – Мастерс, я хочу, чтобы до полуночи все подземное пространство в районе Центрального парка было очищено. Все, будь они прокляты, тоннели от Пятьдесят девятой до Сто первой улицы и от Западной

улицы Центрального парка до Пятой авеню. Ночь под крышей пойдет кротам на пользу. Требуй любую помощь от управления портом и транспортного управления. И свяжи меня с мэром. Я хочу ознакомить его с нашим планом и получить добро.

– Для операции следует использовать копов, которые служили раньше в транспортной полиции, – сказал д’Агоста. – Они занимались «чистками» и знают, чего ожидать.

– Не согласен, – незамедлительно вмешался Уокси. – Эти кроты чрезвычайно опасны. Шайка бездомных едва не убила нас, когда мы спускались под землю несколько дней назад. Нам необходимы настоящие профессионалы.

– Профессионалы? – пробормотал д’Агоста. – Захватите по крайней мере сержанта Хейворд.

– Забудь о ней, – сказал Уокси. – Она будет только мешаться под ногами.

– Это говорит о том, как плохо ты соображаешь, Уокси! – потерял терпение д’Агоста. – Сержант – самое ценное, что у тебя есть, а ты даже не пытался использовать ее возможности. Она лучше, чем кто-либо другой, знает о живущих под землей бездомных. Ты слышишь? Лучше, чем кто-либо другой. Поверь, тебе просто необходим ее опыт при «зачистке» такого масштаба.

– Мастерс, позаботься, чтобы сержанта Хейворд включили в команду, – вздохнул Хорлокер. – Уокси, свяжись с этим… как его там… Даффи… в водном управлении. Я хочу, чтобы все клапаны открыли в полночь. А нам, пожалуй, лучше будет перебраться в полицейское управление. Профессор Фрок, полагаю, что ваш опыт нам пригодится и там.

Фрок весь просиял, услышав столь лестную оценку, однако вслух произнес:

– Весьма вам признателен, но, пожалуй, я лучше отправлюсь домой и немного отдохну. Если такое возможно, конечно. Это дело лишило меня последних сил. – Он кивнул Хорлокеру, подмигнул Марго и покатился к дверям.

Марго смотрела ему вслед и думала: «Никто, кроме меня, не понимает, как тяжко ему далось признание своей ошибки».

Д’Агоста поднялся вслед за Хорлокером и Уокси, но у самых дверей остановился и повернулся к Марго:

– А вы что думаете?

Марго потрясла головой, чтобы вернуться к реальности.

– Не знаю, – сказала она. – Я понимаю, что времени терять нельзя. Но не могу не вспоминать, что случилось, когда… – Она надолго замолчала и вдруг закончила: – Как же мне хочется видеть здесь Пендергаста!

Зазвонил телефон. Она быстро подошла к аппарату и подняла трубку:

– Марго Грин слушает.

Некоторое время она молча держала трубку у уха, а затем – так же молча – положила ее на клавиши.

– Следуйте за начальством, – сказала она лейтенанту. – Звонила моя ассистентка. Хочет, чтобы я немедленно спустилась в лабораторию.

41

П рокладывая путь через толпу, Смитбек отпихнул плечом какого-то типа в тропическом костюме, а второго двинул локтем под дых. Он здорово просчитался в оценке времени, потребном, чтобы сюда добраться. Толпа забила уже почти три квартала на Пятой авеню, и люди продолжали прибывать с каждой минутой. Он уже прозевал речь миссис Вишер перед собором Святого Патрика и теперь надеялся не опоздать на первое стояние со свечами.

– Эй, задница, поосторожнее! – крикнул какой-то молодой человек, оторвав от губ серебряную плоскую фляжку.

– А шел бы ты… – бросил через плечо журналист, продолжая проталкиваться сквозь толпу. Он слышал, как полиция уже начала свою деятельность, пытаясь – без всякого успеха – очистить авеню. Прибыли журналисты, и Смитбек видел, как операторы карабкаются на крыши своих фургонов, чтобы сделать выразительные кадры. У него создавалось впечатление, что по сравнению с первой демонстрацией богатых и могущественных это сборище было более многочисленным и на нем присутствовало гораздо больше молодежи. И на сей раз демонстранты застали город врасплох.

– Эй, Смитбек! – Обернувшись, он увидел Кларенса Козински, корреспондента «Пост» на Уолл-стрит. – Ты не поверишь. Весть о демонстрации распространилась мгновенно.

– И все благодаря моей статье, – горделиво ответил Смитбек.

– Не хочу тебя разочаровывать, приятель, но твоя статья появилась только полчаса назад. В газете не хотели, чтобы копы заранее встали на рога. Известие о сборище начало распространяться во второй половине дня через специальные информационные службы. Во-первых, через брокерские системы, по сети электронной почты, через КВОТРОН, ЛЕКСИС и так далее. Похоже, ребята из деловой части города приняли крестовый поход Вишер близко к сердцу. Они решили, что тетка найдет

способ обеспечить им дополнительный кусок белого хлеба. – Козински хохотнул. – Речь теперь идет не только о преступности. Не спрашивай меня, как это случилось. В барах только и говорят, что у мэра по сравнению с этой бабой кишка тонка. Все верят, что только она сможет сократить расходы на социальную помощь, очистить город от бродяг, посадить в Белый дом республиканца и вернуть бейсбольную команду «Доджерс» в Бруклин. И все это одним махом.

– Даже не представлял, что в мире развелось столько финансистов. Не говоря уж о Манхэттене, – оглядывая толпу, заметил Смитбек.

Козински снова фыркнул:

– Почему-то принято считать, что на Уолл-стрит работают одни бывшие яппи в унылых костюмах, имеющие в среднем по два с половиной ребенка, дом в Джерси и ведущие унылое существование среди многочисленных домашних приборов и механизмов. Никто не помнит, что Уолл-стрит имеет свое грязное подбрюшье. Там работают биржевые посыльные, мелкие спекулянты ценными бумагами, скупщики долговых обязательств, истопники, типы, отмывающие грязные деньги, и масса другой швали. И здесь собрались в основном не сливки общества. Кроме того, заваруха не ограничивается Уолл-стрит. Призыв принять участие распространяется через пейджеры, по факсам и электронной почтой. Ребята, работающие в тихих банковских офисах и в страховых компаниях, сейчас присоединяются к общему веселью.

Впереди, между рядами голов Смитбек увидел миссис Вишер. Быстро попрощавшись с Козински, он снова стал протискиваться сквозь толпу. Миссис Вишер стояла рядом с Бергдорфом Гудманом в обществе католического священника, служителя Епископальной церкви и раввина. Позади на три фута возвышалась гора свежих цветов и открыток. Рядом с горой с печально-торжественным видом стоял весьма презентабельный молодой человек в строгом костюме и темно-фиолетовых носках. Вглядевшись повнимательнее в его унылую рожу, Смитбек узнал виконта Эдера – возлюбленного Памелы Вишер. Миссис Вишер выглядела скромно и в то же время величественно. Никакого макияжа, волосы убраны в пучок. Включая магнитофон и просовывая его вперед, Смитбек не мог не подумать о том, что видит перед собой прирожденного лидера.

Миссис Вишер долго стояла, молча склонив голову. Потом обвела взглядом толпу, взяла беспроводной микрофон и театрально откашлялась.

– Граждане Нью-Йорка! – выкрикнула она.

По толпе пронесся гул. Смитбек был просто потрясен громкостью и меткостью ее голоса. Он заметил в толпе людей с портативными

динамиками на высоких металлических шестах. Несмотря на то что марш казался стихийным, миссис Вишер продумала весь ход демонстрации до мельчайших деталей.

Когда воцарилась полная тишина, она заговорила снова, теперь уже не так громко.

– Мы собрались здесь, чтобы отдать дань памяти Мэри-Энн Каппилетти, ограбленной и застреленной четырнадцатого марта на этом самом месте. Так вознесем же молитву.

В паузах между словами до Смитбека долетал рев полицейских матюгальников, приказывающих толпе разойтись. Конная полиция беспомощно топталась на свободном месте позади толпы. Смитбек знал, что миссис Вишер сознательно не обращалась за разрешением на марш. На сей раз она желала застать мэрию врасплох и доставить властям как можно больше неприятностей. Как сказал Козински, о демонстрации объявлялось лишь по частным, современным и наиболее эффективным системам связи. Эти системы позволили держать в неведении правоохранительные органы, средства массовой информации и городские власти, которые узнали обо всем лишь тогда, когда предпринимать что-то было уже поздно.

– Много, очень много воды утекло, – продолжала миссис Вишер, – с тех времен, когда ребенок без страха мог ходить по Нью-Йорку. Теперь же этого боятся даже взрослые. Мы боимся ходить по улицам, боимся гулять по парку… боимся ездить в подземке.

При упоминании о недавней резне по толпе пронесся рассерженный гул. Смитбек тоже недовольно загудел, при этом прекрасно понимая, что миссис Вишер скорее всего ни разу в жизни не спускалась в метро.

– Сегодня! – неожиданно закричала она, обводя толпу сверкающим взглядом. – Сегодня мы все изменим! И начнем с того, что вернем себе Центральный парк. В полночь мы без всякого страха будем стоять на Большой лужайке!

Толпа одобрительно взревела. Рев все нарастал и нарастал. Смитбеку казалось, что этот звук сдавливает ему грудь. Он выключил магнитофон и сунул его в карман: все равно бесполезно записывать, а он и так ничего не забудет. Смитбек не сомневался, что на демонстрацию уже явились целые отряды репортеров из общенациональных и местных изданий. Но он, Смитбек, единственный, у кого есть эксклюзивный доступ к Аннетт Вишер, единственный, кто заранее знал весь сценарий демонстрации. Незадолго до ее начала в киосках появился специальный дневной выпуск «Пост». На одной полосе имелась врезка с картами маршрута и перечислениями всех точек, где произойдут остановки, чтобы воздать дань памяти жертвам преступлений. Смитбека распирала гордость. Он

видел, как многие в толпе держат в руках эту врезку. Козински многого просто не знал. Это он, Смитбек, сумел так широко распространить весть о марше. Продажа «Пост» прыгнет до небес, и читателями ее станут не только рабочие, но и преуспевающие, влиятельные люди, которые, как правило, читают только «Таймс». И пусть этот недоумок Гарриман объясняет все своим окаменевшим в засохшем навозе редакторам.

Солнце скрылось за башнями и минаретами домов на Западной улице Центрального парка. Наступил теплый летний вечер. Миссис Вишер зажгла свечу и кивнула стоящим рядом представителям церквей, приглашая их последовать ее примеру.

– Друзья! – Она подняла свечу над головой. – Пусть эти крошечные огоньки и наши тихие голоса сольются в неистовое пламя и громкозвучный протест. Мы стремимся лишь к одной цели, и стремление это никто не смеет ни игнорировать, ни остановить. Мы хотим одного. Вернуть себе наш город!

Толпа подхватила последнюю фразу, а миссис Вишер двинулась дальше, к Площади Великой армии. Смитбек могучим рывком пробился в первый ряд и присоединился к немногочисленной свите миссис Вишер. Это было то же самое, что оказаться в оке урагана.

– Я так рада, что вы смогли прийти, Билл, – повернулась к нему миссис Вишер. Она сказала это таким тоном, словно журналист явился на чашку чая.

– Я тоже счастлив оказаться здесь, – широко улыбнулся Смитбек.

Когда они медленно шли мимо отеля «Плаза» к Южной улице Центрального парка, Смитбек оглянулся. Огромная масса людей превратилась в поток и стала похожа на гигантскую змею, огибающую парк. Впереди него множество людей выходили с Шестой и Седьмой авеню, чтобы присоединиться к маршу. Среди толпы были и голубая кровь бизнеса, представители так называемых «старых денег» – спокойные респектабельные и седовласые мужи. Но Смитбек не мог не заметить, что число молодежи, о которой говорил Козински, непрерывно возрастает. Банковские операционисты, мелкие брокеры, трейдеры пили виски, орали, свистели и, казалось, рвались в бой. Смитбек вспоминал, как мало потребовалось для того, чтобы они начали кидать бутылки в мэра, и теперь размышлял, сумеет ли миссис Вишер удержать толпу под контролем, если все пойдет вразнос.

Водители на Южной улице осознали все безнадежность ситуации и, перестав давить на клаксоны, вылезли из автомобилей, чтобы поглазеть на толпу или присоединиться к ней. Однако со стороны Коламбус-сёркл все еще доносилась какофония гудков. Смитбек дышал полной грудью,

вбирая в себя весь этот хаос, как аромат дорогого вина. «В действиях толпы есть что-то невероятно возбуждающее», – думал он.

К миссис Вишер протиснулся какой-то молодой человек.

– Это мэр, – протянул он ей сотовый телефон.

Неторопливо положив микрофон в сумочку, миссис Вишер взяла телефон.

– Да? – холодно сказала она, не замедляя шага. После довольно долгого молчания она проговорила: – Весьма сожалею, что вы так полагаете, но время разрешений кануло в прошлое. Вы, по-видимому, еще не до конца осознали, что наш город находится в чрезвычайной ситуации. И своими действиями мы хотим привлечь ваше внимание к сложившемуся положению. Мы даем вам последний шанс вернуть покой на улицы Нью-Йорка.

Последовала пауза. Миссис Вишер слушала, приложив ладонь к уху, чтобы приглушить рев толпы.

– Я скорблю о том, что наш марш, по вашим словам, затрудняет действия вашей полиции. В то же время я рада услышать, что шеф полиции готовит какую-то собственную операцию. Но позвольте мне задать вопрос. Где находились ваши полицейские, когда была убита Памела? Где находились ваши...

Нетерпеливо выслушав ответ, она спокойно сказала:

– Нет. Абсолютно нет. Город тонет в преступлениях, а вы угрожаете наказанием мне. Если вам нечего больше сказать, я прекращаю разговор. У меня здесь крайне много дел.

Она передала телефон своему ассистенту:

– Если позвонит еще раз, скажите, что я занята.

Затем миссис Вишер повернулась к Смитбеку и взяла его под руку:

– Следующая остановка на том месте, где убили мою дочь. Мне надо быть сильной, Билл. Вы мне поможете?

– Да, мэм, – ответил Смитбек, облизывая губы.

42

Д’Агоста вслед за Марго прошел в слабо освещенный, запыленный зал на первом этаже музея. Давным-давно здесь была развернута экспозиция, но вот уже много лет зал был закрыт для доступа публики и превращен в запасник огромной коллекции млекопитающих. По коридору вдоль стен выстроились чучела самых разнообразных зверей в

наступательных или оборонительных позах. Д’Агоста едва не порвал пиджак о когти поднявшегося на задние лапы гризли. Вскоре он поймал себя на том, что плотно прижал руку к телу, стараясь избежать контакта с плесневеющими экспонатами.

Когда они завернули за угол, перед д’Агостой предстало чучело огромного слона. Кожа гиганта, во многих местах заштопанная и подновленная, растрескалась и шелушилась. Под массивным брюхом скрывалась металлическая дверь грузового лифта.

– Нам надо все заканчивать побыстрее, – сказал д’Агоста. – Сразу после полудня в департаменте полиции развернулась мобилизация. Похоже, они готовятся по новой штурмовать пляжи Нормандии. И вдобавок ко всему на Пятой авеню проходит демонстрация этих, как их там... ах да, «Вернем себе наш город»! – Запах в помещении вызвал в памяти места преступлений, которые приходилось посещать жарким летом.

– Препараторская находится прямо под залом, – пояснила Марго, увидев, как лейтенант сморщил нос. – Видимо, сейчас они мацерируют образец.

– Видимо, – согласился д’Агоста. Он поднял глаза на гигантского слона и спросил: – А где же бивни?

– Перед вами Джамбо, лучшее животное из циркового шоу П.Т. Барнума. В Онтарио его ударил паровоз, и бивни раскололись. Барнум растер их в порошок, приготовил желе и подал его на траурном ужине в память Джамбо.

– Мужик с воображением, – одобрительно буркнул д’Агоста, сунув в рот сигару. Никто не поднимет шум, если он немного покурит среди такой вони.

– Прошу прощения, – застенчиво улыбнулась Марго. – Курить нельзя. Здесь возможна высокая концентрация метана.

Д’Агоста убрал сигару в карман, и тут раскрылась дверь лифта. Метан. Теперь ему есть над чем подумать.

Они вышли в душный подвальный коридор. Вдоль стен протянулись трубы, везде стояли огромные упаковочные ящики. Один из ящиков был открыт, и в нем виднелась массивная черная кость, по толщине не уступающая стволу дерева. «Должно быть, динозавр», – подумал д’Агоста. Лейтенант всеми силами старался скрыть беспокойство, которое овладело им в тот момент, когда он вспомнил о своем последнем визите в подвалы музея.

– Мы испытали препарат на нескольких организмах, – сказала Марго, когда они вошли из мрачного коридора в ярко освещенную комнату. В

углу над осциллографом склонилась лаборантка в халате. – На лабораторных мышах, бактерии*e. coli* , на сине-зеленых водорослях и нескольких одноклеточных организмах. Мыши находятся здесь.

Д'Агоста посмотрел в указанном направлении и невольно шарахнулся.

– Боже!

Белые стенки стоящих одна на другой клеток были густо забрызганы кровью. На полу – разорванные тушки животных.

– Как вы можете видеть, из четырех первоначально помещенных в клетку мышей живой осталась только одна, – пояснила Марго.

– Но почему вы не рассадили их по разным клеткам? – спросил д'Агоста.

– Суть эксперимента как раз и состояла в том, чтобы поселить их вместе. Мне хотелось установить характер как физических, так и поведенческих изменений.

– Сдается мне, эксперимент слегка вышел из-под контроля?

Марго кивнула:

– Всех мышей кормили лилией Мбвуна, и они очень сильно заражены реовирусом. Весьма необычно, что вирус оказывает на мышей такое же влияние, как и на людей. Обычно действие вируса весьма специфично и зависит от носителя. А теперь посмотрите на это.

Марго протянула руку к самой верхней клетке, и оставшаяся в живых мышь бросилась в атаку. Она шипела, царапала клетку, длинные желтые резцы терзали воздух.

Марго отдернула руку.

– Очаровательно, – кивнул д'Агоста. – Они бьются до смерти, да?

– Самое удивительное, – сказала Марго, – что эта мышь в драке получила страшные раны. Однако взгляните, как хорошо они затянулись. И во всех остальных клетках вы встретитесь с тем же феноменом. Препарат, по-видимому, обладает сильными омолаживающими и целебными свойствами. Свет, судя по всему, их раздражает, но нам и без того известно, что препарат усиливает светочувствительность. Джен как-то забыла выключить свет, и колония, находившаяся под лампой, к утру погибла.

Посмотрев в задумчивости на клетки, она продолжила:

– Есть еще одна вещь, которую мне хотелось бы вам показать. Джен, не могла бы ты мне помочь?

С помощью лаборантки Марго опустила в верхней клетке разделитель, изолировав мышь в углу, а затем при помощи длинных щипцов ловко извлекла останки мертвого животного и бросила их в ванночку из пирекса.

– Давайте посмотрим. – Она вынесла останки в главное лабораторное помещение и поместила их под широкоугольный бинокулярный микроскоп. Марго приникла к окулярам и расправила останки металлической лопаточкой. Д’Агоста с интересом следил за тем, как девушка рассекла затылочную часть головы и, отвернув в сторону шерсть и кожу, стала изучать череп. После чего она обнажила часть хребта и так же внимательно изучила позвонки.

– На первый взгляд они кажутся абсолютно нормальными. – Марго выпрямилась и повернулась к д’Агосте. – Если не считать омолаживающего эффекта, то препарат, видимо, главным образом оказывает влияние не на морфологию, а на поведение животного. По крайней мере у данного вида. Пока еще преждевременно утверждать с полной определенностью, но, похоже, Каваките удалось усмирить препарат.

– Да, – согласился д’Агоста. – Но для него это было уже слишком поздно.

– Вот это меня и поражает больше всего, – сказала Марго. – Кавакита, судя по всему, начал принимать препарат до того, как была достигнута нужная фаза. Почему он так рисковал, испытывая наркотик на себе? Даже испытав препарат на других, нельзя быть до конца уверенным в его безопасности. Поспешность всегда была чужда его натуре.

– Самомнение, – подсказал д’Агоста.

– Самомнение не объясняет причин, в силу которых человек превращает себя в морскую свинку. Кавакита был ученым осторожным почти до неприличия. Подобные действия совершенно не в его характере.

– Наркоманом может стать любой, – заметил д’Агоста. – Мне постоянно приходится с этим сталкиваться. Врачи. Медицинские сестры. Даже офицеры полиции.

– Возможно, – не очень убежденно согласилась Марго. – Однако продолжим. Вот здесь находятся зараженные вирусом бактерии и одноклеточные. Как ни странно, но испытания на них дали негативный эффект. Для всех видов, кроме одного.

Она открыла термостат и извлекла из него поднос, уставленный рядами чашек Петри, покрытых пленкой пурпурного агара. Глянцевые, размером в десятицентовую монету пятна на поверхности агара представляли собой растущие колонии одноклеточных.

Марго взяла одну из чашечек:

– Это*b. meresgrii* – одноклеточное существо, обитающее в прибрежных океанских водах на листьях бурых водорослей и некоторых других водяных растений. В обычных условиях питается планктоном. Я использовала это одноклеточное потому, что оно исключительно спокойно и в то же время весьма чувствительно ко многим химическим веществам.

Проволочной петелькой Марго осторожно провела по колонии одноклеточных, мазнула по стеклышку, поместила его под линзу микроскопа, отрегулировала фокусировку и отступила в сторону, чтобы мог взглянуть д'Агоста.

Лейтенант прильнул к окуляру, но вначале ничего не увидел. Затем на решетчатом фоне он заметил изрядное количество круглых прозрачных пузырьков, отчаянно размахивающих своими жгутиками.

– Вы сказали, что оно ведет себя спокойно, – заметил лейтенант, не отрывая глаза от окуляра.

– Как правило, да.

Неожиданно д'Агоста понял, что безумное движение вовсе не носит случайный характер. Создания нападали одно на другое, разрывая друг у друга оболочку и припадая к образовавшимся разрывам.

– Вы сказали, что они ограничивают свою диету планктоном.

– Повторяю: как правило, да. Вам страшно, правда?

– Вы это точно подметили, – сказал, выпрямляясь, д'Агоста. Он был потрясен тем, что чудовищная ярость этих крошечных существ смогла вызвать у него чувство беспокойства.

– Я так и думала, что вам будет интересно это увидеть. – Марго подошла к микроскопу и прильнула к окуляру. – Потому что, если они намерены…

Она замолчала и замерла.

– В чем дело? – спросил д'Агоста.

Марго молчала.

– Странно, – пробормотала она наконец и обернулась к лаборантке: – Джен, не могла бы ты капнуть на эти экземпляры эозинофилами? И кроме того, постарайся радиоактивным трейсером выявить среди них первоначальных членов колонии.

Жестом попросив д’Агосту подождать, Марго помогла Джен подготовить трейсер и поместила образцы под объективы бинокуляра. Д’Агосте казалось, что прошла уже целая вечность. Наконец Марго выпрямилась, быстро записала что-то в блокнот и снова прильнула к окулярам. Д’Агоста слышал, как она что-то подсчитывает, негромко бормоча себе под нос.

– Продолжительность жизни этих одноклеточных, – в конце концов сказала она, – обычно не превышает шестнадцати часов. Эти же находятся здесь тридцать шесть часов. *B. meresgrii* , находясь в термостате при температуре тридцати семи градусов по Цельсию, делятся каждые восемь часов. Следовательно, – она показала на дифференциальное уравнение в записной книжке, – через тридцать шесть часов отношение мертвых одноклеточных к живым должно составить семь к девяти.

– И?.. – спросил д’Агоста.

– Я только что провела грубый подсчет и обнаружила, что соотношение между живыми и мертвыми наполовину меньше.

– И это означает?..

– Одно из двух. *B. meresgrii* либо делятся не с той скоростью, либо…

Она опять уткнулась в микроскоп, и до д’Агосты снова донеслось бормотание. На сей раз Марго выпрямилась значительно медленнее.

– Скорость деления нормальная, – совсем тихо произнесла она.

– И это означает?.. – спросил лейтенант, теребя сигару в нагрудном кармане.

– Что продолжительность жизни увеличилась на пятьдесят процентов.

Д’Агоста некоторое время молча смотрел на нее, а затем негромко сказал:

– Вот вам и мотив, объясняющий поступки Кавакиты.

Кто-то негромко постучал в дверь. Прежде чем Марго успела что-либо сказать, дверь открылась и в лабораторию скользнул Пендергаст, кивая на ходу им обоим. Он снова был в своем великолепном черном костюме, а его лицо, хотя и несколько утомленное, ничем не выдавало того, что спецагент вернулся из подземных странствий. Лишь над левой бровью виднелась небольшая царапина.

– Пендергаст! – воскликнул д’Агоста. – Почти вовремя!

– Само собой, – ответил агент. – У меня было предчувствие, что я найду вас, Винсент, именно здесь. Прошу извинить, что я столь долго не давал о себе знать. Путешествие оказалось несколько более утомительным и сложным, нежели я предполагал. Конечно, я мог представить доклад о моих встречах получасом раньше, но пришел к выводу, что душ и смена платья совершенно необходимы.

– Встречах? – переспросила Марго. – Следовательно, вы их видели?

– Видел – и не только видел, – кивнул Пендергаст. – Но прежде, умоляю, введите меня в курс событий, происходящих на поверхности. Я, естественно, слышал о трагедии в подземке и, кроме того, увидел людей в синих мундирах в таком количестве, словно они собрались на финальный матч Мировой лиги по бейсболу. Боюсь, однако, что множество событий прошло мимо моего внимания.

Он внимательно выслушал рассказ Марго и д'Агосты о подлинном характере «глазури», об Уиттлси и Каваките и о планах затопления Тоннелей Астора. Он не прерывал разъяснения и задал лишь пару уточняющих вопросов, когда Марго кратко излагала результаты своих экспериментов.

– Поразительно! – воскликнул Пендергаст. – Поразительно и в то же время тревожно. – Он уселся на стул, закинув ногу за ногу. – Мои исследования принесли столь же неприятные результаты, подтверждающие ваши выводы. Глубоко в Тоннелях Астора существует своего рода сборный пункт. Он расположен в развалинах Хрустального павильона – частной железнодорожной станции под несуществующим ныне отелем «Никербокер». В центре павильона я обнаружил весьма любопытную хижину, сложенную исключительно из человеческих черепов. К хижине ведут протоптанные тропы. Рядом имеется сооружение, напоминающее жертвенный стол, и некоторое количество разнообразных артефактов. Пока я занимался изучением жертвенника, из темноты появилось одно из этих существ.

– Как оно выглядит? – спросила Марго.

– Трудно сказать, – помрачнел Пендергаст. – Прибор ночного видения на расстоянии обладает низкой разрешающей способностью, а приближаться я не стал. Он похож на человека, или близко к тому. Но его поступь… хм-м… она каким-то образом отличалась от человеческой. – Агент ФБР, казалось, не мог подыскать слов, что было для него совершенно нетипично. – Оно двигалось неестественно, держа в руках какой-то предмет… Полагаю, это был строительный материал для хижины. Я ослепил его вспышкой и выстрелил, но вспышка временно вывела из строя мои очки. А когда видимость восстановилась, существо исчезло.

– Вы попали? – спросил д’Агоста.

– Полагаю, что да. Следы крови не заметить было нельзя. Но к этому моменту я начал испытывать довольно сильное желание вернуться на поверхность. – Он посмотрел на Марго и, вскинув бровь, продолжил: – Как я догадываюсь, некоторые из этих существ более деформированы, нежели другие. Так или иначе, мы можем быть уверены в трех вещах: существа эти способны передвигаться очень быстро, они видят в темноте и отличаются чрезвычайной злобностью.

– И обитают в Тоннелях Астора, – содрогнувшись, добавила Марго. – И все как один – в наркозависимости от «глазури». Теперь, после смерти Кавакиты и исчезновения растения, они, видимо, обезумели от абстиненции.

– Да, видимо, так, – согласился Пендергаст.

– А в хижине, о которой вы столь живописно рассказали, Кавакита, наверное, раздавал наркотик, – продолжала Марго. – По крайней мере к концу жизни, когда события начали выходить из-под контроля. И, судя по вашему рассказу, раздача наркотиков могла даже обрести ритуальные формы.

– Именно, – кивнул Пендергаст. – Над входом в хижину я заметил японские иероглифы, значение которых грубо можно перевести как «Обитель асимметрии». Так иногда называют японские чайные домики.

– Чайные домики? При чем тут чайные домики? – изумился д’Агоста.

– Вначале и я этого не понял. Но чем больше я думал, тем лучше понимал, что сотворил Кавакита. *Roji* – так называются возвышения, стоящие в беспорядке перед входом. Отсутствие каких-либо орнаментов или украшений. Примитивное, недостроенное святилище. Все это – элементы чайной церемонии.

– Он, видимо, распространял наркотик, заваривая растение в воде как чайный лист, – догадалась Марго. – Но зачем все эти сложности… Если… – Она немного помолчала. – …если Грег сознательно не превратил это в ритуал.

– Целиком и полностью с вами согласен, – подхватил Пендергаст. – С течением времени ему становилось все труднее и труднее держать эти существа под контролем. В какой-то момент Кавакита перестал продавать наркотик. Но он знал, что не может оставить без зелья чудовищ, которых сам же и породил. Кавакита – дипломированный антрополог, и он не мог не знать об успокаивающем, укрощающем действии ритуалов и церемоний.

– И поэтому решил создать ритуал раздачи препарата, – сказала Марго. – В примитивных культурах жрецы часто прибегают к ритуалам, чтобы восстановить порядок или упрочить свою власть.

– И за основу избрал чайную церемонию, – кивнул Пендергаст. – Испытывал ли он сам при этом благоговение или нет, нам уже никогда не узнать. Хотя, учитывая всю его деятельность, осмелюсь предположить, что с его стороны это была всего лишь циничная выходка. Помните те обгоревшие листки, которые вы нашли в лаборатории Кавакиты?

– Да. Я их все скопировал, – ответил д’Агоста.

Он извлек записную книжку, быстро нашел нужные страницы и передал блокнот Пендергасту.

– Вот-вот. «Зеленое облако. Порох. Сердце лотоса». Это все наркотики зеленого цвета. Одни встречаются чаще, другие реже. А это говорит вам о чем-нибудь, доктор Грин? – Он постучал ногтем по странице. – «Синька», «синяя борода».

– А вы считаете, что это должно мне о чем-то говорить?

– Это не два названия одной субстанции, а пара совершенно различных растений, которые обитатели «Шестьсот шестьдесят шестой дороги» назвали бы «грибочки».

– Ну конечно! – Марго даже щелкнула пальцами. – *Caerulipes* и *coprophila* !

– Вы, ребята, меня окончательно запутали, – произнес д’Агоста.

– Это названия двух грибов, – повернулась к нему Марго. – Мощнейшие, содержащие псилосин галлюциногены.

– А виссоканом, если мне не изменяет память, – сказал Пендергаст, – именовался напиток, который употребляли индейцы алгонкины во время ритуала посвящения юношей в мужчины. Это был настой красавки, содержавший значительное количество скополамина – весьма сильного наркотика.

– Так вы считаете, что это своего рода реестр? – спросил д’Агоста.

– Скорее всего так. Не исключено, что Кавакита хотел усовершенствовать свою заварку, чтобы сделать потребителей более послушными.

– Если вы правы, и Кавакита хотел держать потребителей «глазури» под контролем, то зачем ему понадобилось это сооружение из черепов? –

спросила Марго. – Мне кажется, что подобное строение способно только усилить кровожадные инстинкты.

– Не могу с вами не согласиться, – пожал плечами Пендергаст, – в нашей головоломке остается пока много недостающих звеньев.

– Хижина из человеческих черепов... – задумчиво протянула Марго. – Где-то я об этом уже слышала. Кажется, о ней упоминалось в полевом журнале Уиттлси.

Пендергаст с интересом посмотрел на нее:

– Вот как? Весьма любопытно.

– Давайте сверимся с архивами. Можно воспользоваться терминалом у меня в кабинете.

Лучи клонящегося к западу солнца лились сквозь единственное окно тесного кабинета Марго, заливая золотом разложенные на столе бумаги и книги. Марго села за стол, придвинула к себе клавиатуру и начала печатать.

– Музей в прошлом году получил грант на то, чтобы внести все полевые журналы и другие документы такого рода в базу данных, – пояснила она. – Если повезет, мы найдем то, что нам надо.

Она начала поиск с трех слов: Уиттлси, хижина и череп. На экране возникло единственное название. Марго вызвала документ и быстро просмотрела его, отыскивая нужное место. Холодные обезличенные слова на экране напомнили ей о том времени полтора года назад, когда она через плечо Смитбека следила за тем, как журналист листает пожелтевшие и покрытые пятнами плесени страницы полевого журнала.

* * *

...Крокер, Карлос и я идем дальше. Почти сразу же остановились, чтобы переупаковать ящик. Разбились банки с образцами. Пока я занимался упаковкой, Крокер, сойдя с тропы, наткнулся в центре небольшой поляны на разрушенную хижину. Хижина, судя по всему, целиком сооружена из человеческих черепов и окружена изгородью из воткнутых в почву бедренных костей. В затылках всех черепов имелись отверстия с неровными краями. В центре хижины находится жертвенный стол, сделанный из берцовых костей, скрепленных жилами. На жертвенном столе мы нашли фигуру и несколько кусков дерева со странной резьбой.

Но я обгоняю события. Мы принесли кое-что для осмотра, открыли ящик, достали сумку с инструментами; не успели мы обследовать хижину, как из кустов появилась старуха-туземка – пьяная или больная, сказать трудно. Громко вопя, она указала на ящик...

– Достаточно! – очистив экран, бросила Марго более резко, чем ей хотелось. Она вовсе не желала видеть ничего, что могло бы напомнить ей о содержимом того кошмарного ящика.

– Прелюбопытнейше, – сказал Пендергаст. – Теперь, пожалуй, стоит суммировать все, что нам известно. – И он приступил к перечислению, загибая один за другим свои тонкие изящные пальцы. – Итак, Кавакита занялся производством наркотика под названием «глазурь». Испытал его на других, затем усовершенствовал и испробовал на себе. Несчастные потребители были изуродованы, и у них развилась светобоязнь, вследствие чего им пришлось уйти под землю. Постепенно дичая, они стали охотиться на других подземных обитателей. Теперь же, после смерти Кавакиты и утраты доступа к наркотику их хищнические инстинкты значительно усилились.

– И нам известен мотив, в силу которого Кавакита сам принимал препарат, – добавила Марго. – Наркотик обладает омолаживающим воздействием и, видимо, способностью увеличивать продолжительность жизни. Подземные чудища получали более ранний вариант препарата по сравнению с тем, что принимал он сам. Судя по всему, Кавакита продолжал совершенствовать вещество даже после того, как пристрастился к нему. Подопытные животные в моей лаборатории не имеют никаких физических отклонений. Но даже наиболее совершенная форма препарата оказывает отрицательное влияние. Посмотрите, какими агрессивными и склонными к убийству стали не только мыши, но и одноклеточные.

– Тем не менее остаются вопросы, – неожиданно проговорил д'Агоста.

Марго и Пендергаст разом обернулись к лейтенанту.

– Во-первых, почему эти твари его убили? А что прикончили его они, у меня нет ни малейших сомнений.

– Возможно, потому, что стали неуправляемыми, – предположил Пендергаст.

– Или прониклись к нему ненавистью, увидев в нем источник своих страданий, – добавила Марго. – Не исключено, что между ним и одним из созданий началась борьба за власть. Помните его слова в записной книжке: «...однако другой с каждым днем становится все более нетерпеливым»?

– Во-вторых, с какой стати он в своей записной книжке упоминает о гербициде под названием «тиоксин»? Это не лезет ни в какие ворота. И почему вдруг возник витамин D, который он, по вашим словам, синтезировал?

– Не забудьте, что Кавакита в своем дневнике написал слово «необратимый», – сказал Пендергаст. – Возможно, он в конце концов понял, что не сможет загнать в бутылку джинна, которого сам и выпустил.

– И это может объяснить те угрызения совести, которые, судя по его записям, он испытывал, – кивнула Марго. – Не исключено, что Грег сосредоточил свои усилия на устранении физических последствий приема наркотика, упустив из виду то влияние, которое препарат оказывает на мозг.

– В-третьих, – не унимался д'Агоста, – какой, к дьяволу, смысл воссоздавать эту хижину из черепов, упомянутую в полевом журнале Уиттлси?

На это ответа не нашлось ни у кого.

– Вы правы, Винсент, – вздохнул наконец Пендергаст. – Для меня существование этой хижины остается загадкой. Такой же загадкой, как и те куски металла, которые я нашел на жертвенном столе.

Он извлек из кармана и разложил на рабочем столе небольшие металлические предметы. Д'Агоста тут же взял их в руки и принялся тщательно изучать.

– Вполне возможно, что это обыкновенный мусор, – заключил он.

– Они были уложены тщательно и даже с любовью, – с сомнением покачал головой Пендергаст. – Подобно реликвиям в реликварии.

– В чем?

– В реликварии – сосуде или помещении, где хранятся и выставляются для обозрения объекты поклонения.

– Что касается меня, то у меня они никакого почтения не вызывают. Больше всего они смахивают на фрагменты приборной доски автомобиля. Или какого-то домашнего устройства. – Лейтенант повернулся к Марго: – Может быть, у вас возникнут какие-нибудь предположения?

Марго поднялась из-за дисплея и подошла к рабочему столу. Она взяла один из предметов, повертела его в руках и положила на место.

– Это может быть всем чем угодно, – сказала она и взяла следующий предмет – металлическую трубку, один из концов которой был прикрыт серой резиной.

– Всем чем угодно, – повторил Пендергаст. – Но я чувствую, доктор Грин, как только мы выясним, что представляют собой эти предметы и

почему они оказались на жертвенном столе под Нью-Йорком на глубине в тридцать этажей, мы найдем ключ к головоломке.

43

Х ейворд приладила к каске прозрачное, снабженное фонарем забрало, подхватила щит и дубинку и осмотрела синюю массу полицейских, толпящихся в нижнем зале станции подземки на Пятьдесят девятой улице. Ей предстояло найти пятый взвод, которым командовал лейтенант Миллер. Но в огромном зале царил хаос – все кого-то искали и, естественно, не могли найти.

Она видела, как прибыл шеф Хорлокер, только что закончивший смотр войск на станции Восемьдесят первой улицы и под музеем. Хорлокер расположился в дальнем конце зала рядом с отрядом тактического реагирования. Отрядом командовал Джек Мастерс – гориллоподобный детина с длинными, висящими вдоль тела руками и вечно кислым выражением лица. Однако сейчас он бодро водил пальцем по плану подземелья, объясняя что-то своим помощникам. Хорлокер стоял рядом. Время от времени он одобрительно кивал и постукивал указкой по схеме, обозначая, видимо, самые болевые точки. Потом Хорлокер величественным движением отпустил офицеров, а Мастерс поднес к губам матюгальник.

– Внимание! – скрипуче проорал он. – Все отряды на месте?

Этот вопрос напомнил Хейворд лагерь скаутов.

Послышался ропот, который вполне можно было истолковать как общее «нет».

– Первый взвод сюда, – гаркнул Мастерс, указывая на пространство перед собой. – Второй собирается на нижнем уровне!

Так он перебрал все отряды, указывая им дислокацию. Хейворд направилась к месту сбора пятого взвода. Когда она нашла свой отряд, лейтенант Миллер расстилал большую схему, на которой место действий его подразделения было окрашено в синий цвет. На лейтенанте была серая штурмовая униформа, и все же свободный покрой не скрывал его тучности.

– Я не хочу от вас никакого героизма и требую по возможности избегать стычек. Ясно? Обычно этим делом занимаются транспортные копы, так что не ждите ничего особенного. Если будет оказано сопротивление, помните – в вашем распоряжении имеются противогазы и канистры со слезоточивым газом. Не портите зря воздух, покажите им, что вам не до шуток. Но осложнений я не ожидаю. Делайте свою работу как следует, и мы выберемся оттуда уже через час.

Хейворд открыла было рот, но тут же одумалась. Идея использовать слезоточивый газ в подземных тоннелях показалась ей несколько экстравагантной. В свое время, несколько лет назад, еще до того, как произошло слияние транспортной и обычной полиции, кто-то из начальства предложил для усмирения бездомных применить слезоточивый газ. Рядовые полицейские тогда едва не учинили бунт. Газ (и на поверхности дело довольно скверное!) под землей становится просто смертельным. А она видела, что в зону действия их отряда входит метро глубокого заложения и служебные тоннели под станцией «Коламбус-сёркл».

Миллер еще раз обвел взглядом отряд и пролаял:

– Запомните, у большинства кротов, которые вам попадутся, по той или иной причине поехала крыша, некоторые из них еле ползают, потому что постоянно находятся в поддатии. Покажите им власть, и они выстроятся по струнке. Гоните их как скот – вот что я вам посоветую. Если сдвинуть их с места, они зашагают без остановки. Направляйте их сюда, здесь место сбора для всех, кого пригонят отряды от четвертого до шестого. Когда все окажутся в сборе, мы выгоним кротов на поверхность через выход к парку.

– Лейтенант, – сказала Хейворд. Промолчать она не могла. Лейтенант посмотрел в ее строну. – В свое время мне приходилось «чистить» тоннели, и я знакома с этими типами. Они не пойдут так легко, как вы думаете.

Миллер удивленно уставился на нее:

– Ты? Ты – чистильщица?

– Так точно, сэр, – ответила Хейворд, поклявшись себе, что следующему, кто спросит ее таким тоном, она врежет между ног.

– Боже мой! – покачал головой Миллер.

Повисла тишина. Все молча пялились на Хейворд.

– Есть ли среди вас еще кто-нибудь из бывшей транспортной полиции? – спросил Миллер, оглядывая отряд. Один из полицейских поднял руку. Хейворд бросила на него оценивающий взгляд. Черный, крупный, сложением похож на танк.

– Фамилия? – пролаял Миллер.

– Карлин, – спешно ответил здоровяк.

– Кто еще? – спросил Миллер. Ему никто не ответил.

– Хорошо.

– Мы, которые из транспортной, знаем эти тоннели, – негромко сказал Карлин. – Очень плохо, что начальство пригласило на этот пикничок так мало людей… сэр.

– Карлин… или как тебя там. У тебя есть газ, у тебя есть дубинка, у тебя есть пушка. Поэтому можешь в штаны не мочиться. А если мне когда-нибудь потребуется узнать твое мнение, я сам тебя спрошу. – Миллер оглядел отряд еще раз и продолжил: – Здесь и без того слишком много лишних тел. Для такой операции требуется небольшая группа отборных ребят. Но коли шеф чего-нибудь хочет, то шеф это получает.

Хейворд, в свою очередь, огляделась и увидела, что в помещении набилось около сотни полицейских.

– Под «Коламбус-сёркл» бездомных сотни три, не меньше, – спокойно сказала она.

– Вот как? И когда же ты их в последний раз подсчитывала?

Хейворд промолчала.

– В отряде всегда сыщется хотя бы одна зараза, – пробормотал Миллер и громко добавил: – Запомните. Это – силовая операция. Все должны держаться кучно и слушать команды. Ясно?

Несколько человек ответили командиру кивками. Карлин поймал взгляд Хейворд и возвел глаза к потолку, демонстрируя тем свое отношение к Миллеру.

– Ол’райт, выбирайте себе партнера, – бросил Миллер, сворачивая схему.

Хейворд быстро повернулась к Карлину, и тот согласно кивнул.

– Привет, – усмехнулся Карлин. Хейворд поняла, что ошиблась, посчитав его несколько толстоватым. Карлик был крепышом, сложенным как тяжелоатлет. Ни грамма лишнего жира. – Чем занималась до того, как ликвидировали транспортную?

– Работала под Пенсильванским вокзалом, моя фамилия Хейворд.

– Это мужская работа, – сказал Миллер, сурово глядя на Хейворд. – Всегда сохраняется возможность того, что события пойдут несколько вразнос. Мы не станем возражать, если ты…

– Если я останусь с сержантом Карлином, то мужчины в нашей связке хватит на двоих, – сказала Хейворд, обводя взглядом впечатляющую фигуру партнера, после чего намеренно задержала взгляд на брюшке лейтенанта.

Несколько копов громко заржали.

– Ладно, – бросил Миллер. – Подыщу для вас дело в хвосте колонны.

– Солдаты на страже закона! – неожиданно пролаял из громкоговорителя голос Хорлокера. – В нашем распоряжении менее четырех часов для того, чтобы очистить от бездомных территорию под Центральным парком. Постоянно помните о том, что ровно в полночь миллионы галлонов воды будут сброшены из Резервуара в ливневый коллектор. Мы будем управлять движением этого потока, но нет никаких гарантий, что пара-другая бездомных не окажется на пути воды. Поэтому совершенно необходимо, чтобы вы делали свое дело со всем возможным тщанием. Каждый, кто находится в опасной зоне, должен быть из нее эвакуирован. Каждый. И это не временная эвакуация. Мы намерены использовать представившуюся нам уникальную возможность, чтобы раз и навсегда очистить от бездомных этот район. Задачи вам поставлены, и вас ведут командиры, назначенные исходя из их опыта и знаний. Я не вижу причин, почему эти задачи не могут быть решены на час-другой ранее намеченного времени.

Он выдержал паузу, а затем продолжил:

– Мы позаботились о том, чтобы все бездомные получили пищу и крышу над головой на эту ночь. Если потребуется, разъясните им это. От точек выхода, обозначенных на ваших картах, автобусы доставят их в ночные убежища Манхэттена и других муниципальных районов. Мы не ожидаем сопротивления. Однако на тот случай, если беспорядки вдруг возникнут, у вас имеются соответствующие приказы.

Хорлокер замолчал, оглядел отряды и снова поднес к губам громкоговоритель.

– Ваши товарищи, действующие в северной части сектора, получили все необходимые инструкции и приступят к действиям одновременно с вами. Я хочу, чтобы движение началось синхронно. Вы сможете поддерживать связь между собой и с командирами ближайших к вам групп, но связь с поверхностью будет в лучшем случае крайне нестабильной. Поэтому следуйте ранее выработанному плану, выдерживайте временное расписание. – Шеф снова помолчал и закончил свою историческую речь: – За дело, ребята! Ради нашего города!

Шеренги полицейских выровнялись, а Хорлокер, проходя мимо строя, произносил слова ободрения, а некоторых даже похлопывал по плечу.

Дойдя до сержанта, он остановился и мрачно спросил:

– Ведь ты Хейворд, не так ли? Девица д’Агосты?

«Девица д’Агосты! Чтоб ты сдох!» – подумала она, а вслух ответила:

– Я работаю с лейтенантом д’Агостой, сэр.

– Что же, в таком случае действуй, – милостиво кивнул Хорлокер.

– Послушайте, сэр, было бы… – начала она, но в этот момент между ней и шефом возник его адъютант и начал что-то бормотать, что демонстрация в Центральном парке оказалась значительно более масштабной, чем предполагалось.

Шеф тут же заспешил прочь, а Миллер сурово поглядел на нее.

Как только Хорлокер и его свита покинули зал, громкоговоритель взял Мастерс.

– На выход… повзводно… марш! – пролаял он.

Миллер повернулся лицом к своему отряду и криво ухмыльнулся:

– О’кей, ребята. Пошли охотиться на кротов.

44

К апитан Уокси вышел из старого здания полицейского участка Центрального парка и, пыхтя, двинулся по дорожке к северу. Дорожка, изгибаясь, исчезала в темных зарослях. Слева от него шагали облаченные в форму полицейские, справа – Стэн Даффи, главный городской инженер по гидравлике. Даффи постоянно забегал вперед и оглядывался на полицейских с явным нетерпением.

– А помедленнее нельзя? – пропыхтел Уокси. – У нас не марафон.

– Не люблю я гулять по парку в такой поздний час, – ответил Даффи писклявым, пронзительным голосом. – Особенно после всех этих убийств. Вы должны были прибыть в участок полчаса назад.

– Весь город к северу от Сорок второй – один сплошной бедлам, – сказал Уокси. – Вы и представить себе не можете, какие там пробки. – Он покачал головой. – И все из-за этой бабы Вишер. – Откуда ни возьмись появляется демонстрация. Южная и Западные улицы забиты полностью, а часть народу до сих пор болтается на Пятой авеню, создавая полный хаос. Они не получили разрешения на свой проклятый марш, и эта ведьма даже не удосужилась никого предупредить. Если бы он, Уокси, был мэром, то всех бы засадил за решетку.

Справа от них черным пятном на темном фоне возникла оркестровая раковина. Пустая, безмолвная, густо испещренная граффити, она могла служить идеальным убежищем для грабителей. Даффи, нервно глянув в ее сторону, поспешил ускорить шаг.

Двигаясь по Восточному проезду, они обогнули пруд. Издали, из-за темных границ парка до Уокси доносились злобные выкрики, радостные вопли, рев клаксонов и шум моторов. Он бросил взгляд на часы. Восемь тридцать. Согласно плану, они должны были приступить к подготовке сброса воды в восемь сорок пять. Времени практически не оставалось.

Насосная станция Резервуара Центрального парка располагалась в каменном здании примерно в четверти мили к югу от Резервуара. Уокси уже различал ее сквозь деревья. Сквозь единственное грязное окно пробивался желтый свет, над притолокой двери были вырезаны буквы «НСРЦП». Уокси замедлил шаг, а Даффи уже открывал замок на тяжелой металлической двери. Дверь распахнулась, за ней была старая, потрепанная комната: на каменных стенах висели карты, схемы и запыленные, давно забытые водомерные приборы. В углу стоял компьютер с несколькими мониторами, принтером и периферией весьма необычной конфигурации.

Когда все вошли в помещение, Даффи тщательно закрыл за собой дверь, запер ее на замок и подошел к пульту управления.

– Мне никогда не приходилось этого делать. – Он нер–возно выдвинул ящик и достал оттуда справочник весом не менее пятнадцати фунтов.

– Сейчас не время вилять. Без нас вам это дерьмо все едино не свалить, – сказал Уокси.

Даффи, как бы намереваясь что-то сказать, посмотрел на капитана, но, видимо, передумав, начал листать справочник. Через несколько минут он подвинул к себе клавиатуру и что-то набрал на ней. На экране самого большого монитора высветилась группа команд.

– Как эта штука работает? – спросил Уокси, переминаясь с ноги на ногу. В помещении была слишком высокая влажность, и у него начали болеть суставы.

– Все очень просто, – ответил Даффи. – Вода с Кэтскиллских гор своим ходом стекает в Резервуар Центрального парка. Резервуар кажется большим, но на самом деле он содержит всего лишь трехдневный запас воды для Манхэттена. Скорее его можно считать резервным баком, компенсирующим пики или падения в потреблении.

Постучав пальцем по клавиатуре компьютера, он продолжил:

– Эта следящая система запрограммирована так, что может предвидеть рост или сокращение потребления воды и, соответственно, регулировать ее поступление. Система способна автоматически открывать и закрывать заслонки даже у горы Шторм-Кинг – а это более чем в сотне миль от города. В программу заложены данные об уровне использования воды за

последние двадцать лет, в нее постоянно вводятся прогнозы погоды, и она выдает оценку возможного потребления.

Почувствовав себя в безопасности, Даффи сразу стал очень мил и охотно делился своими познаниями.

– Само собой разумеется, что время от времени оценки машины расходятся с действительностью. Когда потребности оказываются меньше, чем ожидалось, и в Резервуар поступает слишком много воды, компьютер открывает главную заслонку и сбрасывает избыток в ливневый коллектор или в канализационную систему. Когда же потребление неожиданно возрастает, главная закрывается, дополнительные заслонки выше по течению открываются и приток усиливается.

– Неужели? – вежливо проговорил Уокси. Он утратил всякий интерес к рассказу уже на второй фразе.

– Сейчас я должен перейти на ручное управление и одновременно открыть и верхние заслонки, и главную. Вода, поступая в Резервуар, сразу же начнет изливаться в канализационную систему. Это простое, но в то же время весьма элегантное решение. Мне останется только запрограммировать систему на сброс в полночь двадцати миллионов кубических футов – примерно сотни миллионов галлонов – и после этого скомандовать возврат к обычному автоматическому режиму.

– Значит, Резервуар не будет осушен? – спросил Уокси.

– Ну конечно, нет, капитан, – снисходительно улыбнулся Даффи. – У нас нет намерения создать в городе кризис с водой. Поверьте, операция будет произведена с минимальным уроном для водоснабжения. Думаю, что уровень Резервуара понизится не более чем на десять футов. Мы имеем дело с совершенно потрясающей системой. Трудно поверить, что она была в принципе разработана более века назад. Ведь тогдашние инженеры смогли предвидеть потребности даже наших дней. – Улыбка сошла с его лица. – Но ничего подобного тому, что мы собираемся сотворить сейчас, раньше не делалось. Во всяком случае, в таких масштабах. Вы уверены, что это действительно необходимо? Если все клапаны откроются одновременно, то... Я хочу сказать, что мы получим тот еще прибой.

– Вы слышали, что сказал шеф, – ответил Уокси, потирая нос большим пальцем. – Главное, чтобы все сработало как надо.

– На этот счет можете не сомневаться. Все сработает в лучшем виде, – бросил Даффи.

Уокси положил руку ему на плечо и произнес почти что нежно:

– Конечно, сработает. Потому что, если ничего не сработает, вы окажетесь младшим оператором по очистке дерьма на канализационной станции Нижнего Гудзона.

– Послушайте, капитан, – нервно усмехнулся Даффи, – в угрозах нет никакой нужды.

Он вернулся к работе с компьютером, а Уокси принялся расхаживать по комнате. Полицейские стояли у дверей, не проявляя ни малейшего интереса к происходящему.

– Сколько времени уйдет на сброс воды? – спросил Уокси.

– Около восьми минут.

– Восемь минут, чтобы вылить сто миллионов галлонов? – недоверчиво фыркнул капитан.

– Насколько я понимаю, вы хотите, чтобы сброс произошел как можно быстрее, чтобы промыть тоннели под Центральным парком. Не так ли?

Уокси утвердительно кивнул.

– Восемь минут потребуется, чтобы слить необходимую массу. Правда, до этого почти три часа уйдет на то, чтобы вся гидравлика была приведена в готовность. Затем вода начнет изливаться из Резервуара и одновременно пополнять его через северные акведуки. Это предотвратит чрезмерное падение уровня Резервуара. Расчет должен быть точным, так как приходящий поток будет существенно превышать сброс. И это означает… хм-м-м… довольно серьезное наводнение в Центральном парке.

– Тогда остается надеяться, что вы, черт бы вас подрал, понимаете, что делаете. Мне надо, чтобы все прошло строго по расписанию. Никаких опозданий, никаких сбоев.

Ответом ему был стук клавишей.

– Перестаньте волноваться, – сказал Даффи, задержав палец над клавиатурой. – Опозданий и сбоев не будет. Потому что, как только я нажму на эту клавишу, гидравлика начнет перенастраиваться. Остановить процесс будет уже невозможно. Понимаете…

– Жмите! – приказал Уокси.

Даффи подчеркнуто театрально опустил руку и повернулся к Уокси:

– Дело сделано. Теперь остановить поток способно только чудо. А чудеса, да будет вам известно, в Нью-Йорке не дозволены.

Д ’Агоста посмотрел на кучку предметов из хромированной стали и резины, взял один из них, повертел в руках и с отвращением швырнул на стол.

– Ничего подобного никогда не видел, – сказал он. – А это не могло оказаться там случайно?

– Уверяю вас, Винсент, – ответил Пендергаст, – что они были тщательно разложены на алтаре, как своего рода приношение. – Все молчали. Агент ФБР нетерпеливо расхаживал по лаборатории. – Меня беспокоит еще кое-что, – продолжил он. – Кавакита был тем человеком, который выращивал растение Мбвуна в аквариумах. Почему, спрашивается, они убили его и сожгли лабораторию? Почему уничтожили единственный источник наркотика? Любой наркоман больше всего страшится потерять источник зелья. А лабораторию сожгли умышленно. Вы сами сказали, что в золе обнаружены следы катализатора.

– Если, конечно, они не стали выращивать наркотик в другом месте, – заметил д’Агоста, теребя с отсутствующим видом нагрудный карман пиджака.

– Не мучайтесь. Курите, – сказала Марго.

– Неужели можно? – поднял глаза д’Агоста.

– Только одну, – улыбнулась Марго. – Но не проболтайтесь нашей директрисе Мириам.

– Пусть это будет нашей маленькой тайной, – посветлел лицом д’Агоста.

Он вытянул из кармана сигару, проткнул кончик острием карандаша, подошел к единственному окну и распахнул его настежь. Лейтенант зажег сигару, затянулся и с наслаждением выдохнул клуб дыма в сторону Центрального парка.

«Как бы мне хотелось иметь порок, который доставлял мне хотя бы раза в два меньше удовольствия», – подумала Марго.

– Я уже думал о существовании альтернативного источника, – сказал Пендергаст, – и внимательно искал следы подземного сада. Но никаких плантаций мне обнаружить не удалось. Ферма для разведения лилий требует стоячей воды и свежего воздуха. Не представляю, как можно укрыть нечто подобное под землей.

Д’Агоста облокотился о подоконник и выпустил в окно очередную струйку голубого дыма.

– Ничего себе заваруха! – Он мотнул головой в южном направлении. – Представляю, какую икру начнет метать Хорлокер, увидев это.

Марго подошла к окну и посмотрела на ярко-зеленый покров Центрального парка, казавшийся в розовом свете заката тенистым и таинственным. Откуда-то справа, со стороны Южной улицы, доносился отдаленный вой множества клаксонов. По Площади Великой армии неторопливо, словно поток густой черной патоки, текла толпа.

– Впечатляющий марш, – сказала она.

– Угу, – кивнул д’Агоста. – И ведь каждый из этих людей – потенциальный избиратель.

– Надеюсь, доктор Фрок благополучно добрался до дома, – пробормотала Марго. – Доктор терпеть не может толпу.

Она перевела взгляд на север в сторону Овечьей поляны, фонтана «Вифезда» и задержала взор на спокойной глади Резервуара. В полночь эта вода обрушится двадцатью миллионами кубических футов смерти на нижние тоннели Манхэттена. Внезапно Марго ощутила жалость к несчастным, заточенным в недрах Морщинникам. В плане затопления была какая-то несправедливость. Но она тут же вспомнила ряды забрызганных кровью мышиных клеток, и перед ее мысленным взором предстали разорванные *b. meresgrii* . Этот смертоносный препарат тысячекратно усиливал естественную склонность к агрессии, которой эволюция наградила практически все живые существа. И заразивший себя Кавакита считал, что процесс необратим…

– Как хорошо, что мы здесь, а не там, внизу, – сказал д’Агоста, методично попыхивая сигарой.

Марго согласно кивнула. Краем глаза она видела, как Пендергаст расхаживает по лаборатории, время от времени поднимая со стола непонятные предметы и тут же возвращая их на место.

«Когда солнце взойдет над парком в следующий раз, – подумала Марго, – Резервуар станет легче на двадцать миллионов кубических футов». Ее взгляд снова задержался на водной глади. Казалось, вода светится изнутри розоватым, оранжевым и зеленым сиянием. Марго понимала, что это всего-навсего отражение закатного неба. Сцена была завораживающей: тихая водная гладь – и орущая толпа, которой аккомпанировал непрерывный вой клаксонов.

Внезапно Марго вздрогнула. «Никогда еще не видела зеленого заката», – мелькнуло у нее в голове.

Она напрягла зрение, но водная гладь быстро темнела в наступающих сумерках. Все же ей удалось ясно различить тусклые зеленые полосы на поверхности воды. «Стоячая вода и свежий воздух… Нет, это невозможно. Кто-то бы обязательно это заметил. Обязательно?»

Марго медленно отвернулась от окна и посмотрела на Пендергаста. Агент ФБР поймал ее взгляд, увидел выражение лица и замер.

– Что случилось, Марго?

Она не ответила, но Пендергаст, проследив за ее взглядом, вновь обращенным на Резервуар, окаменел. Когда он снова посмотрел на Марго, девушка прочла в его глазах ту же мысль, которая осенила и ее.

– Пожалуй, стоит пойти и взглянуть, – негромко сказал он.

От беговой дорожки Резервуар Центрального парка отделяло высокое цепное ограждение. Д'Агоста захватил его основание и, рванув изо всех сил, оторвал цепь от земли. Марго проползла по служебной, засыпанной гравием дорожке к поверхности воды. Следом за ней ползли Пендергаст и д'Агоста. Она приблизилась к самому краю и, войдя в воду, подошла к группе растений, таких необычных и таких ужасающе знакомых. Марго выдернула одно и подняла его из воды, с узловатых корней стекала вода.

– *Liliceae mbwunensis* , – сказала она. – Итак, ее выращивали в Резервуаре. Так вот, значит, каким способом Кавакита рассчитывал решить проблему снабжения наркотиком. Возможности аквариумов ограниченны. Он не только синтезировал препарат, но и сумел вывести гибрид, способный произрастать в умеренном климате.

– Вот вам и альтернативный источник, – сказал д'Агоста, попыхивая сигарой.

Пендергаст подошел к Марго, разгреб руками темную воду, выдернул пучок растений и принялся изучать их в вечерних сумерках. Несколько бегунов, остановившись на окружающей Резервуар дорожке, изумленно взирали на девицу в лабораторном халате, грузного мужчину с сигарой в зубах и высокого, стройного, на удивление светловолосого человека в дорогом черном костюме, стоящих по грудь в источнике свежей воды для острова Манхэттен. Пендергаст выдернул еще одно растение, с его стебля свисали крупные коричневые стручки. Один из них свернулся спиралью и лопнул.

– Они начинают плодоносить, – негромко сказал Пендергаст. – Сброс Резервуара отправит растение в Гудзон, а оттуда в океан.

Повисла мертвая тишина, нарушаемая лишь отдаленной какофонией автомобильных клаксонов.

– Но ведь эта штука не может произрастать в соленой воде, – продолжал Пендергаст. – Не так ли, доктор Грин?

– Нет. Конечно, не может. Соленость… – И тут Марго осенила мысль поистине ужасающая. – О Боже! Какая же я дура!

Пендергаст вопросительно вскинул брови.

– Соленость, – повторила она.

– Боюсь, я не совсем вас понял, – сказал Пендергаст.

– Одноклеточным организмом, на который оказывал действие зараженный вирусами препарат, оказался только *b. meresgrii* , – очень медленно начала Марго. – Между*b. meresgrii* и другими одноклеточными, на которых мы испытывали препарат, было только одно различие. Агар для b. meresgrii был помещен на соляную пластину. *B. meresgrii* – морской организм и для него требуется соляная среда.

– И?.. – спросил д’Агоста.

– Это обычный метод активизации вирусов. Просто надо добавить немного соляного раствора в вирусную культуру. Когда семена попадут в океан, вирус активизируется и выбросит продукт своей жизнедеятельности в экосистему.

– Приливная волна поднимается по Гудзону вдоль всего Манхэттена, – заметил Пендергаст.

Марго бросила лилию в воду и шагнула к берегу.

– Мы видели, что наркотик делает с единственным микроскопическим организмом. Одному Богу известно, что может случиться, если он попадет в океан. Экологический баланс в океане будет существенно нарушен. А вся пищевая цепочка в мире в первую очередь зависит от океана.

– Позвольте, – вмешался д’Агоста, – океан – место довольно обширное.

– Океан разносит семена не только пресноводных растений, но и многих видов, произрастающих на суше, – сказала Марго. – И кто может сказать, какие растения и животные колонизирует вирус, и каковы могут быть последствия этой колонизации? А размножится ли вирус в океане, или семена достигнут эстуария рек или переувлажненных районов, никакого значения не имеет.

Пендергаст выбрался из воды и повесил растение через плечо. Капли с узловатых корней оставили на пиджаке заметный след.

– В нашем распоряжении три часа, – сказал он.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ХИЖИНА ИЗ ЧЕРЕПОВ

Для наглядности рассмотрим стратификацию подземного сообщества Нью-Йорка как геологический разрез или же как пищевую цепочку, показывающие развитие особи от жертвы до хищника. Самое высокое положение в цепи занимают те, кто обитает в сумеречном мире – переходном мире между подземельем и поверхностью. Эти люди днем посещают суповые кухни, конторы социальной помощи – некоторые даже имеют работу – и возвращаются в тоннели ночью, чтобы там пить или спать. Следующее место в иерархии занимают те, кто прожил под землей длительное время и привык к бродячему образу жизни, возможно, в силу каких-либо патологических отклонений. Не исключено, что эти люди просто предпочитают темную, но теплую подземную помойку помойке светлой, но холодной и враждебной, которую являют собой многие улицы нашего города. Еще ниже (часто в буквальном смысле) обитают нарушители закона и преступники. Эти люди используют тоннели в качестве укрытия. И последними на этой иерархической лестнице стоят люди с нарушениями психики, для которых нормальная жизнь наверху стала слишком сложной и болезненной. Они избегают ночлежек и отыскивают собственный «темный уголок». Само собой разумеется, что имеются и другие, не столь четко очерченные группы, существующие на границах главных страт. Это убийцы-хищники, лжепророки и просто безумцы. Численность последней категории постоянно возрастает в результате поспешного судебного решения в конце семидесятых и начале восьмидесятых годов закрыть многие психиатрические лечебницы штата.

Все человеческие особи имеют склонность объединяться в сообщества для обороны, взаимопомощи и социального общения. Бездомные – в том числе самые отчужденные от общества «кроты» – не являются исключением. Те, кто избрал жизнь в полной тьме под землей, образуют свои общности и создают группы. Впрочем, термин «общность» в данном случае может ввести в заблуждение, так как общность или общество подразумевают стабильность, регулярность и порядок. Подземная же жизнь, по определению, является неорганизованной и беспорядочной. Союзы, группы и сообщества сливаются и рассыпаются с такой же легкостью, как ртуть. В местах, где жизнь коротка и часто жестока, где отсутствует естественное освещение, все проявления цивилизованного общества разлетаются, как зола на ветру».

Л. Хейворд. «Подземный Манхэттен: его обитатели и касты».(Готовится к выпуску.)

46

Х ейворд вглядывалась в глубину заброшенного тоннеля, туда, где по стенам и потолку спасительными маяками плясали лучи фонарей. Щит из плексигласа, тяжелый и неуклюжий, давил на ее плечо. Справа от

себя она ощущала в темноте присутствие сержанта Карлина – настороженного, но спокойного. Похоже, он свое дело знает. Понимает, что под землей нет ничего хуже зазнайства. Подземные жители хотят одного: чтобы их оставили в покое, и приходят в ярость при появлении полицейского. В большее возбуждение кротов может привести лишь отряд копов, спустившихся под землю с намерением изгнать их из нор.

Из первых рядов, в которых шел и Миллер, доносились обрывки хвастливых разговоров и смех. Пятый взвод уже изгнал на поверхность две группы обитателей пограничной области. Бездомные в ужасе ринулись наверх, едва завидев фалангу синих мундиров численностью в тридцать человек. Копы чувствовали себя победителями. Хейворд только покачала головой: встреча с самыми крутыми еще впереди. Ее удивляло небольшое число встреченных до сих пор кротов. Под «Коламбус-сёркл» их должно быть значительно больше. Она заметила несколько тлеющих – видимо, совсем недавно оставленных – костров. Значит, кроты ушли глубже. И неудивительно. Полицейские двигались со страшным шумом.

Взвод продолжал шагать по тоннелю, изредка ненадолго останавливаясь, когда Миллер отправлял группу осмотреть ниши и боковые проходы. Хейворд видела, как копы, пиная на ходу мусор, возвращаются с пустыми руками. В тоннеле стоял тяжелый аммиачный дух. Хотя отряд уже спустился ниже, чем при обычных «очистках», атмосфера пикника сохранялась по-прежнему. «Что ж, подождем, когда парни начнут задыхаться», – подумала она.

Тоннель неожиданно закончился, и взвод, выстроившись в линию, двинулся по одному по металлической лестнице на следующий уровень. Никто не знал, ни где болтается Мефисто, ни какова численность сообщества «Шестьсот шестьдесят шестая дорога», которое, собственно, и было их главной целью. Впрочем, отсутствие информации никого не беспокоило.

– Он вылезет из своей норы, – говорил Миллер. – Если мы его не обнаружим, то газ уж отыщет точно.

Шагая за шумной толпой, Хейворд не могла избавиться от ощущения, что опускается в горячую, полную нечистот воду. Лестница привела их в недостроенный тоннель. Вдоль грубых каменных стен тянулись слезящиеся водопроводные трубы весьма почтенного возраста. Громкие разговоры и смех в первых рядах постепенно стихли. Теперь оттуда слышался лишь осторожный шепот и короткие реплики.

– Смотри под ноги! – Хейворд направила вниз луч фонаря: пол был испещрен пробуренными в камнях отверстиями.

– Не хотелось бы угодить в такую дыру, – сказал Карлин. Его большая голова казалась из-за шлема просто огромной.

Карлин швырнул в ближайшее отверстие камешек и прислушался. Через несколько секунд до них донесся глухой звук.

– Не меньше ста футов. И судя по звуку, там тоже пустоты.

– Взгляни-ка на это, – прошептала Хейворд, освещая фонарем сгнившие деревянные трубы.

– Да им, наверное, лет сто. Думаю, что…

Хейворд предостерегающе положила ладонь на руку Карлина. Из глухой темноты тоннеля доносилось негромкое постукивание.

По колонне прошелестел шепоток. Стук сделался чаще и вдруг замедлился, видимо, следуя какому-то тайному ритму.

– Кто здесь? – прокричал Миллер.

К первому невидимому барабану присоединился второй. Ко второму – третий. Еще один. И еще. Вскоре начало казаться, что весь этот грохот исторгает сам тоннель.

– Что это, дьявол вас побери?! – Миллер вытащил оружие и направил его в глубину тоннеля. – Полиция! Выходите немедленно!

Ответом ему был все тот же издевательский стук.

– Джонс! Макмагон! Проследуйте со своими группами вперед на сто ярдов! – рявкнул Миллер. – Станислав! Фредерик! Прикройте их с тыла!

Небольшие отряды скрылись в темноте и вернулись через несколько минут с пустыми руками.

– Только не говорите мне, что там никого нет! – орал Миллер в ответ на пожатие плеч его подчиненных. – Ведь кто-то производит этот шум.

Постукивание перешло в негромкую ровную дробь.

– Кроты стучат по трубам, – выступила вперед Хейворд.

– Заткнитесь, сержант! – мрачно распорядился Миллер.

Все остальные с интересом посмотрели на нее.

– Таким образом они переговариваются между собой, сэр, – мягко пояснил Карлин.

Миллер равнодушно посмотрел в глубину тоннеля.

– Они знают, что мы здесь, – сказала Хейворд. – Кажется, они предупреждают соседние группы. Говорят, что их атакуют.

– Кто бы сомневался! – издевательски фыркнул Миллер. – Вы, сержант, часом, не телепатка?

– Вы понимаете азбуку Морзе, лейтенант? – с вызовом спросила Хейворд.

Миллер замолчал – но ненадолго.

– Девица Хейворд считает, что туземцы волнуются, – хмыкнул он.

Однако мало кто поспешил разделить его веселье. А стук между тем продолжался.

– И о чем же они сейчас толкуют? – ехидно поинтересовался Миллер. Хейворд прислушалась.

– Они мобилизуют силы.

Какое-то время все напряженно молчали.

– Не пудри нам мозги, сержант! – Рявкнул наконец Миллер и, повернувшись к отряду, скомандовал: – Вперед, бегом! Мы и так здесь даром потратили время.

Хейворд уже собиралась возразить, но не успела. Совсем рядом с ней раздался глухой удар. Коп, стоявший в первой шеренге, пошатнулся, застонал и выронил щит. К ногам Хейворд отскочил большой камень.

– Построиться! – взревел Миллер. – Сомкнуть щиты!

Вокруг отряда, рассекая тьму, заметались десятки лучей, освещая ниши и потолок. Карлин подошел к пострадавшему:

– Ты цел?

Полицейский – это оказался Макмагон, – тяжело дыша, кивнул:

– Эта сволочь угодила мне в живот. Хорошо, что основной удар пришелся в бронежилет.

– Выходите!!! – прокричал Миллер.

В ответ из темноты вылетели еще два камня. В узких лучах фонарей они казались летучими мышами. Первый упал на пыльный пол тоннеля, второй ударился о щит лейтенанта. Раздался грохот: Миллер открыл огонь. Резиновые пули, отразившись от потолка, заметались по тоннелю.

Хейворд стояла и слушала, как эхо выстрелов гуляет по тоннелю, постепенно затихая вдали. Полицейские, переступая с ноги на ногу, тревожно оглядывались по сторонам. Они уже начали нервничать. Для «чистки» таких масштабов сил явно не хватало.

– Где они, дьявол их побери?! – спросил Миллер, ни к кому не обращаясь.

Хейворд глубоко вздохнула и выступила вперед:

– Лейтенант, нам надо начать движение *немедленно* , или…

Она не успела закончить фразу: из темноты полетели бутылки, камни и какие-то комья. Полицейские пригнулись и прикрылись щитами.

– Дерьмо! – выкрикнул кто-то. – Эти выродки кидаются дерьмом!

– Выстроиться! – орал Миллер. – Построиться в шеренгу!

Хейворд оглянулась на Карлина, и до нее долетел чей-то шепот:

– Боже всемогущий! Что же это?

Она резко обернулась, и от ужаса у нее задрожали колени. Позади них в темном тоннеле копошилась темная масса грязных оборванцев. Это была отлично спланированная и прекрасно исполненная атака с тыла. В свете фонарей оценить число нападавших было невозможно, казалось, их были сотни. Бездомные яростно вопили, размахивая металлическими прутьями и потрясая камнями.

– Сзади! – завопил Миллер. – Кругом! Огонь!

Поднялась беспорядочная стрельба. Выстрелы в замкнутом пространстве тоннеля звучали неестественно громко. Несколько нападавших из первых рядов упали, корчась от боли и раздирая на себе лохмотья. Потом канонада внезапно стихла.

– Смерть свиньям! – заорал грязный высокий крот с безумным взглядом и копной седых свалявшихся волос. Толпа снова двинулась вперед. Миллер, выкрикивая противоречивые команды, укрылся за спинами растерянных полицейских. Прогремело еще несколько выстрелов, но фонари освещали лишь стены и потолок и целиться было невозможно. Кроты улюлюкали, визжали, орали, и от этих криков у Хейворд волосы вставали дыбом.

– Боже мой, – прошептала она, увидев, как толпа, вырвавшись из рассеченной лучами фонариков тьмы, столкнулась с фалангой полицейских.

– С другой стороны! – выкрикнул какой-то коп. – Они заходят с другой стороны!

Раздался звон битого стекла, и темнота сгустилась еще больше. Теперь ее разрывали лишь вспышки выстрелов. Грохот пальбы, удары резиновых пуль о стены и тела смешивались с воплями боли и ярости. Хейворд приросла к месту. Вокруг царили хаос и тьма. Она постаралась выровнять дыхание.

Внезапно по ее спине скользнула чья-то рука. Паралич исчез мгновенно. Выпустив щит, Хейворд перехватила эту грязную руку, наклонилась и, резким рывком перебросив нападавшего через плечо, изо всех сил опустила тяжелый башмак на его живот. Вопль боли заглушил не только шум схватки, но и выстрелы. Из темноты к ней метнулась еще одна фигура. Хейворд инстинктивно заняла оборонительную позицию: припала к земле, перенесла вес на одну ногу и прикрыла лицо согнутыми в локтях руками. Она сделала ложный замах, рубанула левой и уложила нападавшего ударом каблука с поворотом на сто восемьдесят градусов.

– Вот это да! – услышала она совсем рядом восторженный шепот Карлина.

Вокруг царила непроглядная тьма. Хейворд лихорадочно сунула руку за пояс, вытащила сигнальный патрон и рванула запальный шнур. Призрачный оранжевый свет залил тоннель, и Хейворд увидела, что полицейские, прижавшись к стенам, с трудом отбиваются от наседающих на них кротов. Позади нее раздался хлопок: у Карлина нашлось достаточно хладнокровия, чтобы последовать ее примеру.

Миллера нигде видно не было. Подхватив щит и вытащив из кожаного футляра дубинку, Хейворд сделала несколько неуверенных шагов вперед. Пара подземных жителей бросились на нее, но умелые удары дубинкой мгновенно заставили их отступить. Карлин держался рядом. Неустрашимый гигант ловко орудовал своей дубинкой и прикрывал щитом фланг. Хейворд знала, что большинство обитателей подземелья ослаблены скверным питанием и наркотиками. Свет сигнальных патронов на время лишил кротов их преимущества, но главной опасностью по-прежнему оставалось серьезное численное превосходство.

Вокруг них собрались полицейские и образовали вдоль стены заграждение из щитов. Хейворд видела, что с тыла напало сравнительно немного кротов, и сейчас они слились с основной толпой бездомных. Большая часть полицейских группировалась с одной стороны от нападавших, которые, сыпя проклятиями и камнями, медленно отступали к лестнице. Для того чтобы вырваться, необходимо было

попытаться обойти толпу с фланга и вытеснить бездомных по лестнице на уровень ближе к поверхности.

– За мной! – выкрикнула Хейворд. – Гоните их к выходу!

Она повела копов сквозь град камней и бутылок к правому флангу противника. Кроты не выдержали и побежали, а Хейворд, усиливая панику, принялась палить в потолок. Камни и бутылки продолжали лететь, но уже не в том количестве. На бегу бросать было трудно, да и боезапас у кротов существенно истощился. Вопли и проклятия не стихали, но боевой дух подземных жителей уже был сломлен, и Хейворд с облегчением следила за тем, как противник в беспорядке отступает.

На мгновение она остановилась, чтобы лучше оценить ситуацию. Два копа лежали на грязном полу тоннеля. Один стонал, обхватив руками голову, второй, по-видимому, был без сознания.

– Карлин! – крикнула она, кивком указывая на раненых.

Неожиданно в рядах отступающих раздался громкий крик. Хейворд как можно выше подняла пылающий факел и, вытянув шею, посмотрела в сторону источника шума. Она увидела Миллера, которого отсекала от основных сил большая группа бездомных. Видимо, во время первой атаки он бежал в глубь тоннеля, а вторая волна атакующих захватила его врасплох.

Хейворд услышала хлопок и увидела клуб дыма, почему-то казавшегося зеленым в мерцающем свете факела. Миллер запаниковал и пустил в ход слезоточивый газ.

«Боже, только этого нам не хватало!» – подумала она и закричала:

– Маски!

Газ плыл в их сторону, лениво клубясь и стелясь по земле, словно ядовитый ковер. Хейворд натянула маску и поправила ремни.

Из облака вынырнул Миллер, похожий в противогазе на инопланетянина.

– Травите их! – раздалась приглушенная маской команда.

– Нет! – крикнула Хейворд. – Только не здесь. У нас двое раненых.

Она шагнула вперед, но Миллер, не обращая на нее внимания, сорвал с пояса ближайшего копа канистру, нажал на спуск и швырнул канистру в толпу. Потом полетели еще баллоны: это обезумевшие от страха полицейские последовали примеру своего командира. Послышались негромкие хлопки, и кроты исчезли в клубах газа. Хейворд слышала, как

Миллер приказывал остальным полицейским бросить канистры в пробуренные в полу тоннеля скважины.

– Выкурите мерзавцев, – приговаривал он. – Если внизу кто-нибудь и прячется, мы их оттуда выгоним.

Карлин бросил взгляд на распростертое тело полицейского.

– Прекратите, дьявол вас побери! – проревел он.

Клубы газа медленно поднимались к потолку и расползались по тоннелю. Полицейские, встав на колени, опускали канистры в скважины. Бездомные, спасаясь от газа, устремились к лестнице.

– Время! – орал Миллер писклявым, срывающимся голосом. – Пора мотать отсюда!

Большинство полицейских, видимо, не нуждаясь в дальнейшем подстегивании, исчезли в клубах газа.

Хейворд снова протолкалась к Карлину и вместе с Макмагоном склонилась над лежащим полицейским. Второй пострадавший уже сидел. Он прижал руки к животу и икал, испытывая, судя по всему, позывы на рвоту. Клубы газа неумолимо подбирались к ним.

– Оттащим их чуть дальше, – сказала Хейворд. – Нам не натянуть на него маску, пока он не отблюется.

Тот коп, что был в сознании, поднялся на ноги и принялся раскачиваться, держась за голову. Хейворд помогла ему отойти в безопасное место в глубину тоннеля, а Макмагон и Карлин потащили туда же второго.

– Да очнись же ты, приятель, – бормотал Карлин, похлопывая его по щекам. Он наклонился, чтобы лучше рассмотреть рассеченный лоб пострадавшего. Кипящая стена газа неумолимо приближалась.

Веки копа затрепетали, и он открыл глаза.

– Ты в порядке?

– В дерьме... – Он попытался сесть.

– Ты способен соображать? – спросил Карлин. – Как тебя зовут?

– Биил...

Волна газа была уже в двух шагах. Карлин протянул руку и отстегнул от пояса копа противогаз.

– Я натяну на тебя эту штуку, не возражаешь?

Человек, назвавшийся Биилом, тупо кивнул. Карлин надел на него маску, проверил воздушный клапан и помог парню встать на ноги.

– Я не могу идти, – прогудел Биил в противогаз.

– Опирайся на нас, – велел Карлин. – Мы тебя отсюда вытащим.

Облако накрыло их полностью, и теперь зеленоватый туман таинственно мерцал в угасающем свете сигнальных патронов. Они двинулись к Хейворд, чуть ли не волоча раненого, а девушка тем временем помогала второму пострадавшему приладить маску.

– Пошли, – сказала она.

Они осторожно передвигались в облаках газа. Тоннель опустел. Бездомные, спасаясь от газовой атаки, бежали, а Миллер во главе отряда последовал за ними. Хейворд попыталась воспользоваться рацией, но безрезультатно – помехи оказались слишком сильными. Откуда-то издалека доносились кашель и проклятия; обитатели нижних уровней пытались выбраться на поверхность. Наконец ей удалось отыскать лестницу. Воздушный поток медленно нес газ по тоннелю. Облако ползло на верхний уровень, и теперь путь к спасению лежал через ядовитые клубы. Хейворд знала, что газ выкурит из подземелья всех оставшихся кротов, и ей меньше всего хотелось оказаться там, где они станут вылезать на поверхность.

Уже почти добравшись до лестницы, Биил судорожно согнулся, и его вырвало прямо в маску. Оставив на миг второго пострадавшего, Хейворд сорвала с Биила противогаз. Его голова упала на грудь – и тут же дернулась назад, когда по слизистой ударили ядовитые пары. Биил содрогнулся всем телом, вырвался из рук товарищей и рухнул на пол, зарыв лицо в ладони.

– Надо немедленно убираться! – крикнул Макмагон.

– Можешь идти, – пожала плечами Хейворд, – но я этого парня здесь не брошу.

Макмагон растерялся. Карлин молча смотрел на него.

– О’кей. Я с вами, – буркнул наконец Макмагон.

Им с трудом удалось поставить Биила на ноги. Тот, не соображая, что делает, хватал газ широко открытым ртом.

Хейворд приблизила маску к его уху и спокойно сказала:

– Или ты идешь, или нам всем крышка. Другого варианта, приятель, нет.

В центре контроля кризисных ситуаций департамента полиции города Нью-Йорка все внимательно следили за тем, как идет подготовка к осушению Резервуара. Когда Марго вслед за д’Агостой и Пендергастом вбежала в помещение, первое, что она увидела, были блоки коммуникации, размещенные на тележках. Полицейские в формах склонились над столами, с которых свисали карты, схемы и диаграммы. По полу змеились ручейки электропроводов, сливаясь в некоторых местах в широкие реки.

Хорлокер и Уокси сидели за длинным столом спиной к аппаратуре. Их лица лоснились от пота. За экраном компьютера сидел человек с усиками щеточкой.

– Что это? – спросил, увидев их, Хорлокер. – Визит представителей дамского комитета?

– Сэр, – сказал д’Агоста. – Резервуар осушать нельзя.

– Д’Агоста, – вскинул голову Хорлокер, – у меня нет времени. Помимо подземного дерьма, у меня полон рот хлопот с этой бабой Вишер. Кроме того, сейчас под Манхэттеном проходит «зачистка» века. Мне пришлось размазать людские ресурсы тонким слоем, как блин на сковородке. Поэтому напиши-ка ты мне лучше служебную записку. О’кей? – Он с интересом посмотрел на вошедших: – Вы что, ребята, плаванием занимались?

– Резервуар полон смертоносных лилий, – выступил вперед Пендергаст. – Это то растение, в котором нуждался для выживания Мбвун. Растение, из которого Кавакита извлекал свой наркотик. И оно вот-вот начнет плодоносить. – Он снял с плеча покрытое грязью растение и швырнул его на стол. – Вот, полюбуйтесь. Набито «глазурью». Теперь мы знаем, где они выращивали наркотик.

– Что за дьявол! – возопил Хорлокер. – Немедленно уберите эту дрянь с моего стола!

– Эй, д’Агоста, – вмешался Уокси, – ты не так давно убеждал нас в том, что твоих зелененьких монстров, поселившихся в дерьме, надо поскорее смыть в канализацию. И вот теперь, когда мы к этому приступили, ты что, решил передумать? Выбрось это из головы.

Д’Агоста с отвращением взирал на жирную потную шею Уокси.

– Послушай, ты, мешок дерьма. Во-первых, осушить Резервуар была твоя идея…

– Следи за выражениями, лейтенант, не то…

– Джентльмены, умоляю, – произнес Пендергаст и повернулся к Хорлокеру: – У нас еще будет много времени для выяснения подобных вопросов, однако сейчас нас должна занимать иная проблема. Дело в том, что когда растение попадет в соленую воду, содержащийся в нем реовирус активизируется. Эксперименты доктора Грин свидетельствуют о том, что вирус оказывает влияние на самые разнообразные жизненные формы, начиная от одноклеточных и кончая морскими животными, которых употребляет в пищу человек. Полагаю, вы не пожелаете стать лицом, несущим ответственность за глобальную экологическую катастрофу?

– Весь этот треп – просто-напросто большая бочка гов... – начал Уокси.

Хорлокер жестом остановил капитана, перевел взгляд на большое растение, загрязняющее разбросанные на командирском столе бумаги, и сказал:

– Оно не кажется мне столь опасным.

– Нет никаких сомнений в том, что это *Liliceae mbwunensis* , – пояснила Марго. – Растение несет в себе генетически перестроенный реовирус Мбвуна.

Хорлокер посмотрел на растение, на Марго и снова на растение.

– Я прекрасно понимаю ваши сомнения, – спокойно сказал Пендергаст. – Но со времени утреннего совещания произошло очень много событий. Я прошу всего лишь двадцать четыре часа. Доктор Грин проведет за это время все необходимые исследования, и мы представим вам доказательства того, что это растение просто нашпиговано наркотиком. Мы приведем доказательство того, что под воздействием соленой воды произойдет выброс реовируса в экосистему. Я знаю, что мы правы. Но если я ошибусь, то обещаю вам оставить это дело, и вы сможете спокойно осушить Резервуар в любое время.

– Вам следовало оставить дело еще вчера, – фыркнул Уокси. – Вы работаете в ФБР, и это все не в вашей юрисдикции.

– После того как выяснилось, что дело связано с производством и распространением наркотиков, я без малейшего труда могу поставить его под свою юрисдикцию, – ровным голосом произнес Пендергаст. – И очень быстро. Это вас удовлетворит?

– Постойте, постойте! – Хорлокер ожег Уокси ледяным взглядом. – В этом нет никакой необходимости. Но почему бы нам не вылить в Резервуар хорошую дозу гербицида?

– В данный момент я не могу назвать гербицид, который, надежно истребив растение, не нанес бы вреда миллионам жителей Манхэттена,

пьющим эту воду, – сказал Пендергаст. – Может быть, вам, доктор Грин, известно подобное вещество?

– Только тиоксин, – после недолгого размышления ответила Марго. – Но для получения нужного эффекта требуется двадцать четыре часа, а то и все сорок восемь. Тиоксин действует чрезвычайно медленно.

И тут ее осенило. «"Тиоксин". Это слово я слышала совсем недавно. В этом нет никаких сомнений. Но где?» Вспомнила. Это было одно из слов в сожженной записной книжке Кавакиты.

– Тем не менее мы его выльем, – подняв глаза к потолку, произнес Хорлокер. – Я предупрежу управление защиты окружающей среды. Господи, простое дело превращается в какую-то дьявольщину.

Он посмотрел на испуганного человечка за компьютером. Человечек сгорбившись пялился в экран с подчеркнуто преувеличенным вниманием.

– Стэн!

Человечек вздрогнул.

– Стэн, думаю, что следует остановить сброс, – вздохнул Хорлокер. – По крайней мере до тех пор, пока мы не сообразим, что делать. Уокси, свяжись с Мастерсом. Пусть продолжает зачистку. Но скажи ему, что нам придется продержать бездомных из погреба в морозильнике еще двадцать четыре часа.

Марго увидела, как побледнел Стэн.

Хорлокер повернулся к инженеру:

– Даффи, вы меня слышали?

– Я не могу этого сделать, сэр, – едва слышно пискнул человечек, именуемый Стэнли Даффи.

В помещении повисла тишина.

– Что? – не веря своим ушам, прошипел Пендергаст.

Марго посмотрела на Пендергаста, и ее охватил ужас. Ведь она полагала, что для отмены операции им потребуется всего лишь убедить Хорлокера.

– Как это не можешь? – взорвался Хорлокер. – Вели компьютеру прекратить процесс.

– Ничего не выйдет, – сказал Даффи. – Я уже объяснял капитану Уокси, что, запустив последовательность операций, система начнет действовать

в соответствии с законом всемирного тяготения. Бесчисленное количество тонн воды уже поступили в систему. Гидравлика действует автоматически и…

– Что, дьявол тебя побери, ты несешь? – Хорлокер хлопнул кулаком по столу.

– С помощью компьютера остановить процесс я не могу, – придушенно ответил инженер.

– Он мне ничего не говорил! – взвизгнул Уокси. – Клян…

Хорлокер метнул на него яростный взгляд, и капитан заткнулся на полуслове. Шеф полиции снова повернулся к инженеру:

– Я не желаю слышать о том, что вы сделать не можете. Скажите мне лучше, что вы можете.

– Ну хорошо, – неохотно заговорил Даффи. – Кто-то должен спуститься к главной заслонке и закрыть все клапаны вручную. Но операция эта крайне опасна. Не думаю, что ручным управлением пользовались после того, как была введена в строй автоматическая система. А это произошло больше десяти лет назад. О том, чтобы прекратить приток в Резервуар, вообще забудьте! По трубе акведука диаметром восемь футов с севера штата уже катят миллионы кубических футов воды. Если вам даже удастся закрыть заслонки, то воду уже ничем не остановить. Достигнув Резервуара, она перельется через край, зальет Центральный парк и…

– Пусть даже возникнет озеро имени Эда Коха, мне на это плевать. Берите с собой Уокси, прихватите людей столько, сколько надо, и вперед!

Уокси в ужасе посмотрел на шефа:

– Но, сэр… Не будет ли полезнее, если я… – фразы он так и не закончил.

– Сэр, туда крайне трудно проникнуть, – залопотал Даффи, судорожно двигая маленькими потными ручками. – Система задвижек находится непосредственно под Резервуаром, там очень мощный поток, и пострадать там…

– Даффи, – оборвал его Хорлокер. – Убирайся отсюда к дьяволу и заткни эти клапаны! Ты меня понял?

– Да, – пискнул Даффи и побледнел еще сильнее.

– Ты это затеял, – продолжил шеф, поворачиваясь к Уокси, – тебе это и прекращать. Вопросы?

– Так точно, сэр.

– Слушаю.

– Я хотел… я хотел сказать, никак нет, сэр.

В комнате повисла тишина. Никто не двигался.

– Да шевелите же вы своими задницами! – рявкнул Хорлокер.

Уокси встал со стула и нехотя поплелся вслед за Даффи к дверям. Марго отступила в сторону, пропуская его.

48

К рошечная дверь в «Винный погребок» – шикарный клуб, из тех, что столь расплодились в последний год на Манхэттене, – была сделана в стиле «ар деко». Создавалось впечатление, что о необходимости входа вспомнили случайно и пробили его в последний момент в левом углу фасада дома, известного под названием «Хемпшир-Хаус». Заняв выгодную позицию рядом с дверью, Смитбек смотрел на море голов, простиравшееся на восток и на запад. В темном море виднелись зеленые пятна старых деревьев гинкго, окаймляющих вход в Центральный парк. Некоторые демонстранты стояли в почтительном молчании. Другие – в основном молодые люди в белых рубашках с закатанными рукавами и ослабленными узлами галстуков – пили пиво, пряча банки и бутылки в бумажных пакетах, или радостно шлепали друг друга по плечам. Во втором ряду Смитбек увидел девушку с большим плакатом:

ПАМЕЛА, МЫ ТЕБЯ НЕ ЗАБУДЕМ.

По щеке девицы катилась слеза. В другой руке она держала газету с его недавней статьей. В первых шеренгах демонстрантов царила тишина, однако из недр толпы до Смитбека доносились вопли и крики, мешавшиеся с совсем уж отдаленным хрипом полицейских громкоговорителей, воем сирен и гудением клаксонов.

Миссис Вишер ставила свечу у большого портрета дочери. Рука ее была тверда, но пламя трепетало под порывами прохладного ночного ветра. Все смолкли, когда миссис Вишер опустилась на колени и стала молиться. Осенив себя крестным знамением, она поднялась с колен и отошла к горе цветов, позволив тем самым близким друзьям поставить свои свечи рядом с ее огоньком. Прошла минута. Затем другая. Миссис Вишер бросила последний взгляд на окруженную свечами фотографию. Она пошатнулась, и Смитбек протянул ей руку. Миссис Вишер с недоумением посмотрела на него, словно забыв, зачем она здесь оказалась. Вернувшись к реальности, миссис Вишер крепко, чуть ли не до боли сжала его руку. Потом, отступив от Смитбека, повернулась лицом к толпе.

– Я хочу разделить скорбь со всеми матерями, которые потеряли в результате преступлений и убийств своих детей. Их дети пали жертвой болезни, охватившей наш город и нашу страну. Это все.

Несколько человек с телевизионными камерами сумели пробиться в первые ряды, но миссис Вишер, как бы защищаясь от них, подняла руку и выкрикнула:

– А теперь в Центральный парк! На Большую лужайку!

Смитбек остался рядом с ней, а толпа, словно в ее недрах заработал невидимый двигатель, медленно потекла на запад. Несмотря на то что молодежь изрядно выпила, марш, судя по всему, оставался под контролем. Демонстранты, казалось, чувствовали, что принимают участие в историческом событии. Они прошли Седьмую авеню, которая, насколько хватало глаз, представлялась непрерывной линией красных хвостовых огней автомобилей. Гудение клаксонов и вой полицейских сирен слились в постоянный, несмолкающий рев. Чтобы свериться с расписанием хода демонстрации, опубликованным в «Пост», Смитбек уперся взглядом в газету и тут же наступил на роскошные, шитые на заказ ботинки, принадлежащие виконту Эдеру. Итак, сейчас девять тридцать. Все идет строго по плану. Остались три остановки – и все на Западной улице Центрального парка. После чего они войдут в парк для последнего полуночного бдения.

Когда они делали большой круг по «Коламбус-сёркл», Смитбек посмотрел на Бродвей – широкое пустое пространство между двумя рядами домов. Полиция на Бродвее успела подсуетиться, и, приглядевшись, Смитбек увидел, что движение перекрыто где-то в районе Таймс-сквер. Обычно кишащая людьми и машинами магистраль опустела, и мостовая тускло поблескивала в свете бесчисленных уличных фонарей. Вдали маячили несколько полицейских машин и совсем немного копов. Остальные силы правопорядка, видимо, все еще проводили мобилизацию, чтобы попытаться привести в порядок уличное движение и не позволить демонстрации разрастись. Может быть, поэтому их так мало сейчас в поле зрения. Смитбек покачал головой. Поразительно, как одной решительной женщине удалось ввергнуть в паралич практически весь городской центр. Теперь уже власти не смогут игнорировать ее. Так же, как и не смогут игнорировать его статьи на эту тему. Смитбек уже успел набросать план дальнейших действий. Вначале он опубликует аналитическую статью о демонстрации. Статья будет как бы продиктована самой миссис Вишер, но в ней будет и его личная позиция. За статьей последует серия портретов, интервью и других материалов, которые лягут в основу будущей книги. Пожалуй, от продаж в США издания в твердом переплете он получит не менее полумиллиона баксов. И миллион – от

продаж книги в бумажной обложке. А потом пойдут гонорары из-за границы. Они принесут ему по меньшей мере…

Его расчеты были прерваны каким-то странным низким рокочущим звуком. Смитбек на мгновение остановился и тут же двинулся дальше. То, что он слышал, было даже скорее не звуком, а какой-то глухой вибрацией. Толпа притихла. Видимо, и остальные что-то услышали. Неожиданно, примерно в двух кварталах от него, на пустынной мостовой Бродвея над асфальтом поднялась крышка люка и, качнувшись, упала в сторону. К небу взвилось облако, издали напоминавшее клубы пара. За облаком из люка возник, чихая и кашляя, до невозможности чумазый человек. Грязные лохмотья болтались на тощем теле. На мгновение Смитбеку показалось, что это Стрелок-Радист – парень, который сопровождал его к Мефисто. Потом из люка появился второй человек, из его рассеченной головы обильно лилась кровь. За вторым – третий. За ним – еще один. И еще.

Рядом со Смитбеком кто-то громко втянул в себя воздух. Обернувшись, он увидел, что миссис Вишер остановилась.

– Что это? – шепотом спросила она, глядя на появляющихся из-под земли дикарей.

И тут – уже ближе к демонстрантам – открылся второй люк, и из него выскочили несколько истощенных, кашляющих и утративших всякую ориентировку людей. Смитбек, не веря своим глазам, смотрел на немыслимо грязных типов. Спутанные патлы и корка грязи на лицах не позволяли определить не только возраст, но и пол выходцев из преисподней. Некоторые сжимали в руках обрезки труб, металлические прутья и сломанные полицейские дубинки. На голове одного из подземных жителей красовалось нечто похожее на совершенно новую полицейскую фуражку. Демонстранты, уже достигшие Бродвея, остановились, чтобы не пропустить ничего из необычайного спектакля. Толпа гудела. Пожилые, элегантно одетые люди тихонько ворчали, а юные «белые воротнички» и бойкие клерки визжали и вопили, выражая тем самым восторг или презрение. Из входа на станцию подземки поднялось облако зеленоватого дыма и выскочила еще одна группа бездомных. Из люков на мостовой и из метро появлялись все новые и новые люди. На Коламбус-сёркл начала формироваться армия из оборванцев, которые быстро переходили от растерянности к враждебности.

Один из бездомных выступил вперед и уставился на первые ряды демонстрантов. Затем он издал яростный рев и словно жезл воздел над головой длинный металлический прут.

Из глоток оборванцев вырвался громкий вопль и, отвечая на призыв своего вождя, они выбросили вверх руки. Смитбек успел заметить, что в

каждой руке что-то было – камень, кусок бетона или железка. На многих лицах виднелись синяки и порезы. Создавалось впечатление, что все они уже готовы к схватке – или только что вышли из битвы.

«Что за чертовщина? – подумал Смитбек. – Откуда вдруг возникли эти типы?» На какой-то миг он решил, что является свидетелем хорошо подготовленного массового ограбления. Но тут же вспомнил, как Мефисто, скрываясь в темноте, сказал ему: «Мы найдем способ сделать так, чтобы наши голоса услышали».

«Только не сегодня, – подумал он. – Хуже времени для этого выбрать невозможно».

Небольшой клуб дыма достиг демонстрантов, и они тут же принялись кашлять, лихорадочно хватая воздух широко открытыми ртами. У Смитбека началась резь в глазах, и он наконец понял: то, что он принял за пар, на самом деле оказалось слезоточивым газом. Чуть дальше, в глубине пустынного Бродвея, из запасного выхода подземки выползли и, спотыкаясь, побрели к далеким полицейским машинам несколько копов в грязной и разорванной униформе. «Черт побери! – подумал Смитбек. – Там, внизу, видимо, произошло что-то очень серьезное».

– Где Мефисто? – заорал кто-то из бездомных.

– Я слышал, как за ним гнались! – ответил другой.

Толпа угрожающе зашевелилась.

– Грязные свиньи! – раздался чей-то крик. – Они его наверняка замочили!

– Что делают здесь эти мешки с дерьмом? – поинтересовался позади Смитбека чей-то юный голос.

– Не ведаю, – ответил его собеседник. – Знаю только, что час слишком поздний для того, чтобы обналичивать чеки социальной помощи.

Смитбек услышал смех и улюлюканье.

– Ме-фи-сто! Ме-фи-сто! – скандировала разъяренная толпа оборванцев.

– Они его уби-и-или! – завизжала какая-то женщина. – Эти сволочи убили его!

Человек, который выступил вперед, взмахнул своим металлическим жезлом и закричал:

– Они за это заплатят! Теперь им от нас не уйти!

Он воздел руки к небу и крикнул:

– Они травили нас газом!

Толпа ответила ему яростным ревом.

– Они разрушили наше жилье!

На Смитбека накатилась новая волна воинственного рева.

– А теперь мы уничтожим их дома! – И предводитель метнул железный прут в стеклянную стену банковского офиса. Стекло разлетелось вдребезги. Сработал сигнал тревоги. Впрочем, вой сирен тотчас утонул в реве толпы.

– Эй! – закричал кто-то позади Смитбека. – Видели, что сделал этот ублюдок?

Бездомные швыряли все, что попадало им под руку, в окна протянувшихся вдоль Бродвея домов. Все больше и больше оборванцев появлялись из люков, вентиляционных отверстий и станций подземки, заливая своей слепой яростью Бродвей и Западную улицу Центрального парка. Сквозь крики толпы доносился вой сирен «скорой помощи». Весь асфальт был уже усыпан яркими блестками битого стекла.

Смитбек вздрогнул от неожиданности, услышав усиленный динамиком голос миссис Вишер.

– Вы видите это? – Ее слова, отразившись от фасадов зданий, эхом прокатились по Центральному парку. – Негодяи хотят разрушить все то, что мы стремимся сохранить!

Из толпы демонстрантов раздались крики возмущения. Смитбек снова огляделся и увидел, как пожилые демонстранты – главные сторонники миссис Вишер – переговариваются между собой, указывая в сторону Пятой авеню и Западной улицы Центрального парка. Они явно предпочитали удалиться, пока не началась драка. Другие, более юные и воинственные участники марша, что-то выкрикивали, протискиваясь в первые ряды.

Повсюду суетились телеоператоры, наводя свои камеры то на миссис Вишер, то на бездомных.

А толпа оборванцев двинулась по улице, сквернословя, выкрикивая угрозы и бросая в окна метательные снаряды, запасы которых непрерывно пополнялись из стоящих вдоль домов урн и мусорных ящиков.

Миссис Вишер посмотрела на море своих сторонников, простерла руки и тут же крепко сжала их вместе, словно обнимая демонстрантов и приглашая их под свои знамена.

– Взгляните на эти отбросы общества! Неужели именно в эту ночь мы позволим им восторжествовать? – В наступившей мгновенно тишине она обвела демонстрантов полувопросительным-полуосуждающим взглядом. Передовые ряды бездомных, услышав ее громовой голос, звучавший одновременно из десятков громкоговорителей, в замешательстве начали останавливаться.

– Ни за что! – донеслось в ответ из толпы демонстрантов.

Со смешанным чувством восторга и ужаса Смитбек смотрел, как миссис Вишер медленно поднимает руку над головой и затем резко, командным жестом, выбрасывает ее вперед, указывая холеным пальцем с ногтем, покрытым дорогим лаком, на толпу бездомных.

– Вот те люди, которые хотят уничтожить наш город! – выкрикнула она.

– Только посмотрите на этих ублюдков! – завопил, выскочив из толпы демонстрантов, какой-то молодой человек. За его спиной сбилась шумная группа юнцов. От бездомных их отделяло не больше десяти футов. – Иди работать, ты, задница! – крикнул Молодой предводителю оборванцев.

Над толпой подземных жителей повисла тяжелая, исполненная угрозой тишина.

– Думаешь, я плачу налоги и протираю задницу на работе для того, чтобы ты бесплатно катался на моем горбу? – продолжал Молодой.

По толпе бездомных прокатился зловещий ропот.

– Почему бы тебе не сделать что-нибудь полезное для своей страны, вместо того чтобы прожирать ее ресурсы? – Молодой сделал шаг в сторону предводителя и, плюнув на землю, закончил: – Ты, бездомный кусок дерьма!

Предводитель оборванцев, в свою очередь, шагнул вперед и поднял вверх культю левой руки.

– Посмотри, что я сделал для своей страны! – закричал он срывающимся голосом. – Я отдал ей все! – Вождь бездомных в ярости смотрел на Молодого. – Вьетнам! Ты когда-нибудь слышал о нем?

Подземные жители двинулись вперед. Гневный ропот начал переходить в один яростный крик.

Смитбек посмотрел на миссис Вишер. Ее взор был обращен на бездомных. Лицо напоминало холодную каменную маску. Только сейчас он окончательно понял, что миссис Вишер действительно считает несчастных своими врагами.

– Поцелуй меня в задницу, ты, нищий паразит! – проревел чей-то пьяный голос.

– Ограбь какого-нибудь либерала! – выкрикнул рыхлый юноша под одобрительный хохот окружающих.

– Эти гады убили моего брата! – злобно прокричал один из кротов. Разорван в куски ради этой страны на холме Фон Мак второго августа 1969 года. – Он остановился и, подняв средний палец в непристойном жесте, бросил в лицо толстяку: – А ты, толстозадый, можешь забирать себе эту вшивую страну.

– Жаль, что они не закончили дело и не взорвали твою жопу! – взвизгнул все тот же пьяный голос. – На наших улицах было бы меньше одним мешком дерьма.

Из толпы бездомных вылетела бутылка и врезалась пьяному в лоб. Он, шатаясь, попятился. Из раны потоком лилась кровь.

И тогда демонстрация взорвалась. Молодые люди, что-то нечленораздельно вопя, кинулись на бездомных. Смитбек бешено закрутил головой. Те, что постарше и поумнее, куда-то исчезли. На улице остались лишь подвыпившие юнцы. Каким-то образом журналист оказался в обезумевшей толпе, бегущей с криками на ряды оборванцев. Он растерянно озирался, ища глазами миссис Вишер. Однако ни ее самой, ни ее эскорта уже нигде не было.

Толпа тащила Смитбека словно приливной вал. Сквозь крики и свист уже доносились звуки ударов. Боевой клич смешался со стонами и криками боли. Кто-то со страшной силой двинул Смитбека по плечу, и он упал на колени, инстинктивно прикрывая голову руками. Краем глаза он видел, как скользит по мостовой его магнитофон. Кто-то отфутболил магнитофон ногой, кто-то другой просто раздавил его. Смитбек попытался подняться, но тут же сделал нырок, вовремя увидев летящий в его сторону бетонный обломок. Вокруг царил полный хаос.

Оставалось лишь догадываться, кто или что вынудило бездомных подняться на поверхность в таком количестве. Смитбек понимал лишь одно – каждая из сторон видела в противнике воплощение зла. Стадный инстинкт победил разум.

Смитбек снова поднялся на колени и огляделся по сторонам. Со всех сторон на него сыпались толчки, а иногда и пинки. Демонстрация с треском провалилась, но статью еще можно спасти. А может, и не просто спасти – если беспорядки и в самом деле окажутся такими массовыми, как представляется ему сейчас. Но прежде всего следует выбраться из толпы и найти хорошую точку обзора. Он быстро глянул на север, в сторону парка. Над морем поднятых ввысь кулаков и палок возвышалась

бронзовая статуя Шекспира. Великий драматург равнодушно взирал на кипящий у его ног хаос. Пригибаясь к земле, Смитбек стал энергично проталкиваться к монументу. Какой-то бездомный с безумными глазами бросился на него, злобно и угрожающе размахивая пустой бутылкой. Смитбек инстинктивно выбросил вперед кулак, и поверженный враг рухнул на землю, схватившись за живот. И тут Смитбек с изумлением понял, что это – женщина.

– Прошу прощения, мэм, – бросил он, продолжая путь.

На Южной улице Центрального парка под ногами хрустели осколки стекла и скрипели какие-то обломки. Оттолкнув очередного оборванца и благополучно проскочив мимо группы молодых людей в весьма дорогих, но изодранных костюмах, Смитбек выбрался на тротуар. Здесь – на краю толпы – обстановка была гораздо спокойнее. Стараясь не вляпаться в голубиный помет, журналист вскарабкался на пьедестал и ухватился за нижнюю складку одеяния Шекспира. Затем он уперся рукой в открытую бронзовую книгу, подтянулся и оказался на широких бронзовых плечах.

Вид, открывавшийся с Шекспира, вызывал почтительный трепет. Свалка охватила несколько кварталов на Бродвее и всю Южную улицу Центрального парка. Из станции подземки на Коламбус-сёркл, из-под водосточных решеток и из вентиляционных труб лезли все новые и новые оборванцы. Смитбек и не подозревал, что в мире существует так много бездомных и такое количество юнцов. Со своего поста он видел, как пожилые демонстранты – старая гвардия миссис Вишер, – соблюдая полнейший порядок, двигаются в направлении Амстердам-авеню, стремясь оказаться как можно дальше от поля брани. Некоторые размахивали руками, тщетно стараясь привлечь внимание такси. А прямо под ним то возникали, то исчезали группы дерущихся людей. Все с той же странной смесью ужаса и восторга он отслеживал траектории разнообразных метательных снарядов, любовался кулачными боями и фехтованием на палках. На мостовой уже лежали первые жертвы. Видимо, раненые – если не хуже. Осколки стекла, камни, обломки бетона устилали улицу, мешаясь с кровью. Однако большинство противников ограничивались тем, что кричали друг на друга или принимали угрожающие позы. В толпе наконец появились отряды полицейских. Но копов было очень мало, а враждующие стороны перемещались в парк, там усмирить их будет гораздо труднее. «Куда подевались копы?» – снова спросил себя Смитбек.

Несмотря на охватившие его ужас и отвращение, какая-то часть его души пела от восторга. Это будет замечательный материал! Журналист напряженно всматривался в темноту, стараясь запечатлеть увиденные картины и прокручивая в уме возможное начало статьи. Толпа бездомных тем временем стала одерживать верх. Кроты в своем праведном гневе загнали демонстрантов в южную оконечность парка.

Ослабленные длительным недоеданием, алкоголем и наркотиками бездомные владели искусством уличной драки несравненно лучше, чем молодые банковские служащие и брокеры. Толпа бодро разбила несколько телевизионных камер. Немногие уцелевшие операторы отошли в тылы под прикрытие передовых фаланг. Сцену битвы заливали лучи прожекторов. Фотографы, забравшись на крыши близлежащих домов, снимали происходящее дорогими камерами с телеобъективом.

Внимание Смитбека привлекло какое-то синее пятно. Он присмотрелся получше: сквозь толпу, размахивая дубинками, пробивалась небольшая, тесно сплоченная группа копов. В центре группы находились какой-то до смерти перепуганный цивильный тип с усиками щеточкой и толстый, потный коп, в котором Смитбек без труда узнал капитана Уокси.

Журналист с интересом следил, как группа прокладывает путь сквозь ряды дерущихся. В поведении полицейских он уловил некую странность: копы не пытались прекратить драку или утихомирить толпу. Все их усилия были направлены лишь на то, чтобы защитить Уокси и типа с усиками, следующих в центре группы. Пока Смитбек размышлял, группа пересекла мостовую и бегом устремилась в парк. Копы явно спешили выполнить какое-то задание – задание, судя по спешке, чрезвычайно важное.

«Но какое задание, – спросил себя Смитбек, – может быть более важным, чем прекращение беспорядков?»

Еще несколько секунд он неподвижно сидел на плечах Шекспира. Единственно верное решение принять было мучительно трудно. В конце концов Смитбек соскользнул со статуи, перескочил через невысокое каменное ограждение и помчался вслед за копами в негостеприимную темноту парка.

49

Д Агоста вынул изо рта незажженную сигару и с отвращением уставился на изжеванный кончик. Марго отследила взглядом, как в поисках спичек он похлопал себя по карманам. Так ничего и не найдя, лейтенант перехватил ее взгляд и вскинул брови в молчаливом вопросе. Марго отрицательно покачала головой. Д’Агоста повернулся к Хорлокеру, открыл было рот, чтобы что-то сказать, но, видимо, передумал. Шеф прижимал к уху трубку радиотелефона, и вид у него был не очень счастливый.

– Мизнер? – кричал шеф. – Мизнер, ты меня слышишь?

Из трубки донесся какой-то хрип, и Марго решила, что это Мизнер вышел на связь.

– Усмири и произведи арест этих... – начал Хорлокер.

Трубка снова что-то прохрипела в ответ.

– Пять сотен? Из-под земли? Послушай, Мизнер, не вешай мне лапшу на уши. Почему они до сих пор не в автобусах?

Хорлокер замолчал, слушая собеседника. Краем глаза Марго увидела, как Пендергаст, сидя на столе и наклонившись к шефу, прислушивается к голосу из трубки, делая при этом вид, что просматривает свежий номер «Полицейской газеты».

– Пустите в ход дубинки, применяйте газ, мне плевать, как вы сделаете это... Демонстранты?! – Он опустил трубку, огляделся так, словно не мог поверить услышанному, и поднес трубку к другому уху. – Нет-нет! Ради всего святого, не используй газ вблизи демонстрантов. Большинство людей из двадцатки и двадцать второго находятся под землей. Тридцать первый участок комплектует своими людьми пункты сбора. Северная часть города оголена, как... ладно, не важно. Скажи Периллььо, что я хочу через пять минут собрать совещание всех своих замов. Привлеки людей из других муниципальных округов, призови всех, кто сейчас не на службе, не забудь про копов, которые снимают показания счетчиков на муниципальных стоянках. Одним словом, мобилизуй всех и брось в район парка. Ты меня понял?

Хорлокер швырнул трубку и схватил другую с аппарата, стоящего перед ним на столе.

– Куртис! Соедини меня с кабинетом губернатора! Бездомные, которых мы выкурили из-под земли в районе Центрального парка, учинили мятеж. Они вошли в столкновение с большой демонстрацией, проходящей по Южной улице Центрального парка. Мы должны вызвать Национальную гвардию. Свяжись с Мастерсом и скажи, что нам может понадобиться оперативный вертолет. На всякий случай. Пусть выведет броневики из арсенала на Лексингтон-авеню. Хотя нет, броневиков не надо. Они скорее всего не смогут прорваться. Свяжись с полицейским участком в самом парке. Мэру я позвоню лично.

На сей раз он положил трубку не так торопливо. По его лбу стекала одинокая капля пота. Хорлокер оглядел командный пункт, явно не замечая ни работающих копов, ни радиоустройств, бормочущих что-то на разных волнах. Вид у него был как у человека, для которого неожиданно рухнул весь его мир.

Пендергаст аккуратно сложил «Полицейскую газету» и положил ее на стол. Потом он наклонился вперед, пригладил свои светлые волосы и небрежно бросил:

– Вот я сейчас размышлял...

«Ого!» – мысленно воскликнула Марго.

Пендергаст подвинулся на столе, оказавшись прямо напротив шефа Хорлокера.

– Так вот, ситуация слишком опасна для того, чтобы решением проблемы занимался всего лишь один человек.

Хорлокер закрыл глаза. Затем, с видимым усилием, он поднял на Пендергаста страдальческий взгляд.

– О чем вы, черт бы вас побрал?!

– Мы слишком доверились эсквайру Уокси, поручив ему закрыть заслонки и остановить процесс сброса воды.

– Так. Ну?

Пендергаст поднес палец к губам, словно желая поделиться страшной тайной.

– Я не хочу показаться неделикатным, однако капитан Уокси не проявил себя как… хм-м-м… самый надежный мальчик на посылках. Если у него ничего не получится, катастрофа нам обеспечена. Лилия Мбвуна проникнет через Тоннели Астора в открытое море. Попав в соленую среду, реовирус вырвется на свободу. Как вы понимаете, он способен существенно изменить экологию океана.

– Более того, – позволила себе вмешаться Марго, – вирус может и сам включиться в пищевую цепь и таким образом… – Она замолчала.

– Я уже слышал этот рассказ, – сказал Хорлокер. – При повторении он не стал лучше. Объясните, к чему вы гнете?

– К тому, что у нас в Бюро зовется «избыточным решением».

Хорлокер уже собрался ответить, но из-за пульта раздался голос полицейского:

– Сэр, на связи капитан Уокси. Я пустил его на открытую линию.

Хорлокер еще раз поднял телефонную трубку:

– Уокси, доложи обстановку! – Шеф замолчал, выслушивая ответ. – Громче! – завопил он. – Ничего не слышно! Что?! Что значит – «ты не уверен»? Так позаботься об этом, черт возьми! Дай-ка мне лучше Даффи. Уокси? Уокси, ты меня слышишь? Ни черта не слышно. Уокси! Уокси!

Шеф со страшным грохотом швырнул трубку на рычаг аппарата:

– Свяжите меня с Уокси!

– Вы позволите мне продолжить? – спросил Пендергаст. – То, что я сейчас слышал, еще раз говорит о том, что времени у нас в обрез. Это вынуждает меня быть кратким. У нас должен быть резервный план с целью не допустить реовирус в Гудзон. План нужен на тот случай, если у Уокси ничего не выйдет, и Резервуар все же будет опорожнен.

– И как, по-вашему, мы сможем это сделать? – спросил д’Агоста. – Сейчас почти десять. До сброса воды осталось чуть больше двух часов.

– А не могли бы мы каким-нибудь образом предотвратить выброс растений? – неуверенно спросила Марго. – Поместить фильтры на трубы или еще что-нибудь?

– Интересная мысль, доктор Грин, – кивнул Пендергаст, обращая на нее взгляд своих светлых глаз. Он задумался. – Полагаю, что фильтры в пять микрон подошли бы вполне. Но никто не производит фильтров, способных прикрыть трубы столь большого диаметра. Кроме того, как смогут фильтры противостоять давлению воды? И насколько мы можем быть уверены в том, что обнаружили все возможные выходы? – Он покачал головой. – Мне представляется, что выходы из Тоннелей Астора можно запечатать только взрывами. Я изучил схемы. Дюжины зарядов взрывчатки С-4, расположенных в нужных местах, будет вполне достаточно.

Хорлокер повернулся вместе с креслом в сторону Пендергаста и, как бы фиксируя свершившийся факт, деловым тоном произнес:

– Вы сошли с ума.

В дверях раздался шум, Марго повернула голову и увидела, как в помещение Центра контроля кризисных ситуаций вваливается группа полицейских. Их мундиры были грязны и изорванны, а у одного на лбу зиял глубокий порез. Копы втащили чрезвычайно чумазого типа в потрепанном бархатном костюме. Его длинные седые волосы свалялись в клочья и были забрызганы грязью и кровью. На шее болталось большое бирюзовое ожерелье, длинная растрепанная борода почти касалась закованных в наручники рук.

– Мы захватили вожака!

– Да это же Мефисто! – воскликнул д’Агоста, не веря своим глазам.

– Неужели? – ехидно поинтересовался Хорлокер. – Ваш приятель?

– Нет, просто светский знакомый, – ответил Пендергаст.

Мефисто перевел взгляд с д’Агосты на Пендергаста.

– Ты?! – прошипел он. – Вайти? Так вы, значит, шпионы? Предатели! Свиньи! – Мефисто стал вырываться с новой силой и даже освободился

– но для того лишь, чтобы мгновение спустя оказаться на полу. В бессильной ярости колотя по полу схваченными браслетами руками, он плюнул в сторону Пендергаста и выкрикнул:

– Иуда!

– Полный псих, – пожал плечами Хорлокер.

– Вряд ли, – возразил Пендергаст. – Сомневаюсь, чтобы вы вели себя по-иному, если бы вас выгнали из дома и при этом еще травили бы газом.

Мефисто снова вырвался на свободу.

– Да держите же вы его, во имя всего святого! – завопил Хорлокер, отступая на безопасное расстояние. Повернувшись к Пендергасту, он оскорбительно ласково, по-отечески, произнес: – Интересно, правильно ли я вас понял? Неужели вы предлагаете взорвать Тоннели Астора?

– Не столько сами тоннели, сколько выходы из них, – ответил Пендергаст, не обращая внимания на сарказм. – Жизненно важно не допустить воду из Резервуара в океан. Но, возможно, нам удастся решить обе задачи: очистить Тоннели Астора от их обитателей и одновременно остановить распространение реовируса. Для этого нам надо удержать воду на сорок восемь часов и позволить гербициду завершить свою работу.

Краем глаза Марго заметила, как замер Мефисто.

– Мы могли бы направить команду аквалангистов из реки по коллектору, – продолжал Пендергаст. – Путь к стокам из Тоннелей Астора не очень сложен.

Хорлокер покачал головой.

– Я внимательно изучил всю систему, – сказал агент ФБР. – Когда Тоннели Астора заполнятся, избыток воды пойдет в Вестсайдский обводной. И этот путь необходимо блокировать взрывами.

– Не верю я в вашу затею, – обреченно сказал Хорлокер, опуская голову на сложенные перед собой руки.

– Но и этого может оказаться недостаточно, – продолжал Пендергаст, словно рассуждая вслух. – Для полной уверенности надо бы запечатать Чердак дьявола и сверху. Судя по схемам, Бутылочное горлышко со всеми его дренажными трубами является закрытой системой вплоть до самого Резервуара. Поэтому, чтобы удержать воду в системе, следует перекрыть все возможные стоки ниже Бутылочного горлышка. Это также не позволит монстрам спастись, укрывшись в каком-нибудь воздушном кармане.

Хорлокер не проявил никакого интереса. Пендергаст взял листок бумаги и быстро набросал схему:

– Взгляните, вода пройдет через Горлышко вот здесь. Вторая команда взрывников спустится с поверхности и заблокирует все выходы ниже Бутылочного горлышка. Еще несколькими уровнями ниже находится Чердак дьявола и сливы, ведущие в реку. Команда аквалангистов спецназа запечатает эти сливы. – Агент ФБР поднял глаза и закончил: – Вода будет задержана в Тоннелях Астора, а Морщинникам придет конец. Всем до единого.

Закованный в наручники человек издал низкий стон, от которого у Марго зашевелились волосы.

– Вторую команду, естественно, поведу я, – спокойно продолжал Пендергаст. – Потребуется проводник, а я там уже был. У меня есть довольно примитивная карта, и я изучил городские карты всех уровней, расположенных ближе к поверхности. Я мог бы пойти и один, но доставка пластита потребует несколько человек.

– Ничего у тебя не выйдет, Иуда! – прохрипел Мефисто. – Ты не доберешься к сроку до Чердака дьявола.

Хорлокер резко поднял голову, хлопнул ладонью по столу и объявил:

– Хватит! Достаточно я слушал болтовни. Игры окончены, Пендергаст. Я должен обеспечить выход из кризисной ситуации. Поэтому убирайтесь отсюда!

– Только я знаю тоннели достаточно хорошо, чтобы провести вас вниз и вывести на поверхность до полуночи, – прошипел Мефисто, сверля Пендергаста взглядом.

Пендергаст ответил ему таким же долгим, внимательным взглядом.

– Возможно, вы и правы, – произнес он наконец.

– Довольно! – рявкнул Хорлокер и повернулся к полицейским: – А этого заприте хорошенько. Мы займемся им позже, когда осядет пыль.

– А что вы желаете получить взамен? – вежливо спросил Пендергаст пленника.

– Место для жилья. Свободу от всякого рода угроз. Кроме того, все потери моих людей должны быть компенсированы.

Пендергаст спокойно смотрел на Мефисто. Что он думал, понять было невозможно.

– Я же сказал, уберите отсюда этого человека! – заорал шеф полиции.

Копы схватили Мефисто и поволокли к выходу.

– Стоять! – скомандовал Пендергаст. Это было сказано негромко, но настолько повелительно, что полицейские инстинктивно замерли.

Хорлокер повернулся к Пендергасту. На виске шефа бешено пульсировала жила.

– Что это значит? – свистящим шепотом спросил он.

– Шеф Хорлокер, этот человек переходит в мое распоряжение в соответствии с полномочиями, предоставленными мне как федеральному агенту правительством Соединенных Штатов Америки.

– Не пугайте меня, Пендергаст!

– У нас осталось только два часа, – прошипела Марго.

Пендергаст кивнул и повернулся к Хорлокеру:

– Я был бы рад задержаться и обменяться с вами любезностями, но боюсь, у меня не осталось для этого времени. Винсент, возьмите, пожалуйста, у этих джентльменов ключи. – Пендергаст посмотрел на полицейских: – Освободите этого человека. Я забираю его в свое распоряжение.

– Не делайте этого! – заорал Хорлокер.

– Сэр, – твердо сказал один из копов. – Мы не можем драться с федералом, сэр.

Пендергаст подошел к взлохмаченному человеку в бархатном костюме, который уже стоял рядом с д'Агостой, растирая закованные в наручники запястья.

– Мистер Мефисто, – негромко произнес агент ФБР. – Мне неизвестна та роль, которую вы сыграли в сегодняшних событиях, и поэтому я не могу гарантировать вам личной свободы. Но если вы мне сейчас поможете, то мы, вероятно, сможем избавить город от убийц, преследовавших и ваше сообщество. И я лично гарантирую вам, что ваше требование касательно предоставления свобод для бездомных будет рассмотрено тщательно и со всей справедливостью. – С этими словами он протянул Мефисто руку.

Мефисто сощурился.

– Вы мне уже как-то раз солгали, – прошипел он.

– Увы, это был единственный способ вступить с вами в контакт, – сказал Пендергаст, не убирая руки. – Теперь это перестало быть схваткой между теми, у кого есть все, и теми, кто всего лишен. Если мы

проиграем, все погибнет. И Парк-авеню и «Дорога Шестьсот шестьдесят шесть».

Последовала долгая пауза. Наконец Мефисто молча кивнул и протянул руки.

– Как трогательно, – произнес Хорлокер. – Надеюсь, вы оба утонете там в дерьме.

50

*С*митбек вглядывался сквозь проржавевшую решетку мостков вниз, в выложенный красным кирпичом и уходящий во тьму ствол шахты. Откуда-то из головокружительной глубины до него доносились голоса Уокси и других копов. Но он лично не видел и не знал, чем они там занимаются. Оставалось только надеяться, что все это не окажется пустой затеей. Но, коль скоро он проследил Уокси до этого места, видимо, стоит потратить еще немного времени и узнать, что же здесь, черт побери, происходит.

Он осторожно двинулся вперед, изо всех сил пытаясь разглядеть пятерых находящихся ниже людей. Проржавевшие мостки были подвешены под гигантским металлическим потолком и шли пологой дугой к устью вертикальной шахты, которая, казалось, вела к самому центру земли. При каждом шаге мостки прогибались. Добравшись до отвесной лестницы, Смитбек вытянул шею и заглянул в холодную тьму. Изнутри шахту освещала батарея прожекторов, но даже их мощности было недостаточно, чтобы рассеять мрак. Из трещины на потолке сочилась вода. Тонкий ручеек, закручиваясь спиралью, падал вниз и бесшумно исчезал во мгле. Сверху доносились странные звуки, похожие на потрескивание корпуса подлодки под давлением воды. Из шахты дул свежий, прохладный ветерок.

Даже в самых диких своих фантазиях Смитбек не мог предположить, что под самым Резервуаром Центрального парка существует столь необычное место. Он, конечно, понимал, что гигантский металлический потолок над головой – не что иное, как дренажная ванна в нижней части Резервуара, там, где песчаное дно соприкасается со сложной системой сливных устройств и подпитывающими трубопроводами, и старался не думать об огромной массе воды прямо над головой.

Теперь он уже мог рассмотреть Уокси и его людей, стоящих в полумраке на узкой платформе у основания лестницы. Смитбеку казалось, что он даже видит путаницу металлических труб, рычагов, штурвалов и цилиндров, похожих на какую-то адскую машину из кошмарного фильма об индустриальном веке. Покрытые влагой ступени были скользкими, крошечная платформа внизу не имела никаких ограждений. Смитбек спустился было на одну ступень, но тут же передумал и отступил назад. «Это прекрасная точка наблюдения», –

подумал он, присев на корточки. Отсюда он видел все, что происходит внизу, оставаясь при этом практически незаметным.

По стенам плясали лучи карманных фонариков, снизу долетали искаженные голоса. Смитбек сразу узнал бас профундо, принадлежащий Уокси. Он запомнил его еще с того вечера, в кинобудке музея. Жирный коп, видимо, говорил с кем-то по радиотелефону. Затем он убрал аппарат и обратился к нервического вида человеку без пиджака. Похоже, между ними шел весьма оживленный спор.

– Ты лгун! – кричал Уокси. – Ты никогда не говорил мне, что не можешь остановить процесс!

– Говорил, говорил! – пищал в ответ коротышка. – А ты сказал мне, что никакой остановки не потребуется. Жаль, что я не включил магнитофон, потому что...

– Ладно, заткнись. Это и есть клапаны?

– Вон они. Сзади.

Молчание. Скрежет металла. Шум шагов.

– Платформа надежна? – снова донесся из шахты голос Уокси.

– Откуда мне знать? – ответил писклявый. – После компьютеризации системы все ремонтные работы прекратились.

– Ладно-ладно! Давай, Даффи, делай что положено и пошли отсюда.

Смитбек высунул нос и вгляделся в шахту. Коротышка по имени Даффи изучал клапаны.

– Надо повернуть все эти рукоятки, и главная заслонка закроется, – послышался его голос. – Компьютерная система будет пытаться осушить Резервуар, но ручное управление удержит воду. Наша главная задача перекрыть сифон. Но я уже говорил, что этого еще никто не пытался сделать.

– Отлично. Может быть, за это тебе обломится Нобелевская премия. Приступай!

«Приступай» к чему? Похоже, они хотят не допустить осушения Резервуара. Мысль о миллионах галлонов воды, которые должны ринуться вниз, заставила Смитбека обратить взор в сторону далекого выхода. Но почему? Неужели произошел сбой компьютера? Что бы это ни было, не стоило ему оставлять место самых крупных за последние сто лет беспорядков. Сенсация явно лежит не здесь.

– Помогите мне повернуть это, – сказал Даффи.

– Вы слышали! – рявкнул Уокси. Два копа отделились от группы и взялись за обод большого штурвала. Послышалось напряженное пыхтение.

– Оно не крутится, – объявил наконец один.

Тот, кого звали Даффи, склонился к колесу, чтобы получше его рассмотреть.

– Кто-то здесь поработал! – крикнул он. – Посмотрите! Вал залит свинцом! А эти клапаны просто-напросто сломаны. И судя по всему, совсем недавно.

– Не вешай мне лапшу на уши, Даффи!

– Да посмотри сам! Вот эту штуку вообще, к дьяволу, отломили.

Наступила тишина. Потом Уокси выругался:

– Дерьмо на палке! Это можно починить?

– Конечно, можно. Но для этого нужно двадцать четыре часа, ацетиленовая горелка, установка дуговой сварки, новые крышки для клапанов и еще с десяток деталей, которые не производятся вот уже сто лет.

– Это не пойдет. Если мы не закроем заслонку, нам всем хана. Ты, Даффи, нас в эту заваруху втянул, тебе из нее и выпутываться.

– Да чтоб ты сдох, капитан! – разнесся по шахте визгливый голос. – Я сделал все, что от меня требуется. А ты – идиот и грубиян. И жирный притом!

– Твои слова, Даффи, попадут в мой доклад.

– В таком случае не забудь вставить слово «жирный», потому что…

Фраза оборвалась на полуслове.

– Вы чувствуете запах? – спросил полицейский, стоящий у самой лестницы.

– Что за чертовщина?! – послышался другой голос.

Смитбек втянул носом сырой, прохладный воздух, но не уловил ничего, кроме запаха влажного кирпича и плесени.

– Уходим! Быстро! – сказал Уокси, вцепившись в лестничную перекладину.

– Постой! – закричал Даффи. – А как же заслонка?

– Ты сам сказал, что ее нельзя починить!

До Смитбека донесся какой-то дребезжащий звук.

– Что это? – дрожащим голосом спросил Даффи.

– Ты идешь или нет? – поинтересовался Уокси, с трудом поднимая по лестнице свою тушу.

Смитбек увидел, как Даффи в нерешительности посмотрел вниз через край платформы, резко повернулся и полез по лестнице. За Даффи двинулись и остальные. Через несколько минут они окажутся на мостках, сообразил Смитбек. К этому времени ему необходимо убраться, проделав длинный путь по колышущейся решетке. И за все свои страдания он ничего не получил. Он уже повернулся, чтобы уйти, надеясь захватить окончание беспорядков и размышляя о том, где сейчас может быть миссис Вишер. «Боже, какой прокол, – мысленно укорял он себя. – Неужели журналистский инстинкт мог так меня подвести? Ведь этот придурок Брайс Гарриман уже, наверное…»

Снизу раздался протестующий скрип ступенек и затем удары по металлу.

– В чем дело?! – послышался голос Уокси.

Журналист повернулся и быстро поглядел вниз. Он видел, как замерли карабкающиеся по лестнице фигуры. Вопрос Уокси еще звучал, отражаясь эхом от стен шахты и затихая где-то в ее глубине. Ответом ему была тишина. Через несколько мгновений ее нарушил скрежет металла, сквозь который доносились странные хрипы и урчание. У Смитбека от ужаса волосы встали дыбом.

С лестницы вниз ударили лучи карманных фонариков.

– Кто здесь?! – прокричал Уокси.

– По лестнице поднимаются какие-то люди, – сказал коп.

– Мы полицейские! – Голос Уокси сорвался на визг.

Тишина.

– Назовите себя! – снова завопил капитан.

– Они поднимаются! – сообщил коп.

– Опять тот же запах, – произнес другой голос.

Смитбека словно молотом по голове ударило. Отвратительный козлиный дух почти физически вернул его в ту кошмарную ночь восемнадцать месяцев назад в чреве музея.

– Приготовить оружие! – в ужасе завопил Уокси.

Теперь Смитбек тоже видел их. Из глубины шахты по лестнице стремительно карабкались темные фигуры. Черные капюшоны скрывали их лица, а полы черных балахонов развевались на ветру.

– Эй там, внизу! – кричал Уокси. – Вы меня слышите? Остановитесь и назовите себя! – Он изогнулся и бросил быстрый взгляд на ползущих ниже его полицейских. – А вы, – крикнул он, – подождите их! Узнайте, что им надо! Если они незаконно проникли в помещение под Резервуаром, произведите арест. – Капитан снова прижал брюхо к лестнице и принялся отчаянно карабкаться по ступеням. Даффи следовал за ним.

Смитбек следил за тем, как странные фигуры, миновав площадку, приближались к поджидающим их копам. Последовала короткая пауза, вслед за которой, как показалось Смитбеку, внизу развернулась борьба. В полумраке схватка представлялась каким-то странным, не лишенным изящества танцем. Но эту иллюзию разрушил грохот девятимиллиметрового служебного пистолета. В замкнутом пространстве звук выстрела прозвучал оглушающе громко. Отражаясь от стен шахты, он прогрохотал раскатом грома и утонул в диком вопле. Смитбек увидел, как самый нижний из полицейских сорвался со ступеней и полетел в шахту. Одна из фигур в балахонах все еще висела на нем. Отчаянный крик копа постепенно затихал, отражаясь от стен, и наконец совсем сошел на нет в темной глубине.

– Остановите их! – прокричал Уокси, с трудом преодолевая очередную ступеньку. – Не позволяйте им приближаться!

Смитбек с ужасом наблюдал за тем, как странные существа еще быстрее заскользили вверх. Металлические ступени скрежетали и стонали под тяжестью их тел. Второй коп безостановочно палил в темные фигуры. Но вот страшная лапа схватила его за лодыжку и с огромной силой сорвала с лестничной перекладины. Падая, коп продолжал стрелять, и всполохи выстрелов еще несколько раз мелькнули в темноте шахты. Третий полицейский повернулся и проворно полез наверх.

Темные существа передвигались длинными, затяжными прыжками, перескакивая каждый раз через две, а то и через три перекладины. Одна из фигур попала в луч света, и Смитбек увидел, как мелькнула под капюшоном огромная покрытая слизью морда. Первое чудовище догнало полицейского и нанесло ему широкий рубящий удар под голень. Полицейский вскрикнул и завертелся ужом, но не выпустил перекладину. Монстр поднялся выше и принялся рвать когтями лицо и горло несчастного. Другие чудовища пронеслись мимо них, продолжая подъем.

Смитбек хотел бежать – и не мог, не в силах оторваться от разворачивающегося зрелища. Нога Уокси соскользнула с перекладины, и он повис на лестнице, отчаянно пытаясь нащупать ступени. Даффи быстро карабкался наверх, но темные фигуры уже почти настигли его.

– Они схватили меня за ногу! – отчаянно заверещал Даффи. Смитбек услыхал звуки борьбы. – Господи! Да помогите же мне!

Истерический выкрик многократно отразился от стен колодца, усиливая безумие всего происходящего.

Смитбек увидел, как Даффи, в котором отчаяние пробудило нечеловеческие силы, высвободил ногу и с невероятной стремительностью полез вверх мимо болтающегося в воздухе Уокси.

– Нет! Нет! – истошно кричал Уокси, отбиваясь ногой от протянувшего к нему лапы монстра. Капитан случайно сбил с чудовища капюшон, и, увидев то, что скрывалось под ним, Смитбек инстинктивно отвернулся. Но мозг успел запечатлеть то, что невозможно было представить даже в самых страшных кошмарах: узкие зрачки ящерицы, толстые влажные губы, морщины и складки обвисшей кожи. Он понял: это – Морщинники, о которых говорил Мефисто. Теперь Смитбек знал, почему их так называли.

Кошмарное зрелище вывело его из паралича, и Смитбек быстро зашагал по мосткам. Он слышал, как выстрелил из табельного пистолета Уокси. Вслед за выстрелом раздался дикий крик боли, от которого у Смитбека подкосились колени, затем – еще два быстрых выстрела, а за ними – душераздирающий вой Уокси, который тут же перешел в булькающие хрипы.

Смитбек уже почти бежал, изо всех сил стараясь сохранять ясность мыслей. За своей спиной он слышал, как Даффи – «Господи, пусть это будет Даффи!» – всхлипывая, карабкается по ступеням. «Я получил хороший гандикап», – думал он. Чудовищам еще предстояло подняться на добрых сто футов. Он даже решил было вернуться и помочь Даффи, но тут же понял, что никакой реальной помощи оказать все равно не сможет. «Боже! – молился он, – позволь мне всю оставшуюся жизнь страдать оттого, что я оставил ближнего в беде. Больше я тебя никогда ни о чем не попрошу».

Но когда он добрался до широких каменных ступеней, и когда над ним появился столь сладостный круг лунного неба, Смитбек с ужасом увидел зловещие, закрывающие звезды фигуры. И эти фигуры начали спускаться – О Господи! – прямо к нему. Смитбек упал на мостки, отчаянно оглядывая кирпичные стены. Сбоку от себя он заметил вход в боковой тоннель – старинную каменную арку, украшенную похожими на иней потеками известняка. Темные фигуры стремительно

приближались. Смитбек метнулся к арке, проскочил под ней и оказался в низком тоннеле. Под потолком тянулся ряд тусклых электрических ламп. С отчаянной решимостью Смитбек помчался по тоннелю, а коридор вел туда, где ему хотелось оказаться меньше всего.

Тоннель уводил его все глубже и глубже.

51

Д ежурный агент отдела снабжения ФБР сидел, откинувшись на спинку стула и уткнувшись в последний номер журнала «Солдаты удачи». Стул под ним весьма опасно покачивался на задних ножках. При их появлении агент удивленно раскрыл глаза. Наверное, ему еще ни разу не доводилось видеть в подвальном помещении Агентства столь грязного типа, с таким диким взглядом и чудовищно взлохмаченной бородой – и уж тем более в обществе симпатичной молодой женщины и плотного мужчины в плохо сшитом костюме. Внезапно агент сощурился и сморщил нос. «Видимо, до него докатилось благоухание Мефисто», – догадалась Марго.

– Чем, черт побери, я могу вам помочь, леди и джентльмены? – осведомился агент, опуская журнал и медленно приводя стул в нормальное положение.

– Они с мной, – бросил Пендергаст, выступая вперед и предъявляя удостоверение. Увидев Пендергаста, дежурный вскочил на ноги. Журнал шлепнулся на пол.

– Мне надо получить кое-какое вооружение, – негромко произнес Пендергаст.

– Сей момент, сэр! – Агент поспешно открыл замки и распахнул находящуюся за его спиной бронированную дверь.

Переступив через порог, Марго оказалась в огромном зале, уставленном деревянными шкафами.

– Что в них? – спросила она у Пендергаста.

– Запасы на случай чрезвычайного положения. Продовольственные рационы, медикаменты, вода, пищевые добавки, одеяла, спальники, запчасти к системам жизнеобеспечения, топливо.

– Хватит, чтобы выдержать осаду, – пробормотал д’Агоста.

– Угадали, лейтенант. – Пендергаст быстро прошел к небольшой металлической двери в дальней стене, набрал шифр и отворил тяжелую панель. За дверью виднелся узкий коридор, по стенам тянулись ряды шкафов из нержавеющей стали, к каждому прикреплены пластинки из плексигласа:

M-16/XM-148

CAR-15/CM177E2

KEVLAR S-M

KEVLAR L-XXL.

– Коп и его игрушки, – заметил Мефисто.

Пендергаст быстро подошел к одному из шкафов, открыл его и извлек оттуда три прозрачные пластиковые маски, прикрепленные к небольшим кислородным баллонам. Оставив одну себе, он протянул две другие д’Агосте и Мефисто.

– На случай, если по пути у вас возникнет желание кого-нибудь потравить газом? – поинтересовался Мефисто, неловко перехватив маску закованными в браслеты руками. – А я-то думал, мы договорились по-честному.

– Я знаю. Вы считаете, что полиция очень плохо обошлась с вашими людьми, – негромко сказал Пендергаст. – Не могу с вами не согласиться. Прошу вас поверить лишь в то, что я к этому не имею ни малейшего отношения.

– Двуликий Янус заговорил снова. Майор из «Могилы Гранта». Мне с самого начала следовало догадаться, что это просто очередной кусок дерьма.

– Меня вынудила прибегнуть к обману ваша параноидальная подозрительность, – ответил Пендергаст, открывая еще несколько шкафов. Оттуда он извлек налобные фонари, несколько пар очков с удлиненными линзами (Марго догадалась, что это приборы ночного видения) и какие-то непонятные продолговатые ярко-желтые баллоны.

– Что касается меня, то я никогда не видел в вас врага, – закончил агент ФБР.

– Если так, снимите с меня эти железки! – Мефисто вытянул перед собой руки.

– Не делайте этого! – забеспокоился д’Агоста.

Пендергаст достал из сейфа несколько метательных ножей из арсенала коммандос, а затем, порывшись во внутреннем кармане пиджака, подошел к Мефисто и неуловимым движением руки открыл замок наручников.

Мефисто презрительно швырнул железки.

– Собираешься поиграть этими перышками там, под землей, Вайти? – спросил он. – Ножички спецназа? Они против Морщинников не годятся. Разве только чтобы их слегка пощекотать?

– Я надеюсь, что нам не придется встретиться с обитателями Тоннелей Астора, – ответил Пендергаст, засовывая за пояс пару пистолетов и продолжая рыться в шкафу. – Но я давно понял, что чрезмерная подготовка никогда не повредит.

– Что же, агент ФБР, желаю тебе хорошей охоты на индеек. На обратном пути мы можем задержаться у «Шестьсот шестьдесят шестой дороги», чтобы выпить чайку с бисквитами и славно побеседовать. А может, и зафаршировать твои трофеи.

Пендергаст отошел от сейфа, неторопливо приблизился к Мефисто и спросил, наклонившись к нему почти вплотную:

– Скажите, мистер Мефисто, что мне следует сделать, дабы убедить вас в том, что мы находимся в исключительно серьезной ситуации?

Пендергаст говорил негромко, но в его голосе звучал намек на угрозу.

– Вы должны доверять мне полностью, – отступая на шаг, ответил Мефисто.

– Если бы я вам не верил, то не освободил бы вас от браслетов, – проговорил Пендергаст.

– Что же, докажите это еще раз. Дайте мне пушку. Один из тех замечательных М-16, которые, как я заметил, здесь имеются. Или хотя бы двенадцатизарядный помповик.

– Пендергаст, не сходите с ума, – вмешался д’Агоста. – Парень не в себе. Сегодня он в первый раз увидел дневной свет с того времени, когда президентом США еще был Джордж Буш.

– За какое время вы можете доставить нас в Тоннели Астора? – спросил Пендергаст.

– Примерно за девяносто минут, если вы не побоитесь в пути промочить ножки.

Последовало молчание. Наконец Пендергаст кивнул:

– Вы, кажется, разбираетесь в оружии. У вас имеется боевой опыт?

– Седьмой пехотный корпус. Ранен во славу Соединенных, хрен бы их взял, Штатов Америки в районе Железного треугольника.

Марго со смешанным чувством отвращения и восхищения увидела, как Мефисто расстегнул свои грязные штаны и спустил их, демонстрируя

шрам, пересекающий наискось весь живот и заканчивающийся жутким багровым узлом чуть ли не у бедра.

– Прежде чем положить на носилки, им пришлось нашпиговать меня снова моими собственными кишками, – закончил ветеран с кривой ухмылкой.

На сей раз Пендергаст задумался надолго. Затем, видимо, приняв решение, он открыл еще один сейф и извлек из него два автомата. Один повесил на плечо себе, а другой кинул д'Агосте. А потом он вытащил коробку с картечью и короткоствольным помповым ружьем.

– Не подведи меня, солдат, – сказал Пендергаст.

Мефисто выхватил из его рук оружие и, ни слова не говоря, передернул затвор.

Марго заметила в действиях Пендергаста некую закономерность, и закономерность эта ей крайне не понравилась. Пендергаст уже извлек из шкафов множество предметов, но ни один из них не предназначался ей.

– Позвольте, – наконец не выдержала она. – А как же я? Где мое снаряжение?

– Боюсь, вам придется остаться, – ответил Пендергаст, извлекая из очередного металлического шкафа бронежилеты и внимательно изучая этикетку, указывающую их размеры.

– Кто, черт возьми, имел право решить, что я не иду? Или это только потому, что я женщина?

– Доктор Грин, умоляю! Вы же прекрасно понимаете, что пол тут ни при чем. Просто у вас нет достаточного опыта участия в подобного рода полицейских операциях, – ответил Пендергаст, переходя к следующему шкафу. – А, вот они! Винсент, вас не затруднит подержать их некоторое время?

– Осколочные М-26? – не очень уверенно спросил д'Агоста, принимая из рук агента ФБР гранаты. – Похоже, дружище, у вас здесь добра хватит для того, чтобы организовать вторжение в Китай.

– Нет опыта? – возмущенно переспросила Марго. – Вы забыли, что именно я спасла вашу задницу полтора года назад в музее. Если бы не я, вы давно бы уже превратились в Мбвуний помет.

– Я первый, кто готов это признать, доктор Грин, – ответил Пендергаст, закрепляя на спине ранец, снабженный длинным шлангом со странным наконечником.

– Только не говорите мне, что это огнемет, – попросил д'Агоста.

– Так называемый «длиннопламенный», серия ABT, если не ошибаюсь, – вмешался Мефисто. – Когда я служил в пехтуре, сироп, который он распылял, мы называли «пурпурный туман». Садистское оружие морально разложившейся нации, – закончил он, с любопытством оглядывая остальные сейфы.

– Я – антрополог, – продолжала Марго, – и знаю эти создания лучше, чем кто-либо. Вам потребуются мои познания.

– Это недостаточное основание для того, чтобы рисковать вашей жизнью, – ответил Пендергаст. – Доктор Фрок тоже антрополог. Неужели вы полагаете, что нам следует скатить профессора вниз, чтобы услышать его просвещенное мнение?

– Но именно я решила загадку! – Марго невольно повысила голос.

– Марго права, – вмешался д’Агоста. – Если бы не она, нас бы здесь не было.

– Тем не менее это не дает нам права втягивать ее в дальнейшее, – не отступал Пендергаст. – Кроме того, мисс Грин еще ни разу не спускалась под землю и не служит в полиции.

– Послушайте! – воскликнула Марго. – Забудьте о моих познаниях. Забудьте о моей помощи в прошлом. Но я же великолепный стрелок, д’Агоста это подтвердит. И я никоим образом не стану вам обузой. Может случиться так, что именно вы будете пыхтеть, следуя за мной. И последнее: если там, внизу, возникнет опасность, вам понадобится каждый лишний человек!

Пендергаст обратил на нее взор своих светлых глаз, и Марго почти физически ощутила, как взор этот проникает глубоко в ее мысли.

– Скажите, доктор Грин, но только откровенно, почему вы так этого хотите? – спросил он.

– Да потому… – Марго осеклась. И правда, почему? Куда как проще было бы пожелать им удачи, отправиться домой, заказать ужин из ближайшего тайского ресторана и открыть наконец роман Теккерея, который она уже чуть ли не месяц не может начать читать…

И тут она поняла, что это вовсе не вопрос желания или нежелания. Восемнадцать месяцев назад она смотрела в лицо Мбвуна и видела свое отражение в его ужасных глазах. Тогда они с Пендергастом сумели убить чудовище, и Марго казалось, что все кончено. Дело сделано. Теперь она знала, что это совсем не так.

– Несколько месяцев назад со мной пытался связаться Грег Кавакита, – сказала Марго, – но я ничего не сделала, чтобы найти его. Если бы я

тогда откликнулась, то всего того, что творится сейчас, скорее всего можно было бы избежать. – Она помолчала. – Мне необходимо самой увидеть, что все это кончилось.

Пендергаст по-прежнему не сводил с нее вопросительного взгляда.

– В конце концов это вы, черт вас возьми, снова втянули меня в расследование! – воскликнула Марго, поворачиваясь к д'Агосте. – Мне этого хотелось меньше всего! Но раз уж я оказалась здесь, мне надо увидеть, чем все кончится.

– И она опять права, – кивнул д'Агоста. – Я привлек ее к расследованию.

Пендергаст совершенно несвойственным ему жестом положил руки ей на плечи.

– Марго, прошу вас, – негромко произнес он. – Постарайтесь меня понять. Тогда, в музее, у нас не было выбора. Мы были заперты внутри вместе с Мбвуном. Сейчас все совсем иначе. Мы сознательно пускаемся в опаснейшее предприятие. Вы же лицо сугубо гражданское. Простите, но это все.

– Для разнообразия я тоже соглашусь с майором Вайти, – сказал Мефисто, глядя на Марго. – Вы представляетесь мне личностью цельной: честной и порядочной. Вам не место в нашей компании. Поэтому позвольте им рискнуть своими, состоящими на государственной службе, задницами.

Пендергаст еще раз поглядел ей в глаза, опустил руки и повернулся к Мефисто.

– Каким путем отправимся? – спросил он.

– Лексингтонская линия под универмагом «Блумингдейл». В скоростном тоннеле, примерно в миле к северу от станции есть заброшенная шахта. Вначале она ведет прямо под парк, а потом сворачивает к Бутылочному горлышку.

– О Боже! – прошептал д'Агоста. – Видимо, именно этот путь Морщинники избрали для нападения на поезд.

– Видимо, да, – ответил Пендергаст и замолчал, погрузившись в собственные мысли. – Нам следует взять взрывчатку в секции «С», – вдруг сказал он, поворачиваясь к дверям. – Пошли, у нас осталось менее двух часов.

– Пойдемте, Марго, – бросил через плечо д'Агоста, припустившись рысцой за Пендергастом. – Мы проводим вас к выходу.

Марго посмотрела им в спину.

– Черт! Черт! Черт! – выкрикнула она в бессильной ярости и, швырнув на пол сумку, отвесила хороший пинок ближайшему шкафу. А потом опустилась на пол и закрыла лицо руками.

52

С ноу бросил взгляд на здоровенные стенные часы. Тонкие стрелки за защитной металлической сеткой показывали пятнадцать минут одиннадцатого. Он обвел взглядом безлюдное помещение, в котором валялись запасные баллоны с воздушными регуляторами, разорванные ласты да маски слишком большого размера. Взгляд его остановился на громоздящейся на столе куче бумаг, и Сноу недовольно поморщился. Он торчит здесь под предлогом последствий легочной инфекции, а на самом деле и он, и вся команда полицейских аквалангистов прекрасно знают, что его просто-напросто упрятали в конуру. Сержант отвел его в сторону и сказал, что он тогда здорово сработал, но только Сноу ему не поверил. Хоть найденные им скелеты и положили начало серьезному полицейскому расследованию, это все равно ничего не меняло. По сути дела, он тогда наложил в штаны. И причем при первом настоящем погружении. Даже Фернандес – и тот решил не тратить силы, чтобы над ним издеваться.

Сноу вздохнул и поглядел сквозь мутное окно на пустой причал и темную маслянистую воду, чуть поблескивающую отраженными ночными огнями. Весь отряд еще в сумерки отправился к месту крушения вертолета на Ист-ривер. Да и в самом городе что-то творилось. На полицейских частотах непрерывно шли сообщения о демонстрантах, волнениях, мобилизации сил и принятых для усмирения толпы мерах. Похоже, жизнь кипела везде, кроме затхлого угла Бруклинских доков, в котором он вынужден торчать и сортировать рапорты.

Сноу вложил несколько листков в скоросшиватель и бросил папку в ящик для исходящих. «Мертвая собака, извлеченная из канала Говейнас. Причина смерти: огнестрельная рана. Владелец: неизвестен. Дело закрыто».

Он потянулся за следующей папкой. Прыгун. «Рендольф Роэлл. 22 года. Мост Трайборо. В кармане обнаружена предсмертная записка. Самоубийство. Причина смерти: утопление. Дело закрыто».

И тут до Сноу донесся шум дизеля: к пирсу приближался катер. Для своих рановато, да и двигатель вроде не тот, более басистый. Наверное, нуждается в регулировке.

По доскам пирса прогрохотали шаги, и дверь распахнулась настежь, пропуская каких-то людей в черных гидрокостюмах без опознавательных знаков и с лицами, вымазанными черно-зеленой краской. У каждого на шее висела сумка из резины и латекса.

– Где аквалангисты? – пролаял с техасским акцентом здоровенный детина, вошедший первым.

– Авария вертолета на Ист-ривер, – ответил Сноу. – А вы кто такие? Второй отряд?

Он посмотрел в окно и крайне изумился, увидев не знакомый бело-голубой полицейский катер, а судно с мощным двигателем на подводных крыльях. Неизвестный катер, как и его команда, был выкрашен в темный цвет.

– Все? – спросил гигант.

– Все, кроме меня. А вы кто такие?

– Ну, во всяком случае, не блудные родственники твоей матушки, голубчик. Нам нужен кто-нибудь, кто знает кратчайший путь к Вестсайдскому обводному. И этот кто-нибудь нужен нам немедленно.

Сноу вдруг – непонятно почему – встревожился.

– Я сейчас радирую сержанту и…

– Нет времени. А ты?

– Ну… Я знаю все водостоки вдоль берегов Манхэттена. Каждый полицейский ныряльщик должен…

– Ты можешь нас туда доставить? – спросил незнакомец, обрывая Сноу на полуслове.

– Вы хотите попасть в Вестсайдский обводной? Но большинство тоннелей закрыты решетками или слишком узкие для…

– Отвечай на вопрос: да или нет?

– Думаю, что смогу, – слегка неуверенно ответил Сноу.

– Фамилия?

– Сноу. Полицейский Сноу.

– Вали в катер!

– Но мои баллоны и костюм…

– У нас есть все, что нужно. Оденешься на катере.

Сноу выбрался из-за стола и вышел вслед за странными людьми на причал. Ему почему-то показалось, что отказаться от приглашения он не может.

– Вы еще не сказали мне, кто…

Верзила, уже поставив одну ногу на планшир катера, оглянулся через плечо:

– Рахлин. Коммандер. Начальник патруля морского спецназа. Код – «Голубая семерка».

Моторист рывком отвел катер от пирса.

– Про руль не забудь, – бросил Рахлин и, подозвав к себе Сноу, сказал: – А суть операции вот в чем.

Он открыл прикрытый пробковым матом и служивший сиденьем рундук и извлек оттуда пачку водостойких карт.

– Всего будет четыре группы. По два человека в каждой. – Он огляделся: – Донован!

– Сэр! – откликнулся невесть откуда появившийся подводник. Даже в массивном гидрокостюме он казался жилистым и сухим. Лица под неопреновым капюшоном и темной краской Сноу рассмотреть не смог.

– Донован, ты и Сноу работаете в паре.

В последовавшем в ответ молчании Сноу почудилось непонятное отвращение.

– Какая предстоит работа? – спросил он.

– ПВР, – коротко сказал Рахлин.

– Что?

– Подводные взрывные работы, – бросил коммандер, обжигая Сноу взглядом. – Это все, что тебе следует знать.

– Это связано с обезглавленными мертвецами? – спросил Сноу.

Командир диверсантов посмотрел на него еще раз – уже более пристально:

– Для только что оторвавшегося от мамкиного соска крысенка, купающегося в ванне и именуемого по-ли-цей-ским аквалангистом, ты задаешь слишком много вопросов, дорогуша.

Сноу молчал, не решаясь поднять глаза.

– Мы можем самостоятельно проложить путь вот с этого места. – Рахлин развернул карту и ткнул пальцем в синюю точку. – Однако из-за строительства новых очистных сооружений карта устарела. Эти участки, как ты можешь видеть, выделены. Поэтому ты должен будешь доставить нас вот сюда! – Он снова ткнул пальцем в синюю точку.

Сноу склонился над ламинированной картой. На верхнем белом обрезе изящным шрифтом было напечатано:

1932 г. СХЕМА КАНАЛИЗАЦИОННЫХ И ЛИВНЕВЫХ СИСТЕМ ВЕСТ-САЙДА.

НИЖНИЙ КВАДРАНТ.

Под надписью был лабиринт блеклых пересекающихся линий. У западной границы Центрального парка Сноу заметил несколько групп точек, нанесенных совсем недавно. Он изучал сложные переплетения каналов, лихорадочно перебирая в уме все возможные варианты. Самый удобный вход в Вестсайдский обводной – в Протоке Гумбольдта, но пока туда доберешься, уйдет масса времени. Да и кроме того, Сноу страшно не хотелось туда возвращаться – особенно если этого можно избежать. Он тщательно припоминал тренировочные поездки – долгие дни, когда катер тыкался носом в каждую грязную дыру на береговой линии. Итак, в какой еще точке происходит сброс воды из Вестсайдского обводного?

– Я понимаю, что это непросто, – спокойно сказал Рахлин. – Но все же поторопись. У нас не так много времени.

Сноу поднял глаза. Он знал еще один путь. Очень прямой. «Что же, – подумал он, – раз они сами это хотят…»

– Станция переработки фекальных вод на Нижнем Гудзоне. Мы сможем пройти через главный отстойник.

Ответом ему было молчание. Сноу огляделся.

– Опускаться в вонючее дерьмо? – раздался чей-то голос.

– Вы слышали, что сказал этот человек! – оборвал все разговоры командир. Он швырнул Сноу гидрокостюм: – А теперь сведи свою милую маленькую попочку вниз в кокпит и смени одежонку. Мы должны закончить работу и собраться у точки выхода за шесть минут до полуночи.

53

М арго, дымясь от ярости, сидела на покрытом кафельной плиткой холодном полу. Она не знала, на кого больше злится. На д’Агосту, который ее в это дело втянул, на Пендергаста, отказавшегося взять ее с собой в экспедицию, или на самое себя за то, что не плюнула на всю эту заваруху. Но она просто не могла сделать этого. Теперь она понимала, какой неизгладимый след оставили в ее душе убийства в музее и особенно последняя схватка в музейных подвалах. Эти события лишили ее сна, разрушили душевный покой. А теперь еще и это…

Она знала, что Пендергаст заботится о ее безопасности, но не могла избавиться от чувства досады. «Если бы не я, он до сих пор блуждал бы впотьмах, – думала Марго. – Ведь это я установила связь между Мбвуном и Уиттлси, я сообразила, что происходит на самом деле». Будь у нее хоть немного времени, она бы распутала клубок и связала бы все оборванные концы. Она установила бы, что означают записи в журнале Кавакиты, узнала бы, что он делал с тиоксином и для чего синтезировал в своей последней лаборатории витамин D.

В тиоксине, конечно, смысл был. Судя по обрывкам оставшихся записей, Кавакита под конец радикально изменил взгляды. Видимо, понял, что последняя модификация препарата, не влияя на тело, уродует мозг. Возможно, он понял и то, что контакт растения с солевой средой таит страшную угрозу для экологии. Так или иначе, но он, судя по всему, пытался исправить свою ошибку и очистить Резервуар от *Liliceae Mbwunensis* . Вероятно, монстры прознали о его намерениях. Это проливает свет на причины смерти. Но все это не объясняет, за каким дьяволом ему понадобился витамин D. Может, для генетического анализа? Нет, это полная чушь…

Марго резко выпрямилась. Дыхание ее участилось. «Итак, Кавакита планировал уничтожить растения. Уверена, что это именно так, – думала она. – Следовательно, он понимал, что подвергает себя чудовищному риску. Витамин D не мог служить цели производства „глазури“. Он был призван…»

И в этот момент ей открылась истина.

Марго вскочила на ноги. Нельзя терять ни секунды! Она принялась распахивать дверцы шкафов, вышвыривая их содержимое на пол и выбирая из кучи то, что ей было нужно. Кислородная маска, очки ночного видения, коробки тупорылых разрывных пуль девятимиллиметрового калибра для ее пистолета.

Тяжело дыша, Марго выбежала из оружейного в более просторное складское помещение. Она торопливо шагала вдоль рядов деревянных шкафов, вглядываясь в пластиковые таблички. Остановившись у одного шкафа, Марго извлекла из него три литровые бутылки с сифонными крышками. Те, какими пользуются во время матча спортсмены. Она поставила бутылки рядом со своей сумкой, открыла другой шкаф и достала несколько пластиковых емкостей, содержащих по галлону дистиллированной воды. Затем снова бросилась вдоль шкафов, что-то бормоча себе под нос. Наконец она нашла, что искала: на полках рядами стояли флаконы с лекарствами. Лихорадочно пробежав глазами этикетки, она схватила нужные пузырьки и бросилась к сумке.

Марго опустилась на колени, открыла флаконы, высыпала их содержимое на пол. На кафельных плитках образовались небольшие холмики белоснежных таблеток.

– Какая концентрация, Грег? – спросила она. – Грег не ответит, но полагаю, что высокая.

При помощи одного из флаконов она растерла таблетки в порошок и высыпала несколько пригоршней в каждую из литровых бутылей. Затем залила порошок водой и энергично потрясла бутылки, глядя на белесую суспензию. Грубовато, пожалуй, но ни на что лучшее времени не оставалось. Так или иначе, все равно скоро растворится.

Она вскочила на ноги и схватила сумку. Пустые бутылки с грохотом покатились по коридору.

– Кто там? – послышался голос. Марго поняла – увы, слишком поздно, – что напрочь забыла об охраннике. Поспешно сунув бутылки в сумку и забросив ее через плечо, она направилась к выходу.

– Прошу прощения, я что-то размечталась. – Оставалось надеяться, что эти слова прозвучали искренне.

Охранник нахмурился и начал медленно вставать со стула.

– Куда направился агент Пендергаст? – поспешно спросила Марго. – Он, кажется, говорил что-то о секции «С».

Упоминание Пендергаста возымело желаемое действие.

Страж опустился на стул и сказал:

– Лифт номер четыре. Подниметесь на два этажа и там налево.

Марго поблагодарила охранника и поспешно направилась к ряду лифтов в конце коридора. Дверь кабинки закрылась. Марго взглянула на часы и выругалась. Времени не оставалось. Она нажала на кнопку первого этажа. Когда кабинка остановилась, Марго вылетела в вестибюль со спринтерской скоростью, однако, заметив многочисленных охранников, перешла на шаг и, сдав свой гостевой пропуск, вышла в душную манхэттенскую ночь.

Оказавшись на улице, Марго подбежала к краю тротуара и тут же схватила такси.

– Пятьдесят девятая и Лекс! – бросила она, захлопывая за собой дверцу.

– О’кей, но быстро не получится, – сказал водитель. – Там около парка то ли демонстрация, то ли беспорядки. Машины слиплись плотнее, чем шерсть под собачьим хвостом.

– Так сделайте хоть что-нибудь! – взмолилась Марго, бросая на переднее сиденье рядом с таксистом двадцатку.

Машина, совершая головоломные виражи, рванула на восток и свернула по Первой авеню на север. В районе Сорок седьмой улицы Марго увидела перед собой что-то похожее на бесконечную парковку легковых автомобилей, грузовиков и автобусов. Двигатели работали на холостом ходу, клаксоны ревели. Шесть рядов красных габаритных огней уходили в бесконечную даль.

Марго схватила сумку, выскочила из машины и помчалась на север, лавируя в толпе пешеходов.

Через семь минут она добежала до входа в подземку и ринулась вниз, перескакивая через две ступеньки. От тяжести сумки неимоверно ныло плечо. Сквозь шум моторов и вопли клаксонов до нее доносился отдаленный приглушенный рев. Казалось, одновременно кричат десятки тысяч глоток. Наконец Марго оказалась под землей, и все звуки, кроме грохота поездов, исчезли. Отыскав в кармане жетон, она прошла через турникет и побежала вниз, к линии экспресса. Там, не решаясь отойти от ярко освещенных ступеней, уже топтались несколько человек.

– Ты видел этих типов? – спросила молодая женщина в майке Колумбийского университета. – Что за штука висела у одного из них на спине?

– Скорее всего баллон с крысиным ядом, – ответил ее спутник. – Крысы там вырастают ой-ой-ой какие. Вчера вечером на станции Четвертой Западной улицы я сам видел одну ростом со взрослого…

– Куда они пошли? – задыхаясь, перебила его Марго.

– Спрыгнули на пути и побежали к северу…

Марго подошла к северной оконечности платформы. Перед ней уходили вдаль, исчезая в темноте, серебристые рельсы экспресс-линии. Между рельсами поблескивали в свете редких фонарей лужицы грязной стоячей воды. Она быстро оглянулась назад, убедилась, что поезда на подходе нет, сделала глубокий вздох и спрыгнула на рельсы.

– Смотрите, еще одна! – крикнул кто-то позади нее.

Пристроив сумку поудобнее, Марго побежала на север, стараясь не потерять равновесие на гравийном балласте и не споткнуться о неровные выступы бетонных шпал. На бегу она вглядывалась вдаль, пытаясь различить тени или силуэты. Она уже хотела было позвать Пендергаста, но вовремя одумалась. Именно на этой линии, только чуть дальше, произошла не так давно подземная бойня.

Едва она успела об этом подумать, как легкий порыв ветра шевельнул волосы у нее на затылке. Марго обернулась – и сердце ее упало. В тоннеле виднелся символ четвертого экспресса – большой красный светящийся круг. Поезд был еще далеко, но ошибки быть не могло.

Она побежала быстрее, хватая открытым ртом густой влажный воздух. Поезд остановится на несколько мгновений, чтобы выпустить и впустить пассажиров, а потом снова помчится в ее направлении. Девушка отчаянно крутила головой в поисках ниши или любого другого места, где можно было бы укрыться от надвигающегося поезда, но взгляд натыкался лишь на гладкие, уходящие вдаль стены тоннеля.

Сзади до нее долетел стук закрывающихся дверей, шипение воздушных тормозов. Поезд набирал скорость. Оставалось только одно убежище – узкое пространство между путями, идущими на север, и линией рельсов, ведущих к югу. Осторожно переступив через третий, находящийся под напряжением рельс, Марго нырнула между ржавыми балками и встала, втянув живот, чтобы сделаться как можно тоньше. Перед ней торчал похожий на одинокого часового рычаг ручного перевода стрелки.

Поезд приближался. Его свисток надрывался, предупреждая о смертельной опасности. Порыв ветра от проносящихся мимо вагонов толкнул Марго назад, чуть не вышвырнув на южный путь. Она отчаянно вцепилась в рычаг. Вагоны мелькали мимо нее полосой освещенных окон, похожих на кадры кинопленки. Но вот состав промчался мимо и, рассыпая фонтан искр, унесся на север, чуть покачивая из стороны в сторону красными хвостовыми огнями.

Напоследок Марго обдало облаком пыли. Она закашлялась. Глаза слезились. Марго поспешно вылезла на путь и быстро огляделась по сторонам. Далеко впереди, в багровых огнях уходящего поезда она заметила три фигуры, очевидно, выскользнувшие из ниши в стене.

– Пендергаст! – закричала она. – Агент Пендергаст, постойте!

Фигуры остановились, а затем повернулись к ней. Марго что было сил помчалась вперед. Пендергаст внимательно смотрел на нее.

– Доктор Грин? – услышала она знакомый тягучий голос.

– Бог мой, Марго! – сердито выпалил д’Агоста. – Какого дьявола вы здесь делаете? Ведь Пендергаст вам ясно сказал, что…

– Заткнитесь и послушайте! – прошипела Марго. – Я догадалась, что делал Кавакита с витамином D, который он синтезировал в своей лаборатории. Витамин не имел никакого отношения ни к растению, ни к «глазури», ни к чему-либо еще. Витамин должен был служить оружием.

Даже в темноте она разглядела недоверие, написанное на лице лейтенанта. За его спиной молча стоял похожий на темное привидение Мефисто.

– Это так, – тяжело дыша, продолжала она. – Мы знаем, что Морщинники ненавидят свет. Так? Но это больше чем ненависть. Они света боятся. Свет несет им смерть.

– Боюсь, что я не совсем вас понимаю, – сказал Пендергаст.

– Вообще-то они боятся не света, а того, что порождает свет. Солнечные лучи, попадая на кожу, активизируют витамин D. Яркий свет причиняет этим существам острую боль и способен даже вызвать смерть. Именно поэтому погибли некоторые культуры одноклеточных в наших опытах. Мы их оставили на ночь под лампой. Кроме того, это, видимо, объясняет, почему монстров стали называть Морщинниками. Кожа при недостатке витамина D утолщается и становится морщинистой. Кроме того, дефицит витамина D вызывает остеомаляцию – размягчение костей. Помните, как доктор Брамбелл сказал, что скелет выглядит так, словно его владелец при жизни страдал кошмарной цингой? И это действительно так.

– Это только домыслы и догадки, – произнес д'Агоста. – Где доказательства?

– С какой иной целью мог синтезировать витамин D Кавакита? – выкрикнула она. – Подумайте, ведь витамин был так же ядовит и для него! Грег знал, что, если он уничтожит источник зелья, монстры нападут на него. А затем, лишившись наркотика, они начнут массовые убийства людей. Нет, он должен был уничтожить не только растения, но и Морщинников.

– Да, пожалуй, это единственное разумное объяснение, – кивнул Пендергаст. – Но почему вы взяли на себя столь тяжкий труд, чтобы добраться сюда и все объяснить?

– Да потому, что у меня здесь, – она похлопала по сумке, – три литра раствора витамина D.

– Вот как? – фыркнул д'Агоста. – Значит, недостатка в огневой мощи у нас не будет?

– Если их там внизу столько, сколько мы предполагаем, излишка огневой мощи быть просто не может, – сказала Марго. – Вспомните, сколько сил потребовалось, чтобы уложить Мбвуна.

– Мы сделаем все, чтобы избежать контактов.

– Но вы сильно рискуете, даже обладая оружием из арсенала ФБР, – ответила Марго. – Пули могут их ранить, а мое оружие поражает жизненные центры.

– Что же, доктор Грин, – вздохнул Пендергаст. – Отдайте нам бутылки, и мы распределим их между собой.

– Ни за что! Бутылки понесу я. И я иду с вами.

– На подходе еще один поезд, – сообщил Мефисто.

– Я уже имел возможность объяснить вам… – начал Пендергаст, но Марго перебила его:

– Я зашла уже слишком далеко! И нет таких сил, которые могли бы заставить меня повернуть назад. И прошу вас, не говорите мне больше ничего о грядущих опасностях. Может, вы хотите, чтобы я дала расписку в том, что не стану предъявлять счет властям, если оцарапаюсь? Давайте бумагу, я напишу все, что требуется.

– В этом нет необходимости, – вздохнул Пендергаст. – Что же, как вам будет угодно, доктор Грин. Мы не можем тратить время на дальнейшие споры. Мефисто, ведите нас вниз.

54

С митбек замер и прислушался. До него снова долетел звук шагов, но уже более отдаленный. Он несколько раз глубоко вдохнул и энергично сглотнул, пытаясь вернуть на место сердце, которое, как ему казалось, колотилось где-то в горле. Он уже давно заблудился в узких коридорах и не имел никакого представления, куда он сейчас идет. Ему казалось, что он совершил полный круг и теперь направляется в сторону таинственных существ, кем бы – или чем бы – они ни были. Инстинкт подсказывал, что от места ужасной бойни он все же удаляется. Осклизлые стены тоннелей хотя и меняли направление, но оставались неизменны в одном: они вели все ниже и ниже.

Смитбек не сомневался, что те отвратительные создания, которых он видел, и есть Морщинники. Те самые, о которых когда-то говорил Мефисто. Может быть даже, это были именно те, кто убивал людей в подземке. Морщинники. На его глазах они за несколько минут убили четверых… Крик Уокси еще долго звучал в его ушах, и Смитбек никак не мог разобраться, какие звуки подлинные, а какие – лишь плод его воображения.

Но вот его ушей достиг еще один звук, на сей раз – вполне реальный. Шаги. Приближающиеся шаги. Смитбек завертелся на месте, панически пытаясь отыскать хоть какое-нибудь убежище. Внезапно в глаза ему ударил яркий свет. На него надвигалась какая-то темная фигура.

Смитбек приготовился к схватке, надеясь лишь, что она не окажется мучительно долгой.

И тут неизвестный, взвизгнув от ужаса, отступил назад. Фонарь упал на пол и подкатился к ногам Смитбека. Журналист почувствовал огромное облегчение, увидев знакомые усы щеточкой. Усы принадлежали Даффи, который сражался с чудовищем на лестнице чуть ниже Уокси. Одному Богу известно, как ему удалось ускользнуть от преследователей.

– Успокойтесь! – прошептал Смитбек, быстро подхватывая фонарь, пока тот не укатился дальше. – Я журналист, и я видел все, что произошло.

Даффи был слишком напуган, чтобы поинтересоваться, что делает журналист под Резервуаром. Впрочем, возможно, ему просто не хватало дыхания. Он уселся на кирпичный пол, тяжело и часто дыша. Грудь его вздымалась и опускалась, как кузнечные мехи. Каждые несколько секунд он оборачивался назад и внимательно вглядывался в темноту за спиной.

– Вы знаете, как отсюда выбраться? – резко спросил Смитбек.

– Нет, – выдохнул Даффи. – Впрочем, может быть, знаю. Помогите мне подняться.

– Билл Смитбек, – шепотом представился журналист. Он подошел к дрожащему инженеру и помог ему встать на ноги.

– Стэн Даффи, – прохрипел усатый.

– Как вам удалось убежать от этих монстров?

– Я оторвался где-то в районе сливных заслонок, – ответил Даффи, и по его забрызганным грязью щекам покатились слезы.

– Почему все эти тоннели ведут только вниз, и не один не выходит на поверхность?

Даффи отрешенно вытер глаза рукавом и ответил:

– Мы находимся в тоннелях вторичного слива. Когда возникает чрезвычайная ситуация, вода стекает как по главной трубе, так и по трубам вторичного слива прямо в Бутылочное горлышко. Это закрытая система. Все, что находится в этом месте, может выйти только через Бутылочное горлышко. – Инженер замолчал и широко раскрыл глаза, словно вдруг что-то вспомнил. Затем он бросил взгляд на часы: – Надо торопиться! У нас осталось всего девяносто минут.

– Девяносто минут? До чего? – спросил Смитбек.

– Резервуар опорожнят в полночь. Остановить слив невозможно. Поток пройдет как раз через эти тоннели.

– Что? – еле слышно выдохнул Смитбек.

– Чтобы избавиться от чудовищ, они хотят затопить нижние уровни – Тоннели Астора. Или хотели. Теперь они передумали. Слишком поздно...

– Тоннели Астора? – переспросил журналист. «Наверное, это и есть Чердак дьявола, о котором толковал Мефисто», – подумал он.

Даффи резко выхватил фонарь у Смитбека из рук и помчался вниз по тоннелю.

Журналист рванул следом. Узкий коридор слился с другим, более широким, уходящим спиралью вниз наподобие гигантского штопора. Здесь не было никакого света, кроме бешено скачущего на стенах луча фонарика. Смитбек держался поближе к стене, чтобы не наступить в бегущий по полу ручеек. Правда, он не совсем понимал, почему так боится промочить ноги. Даффи мчался прямо по центру, поднимая тучу брызг. Производимый им шум разбудил бы и мертвого.

Через несколько секунд Даффи застыл как вкопанный.

– Я их слышу! – взвизгнул он.

– А я ничего не слышу, – ответил Смитбек, тяжело дыша и оглядываясь по сторонам.

Но Даффи, не реагируя на его слова, снова помчался вперед, и Смитбеку пришлось бежать за ним. Сердце бешено колотилось в его груди, мысли о сенсационной статье давно уже выветрились из головы. В стене тоннеля открылось темное отверстие, и Даффи нырнул туда. Смитбек бросился следом – в тот же миг почва разверзлась под его ногами, и он покатился по влажному желобу вниз. Снизу доносился вой Даффи. Пытаясь задержать падение, журналист скреб пальцами скользкую поверхность. Это походило на ночной кошмар с падением – только еще ужаснее. Смитбек падал в черноту тоннеля, проваливаясь в самые недра Манхэттена. Потом он услышал плеск и – мгновение спустя – сам оказался в луже глубиной примерно двадцать дюймов. Удар был довольно сильным, и, поднявшись на ноги, Смитбек ощутил боль во всем теле. Вновь обретенная твердь под ногами обнадеживала. Пол в тоннеле казался ровным, вода – относительно свежей.

Рядом горестно выл Даффи.

– Заткнись! – рявкнул Смитбек. – Ты привлечешь сюда всех чудовищ.

– О Боже, – причитал Даффи, – сделай так, чтобы этого не случилось. Это не должно произойти…

Смитбек протянул руку во тьму, нащупал плечо Даффи, резко притянул его к себе и прошипел:

– Заткнись же!

Рыдания сменились негромкой икотой.

– Где фонарь? – прошептал Смитбек.

В ответ раздались новые рыдания. Однако вскоре темноту прорезал тонкий луч света, значит, Даффи каким-то чудом не выпустил из рук фонарик.

– Где мы?

Икота и рыдания прекратились.

– Даффи!!! Где мы находимся?

– Не знаю, – всхлипнул инженер. – В одной из сливных труб, наверное.

– Ты хоть какое-нибудь представление имеешь, куда она ведет?

– Через нее выливается излишек воды из Резервуара. – Слова Даффи перемежались всхлипываниями. – Если мы двинемся дальше через Бутылочное горлышко, то, может быть, доберемся до нижней сливной системы.

– А оттуда мы сможем выбраться на землю? – спросил Смитбек.

– Не знаю. – Даффи икнул.

Смитбек молча вытер ладонью лоб. Он пытался скатать страх и боль в один маленький комок и загнать этот комок как можно глубже. Он попробовал подумать о статье. Боже, да ведь он просто прославится, если вдобавок к событиям в музее опишет все, что ему пришлось сегодня пережить. А если повезет, он опубликует и материалы о Вишер. Но вначале…

Послышался плеск воды. Расстояние до источника звука определить было трудно – мешало эхо. Ясно было одно – плеск приближался. Смитбек, напрягая слух, уставился во тьму.

– Они гонятся за нами! – заорал Даффи ему прямо в ухо.

Смитбек снова схватил его за плечо.

– Даффи, заткнись и постарайся услышать, что я говорю. Убежать от них мы не сможем. Мы можем только потеряться. Ты знаешь систему и должен сказать, как это сделать.

Инженер, отчаянно всхлипывая, пытался вырваться.

Смитбек что есть силы сдавил ему плечо.

– Послушай, все будет в порядке, если ты успокоишься и немного пораскинешь мозгами, – прошипел он.

Даффи как будто немного пришел в себя. Теперь из темноты доносилось только его тяжелое дыхание.

– Ну хорошо, – наконец сказал он. – Система аварийного сброса имеет насосные станции. Внизу. Чуть выше Бутылочного горлышка. Если мы находимся рядом с ними, то можем там спрятаться и…

– Пошли, – бросил Смитбек.

Они зашлепали по воде. Луч фонарика плясал по стенам. Низкий тоннель сделал поворот, и взору Смитбека открылся какой-то огромный древний механизм. Над гранитным ложем возвышалась гигантская металлическая гайка или нечто весьма на нее похожее. Из гайки в разные стороны выдавались толстенные, изрядно проржавевшие трубы, а чуть дальше виднелась масса спутанных труб, похожих в полутьме на чудовищные потроха. У основания машины находилась небольшая огороженная платформа. Основной поток воды шел мимо станции. Слева от себя Смитбек заметил крошечный боковой тоннель. Взяв у инженера фонарь, он перелез через ограждение, а затем помог перебраться Даффи.

– В трубу, – прошептал Смитбек, толкая инженера в узкий лаз и втискиваясь следом. Но прежде чем укрыться в темноте, он швырнул горящий фонарь в поток.

– Вы с ума сошли? Вы выбросили…

– Он, слава Богу, пластмассовый, – прервал его Смитбек, – и будет плавать. Рассчитываю, что они двинутся на свет вниз по течению.

Беглецы скорчились в абсолютной тишине. Толстые стенки древнего механизма не пропускали ни звука. Все же через несколько минут Смитбек услышал плеск. Морщинники приближались и, судя по звуку, довольно быстро. Он слышал, как позади ворочается Даффи, и молил Бога о том, чтобы инженеру не изменила выдержка. Плеск сделался громче, и Смитбек смог расслышать даже дыхание. Морщинники дышали тяжело, как загнанные лошади. Звук шагов уже начал было удаляться, но неожиданно смолк.

Тяжелый козлиный дух стал невыносим. Смитбек зажмурился. Во тьме позади него крупной дрожью трясся Даффи.

Снова послышался плеск, теперь совсем рядом. Чудовища топтались на месте, громко втягивая воздух, как бы принюхиваясь. Смитбек окаменел, вспомнив, каким острым чутьем обладал Мбвун. Плеск не стихал. Наконец Смитбек услышал, как удаляется шум. Существа двинулись вниз по тоннелю.

Смитбек дышал глубоко и медленно, ведя счет каждому вдоху. На счете тридцать он повернулся к Даффи:

– В какой стороне находятся ливневые стоки?

– В дальнем конце трубы, – прошептал инженер.

– Пошли.

Осторожно развернувшись в узком вонючем пространстве, они поползли по трубе. Первым на воздух выбрался Даффи. Смитбек услышал, как в воду опустилась одна нога инженера. За ней вторая. Вот Даффи сделал шаг, освобождая место для журналиста… И в это мгновение в непроницаемой тьме раздался пронзительный нечеловеческий крик. В лицо Смитбеку брызнула струя теплой жидкости. Липкой. Это была не вода. Журналист отпрянул и пополз назад по трубе.

– Помогите! – прохрипел вдруг Даффи. – Нет, не надо, не надо… О Боже, это мои кишки, Господи, кто-то…

Голос перешел в бульканье, которое вскоре стихло, поглощенное шумом воды. Смитбек в слепом ужасе полз назад. До него доносился звук, похожий на тот, который бывает, когда тесаком рубят мясо. Вслед за этим ужасающим звуком раздался хруст вырываемых из суставов костей.

Смитбек вывалился из трубы, рухнул спиной в поток, вскочил на ноги и кинулся в боковой тоннель. Он ничего не видел, ничего не слышал, ни о чем не думал. Он только бежал. Мчался, наталкиваясь на стены тоннеля и тотчас отлетая от них. Ему встречались разветвления, и он нырял, не выбирая, куда попало, спускаясь все ниже и ниже в темное чрево земли. Тоннель слился с другим, другой – с третьим. Каждый новый тоннель становился все шире и шире. Он мчался и мчался… Вдруг сзади его схватила за шею чья-то мощная лапа. Одновременно вторая лапа зажала ему рот.

55

П римерно через час после начала побоище на Южной улице Центрального парка постепенно стало сходить на нет. Задолго до одиннадцати часов большинство дерущихся успели разрядить свой гнев.

Впрочем, и энергию тоже. Раненых вынесли с поля боя, вместо кулаков, дубинок и камней в ход пошли выкрики, оскорбления и угрозы. Тем не менее в самой горячей точке битва продолжалась. На смену пострадавшим прибывали новые люди – одни из чистого любопытства, другие под влиянием винных паров. Последние были готовы в любой момент ввязаться в свару. Телерепортеры, превзойдя самих себя, чуть ли не бились в истерике. При помощи современных средств связи весть о битве с быстротой молнии распространилась по всему Манхэттену, начиная от Первой и Второй авеню, где в маленьких барах собирались молодые республиканцы, чтобы вдосталь поиздеваться над президентом-либералом, и кончая местами сбора марксистов в Ист-Виллидж. Множились слухи. Некоторые утверждали, что полиция организовала избиение бездомных – нечто вроде геноцида, – натравив на них тех, кому надоело помогать неимущим. Другие столь же безапелляционно заявляли, что левые радикалы, объединившись с бродягами, жгут баки, убивают порядочных граждан и грабят магазины. Те, кто прибывал, ответив на призыв защитить порядок, схватывались, и часто очень жестоко, с группами кротов, все еще выбегавшими из-под земли в районе Центрального парка.

Авангард движения «Вернем себе наш город» – брамины богатства и успеха – быстренько ретировались с поля боя. Большинство из них, испытывая отвращение, вернулись в свои городские особняки или двухэтажные апартаменты. Некоторые продолжили путь на Большую лужайку, полагая, что полиция быстро покончит с беспорядками, после чего можно будет приступить к запланированному бдению. Но по мере того, как копы теснили бунтовщиков, центр побоища перемещался в парк, постепенно приближаясь к Резервуару и расположенной за ним Большой лужайке. Царящая в парке темнота, множество деревьев, густой подлесок и лабиринт тропинок чрезвычайно затрудняли и замедляли действия полиции.

Полиция двигалась вперед с превеликой осторожностью. Большая часть сил (и без того обескровленных операцией по зачистке) прибыла на место беспорядков с опозданием. Полицейское начальство, зная, что в толпе находится нью-йоркская элита, не могло дать команду применить против мятежников слезоточивый газ. Комиссар понимал, что следствием подобного приказа для него станет конец карьеры. Кроме того, крупные отряды полиции пришлось направить в соседние районы, откуда начали поступать сообщения о спорадических вспышках вандализма и грабежах магазинов. Все с ужасом вспоминали случившийся три года назад бунт на Краун-Хайтс, подавить который удалось только через трое суток.

Хейворд смотрела, как санитары катят носилки с Биилом к машине «скорой помощи». Задние ножки носилок сложились, и они скрылись в чреве кареты. Биил застонал и поднял руку к забинтованной голове.

– Осторожнее, – сказала Хейворд, обращаясь к медикам. Она взялась рукой за створку дверцы, сунула голову внутрь и спросила: – Как дела?

– Вроде получше, – слабо улыбнулся Биил.

– Все будет в лучшем виде.

Она кивнула и хотела было уйти, но Биил остановил ее:

– Сержант, этот мерзавец Миллер хотел меня там бросить, чтобы я сам выбирался. Или чтобы утонул. Я вам, ребята, обязан жизнью.

– Да брось ты, – отмахнулась Хейворд. – Это же часть нашей работы. Разве нет?

– Наверное, – согласился Биил. – Но я все едино этого не забуду. Спасибо.

Хейворд оставила коллегу на попечение медиков и подошла к сидящему в кабинке шоферу.

– Что нового? – спросила она.

– А что бы вы хотели услышать? – в свою очередь поинтересовался водитель, изучая путевой лист. – Фьючерсы на золото? Международное положение?

– Заткнись, остряк, – огрызнулась Хейворд. – Я хочу знать об этом, – она махнула рукой в сторону Центрального парка.

В полутемном городе царил какой-то сюрреалистический покой. Если не считать карет «скорой помощи» да расположившихся на всех углах полицейских машин, в близлежащих кварталах не было видно ни единого автомобиля. Широкая улица была еле освещена. Целыми остались лишь несколько фонарей, остальные шипели, выплевывая искры. Мостовая была усеяна обломками бетона, битым стеклом и разнообразным мусором. Далее к югу, как могла заметить Хейворд, город как всегда светился огнями.

– Интересно, где ты была? – спросил водитель. – Трудно не заметить, что здесь проистекало, если, конечно, ты не провела последний час в центре земли.

– Ты недалек от истины. Я выгоняла бездомных из-под парка. Они оказали нам сопротивление. Этого парня ранили, и мы потратили много времени, вытаскивая его на поверхность. Мы были глубоко под землей,

и слишком сильно трясти нам его не хотелось. Понятно? Мы вылезли пять минут назад на станции Семьдесят второй улицы лишь для того, чтобы увидеть перед собой город-призрак.

– Выгоняла бездомных? – переспросил водитель. – Так, значит, ты из тех, кто во всем виноват?

– В чем виноват? – нахмурилась Хейворд.

Водитель постучал пальцем по уху, а затем показал на восток. Иного ответа, по его мнению, не требовалось.

Хейворд прислушалась. Сквозь потрескивание рации и отдаленный пульс города до ее слуха донесся шум из глубины Центрального парка – сердитый гул громкоговорителей, визг, крики, вой сирен.

– Ты что-нибудь слышала о демонстрации «Вернем себе наш город»? – спросил шофер. – На Южной улице Центрального парка. О ней заранее не объявили.

– Кажется, что-то слышала, – пожала плечами Хейворд.

– Ну так вот. Из всех дыр вдруг полезли бездомные. Довольно озлобленные, надо сказать. Похоже, что вы, копы, попрактиковались на них в работе дубинками. Стали задираться с демонстрантами. Не успел никто опомниться, как началось массовое побоище. У всех, как мне сказали, вдруг как бы поехала крыша. Орали, визжали, шагали по упавшим. Затем пошли грабежи магазинов. Чтобы взять здесь ситуацию под контроль, копам понадобился целый час. Тогда битва переместилась в парк.

Фельдшер дал сигнал, водитель переключил передачу, и карета «скорой помощи» двинулась по улице, поливая фасады домов огнями проблесковых маячков. Бросив взгляд на Западную улицу Центрального парка, Хейворд увидела зевак, высунувшихся из окон квартир. Многие возбужденно размахивали руками, указывая в сторону Центрального парка. Самые же отчаянные вышли на тротуар, стараясь тем не менее не отдаляться от дверей, дабы не лишиться защиты в виде ливрейных швейцаров. Хейворд посмотрела на готический фасад «Дакоты». Здание осталось нетронутым. Оно величаво возвышалось над схваткой, словно его декоративный ров сумел отпугнуть бесновавшуюся здесь толпу. Она поймала себя на том, что смотрит на угловую башню, туда, где, по ее расчетам, должны были быть окна квартиры Пендергаста. Интересно, удалось ли ему вернуться с Чердака дьявола?

– Биила увезли? – услыхала она голос Карлина.

– Только что. А как другой?

– Отказался от медицинской помощи. Миллера не видела?

– Да он сейчас, наверное, уже сидит в каком-нибудь баре на Атлантик-авеню и хвастается своими подвигами, – криво усмехнулась Хейворд. – Ведь ты знаешь, как это бывает. Он получит повышение по службе, а нас предупредят о неполном служебном соответствии за неподчинение приказу.

– Может, оно так и бывает, – сказал Карлин с улыбкой. – Но только не на сей раз.

– Что ты хочешь этим сказать? – Не дожидаясь ответа, она продолжила: – Мы не можем доказать, что делал Миллер и как он это делал. Думаю, нам следует сообщить о своем местонахождении.

Хейворд взяла рацию, нажала на кнопку включения, и со всех волн на нее обрушился треск помех и какие-то несвязные панические выкрики.

«…Направляемся в сторону Большой лужайки. Требуется…»

«…Удерживаем восемь человек. Но все на пределе, если

транспорт не прибудет, они скроются в темноте…»

«…вызвал эту хренову медэвак… дцть минут тому назад.

У нас здесь раненых до…»

«…Господи, они блокировали южный квадрант, их прибывает все больше и…»

Хейворд выключила рацию, сунула ее в футляр и указала Карлину на ближайшую полицейскую машину. Рядом стоял полицейский в полной боевой выкладке. Он лихорадочно крутил головой, не выпуская из рук пневмопистолета.

– Где штаб операции? – спросила Хейворд.

Полицейский поднял пластиковое забрало и с интересом посмотрел на нее:

– Передовой командный пост расположен в Замке. Так следует из сообщений. Но порядка здесь ни на… если так можно выразиться.

– В Замке Бельведер, – повторила Хейворд и повернулась к Карлину: – Пошли.

Пробежка по Западной улице Центрального парка странным образом напомнила ей о давней экскурсии в Голливуд. Она шла тогда по эрзац-улице Манхэттена, на которой было снято бесчисленное количество мюзиклов и гангстерских фильмов. Видела фальшивые

фонарные столбы, витрины, гидранты… все, кроме людей. Здравый смысл подсказывал, что в какой-то сотне ярдов отсюда кипят жизнью калифорнийские улицы. Но тем не менее пустой город казался ей тогда призрачным.

Вот и сейчас Центральный парк выглядел точно так же. Несмотря на то, что издали доносились сигналы клаксонов и рев сирен. Несмотря на то, что Хейворд знала о схватке, кипящей в недрах парка. Темная улица казалась ей совершенно нереальной. Лишь редкие швейцары, отдельные зеваки да полицейские посты несколько нарушали этот сюр.

– Боже мой, – прошептал Карлин. – Ты только взгляни на это!

Хейворд подняла глаза, и настроение ее мгновенно изменилось.

Создавалось впечатление, что они, пройдя по нейтральной полосе, вступили в царство хаоса. К югу от них, за Шестьдесят пятой улицей начиналось море разрухи. Разбитые окна, трепещущие на ветру лохмотья элегантных маркиз. Полицейских здесь было уже больше, на улице виднелись голубые деревянные ограждения. Боковые и лобовые стекла припаркованных вдоль тротуара машин были разбиты. В нескольких кварталах к югу полицейский тягач, сверкая желтыми огнями, утаскивал обгорелый и все еще дымящийся остов такси.

– Похоже, что кроты здесь поработали хорошо, – пробормотала Хейворд. Они перебежали улицу и вошли в парк. Узкие асфальтированные дорожки казались тихими и пустынными. Однако поваленные скамьи, перевернутые урны и дымящиеся кучи мусора молчаливо свидетельствовали о том, что происходило здесь совсем недавно. А шум, долетавший из глубины парка, возвещал, что скоро их ждет настоящий ад.

Хейворд вдруг застыла как вкопанная и жестом приказала Карлину последовать ее примеру. Впереди них в темноте группа людей пробиралась к Большой лужайке. «Это не копы, – подумала Хейворд. – На них нет не только шлемов, но и других головных уборов». Громкие непристойные выкрики, долетевшие со стороны группы, подтвердили ее подозрение.

Хейворд быстро двинулась вперед, стараясь производить как можно меньше шума. В десяти ярдах от нарушителей порядка она остановилась и положила руку на кобуру:

– Стоять! Полиция!

Темные фигуры замерли, а затем как по команде повернулись, чтобы получше рассмотреть ее. Четверо, нет, пятеро мужчин. Молодые, в пиджаках спортивного покроя или в тенисках. Ее взгляд задержался на

вооружении: две алюминиевые бейсбольные биты и еще что-то, весьма похожее на кухонный нож для разделки мяса.

На нее смотрели молодые, раскрасневшиеся лица, с которых еще не успели исчезнуть ухмылки.

– Да? – произнес один, делая шаг вперед.

– Стоять на месте! – приказала Хейворд, и молодой человек остановился. – Ну а теперь, мальчики, почему бы вам не сказать мне, куда это вы направляетесь?

Тот, что стоял к ней ближе всех, скривился, услыхав столь идиотский вопрос, но все же едва заметно указал головой в глубину парка.

– У нас здесь есть кое-какие дела, – сказал другой.

– То, что здесь происходит, совершенно не ваше дело, – покачала головой Хейворд.

– Держи карман шире! – взорвался стоящий впереди. – Наших друзей изувечила здесь банда бездомных выродков, и мы не позволим этим подонкам ускользнуть! – Он сделал еще шаг вперед.

– Это дело полиции, – сказала Хейворд.

– Полиция ни черта не сделала! Посмотрите вокруг. Вы что, хотите, чтобы наш город превратился в свалку дерьма?

– Мы слышали, что они уже убили человек двадцать – тридцать! – произнес заплетающимся языком мужчина, прижимающий к уху мобильный телефон. – В том числе миссис Вишер. Они начали грабить город. На помощь им прибежали выродки из Ист-Виллидж и Сохо. Проклятые активисты-марксисты из Нью-Йоркского университета. Нашим друзьям нужна помощь.

– Вы все поняли? – спросил стоящий впереди. – А теперь – прочь с дороги, сударыня! – Он приблизился к ней еще на шаг.

– Еще один шаг и я при помощи этой штуки сделаю тебе пробор на башке. – Хейворд сняла руку с кобуры и ловким движением выхватила из футляра дубинку. Карлин напрягся.

– Легко казаться крутой, – с издевкой произнес наглец. – Особенно когда на поясе болтается пушка, а рядом стоит амбал, больше смахивающий на шкаф.

– Думаешь, что сможешь справиться со всеми пятью? – поинтересовался кто-то из группы.

– Наверное, она считает, что может раздавить нас до смерти своими сиськами! – На лицах юнцов появились ухмылки.

Хейворд громко втянула в себя воздух, убрала дубинку в футляр и приказала:

– Офицер Карлин, отойдите на двадцать шагов назад.

Карлин стоял как скала.

– Выполняйте! – крикнула она.

Карлин внимательно посмотрел на нее, а затем попятился, не сводя глаз с группы.

Хейворд решительно подступила к стоящему впереди юнцу.

– А теперь слушай внимательно, – сказала она, глядя ему прямо в глаза. – Даже сняв полицейскую бляху и пушку, я могу загнать все ваши ожиревшие задницы куда угодно. Но я не стану этого делать. Если вы откажетесь следовать всем моим указаниям, то сегодня вечером вашим заботливым матушкам не придется укладывать вас спать. Завтра они выстроятся в очередь у дома номер один на Полис-плаза, чтобы внести за вас залог. И никакие деньги, никакая власть, никакое влияние не смогут вычеркнуть слова «намеревался совершить противоправное нападение» из вашего полицейского досье. В этом штате человек, привлеченный к ответственности за подобное преступление, лишается права на юридическую деятельность. Более того, он не может занимать выборные должности или работать в государственном учреждении. Ни при каких обстоятельствах этот человек не сможет получить лицензию на торговлю ценными бумагами. И вашим папочкам это не понравится. Очень не понравится.

Она промолчала и спокойно закончила:

– Поэтому бросайте оружие. Немедленно.

Мгновение все стояли неподвижно.

– Я сказала бросить оружие! – заорала она во всю глотку.

В наступившей тишине Хейворд услышала, как звякнула, упав на асфальт, бейсбольная бита. За ней вторая. Третья. После этого раздался иной, более тихий звук – стальной клинок упал на траву рядом с дорожкой. Она подождала еще немного, сделала шаг назад и позвала:

– Офицер Карлин!

Карлин мгновенно оказался рядом с ней.

– Прикажете их обыскать, сержант?

Хейворд покачала головой и повернулась к юнцам:

– Водительские удостоверения. Их я забираю тоже. Бросьте их на дорожку себе под ноги.

Снова возникла пауза. Затем тот, что стоял впереди, извлек из кармана бумажник, и пластиковая карточка, вращаясь в воздухе, упала на асфальт. Остальные последовали его примеру.

– Сможете получить их завтра во второй половине дня в департаменте полиции. Полис-плаза, дом номер один, – это на случай, если вы забыли адрес. Спросите сержанта Хейворд. Теперь я хочу, чтобы вы по одному прошли мимо меня по направлению к Западной улице. После этого вам следует разойтись по домам. Не переходите улицу на красный свет, чтобы не налететь на штраф. Ступайте прямо домой и там в постельку. Ясно?

Ответом ей была тишина.

– Я вас не слышу! – раздался рык Карлина.

– Ясно, ясно, – послышался нестройный хор голосов.

– Тогда вперед, – велела Хейворд. – Шевелитесь! – поторопила она.

Они шли по одному, глядя прямо перед собой, вначале медленно, а потом все быстрее и быстрее.

– Вшивая кодла, – буркнул Карлин. – Ты действительно веришь, что тридцать человек убиты?

Хейворд фыркнула, продолжая собирать брошенное оружие и водительские удостоверения.

– Конечно, нет. Но если слухи будут расползаться и дальше, люди, подобные этим, станут постоянно прибывать, и ситуация так и не разрешится. – Она со вздохом передала ему собранные биты. – Пошли доложимся. Может, сегодня мы еще принесем какую-нибудь пользу. А завтра, как ты понимаешь, мы получим хорошую вздрючку за то, что случилось в тоннелях.

– На этот раз обойдется, – ухмыльнулся Карлин.

– Ты это уже говорил, – повернулась к нему Хейворд. – Итак, выкладывай, Карлин, откуда такая уверенность?

– Я же тебе сказал, что на сей раз правое дело будет вознаграждено. А миллеры всего мира получат взбучку и их повесят сушить на веревке.

– И когда же ты открыл в себе пророческий дар?

– Когда узнал, что наш друг Биил, тот, которого ты заталкивала в «скорую», является сыном некоего Стивена Х. Биила.

– Стивена Биила, сенатора нашего штата? – изумленно переспросила Хейворд.

– Именно, – кивнул Карлин. – Парень не хотел, чтобы об этом знали. Боялся, что люди решат, будто он пытается сделать карьеру или облегчить себе службу, пользуясь именем отца. Но дырка в башке, похоже, слегка развязала ему язык.

Хейворд некоторое время молчала, осмысливая услышанное. Затем она покачала головой и зашагала к Большой лужайке.

– Сержант? – окликнул ее Карлин.

– Да?

– Почему ты попросила меня отойти подальше от этой шпаны?

Хейворд ответила не сразу.

– Я хотела им показать, что вовсе их не боюсь, – наконец сказала она. – И что настроена решительно.

– И ты бы это сделала?

– Что?

– Загнала бы их ожиревшие задницы куда угодно?

Хейворд подняла на него взгляд, выпятила подбородок и спросила:

– А ты как думаешь?

– Я думаю… – Карлин помолчал. – Думаю, что вы, сударыня, способны нагнать страху на кого угодно. Вот, что я думаю, мисс Хейворд.

56

К атер рассекал темные воды Гудзона. Сноу спустился вниз, чтобы экипироваться. Корпус судна дрожал от работы двух мощных дизелей. Каюта была забита шкафами с оружием, навигационной аппаратурой, спутниковыми определителями местонахождения и акустическими приборами. Он обратил внимание на то, что в отличие от гермокостюмов, используемых полицией, гидрокостюм был водопроницаемым. Увидев это, Сноу тотчас пожалел о своем совете плыть через канализационную станцию. «Слишком поздно», – подумал он, втискиваясь в костюм. Катер качнулся, и Сноу качнулся вперед, пребольно ударившись головой о переборку.

Он выругался и потер лоб. Лоб, как и положено, болел. Следовательно, он не спит. Он действительно находится на борту военно-морского катера, набитого вооруженными до зубов подводными коммандос, которые выполняют одному Богу известное задание. В нем боролись два чувства: страх и радостное возбуждение. Сноу прекрасно понимал, что это хороший шанс восстановить репутацию. Возможно, шанс единственный. Надо сделать все, чтобы его не упустить.

Он закрепил головной фонарь, натянул перчатки и поднялся на палубу. Коммандер Рахлин, разговаривавший со старшиной, оглянулся, услышав его шаги.

– Почему, черт побери, на роже нет краски? И что тебя так задержало?

– Экипировка слегка отличается от той, к которой я привык, сэр.

– Теперь у тебя есть время к ней привыкнуть.

– Так точно, сэр.

– Донован, сделай все как положено, – приказал Рахлин, кивнув на Сноу.

Донован подошел и, ни слова не говоря, начал мазать ему черной и зеленой краской щеки и лоб.

Рахлин взмахом руки велел остальным собраться вокруг него.

– А теперь слушайте внимательно. – Он развернул пластиковую карту. – Мы пройдем через главный отстойник чуть выше Вестсайдского обводного коллектора. Как утверждает находящийся среди нас Сноу, это самый короткий путь. – Он пальцем провел по карте, указывая направление. – Выйдя первый раз на поверхность, мы двинемся вдоль пунктира вот до этого места. До развилки тоннеля. Здесь будет наш первый сборный пункт. Из этой точки группы Альфа, Бета и Гамма разойдутся по трем тоннелям. Я поведу группу Альфа. Сноу и Донован образуют группу Дельта. Они остаются в тылу и прикрывают наши задницы. Вопросы?

У Сноу было несколько вопросов, но он решил оставить их при себе. Его лицо горело от грубых прикосновений затянутой в перчатку руки Донована. Толстый слой краски вонял прогорклым тавотом.

Коммандер кивнул и продолжил:

– Мы заходим в тоннели, закладываем заряды и тут же уходим. Мило и просто. Не труднее, чем обычное упражнение на амфиб-базе. Взрывы запечатают нижние дренажные тоннели, открывающие выход в Вестсайдский обводной. Другая команда, спустившись с улицы, запечатывает все верхние выходы. Насколько я слышал, это будут те еще

профи, – фыркнул коммандер. – Вы не поверите. Они посоветовали нам использовать ПНВ.

– ПНВ? – эхом отозвался Сноу.

– Приборы ночного видения, дорогуша. Попробуй нацепить эту штуку на маску или на капюшон гидрокостюма! – Он сплюнул за борт. – Мы темноты не боимся. А если кто-нибудь захочет отхватить от нас кусок, пусть попробует. Вообще-то мне хотелось бы увидеть, что я взрываю. – Он шагнул вперед: – Хорошо. Гастингс, Бичхэм, Клаптон, на вас возлагается функция оружейников. Все дополнительное оружие в команде понесет один человек. Лоренцо, Кэмпион и Донован потащат пиротехнику. Будете кондитерами, так же как и я. Мы захватим избыточные заряды, чтобы обеспечить хорошую закладку. А теперь, на плечо!

Сноу увидел, как коммандос повесили на плечи свои автоматы.

– А как же я? – спросил Сноу.

– Как ты, я не знаю, – пожал плечами Рахлин. – А в чем, собственно, дело?

– Я тоже хочу что-то делать. Помочь как-нибудь…

Рахлин некоторое время молча смотрел на водолаза. Затем на его губах мелькнула улыбка:

– О’кей. На время операции ты назначаешься головешкой.

– Головешкой? – переспросил Сноу.

– Именно, – кивнул коммандер. – Бичхэм! Брось-ка сюда набор. – Рахлин ловко поймал водонепроницаемый мешок, повесил его на шею Сноу и сказал: – Он здесь останется до тех пор, пока мы не достигнем точки выхода.

– Мне нужно оружие, сэр, – сказал Сноу.

– Дайте ему что-нибудь.

Ему сунули в руки приклад гарпунного ружья, и Сноу быстро перекинул ремень через плечо. Ему показалось, что кто-то хихикнул, но он решил не обращать на это внимания. В море Кортеса Сноу набил гарпуном много рыбы, но ему никогда не приходилось видеть таких смертоносных стрел: каждая стрела заканчивалась весьма внушительным взрывным зарядом.

– Только не стреляй крокодилов, они внесены в Красную книгу, – сказал Донован. Это были первые слова, произнесенные им за все время.

Шум дизелей стал глуше, и катер ошвартовался у цементной пристани, над которой возвышался темный силуэт очистной станции Нижнего Гудзона. Сноу тоскливо окинул взглядом громадное бетонное сооружение. Полностью автоматизированная станция была просто вершиной канализационного искусства. Но Сноу слышал, что с тех пор, как пять лет назад ее запустили, тут то и дело возникали неполадки. Сноу воззвал к Всевышнему с просьбой, чтобы Он помог водолазам проплыть через главный отстойник.

– Не стоит ли предупредить, что мы идем? – спросил Сноу.

– Ты со своим предложением опоздал, – ухмыльнулся Рахлин. – Пока ты копался внизу, мы все сделали. Нас ждут.

Через борт перебросили веревочный трап, и спецназовцы быстро спустились на причал. Сноу огляделся, оценивая обстановку. Он запомнил это место со времени тренировочных погружений. Пультовая была недалеко.

Отряд поднялся следом за Сноу по металлической лестнице, миновал группу аэрационных баков и отстойников и остановился перед ярко-желтой металлической дверью. На двери красными буквами было написано:

НЕ ОТКРЫВАТЬ. СИГНАЛ ТРЕВОГИ!

Рахлин отстранил Сноу и пинком распахнул дверь. Их взорам открылся широкий коридор, залитый светом люминесцентных ламп. Низко, пугающе завыла сирена.

– Вперед! – негромко приказал Рохлин.

Сноу провел отряд по лестнице на два пролета вверх к площадке, над которой светилась белая панель с надписью:

ПУЛЬТОВАЯ.

На площадку выходили несколько дверей, рядом с которыми в стене располагались щели для пластиковых пропусков. Капитан отступил на шаг, изготовясь в очередной раз использовать ногу в качестве орудия взлома. Но, передумав, подошел к двери и легонько толкнул ее рукой. Дверь открылась – она была не заперта.

За дверью обнаружилась большая, ярко освещенная комната, наполненная характерным запахом не до конца очищенных сточных вод. Вдоль стен стояли приборы. В центре зала за главным пультом управления сидел оператор. Он тихо положил трубку на стоящий перед ним телефонный аппарат. Волосы оператора стояли дыбом, а вид был

такой, словно телефонный звонок пробудил его от глубокого сладкого сна.

– Вы знаете, кто это был? – спросил он, указывая на телефон. – Всемогущий Боже, да это же сам заместитель директора…

– Отлично, – оборвал его Рахлин. – Значит, мне не придется попусту тратить время. Мы хотим, чтобы вы немедленно выключили главный пропеллер сброса. Или как его там?

Оператор недоуменно заморгал, глядя на Рахлина так, будто впервые увидел его. Недоумение его все возрастало, по мере того как он обводил взглядом отряд коммандос в полной боевой выкладке.

– Будь я проклят! – прошептал он чуть ли не благоговейно, узрев гарпунное ружье на плече Сноу. – Так, значит, он не шутил? Вот это да!

– Ну а теперь поторопись, дорогуша, – ласково произнес Рахлин. – Или нам придется бросить тебя в бак, чтобы твоя жирная туша послужила затычкой для пропеллера.

Оператор вскочил на ноги, пробежал к какому-то пульту и передвинул несколько рычажков.

– Только пять минут, – бросил он через плечо, переходя к следующему пульту. – Еще немного – и все дерьмо к западу от Ленокс-авеню поплывет по мостовой.

– Пяти минут нам вполне достаточно, – ответил Рахлин, бросив взгляд на часы. – Веди нас к отстойникам.

Тяжело отдуваясь, оператор провел отряд к пристани, спустился на один пролет и проследовал по длинному коридору. В самом дальнем его конце оказалась металлическая дверца, ведущая на винтовую лестницу, окрашенную в красный цвет. Лестница заканчивалась крошечной стальной площадкой, возвышающейся на несколько футов над бурлящей, пенной поверхностью.

– Вы что, правда полезете туда? – спросил оператор. На его круглой, жизнерадостной физиономии читалось недоверие.

Сноу посмотрел вниз на пенящуюся, полную нечистот жидкость и инстинктивно поморщился. Он жалел, что оказался вечером в конторе, и еще больше скорбел о том, что предложил для входа в систему эту точку. Вначале Протока Гумбольдта, а теперь вот это…

– Вне всяких сомнений, – ответил коммандер.

– Вы найдете главный фидер в пяти футах под поверхностью, в восточной стороне бака, – облизнул губы оператор. – Будьте

внимательны у пропеллера. Я его отключил, но остаточный поток будет его медленно вращать.

– А где точно находится первая вертикальная труба? – спросил Рахлин.

– Триста двадцать футов дальше по фидеру, – ответил оператор. – Там, где труба раздваивается, выбирайте левую.

– Это все, что нам следует знать. Поднимайся к себе и запускай свое хозяйство на всю катушку, как только окажешься за пультом.

Оператор стоял на месте, не сводя глаз с коммандос.

– Пошевеливайся! – рявкнул Рахлин. Толстяк засеменил вверх по ступеням.

Сноу пошел первым, упав спиной в бурлящую жижу. За ним последовал Донован. Неохотно открыв глаза, Сноу поразился тому, насколько чистой оказалась жидкость. Никаких крупных кусков, лишь мелкие, похожие на белесый туман частицы. Через несколько мгновений все водолазы оказались в баке. Сноу чувствовал, как сквозь костюм проникает влага, но изо всех сил старался об этом не думать.

Он поплыл против очень слабого течения. Впереди виднелись лопасти пропеллера, блокирующие путь в лежащую за ним трубу. Лопасти медленно вращались. Сноу задержался и подождал остальных. Скоро рядом с ним висели все семеро. Рахлин указал на Сноу и начал выбрасывать вперед руку, каждый раз разгибая один палец. При счете три Сноу и Донован стрелой пронеслись мимо движущихся лопастей. За ними последовала группа Альфа. За Альфой – Бета. Последней мимо лопастей проскочила группа Гамма.

Сноу оказался внутри массивной трубы из нержавеющей стали. Труба уходила в темную даль.

Ужас, испытанный им в Протоке Гумбольдта, был готов снова вырваться на волю, но Сноу загнал его вглубь, начав дышать медленнее и подсчитывая удары сердца. На сей раз он не запаниковал.

Рахлин и его партнер благополучно миновали лопасти, и коммандер жестом велел Сноу продолжать движение. Полицейский быстро поплыл по тоннелю, ведя за собой всех остальных. Где-то позади раздался гул турбины, пропеллер начал набирать обороты. Течение заметно усилилось. Пути обратно не было, даже если бы он и захотел вернуться.

Тоннель пошел вниз. Затем он раздвоился и вскоре раздвоился снова. Сноу каждый раз выбирал левый рукав. Казалось, они плывут целую вечность. Внезапно впереди возник первый вертикальный колодец – узкая стальная шахта диаметром чуть больше ширины плеч. Когда

собралась вся команда, Рахлин жестами показал, что он пойдет первым. Следуя за коммандос, Сноу поплыл среди пузырьков воздуха, поднимающихся от тех, что плыли ниже. Через несколько ярдов коммандер прекратил спуск и повел отряд в горизонтальную трубу, оказавшуюся еще уже, чем вертикальная. Сноу скользнул в нее вслед за Донованом. Он тяжело дышал, а при каждом его движении воздушные баллоны колотились о стенку.

Внезапно блестящая сталь трубы уступила место старому железу, обросшему толстым слоем ржавчины. Ласты плывущих впереди образовывали водовороты, и в маску Сноу ударила рыжая муть. Он рванулся вперед, движение ласт Донована перед его лицом придало ему уверенности. Они ненадолго остановились, и Рахлин при помощи подводного ручного фонарика сверился с картой. Затем последовали два поворота, короткий подъем, и голова Сноу оказалась над водой. Они находились в огромном древнем тоннеле диаметром футов в шестнадцать. Примерно наполовину его заполняла медленно текущая густая жижа. Это был главный обводной.

– Сноу и Донован – замыкающие, – послышался приглушенный голос Рахлина. – Всем оставаться на поверхности, но дышать из баллонов. Атмосфера скорее всего перенасыщена метаном. Следовать в обычном порядке.

Коммандер по-быстрому сверился с пластиковой картой, пристегнутой к его гидрокостюму, и двинулся вперед. Теперь отряд плыл по извилистой системе стоков. Сноу всегда гордился своей способностью проплывать длинные дистанции, но на сей раз он заметил, что далеко уступает в этом спецназовцам. Наконец тоннель завершился просторной пятиугольной камерой. Со сводчатого потолка свисали желтые сталактиты, с которых капала вода. Сноу изумленно взирал на массивную металлическую цепь, прикрепленную к столь же массивному металлическому болту в самом центре свода. По цепи стекала вода, образуя на полу под огромным железным крюком внушительных размеров озерцо. Из камеры в три стороны отходили большие сухие тоннели.

– Это называется «Тройник», – пояснил Рахлин. – Здесь будет наш опорный пункт. Нам предстоит легкая прогулка, но устав мы тем не менее нарушать не станем. В случае оклика правильным отзывом будут три любые четные цифры. Инструкция на предмет возможных контактов: прежде всего назовите себя. При угрозе нападения или попытке помешать выполнению задания сразу стрелять на поражение. Точка выхода – канал на Сто двадцать пятой улице. – Коммандер оглядел свое воинство и добавил: – А теперь вперед, господа. За заслуженными наградами.

57

Н а какое-то мгновение Марго в ужасе подумала, что на них напали. Она повернулась, схватившись за пистолет. Как ни странно, но ей почему-то вовсе не хотелось видеть существо, с которым схватился Пендергаст. Из темноты донеслась приглушенная брань д’Агосты. Через непривычные еще очки ночного видения Марго увидела, что Пендергаст борется с каким-то человеком, скорее всего бездомным, сумевшим избежать полицейской облавы. Во всяком случае, он очень походил на крота: мокрый, грязный и, наверное, истекающий кровью из невидимой раны.

Луч фонарика ударил ей в глаза и тут же погас, когда Пендергаст прошипел:

– Убрать свет!

В очках ночного видения заплясало яркое зарево – это прибор пытался компенсировать изменения в освещении. Через несколько секунд все вернулось в норму, изображение стабилизировалось, и Марго изумленно охнула. В тощей фигуре и всклокоченных волосах было что-то очень знакомое.

– Билл? – прошептала она, не веря собственным глазам.

Пендергаст уже положил незнакомца на землю и удерживал его, чуть ли не отечески шепча что-то на ухо. Наконец пленник прекратил сопротивление и расслабленно распластался на полу. Пендергаст неторопливо встал. Марго наклонилась, чтобы посмотреть поближе. Так и есть. Смитбек.

– Дадим ему минуту, – сказал Пендергаст.

– Не могу поверить, – рычал д’Агоста. – Неужели он следил за нами с самого начала? А?

– Нет, – покачал головой Пендергаст. – За нами никто не следил. – Внимательно осмотрев устья уходящих вверх и вниз тоннелей, агент ФБР продолжил: – Мы находимся в Бутылочном горлышке, где встречаются все нисходящие тоннели квадранта Центрального парка. Его, судя по всему, преследовали, и наши пути пересеклись. Главный вопрос в том, кто его преследовал? Или что? – Он снял с плеча огнемет: – А вам, Винсент, пожалуй, стоит держать наготове вспышку.

Смитбек судорожно дернулся и рухнул на паутину труб и кабелей, покрывавших пол.

– Они убили Даффи! – закричал он. – Кто вы? Помогите! Я ничего не вижу!

Марго убрала пистолет, подошла к журналисту и встала рядом с ним на колени. Странствие по безмолвным коридорам и гулким галереям – совершенно неуместным на глубине десятков этажей под Манхэттеном – казалось ей бесконечным тяжелым сном. Вид выбежавшего из тьмы охваченного ужасом Билла еще более усиливал ощущение нереальности происходящего.

– Билл, – успокаивающе произнесла она. – Все в порядке. Это я, Марго. Пожалуйста, возьми себя в руки. Мы не рискуем пользоваться фонарями, а лишней пары очков у нас нет. Но мы поможем тебе передвигаться.

Смитбек посмотрел на нее. Зрачки его расширились до предела.

– Я хочу выбраться отсюда! – неожиданно взвизгнул он и вскочил на ноги.

– Что ты хочешь? – язвительно переспросил д’Агоста. – Я не расслышал.

– Вы не сможете вернуться в одиночку, – негромко проговорил Пендергаст, кладя ему руку на плечо.

Борьба, похоже, окончательно обессилила Смитбека. Плечи его поникли, и он наконец спросил:

– Что вы здесь делаете?

– Я вправе задать вам тот же вопрос, – сказал Пендергаст. – Но все же отвечу. Мефисто ведет нас в Тоннели Астора – на Чердак дьявола. Существует план осушить Резервуар и утопить чудовищ.

– План капитана Уокси, – не преминул добавить д’Агоста.

– Но в Резервуаре полно лилий Мбвуна. Их там выращивали Морщинники. Мы не можем допустить, чтобы растения попали в океан. Остановить сброс слишком поздно, и со стороны реки движется группа водолазов-коммандос, чтобы запечатать все нижние выходы. Мы же закроем все входы наверху, над Тоннелями Астора, чтобы не допустить перелива. Если нам это удастся, вода в реку не попадет. Ее уровень поднимется лишь до Бутылочного горлышка.

Смитбек молчал, опустив голову.

– Мы хорошо вооружены и готовы ко всему, что может ожидать нас внизу. У нас есть карты местности. С нами вы будете в большей безопасности. Уильям, вы меня понимаете?

Спокойное, размеренное повествование Пендергаста произвело желаемый эффект: журналист несколько успокоился. Дыхание его постепенно восстановилось, и в конце концов он даже кивнул.

– Теперь скажи, как здесь оказался ты? – спросил д’Агоста.

Пендергаст предостерегающе махнул рукой, но Смитбек посмотрел в сторону лейтенанта и тихо заговорил:

– Я прошел следом за Уокси и группой полицейских под Резервуар. Они собирались закрыть какие-то клапаны или заслонки. Но там, кажется, была диверсия или что-то вроде того. А потом… – Он на мгновение замолчал. – Потом пришли они.

– Не надо, Билл! – остановила его Марго.

– Я убежал, – судорожно сглотнув, продолжал Смитбек. – Даффи и я убежали. Но они схватили его на насосной станции. Они…

– Достаточно, – негромко сказал Пендергаст. И после долгого молчания спросил: – Вы упомянули о диверсии?

– Я слышал, как Даффи говорил, что кто-то повредил клапаны.

– Это тревожный признак. Весьма тревожный. – На лице Пендергаста появилось совершенно незнакомое Марго выражение. – Нам лучше продолжить путь, – сказал он, забрасывая огнемет на плечо. – Бутылочное горлышко – идеальное место для засады. – Он оглядел темный тоннель и шепотом позвал: – Мефисто…

Мефисто возник из тьмы. Он скрестил руки на груди и стоял, ухмыляясь в бороду.

– Я получил истинное наслаждение, наблюдая столь трогательную встречу любящих сердец, – произнес он с характерным шипением. – Теперь вся веселая команда любителей приключений в сборе. Привет, Скриблерус! Вижу, что ты решился спуститься ниже, чем при нашей первой встрече. Чем ниже, тем приятнее – ты согласен?

– Не совсем, – еле слышно прошептал Смитбек.

– Какое счастье, что под рукой у нас оказался собственный Джеймс Босуэлл. – В нереальном свете очков ночного видения Марго казалось, что глаза Мефисто сверкают золотом. – Не мог бы ты сложить эпическую поэму, посвященную данному событию? Мефистиаду? Героические строфы? Если останешься жив и сможешь спеть свою песнь. Интересно, кто из нас переживет эту авантюру, и чьи кости будут белеть до скончания времен в тоннелях под Манхэттеном?

– Пошли, – сказал Пендергаст.

– Понимаю. Майор Вайти считает, что мы слишком много болтаем. Возможно, он опасается, что на корм крысам останутся именно его кости?

– Нам предстоит заложить несколько зарядов непосредственно под Бутылочным горлышком, – пояснил Пендергаст. – Если мы будем торчать здесь, выслушивая ваши бессмысленные словоизлияния, то не успеем уйти до начала сброса воды. И крысам достанутся не только мои кости, но и ваши.

– Хорошо-хорошо, – согласился Мефисто. – Только не надо нервничать. – Он повернулся и стал спускаться в широкую темную трубу.

– Ни за что! – прошептал Смитбек.

Д'Агоста подошел к нему и сказал:

– Пошли, я поведу тебя за руку.

Вертикальная труба привела их в тоннель с очень высоким потолком, и все остановились, выжидая, пока Пендергаст заложит первые заряды. Покончив с этим делом, агент ФБР жестом пригласил их следовать дальше. Пройдя пару сотен футов по тоннелю, они добрались до мостков, проложенных всего в нескольких дюймах над поверхностью воды. Марго обрадовалась. До сих пор они брели по щиколотку в холодной и грязной жиже.

– Превосходно, – просипел Мефисто, выбираясь на мостки. – Майор Вайти из «Могилы Гранта» теперь, вероятно, сможет просушить свои перышки.

– А не мог бы Король нищих наконец заткнуться?

– Король нищих! Очаровательно! – восторженно прошипел Мефисто. – Может быть, королю стоит отправиться на охоту за тоннельными кроликами, предоставив вам возможность заниматься спелеологией самостоятельно?

Д'Агоста задрожал от ярости, но смолчал, и Мефисто повел их по мосткам к узкому проходу. Марго услышала шум падающей воды, и довольно скоро проход завершился водопадом. Вниз, к подножию водопада, через вертикальный ствол шахты вела узкая железная лестница, почти невидимая под слоем накопившейся за многие десятилетия грязи. Спустившись по одному, они оказались на неровном каменном полу камеры, в которой сходились два семидесятидвухдюймовых трубопровода. Множество шпуров для взрывных работ, пробуренных в стенах, походили на следы деятельности огромных термитов.

– *Nous sommes arrive* , – почему-то по-французски произнес Мефисто и тут же сам перевел: – Мы прибыли. Прямо под нами находится Чердак дьявола.

В первый раз за все это время Марго уловила в его голосе нервозные нотки.

Жестом велев всем оставаться на местах, Пендергаст сверился с картой и бесшумно исчез в древнем тоннеле. Секунды складывались в минуты, и Марго уже вздрагивала от каждой упавшей с заплесневелого потолка капли, от каждого чуть более громкого вздоха или нетерпеливого шевеления. Она вновь задала себе все тот же вопрос: что толкнуло ее спуститься вниз? И ей все труднее становилось избавиться от мысли о том, что она находится глубоко под землей, в давно забытом всеми лабиринте служебных ходов, железнодорожных тоннелей и заброшенных трубопроводов. Она не могла не думать о том, что из тьмы в любой момент может появиться...

Марго ощутила рядом с собой какое-то движение и услышала шипение Мефисто:

– Дорогая доктор Грин. Я глубоко сожалею о том, что вы изъявили желание принять участие в нашей маленькой прогулке. Но поскольку вы здесь, не могли бы вы оказать мне услугу? Поймите меня правильно, я стремлюсь к тому, чтобы основной риск выпал на долю ваших друзей. Но если со мной все же случится какая-либо неприятность, не могли бы вы доставить на поверхность мое письмо? – В руку Марго скользнул небольшой конверт. Как ни бессмысленно это казалось, но она поднесла его к очкам ночного видения.

– Нет! – Мефисто схватил ее за руку и заставил опустить письмо в ее же карман. – У вас для этого еще будет масса времени. Если возникнет необходимость.

– Но почему я? – спросила Марго.

– А кто же еще? – послышалось шипение. – Этот скользкий агент Пендергаст? Или стоящая рядом с нами экономичная модель полицейского? Или Смитбек, этот продажный желтый журналист?

В темноте раздались быстрые шаги. Вскоре перед ними возник Пендергаст, и Мефисто отошел от Марго.

– Отлично, – сказал агент. – Чуть впереди расположены мостки, по которым я смог спуститься вниз. Заряды под Бутылочным горлышком не дадут воде из Резервуара излиться на юг. Теперь нам остается разместить заряды под фидерами, идущими к северной части парка. – Это было произнесено небрежным тоном, более подобающим игроку в крокет, а не участнику смертельно опасной, кошмарной экспедиции. Марго была благодарна за это Пендергасту.

Пендергаст взял огнемет за рукоятку, открыл предохранитель на наконечнике шланга и несколько раз нажал на рычаг первичной подкачки.

– Я пойду первым, – сказал он. – За мной Мефисто. Я доверяю вашей интуиции, дайте мне знать, если почувствуете опасность или вам покажется, что что-то не так.

– Тогда я начну с того, что нам вообще не следовало здесь находиться, – буркнул Мефисто. – С тех пор как появились Морщинники, эти места считаются запретными.

– Вы, Марго, пойдете после Мефисто, – продолжал Пендергаст. – Возьмите на себя заботу о Смитбеке. Винсент, мне хотелось бы, чтобы вы прикрыли тыл. Не исключено, что придется драться.

– О’кей, – бросил д’Агоста.

– Я тоже хотел бы помочь, – услышала Марго тихий голос Смитбека.

Пендергаст оглянулся на него.

– Но я бесполезен, не имея оружия, – сказал журналист.

– Умеете с ним обращаться? – спросил агент ФБР.

– Стрелял когда-то по тарелочкам из дробовика, – ответил Смитбек.

Д’Агоста сдавленно всхрюкнул. Пендергаст задумчиво пожевал губами, словно что-то рассчитывая в уме. Затем он снял с плеча еще один ствол и протянул его журналисту.

– Гранатомет М-79. Стреляет сорокамиллиметровыми зарядами большой взрывной силы. Прежде чем использовать оружие, убедитесь, что цель находится от вас не ближе ста футов. По пути д’Агоста покажет вам, как его перезаряжать. Полагаю, что, если завяжется схватка, света будет достаточно, и вы сможете его применить.

Смитбек кивнул.

– Вид журналиста с гранатометом приводит меня в трепет, – послышался из темноты голос д’Агосты.

– Устанавливаем заряды и тут же уходим. Стреляйте только в крайнем случае. Шум выстрелов привлечет к нам все гнездо. Винсент, прошу вас зарядить вспышку и использовать ее при первых признаках опасности. Морщинников следует сначала ослепить и лишь после этого стрелять. Но прежде необходимо снять очки ночного видения. Яркий свет перегрузит прибор. Нам известно, что враги не выносят света, поэтому, если им станет известно о нашем присутствии, воспользуемся этим

преимуществом. Марго, – спросил он, – насколько вы уверены в действенности витамина D?

– На сто… Нет, пожалуй, на девяносто пять процентов.

– Понимаю, – ответил агент ФБР. – Поэтому будет лучше, если вы для начала пустите в ход свой пистолет.

Пендергаст в последний раз обвел всех взглядом и осторожно зашагал вниз по старинному тоннелю. Марго видела, как д'Агоста тащит журналиста, крепко взяв его за руку. Ярдов через пятьдесят Пендергаст молча поднял руку. Все собрались вокруг него. Медленно – очень медленно – он поднес палец к губам. Достал из кармана зажигалку, приблизил ее к соплу огнемета. Хлопок, низкое шипение – и у медного сопла заплясал крошечный язычок синего пламени – так называемый пилотный огонь.

– Кого-то учуяли? – шепотом спросил Мефисто.

Марго глубоко дышала через нос, изо всех сил пытаясь сохранять спокойствие. Воздух был пропитан запахами метана и аммиака. Однако сквозь вонь газов пробивался столь хорошо ей знакомый козлиный дух.

58

С ноу облокотился ноющей спиной о стену и, сняв ласты, аккуратно положил их на пол. Вдоль стены ровным рядом уже лежали баллоны и грузила. Он собрался было снять с себя и резиновую сумку, но вспомнил слова Рахлина о том, что сумка должна оставаться на месте до конца операции. Пол под неопреновыми сапогами был скользким. Сноу снял с лица респиратор и тут же скривился от затхлого воздуха. В глазах началась резь, он с трудом проморгался. «Надо постараться привыкнуть», – подумал он, глотнув из баллона кислород. Он знал, что начиная с этого места экспедиция продолжится в пешем строю.

Вокруг него диверсанты-подводники снимали маски и открывали водонепроницаемые мешки с необходимым оборудованием. Коммандер Рахлин достал осветительный патрон и воткнул его в темную щель в кирпичной стене. Патрон зашипел и брызнул огнем. Мерцающий красный свет залил помещение.

– Подготовить радиопереговорные устройства, – распорядился Рахлин. – Связь – в исключительных случаях на установленной частоте. Я требую неуклонного соблюдения тишины. Запомните, в каждой команде есть носильщик с добавочными зарядами. Если одна из трех передовых команд в силу неизвестных пока обстоятельств не сможет выполнить задание, ее поддержит другая группа.

Он еще раз взглянул на водонепроницаемую карту, свернул ее в рулон и сунул в футляр, прикрепленный к ножнам кинжала.

– Дельта, – сказал коммандер, обращаясь к Доновану. – Вы являетесь аварийной командой. Останетесь здесь, на сборном пункте, чтобы прикрывать тыл. Если какая-нибудь из команд потерпит неудачу, первыми в дело вступаете вы. – Он огляделся по сторонам. – Бета, берите этот туннель. Гамма берет самый дальний. Примерно через пятьсот метров они закончатся вертикальными шахтами. Там разместите заряды. Встречаемся здесь не позднее двадцати трех двадцати. Если опоздаем, нам отсюда не уйти.

Рахлин посмотрел на Сноу:

– Ты в порядке, дорогуша?

Сноу молча кивнул.

Коммандер ответил ему таким же кивком.

– Пошли. Бичхэм, ты со мной.

Сноу смотрел, как группы скрываются в темноте тоннелей. На скользких стенах плясали тени людей, до слуха долетало чавканье густой грязи. Непривычное переговорное устройство на голове казалось ужасно неудобным. Когда шаги затихли, поглощенные тьмой отводных тоннелей, страх опять стал подбираться к нему.

Донован тем временем исследовал помещение, тщательно присматриваясь к подпорам стен и растрескавшимся от старости кирпичам. Через несколько минут он бесшумно вернулся к сложенной у стены экипировке. В красном мерцающем свете осветительного патрона он походил на привидение.

– Воняет похуже, чем в сортире, – сказал он наконец, опускаясь рядом со Сноу на корточки.

Сноу промолчал – ответ был совершенно очевиден.

– Для штафирки ты плыл неплохо, – продолжал спецназовец, поправляя на себе пояс. Поведение Сноу в тоннелях, видимо, убедило Донована в том, что беседой с ним он не уронит своего достоинства. – Ведь ты – тот парень, который вытащил из Клоаки два тела, да?

– Да, – воинственно ответил Сноу. Он не знал, что известно Доновану о его подвигах.

– Жуткая работа искать мертвецов, – рассмеялся Донован.

«Не более жуткая, чем убивать вьетконговцев или устанавливать взрывчатку под килем какого-нибудь мерзавца», – подумал Сноу, а вслух произнес:

– Мы ищем не только мертвецов. В тот день мы искали сброшенный с моста героин.

– Героин? Вот это да! Думаю, что рыба словила море кайфа.

Сноу попробовал рассмеяться, но даже смех ему показался натужным и неестественным. «Да что с тобой? – подумал он. – Неужели ты не способен быть таким же хладнокровным, как Донован?»

– Держу пари, что Клоака уже лет двести не видела ни одной живой рыбешки, – сказал он.

– Вот тут ты прав, – согласился Донован, вставая. – Не завидую я тебе. По мне лучше просидеть пять суток на губе, чем погружаться в это дерьмо. – Коммандос бросил взгляд на гарпунное ружье и ухмыльнулся: – Тебе, пожалуй, следует обзавестись настоящим оружием на тот случай, если нам придется пойти в тоннель.

Он покопался в одном из мешков и извлек оттуда вначале укороченный автомат, а затем какую-то весьма зловещего вида металлическую трубку, которую привинтил под ствол автомата.

– Из М-16 стрелять приходилось? – спросил Донован.

– Ребята из оперативного отряда позволили нам немного пострелять во время выпускного пикника в академии, – ответил Сноу.

На лице подрывника появилось непередаваемое выражение восторга и изумления:

– Вот это да! На пикнике, значит? Не сомневаюсь, что мамочка приготовила тебе тогда коробочку с сандвичами. – С этими словами он кинул Сноу автомат, запустил руку в мешок и вытянул оттуда несколько сумок с магазинами.

– В каждом магазине по тридцать патронов, – пояснил он. – При автоматической стрельбе опорожняется меньше чем за две секунды. Поэтому не дави долго на крючок. Оружие не самое новое, но зато проверенное и надежное. Вот этот спуск впереди – для ХМ-148, подствольного гранатомета. Вот тебе коробка сорокамиллиметровых гранат. Это на случай, если в тебе вдруг проснется честолюбие.

– Донован, – наконец решился Сноу. – Что значит «головешка»?

На раскрашенной физиономии диверсанта медленно расползлась широченная улыбка.

– Думаю, если я объясню, вреда не будет. Головешка – это тот невезучий тип, которому во время операции приходится волочить на себе магниевые заряды.

– Магниевые заряды? – переспросил Сноу.

– Световые шашки из магния. По уставу мы обязаны иметь шашки во всех ночных операциях. Даже в тех, что проводятся тайно, наподобие этой. Идиотское положение, но тем не менее оно существует. Шашки дают ультраяркую вспышку. Поворачиваешь головку, чтобы активизировать детонатор, бросаешь на безопасное расстояние и получаешь при ударе вспышку в полмиллиона свечей. Но они не очень устойчивы, если ты понимаешь, что я хочу сказать. И достаточно одной пули в сумку – пусть даже калибра 0,22 и... Бах! Одним словом, головешка. Если понимаешь, что я хочу сказать. – Он еще раз фыркнул и вновь отправился изучать камеру.

Сноу повернулся, стараясь устроиться так, чтобы сумка была как можно дальше от тела. Несколько минут в камере царила тишина, нарушаемая лишь потрескиванием осветительного патрона. Затем Сноу услышал смешок Донована:

– Нет, ты только погляди! Какой-то псих слонялся здесь босиком.

Сноу отложил автомат и подошел к Доновану. По грязи тянулась цепочка следов. Причем следов свежих: грязь по краям была еще влажной.

– Святый Боже! – воскликнул Донован. – Ну и лапа. Да у него размер ноги, наверное, не меньше четырнадцатого, а полнота три Е. – Он снова рассмеялся.

Сноу смотрел на отпечаток ноги, и ощущение опасности становилось все сильнее. Когда смех Донована затих, до Сноу донесся отдаленный гул.

– Что это? – спросил он.

– Что «что»? – переспросил Донован. Он встал на одно колено, чтобы поправить сапог.

– По-моему, для взрывов время еще не настало, – сказал Сноу.

– Я ничего не слышал.

– А я слышал. – Сноу вдруг почувствовал, как бешено заколотилось в груди сердце.

Донован прислушался. В тоннелях стояла тишина.

– Остынь, приятель, у тебя начинаются глюки.

– Думаю, что надо связаться с командиром патруля, – сказал Сноу.

– Ну да, чтобы пожелать ему здоровья и получить под зад? Ты забыл приказ о соблюдении тишины? До места операции отсюда рукой подать.

Они вернутся через десять минут, и мы свалим из этого сортира. – Он с отвращением плюнул в грязь.

Патрон ярко вспыхнул последний раз, и камера погрузилась во тьму.

– Вот дьявол, – пробормотал Донован. – Сноу, подай-ка мне еще один из мешка рядом с твоими ногами.

Вновь послышался рокот, постепенно переходящий в стаккато автоматных очередей. Казалось, что звук пробивается через древние стены, то усиливаясь, то затихая, словно отдаленный шторм.

Сноу услышал в темноте, как вскочил на ноги Донован.

– Группа Альфа, командир, вы меня слышите? – прошипел он в переговорное устройство.

В ответ донесся лишь треск помех.

В тоннеле прогремел раскат грома, пол в камере задрожал.

– Это граната, – сказал Донован и заорал в микрофон: – Альфа, Бета! Отвечайте.

Пол снова содрогнулся.

– Сноу, готовь оружие! – крикнул Донован. За приказом последовал щелчок хорошо смазанного затвора.

– Вас слышу, – послышался сквозь треск голос Рахлина. – Связь с Гаммой потеряна. Оставайтесь на приеме.

– Вас понял, – ответил Донован.

Последовало несколько мгновений напряженной тишины, после чего снова раздался голос коммандера:

– Дельта! Гамма, судя по всему, столкнулась с трудностями при установке зарядов. Воспользуйтесь дополнительными. Мы свои установили и хотим проверить, как дела у Беты.

– Вас понял. Выполняем. – Зажегся фонарик, и Донован посмотрел на Сноу: – Мы должны установить заряды Гаммы.

Воткнув фонарь в гнездо на плече гидрокостюма, Донован ослабил ружейный ремень так, что автомат повис поперек живота. Сноу глубоко вздохнул и двинулся за коммандос в темноту тоннеля. Бросив взгляд вниз, он увидел в мерцающем свете следы. Много следов. Они перекрывали друг друга и шли в разных направлениях. Среди них трудно было выделить следы неопреновых сапог команды Гамма. Сноу судорожно сглотнул.

Через несколько минут Донован указал на старинную боковую горную выработку, окруженную многочисленными пилонами.

– Теперь, думаю, недалеко, – сказал он, внимательно прислушиваясь.

– Где они? – спросил Сноу и нисколько не удивился, что Донован не удостоил его ответом.

– Мы вернулись на сборный пункт, – раздался голос Рахлина. – Подтверждаю: заряды установлены. Отправляемся проверить, как дела у группы Бета.

– Пошли, – велел Донован. Он двинулся вперед и тут же замер. – Ты чуешь запах? – спросил он.

Сноу открыл было рот и тут же закрыл снова – настолько сильной оказалась вонь. Он инстинктивно отвернулся. Густой, тяжелый дух заглушал даже «ароматы» дренажной системы. К нему примешивался странный сладковатый запах, который обычно присутствует в лавке мясника.

Донован потряс головой, словно желая прочистить мозги, и снова двинулся вперед. И тут на виске Сноу ожил наушник. Послышалось шипение, сквозь которое прорвался голос Рахлина:

– ...атакуют. Зажечь осветит...

Сноу так и не понял, правильно ли он это расслышал. Рахлин говорил с необыкновенным, противоестественным спокойствием. В наушниках раздался шум помех, за которым последовал треск, похожий на автоматные очереди.

– Альфа! – заорал Донован. – Вы слышите меня? Прием!

– Вас слышу. Нас атакуют. С группой Бета связаться не удалось. В данный момент мы устанавливаем их заряды. Бичхэм, там!

Послышался хлопок, за которым последовал громовой взрыв. Сквозь электрические помехи прорывались какие-то неразборчивые звуки: вопли и крик, пожалуй, слишком низкий и хриплый для того, чтобы его мог исторгнуть человек. До них донесся треск автоматных очередей, сильно приглушенный стенами.

– Дельта... – прорвался сквозь рев помех голос Рахлина, – ...окружены...

– Окружены? – взревел Донован. – Кем? Вам нужна помощь?

В ответ раздались новые очереди, за которыми последовал мощный взрыв.

– Альфа! – взывал Донован. – Вам нужна помощь?

– Боже мой! – снова прорвался голос Рахлина. – Их так много… Бичхэм, что за дьявольщи… – Голос утонул в реве помех, и в то же мгновение все звуки исчезли.

Сноу прирос к месту. Вначале он решил, что переговорное устройство вышло из строя. Но затем из наушников донесся ужасный, сопровождающийся кашлем вопль. Он был настолько громким, словно кричали совсем рядом. Вопль смолк, и послышался треск разрываемого неопренового гидрокостюма.

– Альфа! Альфа! Прием! – Донован повернулся к Сноу. – Канал еще работает, – сказал он и снова закричал: – Командир! Это Дельта! Прием!

Шум помех, чавкающий звук, снова помехи.

Донован безуспешно пытался настроить переговорное устройство.

– Пошли, – велел он и взял автомат на изготовку.

– Куда? – спросил Сноу. От страха язык стал как наждачная бумага.

– Нам еще предстоит заложить взрывчатку там, где это не удалось сделать Гамме.

– У тебя что, крыша поехала? – злобно прохрипел Сноу. – Ты что, ничего не слышал? Нам надо убираться отсюда немедленно.

– Не раньше, чем мы установим заряды Гаммы, дружок, – жестко сказал Донован. В его голосе чувствовалась непоколебимая решимость и даже угроза. – Мы должны завершить операцию.

– Но как же коммандер? – сглотнув, спросил Сноу.

– Вначале мы закончим операцию, – глядя ему в глаза, ответил Донован.

Сноу понял, что спор неуместен. Крепко сжимая в руках М-16, он двинулся вслед за коммандос в темноту. Впрочем, впереди имелось какое-то освещение. Источник света находился за поворотом тоннеля, и Сноу видел лишь, как пляшут отсветы на кирпичной стене.

– Сними автомат с предохранителя, – услышал он шепот Донована.

Сноу осторожно прошел по изгибу тоннеля и тут же остановился как вкопанный. Здесь тоннель заканчивался. Металлические скобы, вмурованные в стену, вели к большой трубе, уходящей из потолка вертикально вверх.

– Боже мой, – простонал Донован.

Единственный осветительный патрон, воткнутый в грязь в дальнем углу камеры, озарял страшную картину. Сноу огляделся, стараясь удержать в памяти все ужасающие подробности. Стены помещения были испещрены следами пуль. От одной из стен откололся крупный кусок. Края разлома были обожжены и покрыты сажей. Рядом с осветительным патроном в грязи валялись два темных тела, между которыми в беспорядке были разбросаны сумки и оружие. Пороховая гарь до сих пор витала в воздухе.

Донован бросился к ближайшему телу и хотел было его приподнять, но тут же отскочил, и Сноу увидел, что гидрокостюм на мертвеце разорван от шеи до пояса. Там, где должна была находиться голова, остался лишь окровавленный обрубок.

– С Кэмпионом то же самое, – сказал Донован, мрачно глядя на второго спецназовца. – Господи, что это могло быть?

Сноу закрыл глаза и начал дышать глубоко и часто, пытаясь хоть как-то взять себя в руки.

– Кто бы это ни был, – продолжил Донован, – они наверняка ушли тем путем, – он показал на идущую вверх трубу. – Сноу, возьми их патронную сумку.

Полицейский нагнулся. Покрытый кровью и слизью ремень едва не выскользнул из его руки.

– Я заложу заряды здесь, – сказал Донован, извлекая из ранца брикеты С-4. – Тридцати фунтов должно хватить. Прикрой выход.

Сноу повернулся спиной к взрывнику и вперился в изгиб тоннеля. По стене, как безумные, плясали отсветы неровного пламени, и кирпичная кладка то ярко высвечивалась, то полностью исчезала во тьме. В переговорном устройстве что-то шипело. Это могли быть помехи, но не исключено, что он слышал, как волокут что-то тяжелое по грязи. Сквозь электрические потрескивания доносилось какое-то влажное чавканье.

В наушнике снова все стихло. Краем глаза Сноу увидел, как Донован установил на взрывчатке таймер и, надавив на кнопки, набрал нужное время.

– Двадцать три пятьдесят пять, – сказал он. – У нас остается добрых полчаса, чтобы найти точку выхода и убраться отсюда к дьяволу. – Он нагнулся и снял опознавательные медальоны с обезглавленных тел своих товарищей. – Двинулись, – велел он, поднимая с пола автомат и засовывая медальоны под резиновый жилет.

Едва они тронулись в путь, как Сноу услышал позади какой-то шорох и звук, похожий на покашливание. Он обернулся и увидел, как из трубы в

потолке спрыгнули несколько темных фигур и склонились над телами подводников. Фигуры эти были в глухих плащах с низко опущенными на лицо капюшонами. Сноу казалось, что перед ним проходят кадры какого-то фильма ужасов.

– Быстрее! – крикнул Донован и бросился бежать по изгибу тоннеля.

Сноу побежал следом. Ужас тяжелыми гирями висел у него на ногах. Они мчались по узкому кирпичному коридору – подальше от кошмарного зрелища.

Как только они выскочили в прямой отрезок, Донован неожиданно упал. В падении коммандос сумел повернуться и теперь оказался лицом к темному изгибу тоннеля.

– К бою! – рявкнул он, поднимая оружие и одновременно зажигая осветительный патрон.

Обернувшись, Сноу увидел, как в их сторону, низко пригнувшись, уверенной поступью двигаются темные фигуры. Яркий свет, по-видимому, заставил их на мгновение остановиться. Затем они снова двинулись вперед. В них было нечто звериное, нечто такое, от чего кровь леденела в жилах. Указательный палец Сноу скользнул на спусковой крючок. Позади него раздался громовой удар – Донован выстрелил из гранатомета. Огнем полыхнул взрыв, задрожали стены тоннеля. Автомат в его руках вдруг дернулся и затрясся, и Сноу не сразу понял, что это он сам бьет из М-16, поливая пулями тоннель. Полицейский поспешно снял палец со спускового крючка. Из-за поворота выскочила еще одна фигура, исчезла в дыму взрыва, чтобы через мгновение снова возникнуть уже ближе к Доновану и в зоне досягаемости автоматного огня. Полицейский прицелился и прикоснулся к спуску. Голова существа дернулась, и на долю секунды Сноу увидел покрытую немыслимыми морщинами и узлами морду. Подробности невозможно было рассмотреть из-за многочисленных складок. Раздался громовой удар, и кошмар исчез в пламени взрыва.

Автомат сухо щелкнул – Сноу понял, что расстрелял весь магазин. Он снял палец со спуска, вытащил пустой магазин, вынул из кармана новую обойму и загнал ее на место. Они выжидали, готовые в любую секунду открыть огонь. Но из тьмы и дыма никто не появлялся.

Донован глубоко вздохнул:

– А теперь назад, на сборный пункт.

Они двинулись дальше по тоннелю. Донован включил фонарик, и тонкий, чуть красноватый луч прорезал липкую тьму. Сноу, тяжело дыша, шагал следом за Донованом. Впереди их ждал «Тройник» со складом оборудования и выход. Полицейский поймал себя на том, что

думает лишь время от времени и только о том, как бы поскорее выбраться на поверхность. Все другие мысли были бы возвратом к тому ужасному, что с ними произошло, а это, в свою очередь, означало…

Он уткнулся в спину Донована. С трудом удержавшись на ногах, Сноу огляделся, пытаясь определить, что произошло.

В свете фонарика он увидел этих тварей, но теперь уже впереди. В душной темноте тоннеля неподвижно стояли десять, а то и двенадцать монстров. Некоторые из них держали в лапах какие-то предметы. Предметы, как показалось Сноу, болтались на пучке спутавшихся нитей. Он в ужасе и недоумении вгляделся внимательнее.

– Матерь Божия! – выдохнул полицейский. – И что же нам теперь делать?

– Прорываться с боем, – спокойно ответил Донован, поднимая автомат.

59

М арго сделала глубокий вдох из кислородного баллона и передала маску Смитбеку. Голова мгновенно прояснилась. Она огляделась по сторонам. Пендергаст размещал брикеты пластита по краям широкого отверстия. Каждый раз, когда он доставал из сумки очередную порцию взрывчатки и укладывал ее на место, в воздух вздымалось облако пыли и сухих грибных спор. Позади стоял д'Агоста с оружием на изготовку. Сбоку молча застыл Мефисто, его глаза в темноте походили на красноватые, едва тлеющие угольки.

Пендергаст вложил в пластит детонаторы и установил таймер, поглядывая на свои наручные «Патек Филипп». Он перебросил сумку за спину и, бесшумно поднявшись, махнул рукой: пора переходить на следующую позицию. Его лицо от окуляров очков до самого подбородка походило на маску из светло-серой пыли. Безукоризненный черный костюм изорван и покрыт грязью. В другой обстановке он показался бы смешным и нелепым. Но сейчас Марго даже в голову не приходило рассмеяться.

Атмосфера была удушающей – Марго попыталась прикрыть рот и нос ладонью. Когда это не помогло, она еще раз сделала вдох через маску.

– Не транжирь кислород, – сказал Смитбек. У него на губах появилось подобие улыбки, но взгляд по-прежнему оставался тоскливым и отрешенным.

Они шли по узкому коридору. Теперь Марго помогала Смитбеку двигаться во тьме. На потолке через каждые десять футов виднелись гигантские заклепки. Группа снова остановилась. Пендергаст сверился со схемой, достал новую порцию взрывчатки и разместил ее в нише под потолком.

– Отлично, – сказал он. – Еще одна закладка – и мы выходим на поверхность. Правда, нам придется поспешить.

Он быстро зашагал по коридору – и вдруг замер.

– Что случилось? – прошептала Марго, но Пендергаст поднял руку, призывая к тишине.

Помолчав с минуту, он очень тихо спросил:

– Вы слышали?

Марго напрягла слух – ничего. Душная густая атмосфера поглощала все звуки, как вата. Наконец, до нее донесся глухой удар. Затем второй. Казалось, где-то глубоко под ногами гремит гром.

– Что это? – удивилась она.

– Затрудняюсь ответить, – прошептал Пендергаст.

– Может быть, диверсионная группа приводит в действие свои заряды?

– Для пластита взрыв недостаточно мощный, – покачал головой Пендергаст. – Да и время еще не настало. – Он послушал еще немного и, заметно помрачнев, дал сигнал продолжить движение. Марго шла следом за агентом, ведя за руку Смитбека. Коридор вначале вел вверх, а затем резко забрал вниз, пробиваясь сквозь гранитные породы. «Интересно, – задумалась Марго, – кто мог пробить этот тоннель под улицами Манхэттена на глубине трех десятков этажей?» Она представила себе, как идет по Парк-авеню, зная, что под тонкой асфальтовой оболочкой скрывается паутина шахт, тоннелей, галерей и коридоров, уходящих глубоко под землю, и похожее на осиное гнездо, населенное…

Она решительно тряхнула головой, чтобы избавиться от наваждения. Когда мысли прояснились, Марго поняла, что приглушенный шум в глубине не прекратился. Однако характер звуков изменился. Это был ритмичный стук, похожий на работу двухтактного двигателя. Звук то утихал, то возникал снова.

Пендергаст остановился.

– Говорить только шепотом. Ясно? Винсент, подготовьте вспышку.

Тоннель закончился, и они уперлись в огромный металлический щит, утыканный множеством заклепок. В центре железной стены находилась небольшая дверь, и Пендергаст, с огнеметом на изготовку, проскользнул за нее – благо дверь оказалась открытой. Пилотный огонек на конце сопла ходил из стороны в сторону, оставляя в очках Марго следы в виде

светлых полос. Через несколько секунд Пендергаст подал сигнал, и остальные последовали за ним.

Переступив порог, Марго оказалась в каком-то замкнутом помещении. Только теперь она поняла, что ритмичный гул под ногами – не что иное, как бой барабанов, сопровождающийся глухим, невнятным пением. Сзади на нее наткнулся д'Агоста, и Марго пришлось прыгнуть вперед. Открыв от изумления рот, она смотрела на старинные латунные рычаги и приборы. Металл позеленел, давно разбитые циферблаты были покрыты слоем грязи. В дальнем углу стояли массивная лебедка и несколько проржавевших генераторов.

Пендергаст быстро прошел в центр комнаты и опустился на колени рядом с большой металлической плитой.

– Здесь была центральная диспетчерская Тоннелей Астора, и, если я не ошибаюсь, прямо под нами – Хрустальный павильон. Это частный зал ожидания под отелем «Никербокер». Мы могли бы на него взглянуть.

Он выждал, пока установится полная тишина, взялся за проржавевшие скобы и осторожно сдвинул в сторону металлическую плиту. В образовавшейся щели забрезжил тусклый свет, а козлиный дух – столь памятный Марго по прошлым кошмарам – сделался сильнее. Бой барабанов и хоровое пение зазвучали громче. Пендергаст склонился над отверстием, и отблески света из Хрустального павильона заиграли на его лице. Он долго смотрел вниз, затем поднялся и отошел в сторону.

– Полагаю, Винсент, что вам тоже стоит взглянуть.

Д'Агоста вышел из-за спины Марго, поднял на лоб очки ночного видения и заглянул в щель. В тусклом свете Марго увидела, как на лбу лейтенанта проступили капли пота. Его рука непроизвольно потянулась к пистолету. Затем, ни слова не говоря, он отступил назад.

Мимо Марго проскользнул Смитбек. Он смотрел вниз тяжело дыша и практически не мигая.

– Ага, вот и Скриблерус вышел на охоту, – саркастически заметил Мефисто.

Смитбек ничего не ответил. Он не сводил глаз с открывшегося перед ним зрелища. Руки его вдруг начали трястись – вначале слабо, потом все сильнее. Наконец он задрожал всем телом, и д'Агосте силой пришлось оттащить Смитбека от плиты. На его лице застыл ужас.

Пендергаст жестом пригласил подойти к щели Марго.

– Доктор Грин, – прошептал он, – мне хотелось бы услышать ваше просвещенное мнение.

Марго присела на корточки, подняла на лоб очки и глянула вниз. В первое мгновение мозг отказался это воспринимать. Сквозь свисающую с потолка изувеченную люстру, сквозь сломанные рожки и разбитые хрустальные подвески она увидела огромный полуразрушенный зал. Дорические колонны, мозаика на стенах, лохмотья бархатной драпировки, грязь и плесень… Прямо под люстрой стояла хижина – та самая, из черепов, о которой говорил Пендергаст. Перед хижиной неровными рядами выстроилась по меньшей мере сотня существ в темных балахонах с низко опущенными капюшонами. Толпа ритмично раскачивалась, негромко и монотонно распевая. Слова хорала разобрать было невозможно. Откуда-то издалека доносился мерный бой барабанов, а к хижине стекались все новые и новые существа. Фигуры занимали свои места в рядах и присоединялись к пению. От напряжения глаза Марго начали слезиться. Она отвела взгляд, проморгалась и снова посмотрела вниз. Сомнений не оставалось – перед хижиной из черепов стояли Морщинники.

– Это похоже на какой-то ритуал, – прошептала она.

– Именно, – ответил из темноты Пендергаст. – И это – совершенно точно – одна из причин того, почему ни одно убийство не совершалось в полнолуние. Ритуал в самом разгаре. Весь вопрос в том, кто или что руководит им, после того как погиб Кавакита.

– Не исключено, что в их среде произошло нечто вроде переворота, – сказала Марго. – В примитивных обществах шаманов часто убивают, чтобы освободить место для конкурента, который обычно является доминирующим в данной группе. – Несмотря на сильный страх, она не могла отвести взгляд, настолько заинтриговало ее зрелище.

– Да, – согласился Пендергаст. – Если одно из этих существ прикончило Кавакиту и заняло его место, становится понятным, почему число убийств возросло, и они стали более зверскими.

– Посмотрите, как Морщинники передвигаются, – прошептала Марго. – Создается впечатление, что у них саблевидные ноги. Это может быть результатом нехватки витамина D в организме.

Внизу началось какое-то движение. Где-то, вне поля зрения Марго, раздался хор низких голосов. Морщинники расступились, образуя проход. Послышались предупреждающие крики, и Марго увидела еще одну фигуру в темном балахоне с низко опущенным капюшоном. Фигура восседала на троне, сооруженном из костей и необработанной кожи. Трон медленно несли к хижине несколько Морщинников. В неровном, мерцающем свете вся картина являла собой ужасающую фантасмагорию. Кресло внесли в хижину, и пение сделалось громче.

– Похоже, прибыл верховный жрец, – еле слышно прошептала Марго. – Церемония вот-вот должна начаться.

– Может, нам все же лучше удалиться? – услышала она над ухом голос д’Агосты. – Простите, что помешал вам любоваться живой иллюстрацией к «Нэшнл джиографик», но тридцать фунтов пластита только и ждут момента, чтобы взорваться.

– Винсент прав, – согласился Пендергаст. – Кроме того, мы должны установить еще один заряд. Надо идти, доктор Грин! – Он положил руку ей на плечо.

– Еще минуту, – прошипела Марго. По рядам Морщинников прокатилось волнение, и в поле зрения появилась еще дюжина фигур с капюшонами на головах. Вновь прибывшие направились прямо к хижине. Не доходя нескольких шагов до входа, они опустились на колени и разместили на полу полукругом несколько небольших черных предметов. Пение стало еще громче, и из хижины выступила темная фигура с двумя пылающими факелами в руках.

Марго пристально вглядывалась в непонятные предметы, пытаясь определить, что же это такое. Шесть неправильной формы странных, похожих на каучуковые, шаров. Шары, без сомнения, играли в начинающейся церемонии весьма важную роль. Кажется, племя чудзи в Натале использовало круглые камни, выкрашенные в белые и красные цвета, призванные символизировать смену дня…

Одно из существ подняло темный объект, и, едва сдержав крик ужаса, Марго отпрянула от отверстия.

Пендергаст подскочил к щели и долго смотрел вниз. Наконец он поднялся и отошел в сторону.

– Мы потеряли всю команду подводников.

Мефисто прошел вперед и заглянул в щель. В красноватом зареве его борода приобрела совершенно зловещий вид, и он действительно стал походить на Мефистофеля.

– Говорил тебе, чудак, погружайся натощак, а сожрешь чего-нибудь – очень можешь утонуть… – пробормотал он, вновь отступая в темноту.

– Думаете, они успели установить заряды, прежде чем… – тихо спросил д’Агоста.

– Остается надеяться, что успели, – проворчал Пендергаст, устанавливая металлическую плиту на место. – Закладываем последнюю порцию и уходим, пока есть время. Винсент и я воспользуемся фонарями впереди

и сзади, вы остаетесь между нами. Мы уже практически в самом гнезде. И прошу вас проявлять гипербдительность.

– Гипербдительность… – фыркнул Мефисто.

Агент ФБР с легким осуждением посмотрел на вождя бездомных и сказал, поворачиваясь к выходу:

– Мы обсудим ваше отношение ко мне и мое отношение к вашим кулинарным пристрастиям как-нибудь в другой раз.

Они выскользнули через дверь в дальней стене диспетчерской и продолжили путь по довольно широкому коридору. Пройдя ярдов сто, Пендергаст снова остановился. Из прохода вертикально вниз уходила пробитая в граните шахта. Из шахты доносился глухой бой барабанов.

– Странно, – заметил агент ФБР. – Этот тоннель на моей карте не обозначен. Впрочем, это не имеет значения. Последний заряд, так или иначе, запечатает все выходы.

Они снова двинулись вперед и через пару минут оказались в помещении, некогда служившем складом. У одной из стен лежали массивные ржавые колеса, там же хранилось сигнальное оборудование и запасные механизмы перевода стрелок. На полусгнившем столе валялась жестяная коробка для ленча, в которой еще остался скелет цыпленка. Создавалось впечатление, что помещение оставляли в большой спешке.

– Ну и местечко, – заметил д’Агоста. – Поневоле начинаешь задумываться о том, что творилось в этих тоннелях.

– Вряд ли кто-нибудь знает это теперь, столетие спустя, – ответил Пендергаст. Он кивнул в сторону окованной металлом двери: – За дверью – служебная лестница, ведущая в Тоннели Астора. Здесь мы и установим последний заряд.

Он вынул из мешка брикет пластита и сразу вывалял его в грязи.

– Для чего? – поинтересовался д’Агоста. – Камуфляж?

– Именно, – прошептал Пендергаст, укладывая взрывчатку у основания бетонного пилона. – Это место, надо полагать, посещается довольно часто.

– Господи, – еле слышно выдохнула Марго. На полу коридора, по которому они только что пришли, виднелись бесчисленные следы босых ног. Она нащупала маску и вдохнула немного кислорода. Влажность в тоннеле приближалась к ста процентам. Марго сделала еще один вдох и передала маску Смитбеку.

– Спасибо. – Он два раза медленно вдохнул. Марго увидела, как в его глазах появилось что-то похожее на блеск. Волосы у журналиста слиплись и упали на лоб; рубашка была порвана и покрыта пятнами крови. «Бедняга Билл, – подумала Марго. – Он похож на человека, только что выбравшегося из сточной канавы. Впрочем, это предположение, видимо, не слишком далеко от истины».

– Что происходит там, наверху? – спросила Марго, чтобы отвлечь его от тяжелых мыслей.

– Все словно взбесились. Будто все силы ада вырвались на свободу. В самый разгар возглавляемой миссис Вишер демонстрации из-под земли вдруг начали выскакивать сотни кротов. Прямо на Бродвей. Я слышал, что копы использовали слезоточивый газ в тоннелях под Пятьдесят девятой улицей и под парком.

– Кроты, Скриблерус? Да, мы – кроты, но мы и люди. Мы скрываемся от солнечного света не из-за сияния или ласкового тепла. Нет, мы прячемся от того, что открывается в солнечном свете нашему взору. Продажность и взяточничество, миллионы никому не нужных тружеников, вечно бегущих на месте по бесконечной ленте конвейера. «О, горы, горы трупов предо мною. Кто ведать мог, что смерть жестокая поглотит стольких».

– Заткнись, – шикнул д'Агоста. – Когда мы выберемся в продажный мир, ты сможешь забиться в самый глубокий сортир, какой тебе удастся отыскать. Обещаю, что никогда не стану за тобой охотиться.

– Пока вы оба сотрясали воздух поэтическими и не столь поэтическими словесами, я успел установить последний заряд. – Пендергаст отбросил опустевший мешок и отряхнул руки. – Весьма удивлен тем, что на произведенный вами шум не слетелся весь малоприятный рой. Теперь нам следует как можно быстрее покинуть это место. В нашем распоряжении менее тридцати минут. – Он повернулся и решительно направился в сторону склада, но буквально через мгновение замер. Несколько секунд стояла полная тишина.

– Винсент, – долетел до Марго шепот агента, – вы готовы?

– Едва появившись на свет, я уже был ко всему готов.

Пендергаст проверил сопло огнемета.

– В случае необходимости я полью их огнем, и мы тут же отходим. Не двигайтесь с места, пока полностью не погаснет пламя. Огнемет рассчитан на ближний бой, и зажигательная смесь сгорает быстро и без остатка. Но иногда случается, что она попадает на стены, и горение продолжается еще несколько секунд. Вам все ясно? Снимите очки

ночного видения и приготовьтесь к вспышке. Без моего сигнала ничего не предпринимать. Приготовить оружие.

– Что случилось? – спросила Марго, снимая с предохранителя «глок». И тут ей в ноздри ударил знакомый запах. Источаемый монстрами козлиный дух густым облаком вползал в тоннель.

– Нам надо успеть проскользнуть мимо той вентиляционной трубы, – прошептал Пендергаст. – Пошли.

В то же мгновение из тоннеля и из вентиляционной шахты послышался шум. Пендергаст опустил руку, д'Агоста включил на небольшую мощность фонарь, и Марго с ужасом увидела, как по тоннелю к ним движется группа фигур в темных балахонах с низко опущенными капюшонами. Монстры передвигались необычайно быстро.

Все, что последовало за этим, произошло практически мгновенно. Пендергаст крикнул. Д'Агоста врубил вспышку. Ослепительно белое сияние озарило тоннель. Темные гранитные стены засверкали яркими красками. Одновременно со вспышкой раздалось шипение, и из сопла огнемета вырвался язык оранжево-голубого пламени. Ударила в лицо волна нестерпимого жара. Поток огня с глухим ревом достиг нападавших и превратился мгновенно в водоворот пламени. Какое-то мгновение страшные фигуры продолжали двигаться вперед. Марго казалось, что те, что идут первыми, облачены в странные, расцветающие огнем мантии. Необычное одеяние постепенно исчезало, превращаясь на глазах в дым и пепел. Вспышка погасла, но вид обгорелых, бесформенных, подергивающихся тел навсегда запечатлелся в сознании Марго.

– Отходим! – взревел Пендергаст.

Они медленно попятились к складу. Пендергаст послал в сторону чудовищ еще один сгусток пламени. В оранжевом сполохе Марго увидела, как из вентиляционной трубы один за другим вылезают Морщинники и устремляются в их сторону. Она инстинктивно подняла пистолет и несколько раз выстрелила. Два Морщинника развернулись и исчезли во тьме тоннеля. В панике она совершенно забыла о Смитбеке. У ее уха один за другим прогремели два выстрела – это Мефисто выпалил из обоих стволов своего помпового ружья. Она слышала чьи-то крики и отчаянные, булькающие вопли раненых Морщинников. Раздался короткий хлопок, за которым последовал грохот – это д'Агоста ударил из гранатомета.

– Быстро! – крикнул Пендергаст. – Вниз по служебной лестнице!

– Ты с ума сошел! – гаркнул д'Агоста. – Мы же окажемся в мышеловке!

– Мы уже в мышеловке! Их слишком много. Но драться здесь мы не можем: взорвется пластит. В Тоннелях Астора у нас еще может появиться шанс. Вперед!

Д’Агоста пинком распахнул дверь, и они помчались вниз по ступенькам. Тыл прикрывал Пендергаст, посылая языки пламени в тоннель. Клубы едкого дыма, обжигая глаза, текли вниз по лестнице. Отчаянно моргая, чтобы прогнать набегающие слезы, Марго успела заметить преследующую их фигуру в плаще. Капюшон развевался за спиной, изборожденное складками лицо пылало яростью, в высоко поднятой руке виднелся кремневый нож. Приняв позицию Вивера, Марго опустошила обойму. Словно со стороны она наблюдала, как пули разрывают кожистую морду. Монстр рухнул, но его место почти мгновенно занял следующий. Огнемет выбросил язык пламени, и темная фигура, отступив назад, забилась в конвульсиях, охваченная пламенем.

Они вышли в небольшое помещение с высоким потолком и покрытыми керамическими плитками стенами и полом. Снаружи, за готической аркой входа, мерцало красное зарево. Церемония продолжалась. Марго растерянно озиралась по сторонам. Пытаясь в спешке снарядить обойму, она уронила половину патронов на пол. Комната была наполнена дымом, но в ней никого не было. Марго почувствовала некоторое облегчение. Похоже, они оказались во вспомогательном зале ожидания – скорее всего детском. На низких столиках лежали доски с расставленными на них шахматными фигурами, покрытыми густой паутиной и слоем плесени.

– Обидно за черных, – заметил Мефисто, глядя на ближайший к нему столик и одновременно перезаряжая помповик. – Им пришлось бросить игру, имея лишнюю пешку.

На лестнице послышался шум, и из темноты вырвалась очередная группа Морщинников. Пендергаст принял боевую стойку и послал в нападавших длинный язык пламени. Марго встала в заученную позу. Хлопки ее выстрелов почти утонули в общем шуме.

За аркой началось движение, и из Хрустального павильона вывалилась толпа Морщинников. Марго увидела, как отбивается, размахивая, словно дубиной, гранатометом, Смитбек. На журналиста напали несколько монстров, и он вскоре рухнул на пол. Пендергаст, прижавшись к стене, водил из стороны в сторону огнеметом, поливая пламенем окружающих его чудовищ. С каким-то странным ощущением нереальности происходящего Марго подняла пистолет и стала стрелять. Вначале упал один Морщинник, за ним второй, а за ним… раздался сухой щелчок: обойма опустела. Марго со всей доступной ей стремительностью подхватила сумку, чтобы достать новую порцию

патронов. Но в этот момент чьи-то лапы, словно стальные щипцы, схватили ее за шею. Другие лапы вырвали пистолет. Казалось, в лицо ей дохнул разлагающийся труп – столь сильным было зловоние. Марго закрыла глаза, крича от боли, страха и ярости. Ей оставалось только одно – умереть.

60

С ноу молча смотрел, как в устье тоннеля скапливается все больше и больше темных фигур, отрезая им путь к выходу. Яркий свет патрона несколько задержал их продвижение, но теперь они снова двинулись вперед – двинулись столь решительно, что у Сноу по спине поползли мурашки. Перед ним были не безмозглые животные, слепо бросающиеся в битву. Существа в балахонах определенно имели какой-то стратегический план.

– Послушай, – негромко произнес Донован. – Заряди-ка ты гранатомет, и мы выстрелим одновременно по моему сигналу. Ты берешь на себя левый фланг, я – правый. Имей в виду, что гранатомет имеет тенденцию бить выше цели, поэтому бери ниже.

Сноу зарядил ХМ-148, ощущая, как сердце бухает где-то в горле. Краем глаза он увидел, что Донован поднял гранатомет.

– Давай!

Сноу нажал на спусковой крючок, и оружие едва не вырвалось у него из рук. Тоннель озарился двумя яркими оранжевыми вспышками. Сноу забрал слишком влево, и граната угодила в стену тоннеля. Неожиданно раздался треск и часть потолка рухнула вниз. В толпе нападавших раздались вопли ужаса.

– Еще! – завопил Донован, заряжая гранатомет.

Сноу перезарядил оружие и выстрелил, переместив ствол слегка вправо. Он завороженно следил за тем, как граната – словно при замедленной съемке – вылетела из подствольника и пролетела над головами существ в устье тоннеля. Последовала новая вспышка и тут же удар.

– Ниже!!! – заорал Донован. – Они приближаются!

Чуть ли не рыдая, Сноу открыл зубами вторую сумку с гранатами, зарядил ХМ-148 и выстрелил. Яркий султан огня взвился в самом центре атакующих. Сквозь грохот взрыва до Сноу долетели вопли боли и ужаса.

– Еще! – крикнул Донован, стреляя из гранатомета. – Ну стреляй же! Стреляй!

Выстрел. Недолет! Горячая взрывная волна толкнула его, и он упал на колени, но тут же вскочил, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть сквозь клубы дыма и пыли. Гранаты кончились. Сноу перебросил палец с дальнего спуска на ближний.

Донован поднял руку: «Внимание!» Они выждали немного, держа под прицелом темноту. Наконец Донован опустил оружие.

– Ну и в дерьмо же мы влипли, – прошептал Донован. – Но ты, парень, молодец. Побудь-ка пока здесь, а я проведу рекогносцировку. Если чего услышишь, ори во всю глотку. Сомневаюсь, что мы найдем что-нибудь крупнее куска мяса, но посмотреть все же стоит.

Донован проверил магазин своего М-1, зажег осветительный патрон и швырнул его как можно дальше. Затем он медленно двинулся вперед, стараясь держаться ближе к стене. Дым рассеялся, и Сноу видел голову и плечи Донована и отбрасываемую им длинную пляшущую тень.

Спецназовец обошел дымящиеся груды битого кирпича и темные останки. Войдя в тоннель, он осторожно огляделся и резко прыгнул за поворот, к «Тройнику». Сноу остался в одиночестве. Он вдруг сообразил, что сумка с магниевыми зарядами до сих пор болтается у него на шее. Во время боя он начисто забыл о ней, но сейчас с трудом поборол желание снять ее и забросить подальше. «Рахлин приказал, чтобы сумка оставалась со мной до завершения операции», – сказал он себе.

Рахлин… Сноу не мог поверить, что подземные создания уничтожили весь отряд. Ведь взрывники были так хорошо вооружены, так подготовлены к бою… «Если два других тоннеля похожи на этот, то некоторым из них, возможно, удалось выбраться по лестницам. В таком случае и нам следует вернуться, чтобы попытаться…»

Сноу вдруг замер. Его потрясло то, насколько холодно и спокойно он продумывал возможные варианты отхода. Может быть, он все же храбрее, чем ему казалось? А может, просто глупее? «Если бы этот мерзавец Фернандес мог меня увидеть сейчас!» – думал он.

Его размышления прервало появление Донована. Коммандос вынырнул из темноты, огляделся и поманил полицейского. Сноу вошел в «Тройник» и застыл, увидев ужасающую картину. Лежащее в полном порядке вдоль стены оборудование являло собой чудовищный контраст с безголовыми, растерзанными телами, валяющимися в грязи на полу.

– Быстрее, – прошептал Донован. – Оплакивать их будем потом.

Сноу поднял глаза. Донован, скрестив на груди руки, нетерпеливо поглядывал на водолазное снаряжение. И в этот миг со свисающей с потолка цепи с воплем прыгнула черная фигура и повисла у него на спине.

Донован пошатнулся, но сумел стряхнуть с себя нападавшего. Но тут на него навалились еще двое, и он упал на колени. Сноу попятился, подняв автомат – стрелять он не мог. Откуда-то возник еще один монстр. Этот держал перед собой нож. Донован закричал на неимоверно высокой ноте. Это был почти женский визг. Чудовище сделало рукой странное пилообразное движение, и, издав победный вопль, высоко подняло голову Донована. Парализованному ужасом Сноу показалось, что в вылезших из орбит глазах он увидел розовый отблеск горящего патрона.

Сноу начал стрелять, как его учил Донован. Короткими очередями, водя стволом направо и налево, чтобы охватить огнем все гнусное сборище, всех склонившихся над телом Донована монстров. Кажется, он что-то кричал, но сам не слышал что. Магазин опустел. Он вставил новый и снова стрелял до тех пор, пока снова не кончились патроны. Когда наступила тишина, Сноу сделал шаг, разгоняя перед собой пороховой дым. Он вглядывался в темноту, отыскивая взглядом кошмарные фигуры. Еще один шаг… И еще один…

В темноте возникло какое-то движение – казалось, это шевелится сама тьма. Сноу повернулся и бросился назад, разбрызгивая грязь и стоячую воду. Брошенный им пустой магазин, покатившись, застучал по скользким камням пола.

61

М арго крепко зажмурилась, стараясь не думать о предстоящих мучениях. Но прошла секунда, за ней – вторая, и Марго ощутила, как ее подняли с пола и куда-то понесли, раскачивая из стороны в сторону. Тяжелая сумка, свисая с плеча, волочилась по полу. Несмотря на страх, Марго испытывала некоторое облегчение. По крайней мере она была пока жива.

Ее протащили через темное зловоние и вынесли в какое-то слабо освещенное помещение. Марго усилием воли заставила себя открыть глаза и увидела прямо перед собой разбитое зеркало, покрытое вековым слоем сухой грязи. Большая часть стекла давно уже вывалилась из рамы. Рядом с зеркалом висел гобелен, изображавший единорога в клетке. Снизу гобелен сильно подгнил. Тут ее снова качнули, и она увидела мраморные стены, высокий потолок и сломанную, кривобокую люстру. В центре купола поблескивало металлическое пятно – плита, которую они отодвигали всего несколько минут назад. «Я – в Хрустальном павильоне», – поняла Марго, изо всех сил пытаясь побороть охватившее ее отчаяние. Отвратительный запах ощущался здесь сильнее, чем где-либо. Ее грубо швырнули на пол. От удара перехватило дыхание. Хватая широко открытым ртом воздух, Марго приподнялась на локте. Со всех сторон ее окружали Морщинники. В темных балахонах, с опущенными на лица капюшонами, они мерно раскачивались из стороны в сторону. Несмотря на весь ужас своего положения, Марго

смотрела на них с любопытством. «Итак, передо мной жертвы „глазури“. Мысли понемногу прояснялись. Ей вдруг стало очень жаль этих чудовищ. Неужели и впрямь необходимо, чтобы они все погибли? Но разумом она понимала: гибель этих существ – единственный способ разрешить проблему. Кавакита собственной рукой написал, что противоядия не существует: невозможно обратить процесс деградации вспять. Так же, как в свое время не было возможности вернуть к нормальному состоянию несчастного Уиттлси.

Эта мысль повлекла за собой другую, и Марго тревожно огляделась. Заряды установлены и скоро взорвутся. Даже если их пощадят Морщинники…

Одно из созданий наклонилось, чтобы поближе взглянуть на нее. Капюшон соскользнул с его головы, и все ее сожаления разом исчезли, сменившись всепоглощающим отвращением. Марго увидела некую пародию на человеческое лицо. Не лицо, а морду, покрытую чудовищными складками и морщинами. Из складок на нее равнодушно смотрели глаза ящерицы – черные и безжизненные. Зрачки превратились в чуть заметные подрагивающие точки. Марго отвернулась.

Послышался удар – рядом с ней швырнули на пол Пендергаста. За агентом ФБР последовали отчаянно отбивающиеся Смитбек и Мефисто.

Поймав вопросительный взгляд Пендергаста, Марго кивнула: все в порядке. Послышался шум возни, и на пол свалился лейтенант д’Агоста. Оружие у него уже давно отняли. Из глубокой раны над бровью обильно текла кровь. Один из Морщинников сорвал сумку с плеча Марго, швырнул ее на пол и направился к д’Агосте.

– Держись от меня подальше, мерзкий мутант! – злобно прохрипел полицейский. Морщинник неторопливо нагнулся и что есть силы врезал лейтенанту по физиономии.

– Полагаю, Винсент, сотрудничество с ними будет полезнее для вашего здоровья, – сказал Пендергаст. – Тем более что они нас несколько превосходят численно.

Д’Агоста приподнялся на колени и, помотав головой, спросил:

– Почему мы до сих пор живы?

Пендергаст усмехнулся:

– Это лучший вопрос за весь вечер. Полагаю, что это связано с церемонией, которая вот-вот должна возобновиться.

– Слышишь, Скриблерус? – невесело ухмыльнулся Мефисто. – По-моему, в «Пост» высоко оценят твою следующую статью. Ты назовешь ее: «Как меня принесли в жертву».

Негромкий напев возобновился. Марго почувствовала, как ее рывком поставили на ноги. В толпе Морщинников образовался проход, и примерно в двадцати футах от себя она увидела хижину из черепов. В немом ужасе Марго смотрела на чудовищное строение, ухмыляющееся ей сотнями ужасных оскалов. Внутри хижины передвигались несколько фигур, а над недостроенной крышей поднимались ввысь густые облачка пара. Хижину окружала изгородь из бедренных костей, едва-едва очищенных от плоти. Перед самым входом Марго увидела несколько каменных церемониальных возвышений. Вглядевшись сквозь пустые глазницы черепов, она заметила внутри хижины предмет, отдаленно напоминающий трон, тот самый, на котором несли жреца. «Интересно, насколько ужасен будет их верховный жрец?» – подумала Марго. Она не была уверена, что у нее хватит духу взглянуть в еще одну морду, подобную той, что с похотливой жадностью смотрела на нее всего несколько мгновений назад.

Чья-то рука больно толкнула ее в спину, и она, едва не падая, заковыляла к хижине. Краем глаза Марго видела, как д’Агоста старается вырваться из лап ведущих его Морщинников. Смитбек отбивался молча. Чудовище извлекло из складок балахона зловещего вида каменный нож и поднесло его к горлу Смитбека.

– *Cuchillos de pedernal* , – прошептал Пендергаст. – Это о них говорила женщина, пережившая бойню в подземке.

Д’Агоста кивнул.

Не доходя нескольких футов до изгороди, Морщинники остановились и заставили своих пленников опуститься на колени. Барабанная дробь сделалась чаще, пение – громче.

Взгляд Марго задержался на каменных возвышениях перед входом. На ближайшем лежало несколько металлических предметов.

– Пендергаст, – еле слышно прохрипела Марго. От волнения у нее пресеклось дыхание.

Агент ФБР бросил на нее вопросительный взгляд, и Марго кивком показала на платформу.

– Ах да, – прошептал он. – Самые крупные сувениры. Я сумел утащить только те, что помельче…

– Да-да, – нетерпеливо перебила его Марго. – Но я узнаю один из этих предметов. Ручной тормоз для инвалидной коляски.

На лице Пендергаста мелькнуло изумление. Он попытался продвинуться к возвышению поближе, но стоящие рядом Морщинники тут же пресекли эту попытку.

– Это совершенно бессмысленно... Для чего их разложили... – Он оборвал себя на полуслове и негромко прошептал: – Лурд!

– Не понимаю, – шепотом ответила Марго. Пендергаст молчал, пытаясь разглядеть темную фигуру внутри хижины.

Послышался приглушенный шум, и из хижины появилась немногочисленная процессия. Первыми шли закутанные в плащи фигуры, неся попарно огромные котлы с горячей жидкостью. Над котлами поднимались клубы пара. Пение усилилось, превратившись в какую-то заунывную какофонию. Морщинники поставили котлы в углубления, выбитые в полу, после чего на сцену выплыло задрапированное черным крепом кресло, влекомое четырьмя фигурами в балахонах. Носильщики медленно, размеренно шагали вдоль ограждения из костей. Оказавшись у самой дальней и самой высокой платформы, они торжественно поместили на нее трон и столь же торжественно сняли черное покрывало, после чего величественно удалились в хижину.

Марго не отрывала глаз от скрытой в тени фигуры, восседавшей на троне. Лица она разглядеть не могла, но видела пухлые пальцы, слегка подергивающиеся на подлокотниках. Пение смолкло – и тут же возобновилось с новой силой. Теперь в нем звучали нотки нетерпеливого ожидания. Существо на троне воздело руку, и все замолчали. Когда жрец слегка наклонился вперед, мерцающие отблески огней упали на его лицо.

Время остановилось. Ужасный миг превратился в безысходную бесконечность. Марго забыла о страхе, о боли, о том, что часовой механизм неумолимо тикает над ее головой, приближая время взрыва. Мужчина в габардиновых брюках с шотландским бантом на шее, восседающий на троне, сделанном из человеческих костей, был ей знаком. Перед ней находился профессор Уитни Фрок.

Марго открыла рот – и не смогла произнести ни слова.

– Боже мой, – выдохнул за ее спиной Смитбек.

Фрок взирал на толпу с каменным, лишенным каких-либо эмоций лицом. В огромном зале висела мертвая тишина.

– Ба! Да это же Фрок! – взревел д’Агоста, первым нарушив молчание.

Фрок медленно повернулся на голос. Он посмотрел на д'Агосту, на Смитбека, на Пендергаста. Увидев Марго, он неожиданно встрепенулся, и в его глазах появилась жизнь.

– Дорогая, – проговорил доктор Фрок. – Какая неудача. Честно говоря, я не ожидал увидеть тебя научным консультантом этой маленькой экспедиции. Очень сожалею, что ты оказалась среди них. Да, это я, но тебе не стоит смотреть на меня с таким осуждающим видом. Припомни, что, избавившись от этого невыносимого ирландца, я пощадил тебя. Должен признаться, что тогда я поступил вопреки требованию рассудка.

Марго была настолько потрясена, что утратила дар речи.

– Однако теперь уже ничего не поделаешь. – Глаза Фрока потухли. – Что касается остальных, я рад приветствовать их в своих владениях. Однако мне кажется, что некоторых из них следует мне представить. Например, вот этого косматого джентльмена в лохмотьях. – Он посмотрел на Мефисто. – У него вид дикого животного, угодившего в западню, что, видимо, соответствует истине. Один из туземцев, я полагаю, привлеченный в качестве проводника. Я спрашиваю еще раз, как ваше имя?

Ответом было молчание.

– Если он не ответит, перережь ему горло, – велел Фрок одному из своих подручных. – Мы не можем потерпеть грубости в нашей среде. Разве я не прав?

– Мефисто, – последовал мрачный ответ.

– Ну конечно же, Мефисто! Умеренное образование – вещь весьма опасная. Особенно для психически неполноценных личностей. «Мефисто»! Фи, как банально! Вы, несомненно, поименовали себя так, дабы устрашить своих ничтожных последователей. Я, однако, не нахожу в вас ничего дьявольского. Передо мной всего-навсего жалкий, пристрастившийся к наркотикам болван. Впрочем, у меня нет оснований для жалоб. Вы и вам подобные, должен признать, принесли мне неоценимую пользу. Не исключено, что среди моих детей вы сможете найти и тех, кто некогда числился в ваших ближайших друзьях… – Он величественно махнул в сторону Морщинников.

Мефисто напрягся, но промолчал.

Марго не сводила глаз со своего бывшего профессора. Этот человек ничем не напоминал того Фрока, которого она знала раньше. Тот доктор Фрок всегда был дипломатичен и в разговоре старался избегать резкостей. Теперь же она видела воплощенное высокомерие и полное отсутствие человеческих качеств. Последнее потрясло ее настолько, что она даже забыла о страхе.

– Смитбек, журналист! – презрительно фыркнул Фрок. – Вас прихватили для того, чтобы вы поведали миру о победе над моими детьми? Жаль, что ваши читатели никогда не узнают о том, что здесь произошло на самом деле.

– Присяжные еще не вынесли окончательный вердикт, – воинственно заявил Смитбек.

Фрок только усмехнулся.

– Фрок, что здесь происходит? – просипел д'Агоста, пытаясь вырваться из лап Морщинников. – Объясните, или…

– Что «или»? – спросил Фрок, поворачиваясь к полицейскому. – Я всегда считал вас неотесанным чурбаном, но не полным идиотом. Я удивлен, что приходится напоминать – вы не в том положении, когда можете выступать с требованиями ко мне. Он обезоружен? – повернулся Фрок к стоящему рядом Морщиннику.

Тот медленно опустил голову.

– Проверьте еще раз вот этого, – распорядился Фрок, указывая на Пендергаста. – Он – хитроумный дьявол.

Пендергаста грубо поставили на ноги, обыскали и снова швырнули на колени. Фрок внимательно, с холодной улыбкой смотрел на агента ФБР.

– Ведь это было вашим инвалидным креслом? – негромко спросил Пендергаст, указывая на возвышение.

– Моим лучшим инвалидным креслом, – кивнул Фрок.

Пендергаст промолчал. Марго повернулась к профессору. К ней наконец вернулся голос.

– Но почему? – просто спросила она.

Фрок несколько мгновений молча смотрел на нее, а затем дал сигнал своим подручным. Закутанные в балахоны фигуры заняли места позади котлов. Фрок поднялся с трона, спрыгнул с возвышения и подошел к агенту ФБР.

– Вот почему, – сказал он и, горделиво выпрямившись, воздел руки над головой.

– Я исцелился, и да будете вы исцелены подобно мне! – выкрикнул он чистым, звенящим голосом. – Я вернул свою сущность, и да вернете вы свою подобно мне!

Толпа ответила ему приветственными воплями. Вопли все не стихали, и Марго поняла, что это какой-то вполне определенный ответ. «Они говорят, – подумала Марго. – Или по крайней мере пытаются говорить».

Тем временем крики стихли и возобновилось пение. Снова ритмично забили барабаны. Морщинники медленно двинулись к котлам и выстроились перед ними полукругом. Помощники верховного жреца вынесли из хижины изящные глиняные чаши. Совершенная форма сосудов резко контрастировала со всеми остальными деталями отвратительной церемонии. Во всяком случае, так казалось Марго. Морщинники по одному подходили к котлам, принимали дымящиеся чаши в свои когтистые лапы и подносили их к капюшонам. Марго отвернулась: ей тяжело было слышать последовавшие за этим булькающие звуки.

– Вот почему! – повторил Фрок, поворачиваясь к Марго. – Разве ты не видишь? Разве не понимаешь, что за это стоит отдать все богатства мира? – В его интонации Марго уловила умоляющие нотки.

И тут ее осенило. Церемония, напиток, детали инвалидной коляски, слова Пендергаста о Лурде – знаменитом месте чудесных исцелений…

– Значит, вы обрели способность ходить, – негромко произнесла она. – И все это только ради того, чтобы вы снова смогли самостоятельно передвигаться?

Лицо Фрока превратилось в каменную маску.

– Как легко судить со стороны, – проговорил он. – Как легко судить вам, которые ходили всю свою жизнь, никогда не задумываясь об этом. Разве вы способны понять человека, утратившего эту естественную способность? Очень плохо, когда человек – калека от рождения, но во сто крат хуже, если он становится калекой в расцвете сил, когда самые великие свершения еще ждут его в предстоящей череде лет. – Он посмотрел на Марго: – Конечно, для тебя я всегда был доктором Фроком. Милым, добрым доктором Фроком. Как не повезло бедняге, что он подхватил полио в безвестной африканской деревне. Как печально, что старик не может продолжать полевые работы. Ты не можешь понять, что полевые работы и были всей моей жизнью! – почти выкрикнул он, склонившись над ней.

– Так вот почему вы подхватили дело Кавакиты, – сказал Пендергаст. – Вы закончили то, что начал он.

– Бедный Грегори, – фыркнул Фрок. – Он в отчаянии явился ко мне. Как вы наверняка поняли, он слишком рано начал принимать препарат. Подумать только, ведь я все время учил его неуклонно выдерживать все лабораторные процедуры. Но мальчик был слишком нетерпелив. Он

стал высокомерен, так как перед ним открылась перспектива бессмертия. Он принял препарат до того, как неприятные побочные действия реовируса были целиком устранены. В результате… м-м-м… чрезвычайных физических изменений, которые он претерпел, ему требовалась помощь. В его позвоночнике осталась металлическая пластина от ранее перенесенной хирургической операции. Она стала причинять ему острую боль. Он страдал, был одинок и страшно напуган. К кому еще он мог обратиться, как не ко мне, человеку, ушедшему на тоскливый покой? Разумеется, я смог ему помочь. Я не только изъял пластинку из позвоночника, но и завершил очистку препарата. Но непродуманное экспериментаторство молодого человека, – Фрок в молчаливом осуждении развел руками, – торговля наркотиком привели его к безвременной кончине. Когда его подданные осознали, что он с ними сотворил, они убили его.

– Итак, вы очистили препарат, – сказал Пендергаст, – и стали его принимать.

– Мы заканчивали работу в весьма жалкой лаборатории, устроенной им на берегу реки. Грег уже утратил уверенность, не хотел продолжать опыты. Возможно, ему всегда недоставало отваги, той внутренней убежденности истинного ученого, без которой невозможно увидеть итог своего исследования. Поэтому мне пришлось завершить то, что начал он. Вернее, усовершенствовать то, что он начал. Препарат, конечно, и сейчас приводит к морфологическим изменениям, но теперь изменения не калечат, а исцеляют. В этом – истинное предназначение реовируса. И я – живое доказательство его целительной силы. Я был первым, кто претерпел трансформацию. И теперь для меня очевидно, что это результат *моего* труда, *моей* гениальности. Инвалидное кресло было моим крестом. Ныне оно – священный символ нового мира, который мы создадим.

– Новый мир – это лилии Мбвуна, произрастающие в Резервуаре? – поинтересовался Пендергаст.

– Идея принадлежит Каваките. Аквариумы очень дороги и требуют много места. Но это было до того, как… – конец фразы повис в воздухе.

– Мне кажется, я вас понял. – Пендергаст говорил так, словно вел тихую беседу со старым другом в любимой кофейне. – Вы в любом случае планировали осушить Резервуар.

– Естественно. Грегори удалось приспособить растение к зоне умеренного климата. Мы собирались слить Резервуар и переместить лилию в эти тоннели. Моим детям противен свет, а здесь у нас вышла бы идеальная плантация. Однако наш общий друг Уокси избавил нас от трудов. Он всегда стремится – или, вернее, стремился – присвоить себе

чужие идеи. Если вы помните, это я первым предложил сбросить воду из Резервуара.

– Доктор Фрок, – сказала Марго, стараясь говорить спокойно. – Некоторые семена обязательно попадут в ливневую систему, через нее в Гудзон и оттуда в океан. Соленая вода активизирует вирус, и вся экосистема будет заражена. Вы понимаете, какими последствиями это грозит мировой пищевой цепи?

– Дорогая Марго, в этом и заключается суть моей идеи. Я вижу в этом огромный шаг в эволюции, шаг в неизвестное. Как биолог, ты, Марго, несомненно, понимаешь, что человеческая раса деградирует. Она утратила эволюционный дух, эволюционную энергию, потеряла способность к естественной адаптации. Я послужу тем инструментом, который возродит жизненную энергию нашего вида.

– Интересно, а где ты спрячешь свой жирный зад во время наводнения? – поинтересовался д’Агоста.

Фрок рассмеялся.

– Не сомневаюсь, что вы со свойственной вам узостью взглядов решили, что после вашей маленькой экскурсии знаете о подземном мире все. Поверьте, подземные территории Манхэттена более обширны, более ужасны и более прекрасны, чем вы себе представляете. Я много дней бродил под землей, восхищаясь возрожденной силой своих ног. Здесь, в отличие от поверхности, у меня нет необходимости таить свою новую сущность. Мне удалось обнаружить естественные пещеры необыкновенной красоты. Я наткнулся на древние тоннели, пробитые голландскими контрабандистами еще в те дни, когда Нью-Йорк назывался Нью-Амстердамом. Под землей имеется множество маленьких уютных местечек, где мы сможем укрыться на то время, пока вода станет пробивать себе путь к морю. Вам не отыскать эти места ни на одной из ваших карт. Когда на этот зал очень скоро обрушится водопад из двухсот миллионов кубических футов жидкости, водопад, несущий в мир зрелые семена *Liliceae Mbwunensis* , я и мои дети окажемся в безопасных тоннелях выше уровня воды. Когда же потоп закончится, мы вернемся в омытое от грязи жилье, чтобы наслаждаться теми плодами, которые оставит здесь вода. Мы с нетерпением станем ожидать явления, которое я именую Разрывом Голоцена, или – чтобы вам было более понятно – разрушения единства биотопа и биоценоза.

Марго изумленно взирала на Фрока. Она не верила своим ушам. Перехватив ее взгляд, профессор улыбнулся – холодно и высокомерно. Такой улыбки она у него прежде не замечала. Он был полностью уверен в себе. Марго поняла: Фроку ничего не известно о заложенной ими взрывчатке.

– Вот именно, моя дорогая. Все это – не более чем моя теория фрактальной эволюции, реализованная в ее предельной форме. Реовирус, или «глазурь», если тебе угодно, будет внесен в самое основание мировой пищевой цепочки. Как удачно, что я выступаю в виде вектора эволюции, в виде активизирующего ее агента. Массовая гибель видов на грани геологических эпох покажется мелочью в сравнении с тем, что должно случиться. Тогда всего лишь погибли динозавры, открыв тем самым дорогу млекопитающим. Кто знает, кому откроет путь новая трансформация? Перспективы представляются мне безграничными.

– Вы – тяжело больной человек, – сказала Марго, чувствуя, как отчаяние ледяной рукой сжимает ей сердце. Она и не представляла, как страдал Фрок после того, как ноги отказались служить ему. Он был одержим своими страданиями. Фроку удалось разглядеть потенциальные возможности препарата. Но он не смог оценить деструктивного влияния «глазури». Да, физические возможности организма усиливались многократно, но параллельно по экспоненте возрастало проявление маниакальных идей и стремления к насилию. Реовирус пробуждал самые тайные устремления, скрытые в глубинах души. Марго с ужасающей ясностью поняла, что все, что бы она ни сказала, не сможет вернуть этого человека к нормальной жизни.

Тем временем процессия к котлам продолжалась. Марго заметила, что когда Морщинники подносили сосуд к губам, все их тело, скрытое балахоном, содрогалось – вопрос только от чего: от восторга или от боли?

– Вам были известны все наши шаги, – услышала она голос Пендергаста. – Создается впечатление, что вы руководили нашими действиями.

– В некотором роде это именно так. Я знал, что в свое время подготовил Марго хорошо и что она вполне способна самостоятельно справиться с этой работой. Кроме того, я был уверен, что ваш активный ум постоянно находится в действии. Поэтому я заранее позаботился о том, чтобы сброс воды из Резервуара невозможно было остановить. Когда я обнаружил, что одного из моих детей ранили – это вы стреляли в него, – моя воля только окрепла. Однако должен признать, что отряд водолазов был сильный ход с вашей стороны. По счастью, мои дети направлялись на церемонию и не позволили им испортить наш маленький праздник. – Немного помолчав, он продолжил: – Я поражен тем, что столь умный человек, как вы, решил явиться сюда, чтобы поразить нас своим жалким оружием. Убежден, вы просто ошиблись в оценке численности моих детей. И это не единственная ваша ошибка.

– Мне кажется, профессор, в вашем рассказе имеются некоторые пробелы, – неожиданно сказала Марго. Она изо всех сил старалась говорить спокойно и ровно.

Фрок шагнул к ней, вопросительно подняв брови. Видеть его бодро передвигающимся было крайне непривычно. Это сбивало с толку и мешало думать. Марго сделала глубокий вдох – воздух показался ей страшно ядовитым – и продолжила:

– Я полагаю, что Кавакиту убили вы. Убили и бросили тело, чтобы он казался просто еще одной жертвой.

– Неужели? – спросил Фрок. – Умоляю вас, объясните, почему, по вашему мнению, я это сделал?

– По двум причинам, – сказала она уже значительно громче. – На пожарище лаборатории я нашла журнал Кавакиты. Вне всяких сомнений, он стал задумываться о последствиях эксперимента. В журнале упоминается тиоксин. Видимо, он выяснил, как подействует на реовирус соленая вода, и решил уничтожить растения прежде, чем вы смоете их в Гудзон. Возможно, что он изменился телом и тронулся рассудком, но все же остатки совести у него сохранились.

– Дорогая, ты не понимаешь. Ты просто не способна понять, – произнес Фрок.

– Вы убили Грега потому, что он знал: действие препарата необратимо. Разве нет? Я установила это экспериментально. Вы не способны исцелить этих людей! И вы это знаете. Но знают ли это они?

Тон пения, казалось, чуть изменился, и Фрок, быстро оглядевшись по сторонам, бросил:

– Это не более чем слова попавшей в отчаянное положение женщины. Подобные заявления тебя не достойны, дорогая.

«Они прислушиваются, – подумала Марго. – Может быть, их удастся все же убедить».

– Ну конечно, – прервал ее размышления голос Пендергаста. – Кавакита придумал эту церемонию раздачи, как самый удобный способ держать в повиновении своих несчастных жертв. Но он не получал удовольствия от ритуала и всех его атрибутов. Он не воспринимал их всерьез. Это вы довели церемонию до совершенства. Как антрополог вы получили уникальную возможность создать собственный культ. Приспешники и прислуживатели, размахивающие кремневыми ножами. Собственный храм из черепов. Эдакий реликварий для вашего инвалидного кресла как символа исцеления.

Фрок замер.

– Именно по этой причине возросло число убийств. Они ведь вызваны не недостатком наркотика, не так ли? У вас его полный Резервуар. Нет, причина убийств лежит совсем в иной плоскости. Эти смерти – результат вашей одержимости. Архитектурных вкусов, если так можно выразиться, – он кивнул в сторону хижины. – Вам нужен был храм для вашего собственного обожествления.

Фрок смотрел на Пендергаста, его губы судорожно подергивались.

– А почему бы и нет? – спросил он. – Новая эпоха нуждается в новой религии.

– Но сердце вашего вероисповедания – церемония раздачи наркотика, верно? И строится она на полном контроле над паствой. Если эти несчастные узнают, что действие препарата необратимо, то чем вы сможете их удержать?

В ближайшем ряду Морщинников послышалось бормотание.

– Довольно! – воскликнул Фрок, хлопнув в ладоши. – У нас мало времени. Подготовьте их.

Грубые лапы рывком поставили Марго на ноги, у ее горла оказался кремневый нож. Фрок смотрел на нее, и на его лице можно было прочитать самые разнообразные чувства.

– Как бы мне хотелось, Марго, чтобы ты оказалась среди нас и претерпела чудесную трансформацию. Но увы, многим суждено погибнуть при переходе в новую эру. Поверь, мне очень жаль.

Смитбек рванулся к Фроку, но его без труда остановили.

– Доктор Фрок! – закричал Пендергаст. – Марго была вашей ученицей! Вспомните, как мы втроем сражались с Музейным зверем. Даже сейчас на вас ложится не вся ответственность за происходящее. Возможно, есть способы вернуть вас к людям! Мы сделаем все, чтобы исцелить ваш разум.

– И погубить жизнь? – прошипел ученый. – Возвратиться к чему, позвольте спросить? Чтобы стать бессильным и слегка тронутым умом почетным смотрителем музея, получающим незаслуженно жирную ренту? Человеком, чья жизнь стремительно катится к завершению? Я не сомневаюсь, что Марго открыла еще один побочный эффект действия препарата. «Глазурь» удаляет из живых тканей свободные радикалы. Иными словами – продлевает жизнь! Способны ли вы предоставить мне как свободу передвижения, так и продление жизни? – Он посмотрел на часы: – Без двадцати двенадцать. Наше время истекает.

Внезапно Марго ощутила движение воздуха, и с верхнего ряда черепов на стене хижины брызнули осколки. В то же мгновение до нее донесся резкий стрекочущий звук и она поняла, что кто-то открыл огонь из автомата.

Послышался странный хлопок, за ним – второй, и на павильон хлынул белый, необычайно яркий свет. Со всех сторон неслись вопли боли и ужаса. Еще хлопок – и острие ножа у ее горла куда-то исчезло. Марго судорожно потрясла головой. Нестерпимо яркая вспышка временно ослепила и ее. Пение умолкло, из толпы Морщинников раздались злобные выкрики. Пока она стояла зажмурившись, свет вспыхнул еще раз. За вспышкой вновь последовали крики боли. Марго почувствовала, как Морщинник ослабил хватку. С необычайной силой она рванулась из лап, упала на пол, откатилась в сторону и поднялась на четвереньки, ожидая, когда восстановится зрение. Как только погасли черно-белые пятна, она увидела вздымающиеся над полом султаны дыма, сияющие невыносимо ярко. Морщинники бились в конвульсиях, прикрывая лапами морды, кутаясь в балахоны. Пендергаст и д'Агоста уже сумели освободиться и мчались на помощь Смитбеку.

Раздался громовой взрыв, и стена хижины рухнула, охваченная пламенем. Обломки костей шрапнелью поразили тех, кто находился рядом.

– Один из подводников, видимо, уцелел, – прокричал Пендергаст. – Огонь ведут с возвышения вне павильона. Быстро бежим туда. Где Мефисто?

– Остановите их! – загремел Фрок, прикрывая глаза ладонью. Но потерявшие ориентацию Морщинники пребывали в полном смятении.

Перед самой хижиной взорвалась еще одна граната, превратив сооружение в беспорядочную груду черепов и разбив два котла. По полу, поблескивая в неверном свете факелов, растекался поток горячей жидкости. Морщинники издали вопль отчаяния, некоторые, рухнув на пол, принялись слизывать драгоценную влагу. Фрок что-то кричал, указывая туда, откуда прилетели гранаты.

Пендергаст, д'Агоста и Смитбек перебежали на свободное пространство позади хижины. Марго задержалась, отыскивая взглядом свою сумку. Свет уже начинал меркнуть, и несколько Морщинников, придя в себя, двинулись к беглецам. В их когтистых лапах тускло поблескивали каменные ножи.

– Доктор Грин, быстрее! – крикнул Пендергаст.

И тут Марго увидела ее. Разорванная и открытая сумка валялась на полу. Она подхватила сумку и бросилась за Смитбеком. Внезапно на их пути

возникла преграда: несколько Морщинников стояли, загораживая собой вход в тоннель.

– Ну вот, опять в дерьме! – в сердцах бросил д’Агоста.

– Эй! – заглушил крики и шум голос Мефисто. – Эй ты, жирный Наполеон!

Марго обернулась и увидела, как Мефисто взбирается на возвышение. Бирюзовое ожерелье раскачивалось на его шее. Раздался еще один взрыв, на сей раз несколько дальше. Столб пламени поднялся в центре группы Морщинников.

Фрок обернулся на выкрик.

– Так ты говоришь, что я жалкий, пристрастившийся к наркотикам болван? А вот это ты видел? – Мефисто запустил руку в карман и извлек оттуда зеленый пластмассовый предмет, слегка напоминавший человеческую почку. – Знаешь, что это такое? Ах нет, не знаешь! Это – противопехотная мина. Тефлоновая оболочка, набитая металлической картечью, которая разлетается при взрыве. А сила взрыва, скажу тебе по секрету, эквивалентна взрыву двенадцати гранат. Крайне неприятная штука.

Мефисто гордо потряс миной:

– Детонатор на месте. Так что вели своим ящерицам отвалить.

Морщинники в нерешительности замерли.

– Он блефует, – спокойно произнес Фрок. – Ты, может, и мразь, но никак не самоубийца.

– Ты уверен? – осклабился Мефисто. – Вот что я тебе скажу. Лучше разлететься на куски, чем стать украшением этого реликвария. – Вождь бездомных повернулся к Пендергасту: – Эй, Могила Гранта! Ты, надеюсь, простишь меня за то, что я позаимствовал из твоего арсенала этот пустячок. Ваши обещания, ребята, конечно, прекрасны, но я был готов на все, чтобы не допустить чистки «Шестьсот шестьдесят шестой дороги». Ну а теперь вам лучше отсюда слинять, если вы действительно хотите выбраться наружу.

Пендергаст покачал головой и постучал пальцем по запястью, давая понять, что время на исходе.

– Перережьте ему глотку! – завопил Фрок. Морщинники двинулись к Мефисто, и тот отступил в центр платформы.

– Прощай, майор Вайти! – выкрикнул он. – Помни о своем обещании!

Он бросил зеленый диск в толпу, копошащуюся у его ног, и Марго в ужасе отвернулась. Полыхнуло оранжевое пламя, и затхлое, мерзкое помещение словно обдало солнечным жаром. Горячая взрывная волна бросила ее на землю. Поднявшись на колени, Марго увидела за разрушенной хижиной стену огня. На какое-то мгновение мелькнул силуэт Фрока: он стоял словно триумфатор, с широко распростертыми руками. Волосы, объятые пламенем, походили на нимб. Мгновение – и он исчез в вихре огня.

Морщинники расступились.

– Вперед! – крикнул Пендергаст, перекрывая рев пламени.

Подхватив сумку, Марго пробежала в арку. На платформе стояли Пендергаст, д’Агоста и Смитбек, а рядом с ними – невысокий человек в черном гидрокостюме. Его лицо покрывали грязь и камуфляжная краска.

За спиной послышалось какое-то движение – Морщинники вновь сомкнули ряды и двинулись в наступление. Марго замерла в узкой арке и повернулась к монстрам лицом.

– Марго! – крикнул Пендергаст с платформы. – Что вы делаете?!

– Их надо остановить здесь! – Она лихорадочно рылась в сумке.

– Не глупите! – закричал Пендергаст.

Не обращая на него никакого внимания, Марго вытащила две литровые бутыли – по одной в каждую руку – и крепко сдавила податливый пластик. Из изогнутых трубок брызнули струи жидкости.

– Стойте! – приказала она. – В этих бутылках по два миллиарда единиц витамина D!

Морщинники продолжали наступать. От избытка света глаза их налились кровью, а кожа покрылась пузырями.

– Вы слышите?! – Она потрясла бутылками. – Активированный 7—дегидрохолестирол! Этого достаточно, чтобы убить вас десять раз!

Как только один из размахивающих ножом Морщинников приблизился, она направила струю жидкости ему в лицо и тут же брызнула на идущего следом. Чудовища рухнули на спины и забились в конвульсиях. От их морд поднимался едкий дымок.

Остальные чудовища замерли, из их рядов раздался неясный шум.

– Витамин D! – повторила Марго. – Солнечный свет в бутылках!

Она высоко подняла руки и направила две тонкие струйки в толпу. Поднялся вой, Морщинники попадали, срывая с себя балахоны и разбрызгивая витаминный раствор на соседей. Марго шагнула вперед и облила витамином весь первый ряд атакующих. Охваченные паникой, они отшатнулись, воя и выкрикивая что-то невнятное. Марго шла вперед. Она водила руками вправо и влево, щедро поливая врага витаминным раствором. Ряды сломались, чудовища развернулись и, распихивая друг друга, обратились в паническое бегство. С десяток уже бились в конвульсиях на полу, безуспешно пытаясь сорвать с себя балахоны.

Марго отступила, выливая остатки раствора на пол, на стены и на потолок арочного прохода. Пустые бутылки она зашвырнула в павильон.

– Вот теперь можно и уходить, – пробормотала Марго и помчалась вслед за остальными. Ей удалось догнать их у решетки в дальнем конце платформы.

– Нам надо срочно вернуться на сборный пункт, – произнес человек в черном гидрокостюме. – Взрыв – через десять минут.

– Вы первая, Марго, – галантно произнес д’Агоста, пропуская девушку вперед.

Когда она соскочила на рельсы и начала спуск в дренажную трубу, где-то сзади и выше прогремела серия мощных взрывов.

– Наши заряды! – закричал д’Агоста. – От огня и жары они взорвались раньше времени.

Пендергаст что-то сказал, но его голос утонул в чудовищном грохоте. Хрустальный павильон рухнул, по тоннелю с ревом пронеслась волна горячего воздуха, наполненного пылью, дымом, обрывками бумаги и густым запахом крови.

62

С пустившись по дренажной трубе, Марго оказалась в длинном низком тоннеле, освещенном мерцающими отблесками умирающего огня. На полу виднелись, выдаваясь из стоячей воды, какие-то темные кучи. Земля над головой продолжала сотрясаться, из дренажной трубы сыпались пыль и мусор. Мгновение – и рядом с Марго в лужу плюхнулся Смитбек. За ним – д’Агоста, за д’Агостой – Пендергаст. Последним спрыгнул водолаз.

– Кто вы? – спросил лейтенант. – И что случилось с остальными?

– Я не из спецназа, сэр. Я полицейский из отряда аквалангистов. Моя фамилия Сноу, сэр.

– Ну и ну, – покачал головой д’Агоста. – Тот парень, с которого все и началось. У тебя есть свет, Сноу?

Водолаз запалил очередной осветительный патрон, и тоннель озарился ярким красноватым светом.

– Боже мой! – услышала Марго голос Смитбека. В тот же момент она поняла, что кучи, выступающие из воды, вовсе не мусор, как она думала вначале, а тела подводников в черных гидрокостюмах. Трупы, застывшие в неестественных позах, были изуродованы и обезглавлены. Стены были испещрены бесчисленными следами пуль и черными мазками сажи от взрывов гранат.

– Группа Гамма, – пробормотал Сноу. – Когда мой напарник погиб, я принял бой здесь. Подземные твари преследовали меня, пока я поднимался по дренажной трубе, но на рельсах наверху преследование почему-то прекратили.

– Думаю, потому, что боялись опоздать на бал, – буркнул д’Агоста, оглядывая место побоища.

– Вы, случайно, не видели никого из подводников, сэр? – с надеждой спросил Сноу. – Я прошел по следам, думал, что кто-то из них мог уцелеть… – Он умолк, заметив выражение лица лейтенанта. В тоннеле повисло неловкое молчание.

– Надо двигаться, – наконец сказал Сноу. Он уже сумел овладеть собой. – Рядом с нами сорок фунтов пластита, который вот-вот взорвется.

Марго, шатаясь, побрела в непроглядную тьму. Она знала, что не имеет права сейчас думать о том, что было в Хрустальном павильоне. Если не изгнать эти мысли, она не сможет продолжить путь.

Тоннель сделал пологий, длинный поворот, за которым открылась обширная сводчатая камера. Там уже ждали Сноу и д’Агоста.

Идущий рядом Смитбек вдруг как-то прерывисто задышал. Марго посмотрела вниз: на полу валялись разорванные и обожженные тела по меньшей мере дюжины Морщинников. Под остатками полусгоревшего капюшона она увидела лицо с чудовищно толстой кожей, все покрытое бородавками и узлами.

– Просто поразительно! – пробормотал рядом с ней Пендергаст. – В них, несомненно, присутствуют характерные черты рептилий, однако человеческие признаки остаются доминантными. Ранняя стадия, если можно так выразиться, превращения человеческого существа в Мбвуна. Любопытно, что у некоторых метаморфоза зашла дальше, чем у остальных. Вне всяких сомнений, это свидетельствует о том, что

Кавакита не прекращал совершенствовать препарат. Обидно, что мы не располагаем временем для более глубокого изучения.

В просторном зале в конце тоннеля эхо шагов звучало значительно громче. Там, на полу, в тонком слое стоячей воды валялись еще несколько тел.

– Здесь находился наш сборный пункт, – пояснил Сноу, быстро разбирая сложенное вдоль стены водолазное снаряжение. – Дыхательных аппаратов с избытком хватит на всех, но гидрокостюмов нет. Надо торопиться. Если во время взрыва мы останемся здесь, нам на головы обрушится все это сооружение.

Пендергаст передал Марго воздушные баллоны.

– Доктор Грин, – сказал он, – мы должны быть благодарны вам за наше спасение. Вы оказались совершенно правы в отношении витамина D. И именно вы смогли удержать этих существ в павильоне до самого момента взрыва. Я хочу заверить вас, что вы всегда будете самым желанным участником всех моих новых экскурсий.

Марго как раз натягивала на ноги ласты. Но все же она кивнула:

– Безмерно вам благодарна, но одного раза для меня более чем достаточно.

– Как будем выходить? – спросил Пендергаст, поворачиваясь к Сноу. – Вы проработали стратегию?

– Пришли мы через очистную станцию на Гудзоне, – ответил Сноу, закрепляя на плечах ремни кислородного баллона. – Но вернуться этим путем мы не сможем. Нам придется плыть по северной ветви Вестсайдского обводного до канала на Сто двадцать пятой улице.

– Вы сможете нас туда доставить?

– Думаю, что смогу. – Сноу, согнувшись, извлекал маски из груды снаряжения. – Я тщательно изучил карты. Мы пройдем назад тем же путем до первой восходящей трубы. Только вместо того, чтобы спускаться, двинемся по трубе вверх и выйдем к боковому сливу, ведущему в Обводной. Но плыть придется долго и надо быть очень внимательными. Нам встретятся выпускные шлюзы и сливные затворы. Стоит заблудиться и… – он не закончил фразу.

– Ясно, – кивнул Пендергаст, надевая кислородные баллоны. – Мистер Смитбек, доктор Грин, вам приходилось когда-нибудь пользоваться аквалангами?

– Я брал несколько уроков, когда учился в колледже, – ответил Смитбек, принимая из рук Сноу маску.

– Я только ныряла с дыхательной трубкой на Багамах, – сказала Марго.

– В принципе это то же самое. Мы отрегулируем ваш дыхательный аппарат. Дышите как обычно, оставайтесь спокойной и все будет в порядке.

– Поторопитесь! – резко произнес Сноу, не пытаясь скрыть беспокойства.

Он направился к дальней стене камеры. Следом за ним пошли Смитбек и Пендергаст. Марго заставила себя сдвинуться с места, затянув потуже пряжку кислородного баллона, – и тут же остановилась, уткнувшись в спину Пендергасту.

– Винсент! – позвал Пендергаст.

Марго обернулась. Д’Агоста стоял посреди камеры. Маска, ласты, баллоны с дыхательным аппаратом кучей валялись у его ног.

– Идите без меня, – сказал он.

Агент ФБР вопросительно вскинул брови.

– Не умею плавать, – пояснил лейтенант.

Марго услышала, как выругался себе под нос Сноу. Все стояли молча. Наконец к лейтенанту подошел Смитбек:

– Я помогу вам. Поплывем рядом.

– Я же вам говорил, что вырос в Квинсе и плавать не обучен! – проорал д’Агоста. – Я пойду ко дну, как булыжник.

– Только не с этим пузырем, – ответил Смитбек, поднимая кислородный баллон и прилаживая его на спину полицейского. – Просто держитесь за меня. Если потребуется, я поплыву за двоих. Вы же удержали тогда в подвале голову над водой. Помните? Делайте то же, что и я, и все будет о’кей. – Сунув маску в руки д’Агосты, он подтолкнул его вперед.

В дальнем конце камеры бежала, скрываясь во тьме, подземная река. Сноу, а за ним Пендергаст приладили маски и шагнули в темную жидкость. Опустив маску на глаза и взяв в рот регулятор дыхания, Марго скользнула в воду. Воздух баллонов показался ей просто сладостным после мерзкой атмосферы тоннеля. Позади нее раздался громкий плеск: это поддерживаемый Смитбеком д’Агоста барахтался в теплой зловещего вида жидкости.

Марго изо всех сил плыла по тоннелю, ориентируясь на мигающий свет головного фонаря Сноу. Она ожидала, что вот-вот раздастся взрыв и

каменный потолок древнего сооружения обрушится на них. Сноу и Пендергаст остановились. Марго подплыла к ним.

– Теперь туда, вниз, – сказал Сноу, вытащив изо рта регулятор дыхания. – Будьте особенно внимательны, чтобы не оцарапаться, и не дай вам Бог что-нибудь проглотить. Там в конце тоннеля находится старая железная труба, она ведет…

И тут они скорее почувствовали, нежели услышали вибрацию, перешедшую в низкий, ритмичный, постепенно нарастающий гул.

– Что это? – спросил Смитбек, подплывая к ним с д'Агостой на буксире.

– Нет, – прошептал Пендергаст. – Это вода ринулась из Резервуара. По-моему, раньше времени.

Они, как завороженные, неподвижно застыли в вонючей жидкости, а по системе старинных труб прямо на них с гулом неслись миллионы галлонов воды.

– Тридцать секунд до взрывов, – спокойно сказал Пендергаст, взглянув на часы.

Марго ждала, пытаясь успокоить дыхание. Если заряды не взорвутся, через несколько минут они все погибнут.

Но вот тоннель завибрировал. Поверхность воды задрожала. Сверху посыпались осколки кирпича. Сноу затянул маску, оглянулся в последний раз и скрылся под водой. Смитбек нырнул за ним, толкая впереди себя сопротивляющегося д'Агосту. Пендергаст галантно пропустил Марго вперед. Спускаясь в узкую, покрытую толстым слоем ржавчины трубу, она старалась не терять из виду неяркий свет фонаря Сноу. Д'Агоста уже двигался более ровно. Видимо, приспособился дышать через маску.

Тоннель сделался горизонтальным и начал изгибаться. Поворот. Еще один. Марго быстро оглянулась – проверить, плывет ли за ней Пендергаст. В оранжевом вихре ржавчины она разглядела, как он машет рукой, предлагая двигаться быстрее.

Сноу остановился у места соединения двух труб. Старая железная труба заканчивалась и начиналась новая – блестящая, из нержавеющей стали. Внизу, как раз на месте стыка, Марго заметила узкое, уходящее вниз ответвление. Сноу показал пальцем вперед, давая понять, что именно там находится отрезок трубы, ведущий к Вестсайд–скому обводному.

И тут позади раздался низкий раскатистый рев. Многократно усиленный водой, он был поистине оглушающим. Марго всем телом ощутила короткий гидравлический удар, за ним – второй. В мерцающем

свете фонаря она увидела, как широко распахнул глаза Сноу. Последние заряды взорвались вовремя, навеки запечатав все выходы из Чердака дьявола.

Когда Сноу отчаянно замахал рукой, призывая скорее плыть к восходящей трубе, Марго вдруг почувствовала сильный рывок за ноги. Казалось, течение уносит ее назад, в сторону сборного пункта. Потом все исчезло и вода вдруг сделалась какой-то необычайно вязкой. Долю секунды Марго неподвижно висела в этой вязкой воде, а потом из железной трубы со страшной силой вырвался бурлящий поток ржавчины. Труба задрожала. Марго почувствовала, как ее швыряет из стороны в сторону, от стенки к стенке. Загубник выскочил изо рта, и она отчаянно замахала руками, стараясь выудить дыхательный аппарат. Еще один толчок – и Марго ощутила, как ее засасывает вниз, в трубу под ногами. Она отчаянно пыталась плыть вперед, но какая-то неодолимая сила затягивала ее вниз, все глубже и глубже в черную бездну. Течение колотило ее о стенки. В тусклом свете фонаря высоко над собой Марго увидела Пендергаста – он протягивал ей тонкую, изящную руку. Последовал новый удар, и металлическая труба, протестующе скрипя, сомкнулась над ее головой. Под несмолкаемый аккомпанемент ударов Марго погружалась все глубже и глубже в водную тьму.

63

Х ейворд легкой трусцой бежала по молу к оркестровой раковине. Рядом с ней рысил Карлин. Несмотря на могучее сложение, он бежал легко, с грацией прирожденного атлета.

Здесь, в темноте парка, шум, прежде отдаленный, сделался громче. Казалось, что странный улюлюкающий звук живет собственной жизнью. Всполохи пламени окрашивали клубящийся над головой дым багровыми отсветами.

– Господи, – произнес на бегу Карлин. – Да здесь, наверное, миллион человек. И все хотят друг друга прикончить.

– Так оно и есть, – ответила Хейворд, завидев передвигающийся бегом отряд Национальной гвардии.

Они миновали Горбатый мост, обогнули Променад и оказались у линии полицейских кордонов. Весь Поперечный проезд был уставлен машинами прессы с работающими на холостом ходу двигателями. Над головой кружил пузатый вертолет. Перед террасой Замка полукругом стояли полицейские. Лейтенант велел пропустить Хейворд и Карлина. Они миновали террасу и быстро поднялись по ступеням на стены Замка. Там, среди полицейского начальства, командиров Национальной гвардии и каких-то нервозного вида типов, орущих в мобильные телефоны, стоял Хорлокер. Последний раз Хейворд видела шефа полиции четыре часа назад. Теперь он выглядел лет на десять старше.

Шеф разговаривал с невысокой, хорошо одетой дамой лет пятидесяти пяти. Точнее, он внимательно слушал то, что говорила дама не терпящим возражения тоном. Приблизившись, Хейворд узнала миссис Вишер, лидера движения «Вернем себе наш город».

– ...злодеяния, невиданные в нашем городе! – говорила миссис Вишер. – Сейчас, пока мы с вами беседуем, по меньшей мере дюжина моих лучших друзей страдает на больничных койках. И одному лишь Богу известно, сколько еще достойных людей получили увечья. Я обещаю вам, как уже обещала мэру, что на город обрушится ливень судебных исков. *Ливень,* мистер Хорлокер!

– Миссис Вишер, – предпринял героическую попытку шеф, – мы получили сведения, что молодые люди из числа участников демонстрации первыми инициировали беспорядки...

Но миссис Вишер его не слушала:

– И когда все это закончится, когда парк и улицы города будут очищены от грязи, мусора и обломков, наша организация сделается сильной как никогда. Если мэр испугался нас сегодня, завтра он будет трепетать в десять раз сильнее. Смерть моей дочери стала той искрой, которая зажгла пламя нашего священного дела. От этого гнусного нападения на нас и на наши свободы запылает небывалый пожар! Не рассчитывайте, что...

Хейворд отошла, решив, что сейчас, видимо, не самое лучшее время для разговора с шефом. Кто-то потянул ее за рукав. Обернувшись, она увидела Карлина. Ни слова не говоря, он показал через Эспланду в сторону Большой лужайки.

Хейворд посмотрела – и застыла на месте.

Большая лужайка превратилась в поле боя. В адском, мерцающем свете многочисленных маленьких костров, которыми стали урны, группы людей сталкивались и расходились, наступали и отступали, чтобы тут же атаковать вновь. В отблесках пламени было видно, что некогда ухоженное, похожее на ковер из травы поле, превратилось в свалку мусора. Темнота и грязь не позволяли определить, кто из сражающихся бездомный, а кто – законопослушный налогоплательщик. С запада и востока от лужайки в два ряда стояли полицейские автомобили. В дальнем углу сбились в кучку несколько элегантно одетых людей – все, что осталось от элиты движения «Вернем себе наш город». Они, видимо, сообразили наконец, что полуночное бдение на Большой лужайке скорее всего не состоится. От периферии лужайки к центру медленно продвигались отряды полиции и Национальной гвардии. Защитники правопорядка работали дубинками, разгоняя дерущихся. Тут же производились и аресты.

– Во дерьмо! – выдохнула Хейворд. – Туда их…

Карлин изумленно поглядел на нее и неодобрительно кашлянул.

За их спинами вдруг началось активное движение. Обернувшись, Хейворд увидела, как удаляется изящной походкой миссис Вишер. Она шла, гордо подняв голову во главе небольшой группы сторонников и телохранителей. За ними тоскливо плелся Хорлокер. Шеф полиции смахивал на боксера после двенадцати очень неудачных раундов. Словно в поисках опоры, Хорлокер тяжело прислонился к стене Замка.

– Кончили они наконец заливать в Резервуар этот – как его там? – слегка восстановив дыхание, спросил он.

– Тиоксин, – подсказал хорошо одетый человек с портативной рацией. – Да, закончили. Пятнадцать минут назад.

Хорлокер ввалившимися глазами смотрел на присутствующих.

– Почему, черт побери, мне ничего не докладывают? – Он заметил Хейворд. – Ты, значит, здесь! – пролаял он. – Как тебя там? Харрис?

– Моя фамилия Хейворд, сэр. – Она шагнула вперед.

– Не имеет значения. – Хорлокер оттолкнулся от стены. – От д’Агосты что-нибудь слышно?

– Нет, сэр.

– А от капитана Уокси?

– Нет, сэр.

Плечи Хорлокера снова поникли.

– Боже Всемогущий, – прошептал он, глядя на часы, – до полуночи всего десять минут. – Он повернулся к стоящему справа офицеру:

– Какого дьявола они все еще там? – Шеф указал на Большую лужайку.

– Когда мы пытаемся их разогнать, они рассыпаются, чтобы тут же собраться в другом месте. И к хулиганам постоянно прибывает подкрепление – множество людей просачивается через ограждения. Без слезоточивого газа справиться будет очень трудно.

– Так какого же черта вы его не применяете?

– Согласно вашему приказу, сэр.

– Моему приказу? Люди Вишер давно ушли, идиот! Полей их газом. Немедленно!

– Есть, сэр!

По парку раскатился низкий гул. Казалось, он исходит из самого центра земли.

Хорлокер снова ожил. От радости он даже подпрыгнул:

– Вы слышали?! Это взорвались заряды! Проклятые заряды!

Копы, обслуживающие радиоаппаратуру, вяло зааплодировали. Карлин бросил на Хейворд недоумевающий взгляд:

– Заряды?

– Понятия не имею, – пожала она плечами. – Интересно, чему они так радуются, сидя по уши в дерьме?

Затем, словно повинуясь неслышимой команде, все повернулись к Большой лужайке. В открывшейся перед ними сцене присутствовала какая-то извращенная, противоестественная привлекательность. До них долетали крики и вопли настолько мощные, что казалось, будто они несут с собой звуковой удар. Из общего рева то и дело выделялись отдельные звуки: проклятия, крики боли, удары…

Внезапно из самых недр парка донесся странный вздох. Казалось, будто само основание Манхэттена проваливается под землю. Поверхность Резервуара, обычно спокойная, как мельничный пруд, вдруг пришла в движение. По водной глади пробежала мелкая рябь, в самом центре забулькали пузырьки воздуха.

В командном пункте установилась полная тишина. Все взгляды обратились к Резервуару.

– Волны, – прошептал Карлин. – В Резервуаре Центрального парка, будь я проклят!

Резервуар издал низкий, похожий на отрыжку звук, за которым последовал угрожающий рев водного потока, с неимоверной силой устремившегося в недра Манхэттена. Сквозь шум драки до Хейворд донесся глухой гул: потоки воды начали заполнять подземные галереи и давно забытые тоннели.

– Слишком рано! – крикнул Хорлокер.

Хейворд не сводила с Резервуара глаз. Уровень воды начал снижаться – сначала медленно, потом все быстрее и быстрее. В отраженном свете полицейских прожекторов и многочисленных костров Хейворд увидела обнажившиеся стенки Резервуара. Вода бурлила и пенилась, увлекаемая в гигантский водоворот.

– Остановись, – прошептал Хорлокер.

Уровень воды неуклонно снижался.

– Ну прошу же, остановись, – бормотал шеф полиции, неотрывно глядя на север.

Резервуар изливался все быстрее. Внезапно гул начал стихать, волны заметно уменьшились. Вода успокоилась, сброс пошел медленнее. На командном пункте стояла мертвая тишина.

Хейворд с изумлением увидела, как с севера в Резервуар полилась вода. Вначале это были отдельные струйки. Затем струйки слились в ручеек, который через несколько мгновений превратился в ревущую многоводную реку.

– Вот сукины дети! – прошептал Хорлокер. – Все-таки они сделали это.

Все выходы внизу были запечатаны, и сброс прекратился. Но вода с севера продолжала прибывать. Ее уровень начал подниматься. Водопад изливался в Резервуар с нарастающей мощью. Вскоре волны уже бились о кромку брега. Еще мгновение – и вода хлынула через край.

– Господи! – выдохнул Карлин. – Теперь им всем придется поплавать.

Массы воды, перелившись через край Резервуара, хлынули в темноту парка, заглушая шум драки гулом, шипением и плеском. Хейворд застыла в ужасе и восхищении. Резервуар напоминал сейчас гигантскую ванну, в которой забыли закрыть кран. Вода смыла груды свежевыкопанной земли и понесла мутную взвесь между невысоких деревьев. Хейворд казалось, что она видит большую реку – спокойную, неторопливую и неудержимую. И река эта текла в сторону низины – к Большой лужайке. На смотровой площадке Замка Бельведер царило напряженное ожидание. Темный, поблескивающий поток, невидимый для участников драки, приближался к полю боя. Когда он достиг дерущихся, шум схватки заметно изменился: в нем появилась какая-то странная неуверенность. Группы сражающихся вначале рассыпались, потом снова собрались, снова рассыпались. Вода хлынула на поляну, и вся толпа с дикими воплями бросилась искать спасения. Некоторые полезли на деревья, большинство же, в панике давя упавших, неслось к ближайшим выходам из парка.

А вода все прибывала.

Она заливала площадки для игры в бейсбол, гасила костры, валила наземь мусорные урны. С громким бульканьем вода ворвалась в театр Делакорт, окружила и поглотила Черепаший пруд и плескалась уже у подножия Замка Бельведер. Вскоре шум воды начал стихать. Новорожденное озеро успокаивалось. На его поверхности дробились

яркие блики. Бликов становилось все больше и больше. Вода успокаивалась. Вскоре озеро превратилось в зеркало, в котором отражались тысячи звезд.

На командном пункте стояла тишина. Все были заворожены грандиозным зрелищем. Затем раздался общий радостный вопль. Наполнив помещения и башни Замка, вопль вознесся в ясное ночное небо.

– Жаль, что мой старик всего этого не видит, – ухмыльнулась Хейворд, поворачиваясь к Карлину. – Он бы сказал, что это все равно что вылить ведро воды на собачью свадьбу. Держу пари на сколько угодно долларов, что именно это он бы и сказал.

64

*У*треннее солнце низко стояло над Атлантическим океаном, бросая косые лучи на песчаные пляжи Лонг-Айленда, заливы, крошечные гавани и маленькие поселения. Солнце – пока еще прохладной рукой – ласково прикасалось к асфальту мостовых и тротуаров. А дальше к западу возвышались окрашенные в бледно-розовые тона серые небоскребы Нью-Йорка. Солнце поднялось чуть выше, его лучи коснулись Ист-ривер, и в тот же миг отраженным розовым пламенем вспыхнули десятки тысяч окон гигантского города. Казалось, новый день омывает мегаполис волнами тепла и света.

Однако под сень железнодорожного моста над узким каналом, именуемым Протокой Гумбольдта, солнечные лучи не проникали. Им мешали стоящие многочисленные высокие здания. Дома давно опустели и напоминали теперь грязно-серые гнилые зубы. Внизу неподвижно застыла тихая, густая вода, лишь слегка трепетавшая в те редкие моменты, когда поезд подземки с грохотом проносился по мосту.

Солнце следовало назначенным ему путем, и один-единственный луч пронзил, словно нож, паутину железа, дерева и меди. Прежде чем исчезнуть, он успел высветить довольно странную картину. На узкой полоске кирпича, лишь на несколько дюймов возвышающейся над темной водой, свернувшись калачиком, лежал покрытый грязью человек в изорванной одежде.

Под мостом снова воцарилась полутьма. Однако вскоре сонный покой канала вновь был нарушен. Вдали послышался рокот. Рокот приближался, вот он прогремел над мостом… Снова вернулся. Затем раздался иной шум – гораздо более близкий. Поверхность канала задрожала и покрылась рябью, словно нехотя возвращаясь к жизни.

На носу катера береговой охраны, как бдительный часовой, замер д’Агоста.

– Вот она! – закричал лейтенант. – Вели этим вертолетам убраться! – крикнул он штурвальному. – Они своими винтами баламутят воду и поднимают вонь. Кроме того, нам, видимо, потребуется карета «скорой помощи».

Штурвальный поднял глаза на ободранные, обгорелые фасады, на металлический мост над головой и с сомнением покачал головой. Но ничего не сказал.

Смитбек подошел к фальшборту и, прикрыв нос воротником рубашки, прогундосил:

– Как называется это место?

– Протока Гумбольдта, – коротко бросил д’Агоста и повернулся к рулевому: – Подведи поближе, чтобы врач мог на нее посмотреть.

Смитбек оглянулся на д’Агосту. Журналист знал, что лейтенант одет в коричневый костюм – д’Агоста всегда носил коричневые костюмы, – но сейчас под коркой грязи, крови и мазута цвет определить было невозможно. Пендергаст замер – напряженный и бледный – в тени на корме.

Марго вздрогнула, подняла голову и, недоуменно помаргивая, огляделась. Она даже попыталась подняться – впрочем, весьма безуспешно. Потом она поднесла руку к голове и застонала.

– Марго! – крикнул полицейский. – К тебе прибыл лейтенант д’Агоста.

– Не шевелитесь! – бросил врач, легонько прикасаясь к ее шее.

Не обращая внимания на медика, Марго все-таки умудрилась сесть.

– Интересно, что вас так задержало, ребята? – спросила она и разразилась судорожным лающим кашлем.

– Что-нибудь сломано? – спросил врач.

– Все. – Она скривилась от боли. – А если честно, только левая нога.

Врач разрезал умелым движением джинсы и, быстро осмотрев Марго, что-то сказал д’Агосте.

– Она в порядке! – провозгласил лейтенант. – Пусть «скорая помощь» ждет нас на пирсе.

– Итак? – напомнила Марго. – Куда вы все подевались?

– Мы были введены в заблуждение, – ответил Пендергаст (он уже стоял рядом). – Один ваш ласт обнаружили в отстойнике канализационной станции. Ласт был сильно поврежден. Мы опасались, что… – Он немного

помолчал. – Поэтому прошло некоторое время, прежде чем мы решили проверить все точки выхода из Вестсайдского обводного.

– Что-нибудь сломала? – спросил, наклоняясь к ней, Смитбек.

– Возможно, имеется небольшая трещина, – ответил врач. – Давайте носилки.

– Сама справлюсь, – решительно заявила Марго.

– Слушайся доктора! – по-отечески сурово сказал д'Агоста.

Журналист и штурвальный поставили катер бортом к берегу и Смитбек спрыгнул вниз, чтобы уложить Марго на узкую полоску парусины. Втроем они приподняли носилки и передали их на борт. Затем журналист, врач и полицейский тоже поднялись на палубу, и д'Агоста повернулся к штурвальному:

– Убираемся отсюда к дьяволу.

Заработал дизель. Катер отошел от кирпичной кладки и поплыл по каналу. Марго лежала на спине, положив голову на надувную подушку. Смитбек протирал ей лицо влажным полотенцем.

– Все в порядке, – прошептала она.

– Еще десять минут, и вы окажетесь на твердой земле, – сказал Пендергаст, присаживаясь рядом с ней. – Еще десять – и вы уже будете на больничной койке.

Марго явно намеревалась возразить, но Пендергаст остановил ее:

– Наш друг Сноу поведал нам о растениях, произрастающих в Протоке Гумбольдта, и микроорганизмах, там обитающих. Поверьте, больница пойдет вам на пользу.

– Что было потом?

– Когда? Все зависит от того, что вы помните.

– Я помню, как мы расстались… Взрывы…

– Взрыв затянул вас в дренажный тоннель. С помощью Сноу мы добрались до восходящей трубы и в конце концов выплыли в Гудзон. Вы же, наверное, попали в ту часть Вестсайдского обводного, которая выходит в Протоку Гумбольдта.

– Ты, похоже, повторила путь двух покойников, выуженных Сноу, – пояснил д'Агоста.

Марго на некоторое время отключилась. Затем ее губы снова шевельнулись:

– Фрок…

Пендергаст ласково приложил палец к ее губам.

– Потом. У нас будет масса времени все обсудить.

– Как он мог? – покачала головой Марго. – Как он мог принимать препарат? Почему он соорудил эту ужасную хижину?

– Весьма печально, что люди так плохо знают даже своих лучших друзей, – ответил Пендергаст. – Кто может сказать, какие тайные желания и страсти определяют их поступки? Нам никогда не понять, как страдал доктор Фрок, потеряв способность передвигаться. То, что он высокомерен, тайной не было. Многим выдающимся ученым в различной степени свойственны высокомерие и нетерпимость. Он увидел, что Каваките удалось заметно усовершенствовать препарат. Скорее всего тот состав, который принимал Кавакита, был последним, вызывающим физические изменения и порождающим Морщинников. Фрок проявил удивительное самообладание, устранив те небольшие погрешности, которых не заметил Кавакита. Профессор смог разглядеть потенциальную способность наркотика корректировать физические недостатки и полностью реализовал этот потенциал. Но главный недостаток препарата состоял в том, что, исцеляя тело, он калечил разум. В результате все тайные желания, все скрытые страсти, многократно усилившись, вырвались наружу. Отныне они руководили всеми поступками Фрока. Хижина – вершина его деградации. Он желал стать богом – богом эволюции.

Марго поморщилась от боли, глубоко вздохнула, расслабилась, и под рокот мотора ее мысли унеслись куда-то вдаль.

Они вышли из Клоаки через Спайтен-Дивил и оказались в Гудзоне. Рассвет уже уступил место сиянию летнего дня. Д'Агоста молча смотрел на пенный след, остающийся за кормой катера. Смитбек сидел на фальшборте и, глядя на Марго, грыз ногти.

Пальцы Марго вдруг коснулись какой-то выпуклости на кармане джинсов. Она сунула руку в карман и вытащила пропитанный водой конверт. Тот самый, который передал ей в темноте тоннеля Мефисто. Не в силах сдержать любопытства, она открыла конверт. Внутри оказалась короткая записка, прочитать которую не было никакой возможности – вода размыла все буквы. Кроме письма, в конверте лежала фотография – выцветшая, промокшая, помятая. Со снимка улыбался крошечный мальчуган в миниатюрной фуражке паровозного машиниста, восседающий на деревянной лошадке с колесиками. Снимок был сделан в пыльном палисаднике перед окруженным кактусами домом-трейлером. За трейлером виднелась вдали гряда невысоких гор. Марго молча смотрела в счастливое, улыбающееся личико, а перед ее

мысленным взором стоял тот человек, в которого превратился этот мальчуган. Она аккуратно вложила фотографию в конверт и сунула его в карман.

– А что с Резервуаром? – спросила она у Пендергаста.

– Последние шесть часов уровень воды не менялся. Очевидно, воду удалось удержать.

– Значит, мы все-таки это сделали!

Пендергаст промолчал.

– Так сделали или нет? – Ее взгляд неожиданно приобрел прежнюю остроту.

– Похоже на то, – ответил Пендергаст, глядя в сторону.

– Так в чем же дело? Неужели вы до сих пор не уверены?

Агент ФБР повернулся к ней и, глядя своими светлыми глазами в ее глаза, ответил:

– Если нам повезет, и выдержат завалы… Если не возникнет течи… То в течение двадцати часов тиоксин должен уничтожить все оказавшиеся в тоннелях растения. Но полной уверенности в этом пока нет.

– А как же мы сможем узнать результаты? – спросила Марго.

– А я вот что вам скажу, – широко ухмыляясь, заявил д'Агоста. – Ровно через год, день в день, я отправлюсь в ресторан Мерсера на Южной улице и закажу знаменитый двухфунтовый стейк из филе меч-рыбы. И если не схвачу при этом хорошей дозы реовирусов, то почувствую большое облегчение.

В этот момент солнце поднялось над рекой и темная вода превратилась в жидкое золото. В солнечных лучах небоскребы центра сверкали пурпуром и золотом, а величественный мост Джорджа Вашингтона блестел серебром.

– Что касается меня, – медленно произнес Пендергаст, – то я в обозримом будущем постараюсь избегать *frutti del mare* , что в переводе на наш язык означает «дары моря».

Марго быстро глянула на него, ожидая прочесть в его взгляде насмешку. Но Пендергаст смотрел на нее совершенно серьезно. Ей осталось только кивнуть, выражая полное понимание.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ

Движение «Вернем себе наш город» больше не провело ни одной демонстрации. Миссис Вишер получила почетный пост в городской администрации и стала работать по связям с общественностью. Когда на следующий год прошли выборы и сформировалась новая администрация, миссис Вишер продолжила сотрудничать и с ней, призывая всех к гражданской ответственности. Зеленый пятачок на Пятьдесят третьей Восточной улице был посвящен памяти Памелы Вишер.

Лаура Хейворд отказалась от повышения по службе и оставила ряды полиции, посвятив все свое время занятиям в аспирантуре Нью-Йоркского университета.

Книга Билла Смитбека с отчетом о событиях той ночи несколько месяцев стояла в списке бестселлеров, несмотря на то что подверглась тщательной редакции со стороны властей под личным наблюдением спецагента ФБР Пендергаста. Марго не без труда удалось убедить (точнее, заставить) Смитбека пожертвовать половину гонорара обществу содействия бездомным.

Ровно через год, день в день после затопления Тоннелей Астора, Пендергаст, д’Агоста и Марго Грин встретились на ленче в знаменитом рыбном ресторане неподалеку от порта на Южной улице. Содержание их беседы осталось неизвестным, но, когда они выходили из дверей ресторана, на лице д’Агосты сияла широченная улыбка.

ОТ АВТОРОВ

Хотя все события и персонажи романа являются вымышленными, фон, на котором развертывается действие, вполне реален. В подземном пространстве под Манхэттеном действительно обитает большое число бездомных, известных как «тоннельные люди», или «люди-кроты». Они живут в лабиринте заброшенных путей, тоннелей, коллекторов и забытых платформ под Пенсильванским вокзалом, вокзалом Гранд-Централ и в других подземельях города. Под Гранд-Централ существует множество уровней, где рождаются, живут и умирают люди. Тоннели Астора существуют на самом деле, хотя и под иным названием. Впрочем, в реальности они, естественно, не столь грандиозны. Подробных карт подземных лабиринтов не существует, подземелья практически не изучены и часто являются территорией враждебной и опасной.

Авторы весьма благодарны Дженнифер Тот, чья книга «Люди-кроты» послужила им великолепным путеводителем по подземному Манхэттену. Благодарим мы и Аккру Шепп за знания, полученные нами об этой *subterra incognita* .

Примечания

1

Спокойно, спокойно (фр.).

2

Понимаете? (нем.)

3

с вином (фр.).

4

говорите по-испански (исп.).

5

Крупная мышь на вертеле (фр.).